

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2018

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Санкт-Петербург
2019

УДК 328; 94(4)

ББК 67.400.6

Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета международной научной
конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ им. А.И. Герцена,
члена научно-методического совета
Центра истории парламентаризма
А.Б. Николаева

Рецензенты: Н.Н. Смирнов, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Истории революций и общественного движения России СПб ИИ РАН; А.С. Пученков, доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ.

Т 13

Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г. : Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. — СПб.: Астерион, 2019. — Ч. 1. — 270 с.

ISBN 978-5-00045-796-2

ISBN 978-5-00045-797-9 (Часть 1)

ББК 67.400.6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
Государств — участников СНГ, 2019

ISBN 978-5-00045-796-2

ISBN 978-5-00045-797-9 (Часть 1)

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЕВ А.Б. Предисловие	6
ОСИПОВ Ю.Л. Приветственное слово участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2018» от МПА СНГ	10

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

ДЁМИН В.А. Учреждение Государственной думы 1906 г.: пробелы и противоречия	13
--	----

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ДМИТРИЕВА Н.В. Национальные окраины в теории и практике конституционных демократов в период выборов в I Государственную думу	24
ПАТРИКЕЕВА О.А. Партия правового порядка на выборах в I и II Государственную думу Российской империи: поиски союзников в предвыборной борьбе	30
СОРОКИН А.А. Выборы во II Государственную думу Российской империи в оценках общественности (по материалам периодической печати)	35
ЕГОРОВ А.Н. Административное воздействие на выборы депутатов во II Государственную думу (по материалам Новгородской губернии)	39
ТИМОХИНА Д.А. «Первая курия — курия октябристская»: к истории дополнительных выборов в III Государственную думу по 1-й курии г. Санкт-Петербурга	47

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ В 1906–1917 ГГ.: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

БАХТУРИНА А.Ю. Дискуссии 1906–1910 гг. об участии депутатов от Великого княжества Финляндского в работе Государственной думы и Государственного совета	55
ЮРКОВСКИЙ Р.Я. Борьба польских членов Государственного совета с проектом изменений избирательного закона в Госсовет в 1909 году	62

ОРЧАКОВА Л.Г. Законодательная деятельность Третьей Государственной думы в сфере образования (1907–1912).....	74
АФАНАСЬЕВ Г.Ю. Политика принудительного оздоровления столиц: парламентские практики в решении санитарно-экологических проблем Лондона и Санкт-Петербурга XIX — начала XX в.....	80
МОТОРОВА Н.С. Обсуждение в Государственной думе и Государственном совете вопроса о проведении земской реформы в западных губерниях	92
ИВАНОВ А.А. Переселенческая политика Российской империи в оценках правых депутатов III Государственной думы	102
СЕДОВА Я.А. Запросы о деятельности епископа Гермогена (Долганева) и иеромонаха Илиодора (Труфанова) в III Государственной думе	109
РЯБУХИН И.В. Авторитет как аргумент: к вопросу о влиянии депутатов Государственной думы Российской империи на принятие решений через дебаты в общем собрании	114
КИРЬЯНОВ И.К., КОРНИЕНКО С.И., СЕНИНА А.В. Парламентская активность когорты депутатов Государственной думы с повторяющимся статусом, 1907–1917.....	119
ГАЙДА Ф.А. Проблемы формирования большинства в IV Государственной думе: от децентрализации к «штурму власти» (1912–1917)	125
ЛУКОЯНОВ И.В. Русская национальная фракция, 1915–1917 гг.	133
МИЧУРИН А.Н. Государственный совет в период кризиса политической системы Российской империи в конце 1915 г.	143
ЗЛАТИНА М.А. Круг проблем, обсуждавшихся членами Государственного совета и Государственной думы на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев (сентябрь — октябрь 1915 г.)	152
РАСКИН Д.И. Вопрос о положении военнопленных в России в Комиссии по военным и морским делам Государственной думы	162
МАМАЕВ А.В. Государственная дума и вопросы развития экономики Туркестана в преддверии революции 1917 г.	169
НИКОЛАЕВ А.Б. Временный комитет Государственной думы 1–10 апреля 1917 года: хроника заседаний	177
ЦИУНЧУК Р.А. Доклад Ахмеда Цаликова на 2-м Всероссийском мусульманском съезде и речь в первом заседании Всероссийского Учредительного собрания как источники по истории мусульманской фракции Государственной думы.....	192

**ОБЩЕСТВО. ПРАВИТЕЛЬСТВО.
ПАРЛАМЕНТ (1906–1917)**

НОВОСЕЛЬСКИЙ С.С. Проекты народного представительства в 1905 г.: неославянофильская альтернатива	199
АРОНОВ Д.В. Либеральная модель реформирования России начала XX в.: теория и практика	208
СОЛОВЬЕВ К.А. Октябризм. Программатика vs прагматика	215
ПОРТНЯГИНА Н.А. П.А. Столыпин и А. Николсон: беседы о русском парламенте (1906–1907 гг.).....	224
МАНЬКОВ А.В. Местные организации партии социалистов-революционеров и II Государственная дума Российской империи (на материалах Среднего Поволжья)	232
ОМЕЛЬЯНЧУК И.В. Правые и третьеиюньский государственный переворот	242
ГАВРОЕВА Е.С. Государственная дума и Первая мировая война (по материалам «писем во власть»).....	250
ЕВДОКИМОВ А.В. Конфликт между военным министром В.А. Сухомлиновым и лидером октябристов А.И. Гучковым (1909–1917 гг.)	256
МАЛЫШЕВА О.Г. Проект Думы, которой не было: чиновники о V Государственной думе	263

ПРЕДИСЛОВИЕ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории РГПУ,
член НМС при Центре истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Аннотация: В статье рассказывается о подготовке международной научной конференции «Таврические чтения», прошедшей 6–7 декабря 2018 г., а также дана краткая характеристика сборника «Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность».

Ключевые слова: Центр истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ, «Таврические чтения».

6–7 декабря 2018 года в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге прошла двенадцатая международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2018»). По итогам каждой из них выходят сборники научных статей, которые индексируются в РИНЦ. Заметим, что они востребованы учеными. Так, в РИНЦе на 14 сентября 2019 выявлено 440 цитирований «Таврических чтений» за все время их издания (2008–2018).

Организатором «Таврических чтений 2018» выступил Центр истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ. В состав оргкомитета вошли директор Центра истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ Л.А. Крохина (председатель); доктор исторических наук, профессор, начальник отдела обеспечения модельного законоотворчества в социально-гуманитарной сфере экспертно-аналитического управления Секретариата Совета МПА СНГ, председатель НМС при Центре истории парламентаризма К.А. Пшенко (заместитель председателя); доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, член НМС при Центре истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ А.Б. Николаев (заместитель председателя); кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН С.В. Куликов; доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН И.В. Лукоянов; доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета О.А. Патрикеева и кандидат исторических наук, доцент СПб ИИ СПбГУ Е.А. Тарасова. Кроме этого, была создана рабочая группа для решения технических вопросов подготовки конференции в составе: советник Центра истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ Н.Д. Алексеева и специалист-эксперт Центра истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ Т.В. Болдышева.

Оргкомитет конференции провел два заседания совместно с рабочей группой — 4 июня и 8 ноября 2018 г. На первом заседании был разработан план подготовки конференции, сформулированы научные проблемы для обсуждения, намечены темы дискуссий, решено провести презентации новых изданий по теме конференции, утвержден текст информационного письма. Информация о международной научной конференции «Таврические чтения 2018» была опубликована на различных сайтах в Интернете¹. На втором заседании оргкомитет рассмотрел заявки на конференцию и утвердил их, наметил доклады на пленарном заседании, назначил руководителей секций и дискуссий, а также утвердил список книг для презентации. Рабочая группа составила программу конференции, в которую был включен 81 доклад.

Конференция открылась в Таврическом дворце 6 декабря 2018 года пленарным заседанием, в ходе которого ее участники выслушали приветствие Генерального секретаря Совета МПА СНГ Ю.Л. Осипова и шесть научных докладов.

После пленарного заседания состоялась дискуссия на тему «Либералы о переустройстве Российской империи: теория и практика»². В дальнейшем работа «Таврических чтений» проходила по семи секциям, которые работали параллельно: первая из них была посвящена истории выборов в Государственную думу Российской империи³, вторая секция, разбитая на три подсекции, был посвящена деятельности Государственной думы и Государственного совета в 1906–1917 гг.⁴, третья секция занималась парламентской биографией⁵; в четвертой секции обсуждали проблемы

¹ Таврические чтения 2018 / Центр истории парламентаризма МПА СНГ [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://parlament-history.ru/%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-2018/>; Международная научная конференция «Таврические чтения — 2018» / 6–7 декабря / Мероприятия МПА // Межпарламентская Ассамблея Государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://iacis.ru/activities/events/sekretariat_mpa_sng/mezhdunarodnaya_nauchnaya_konferentsiya_tavricheskie_chteniya_2018/; XII международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2018») // ПроКонференции.РФ [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://xn--e1aajagscdbhl4c6a.xn--p1ai/events/taurian-readings-2018/>; Санкт-Петербург: Международная научная конференция «Таврические чтения — 2018» // Молодежное информационное агентство «МИР» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://xn--80apbncz.xn--p1ai/obschestvo/43651>

² Модератор: А.А. Иванов. 1 зал.

³ Руководители: А.Н. Егоров, А.А. Сорокин. Помещение 135.

⁴ 1 подсекция, руководители: С.В. Куликов, Р.Я. Юрковский. 20 зал; 2 подсекция, руководители: В.А. Демин, Р.А. Циунчук. 9 зал; 3 подсекция, руководители: И.В. Лукоянов, А.Б. Николаев. 1 зал.

⁵ Руководители: Е.А. Беседина, Д.С. Лавринович. Помещение 134.

взаимоотношений общества, правительства и Государственной думы в 1906–1917 гг.¹; участники пятой секции заслушали доклады, посвященные Всероссийскому Учредительному собранию²; шестая секция изучала актуальные проблемы развития парламентаризма в странах СНГ³; на седьмой секции рассматривались проблемы истории зарубежного парламентаризма⁴.

Второй день конференции, 7 декабря 2018 г., открылся презентацией воспоминаний депутата IV Государственной думы, комиссара ВКГД в МПС А.А. Бубликова⁵. Книгу представил А.С. Сенин.

Вслед за этим состоялась дискуссия на тему «А.И. Гучков — „великий магистр революции“?»⁶. Подчеркнем, что среди ее участников — авторы книг, посвященных А.И. Гучкову⁷, собрать которых вместе в 2017 году не удалось. Я.А. Седова позднее вспоминала о дискуссии, называя ее «круглым столом»: «Круглый стол вышел очень интересным. А.Б. Николаев осуществил свою мечту — собрать вместе всех гучковедов. Сам он, как я и ожидала, доказывал, что раз Дума руководила революцией, то, значит, и Гучков»⁸. С этим утверждением Я.А. Седовой можно согласиться, уточнив, что Гучков в решающие дни Февраля 1917 года работал на центр революции и штаб восстания, которые сложились в Государственной думе, председателем которой был М.В. Родзянко!

После дискуссии прошла презентация ряда изданий. А.А. Иванов представил свою монографию «Дело чести»⁹, а А.Н. Чемакин — монографии, посвященные русским национал-демократам в 1864–1914 гг.¹⁰ и в 1914 — нач. 1920-х гг.¹¹, а также два тома воспоминаний депутата IV Государственной думы В.В. Шульгина¹². Презентации книг, прошедшие в ходе конфе-

¹ Руководители: И.В. Омелянчук, К.А. Соловьев. 6 зал.

² Руководители: В.В. Калашников, Ф.А. Селезнев. 14 зал.

³ Руководители: К.А. Пшенко, Е.А. Тарасова. 16 зал.

⁴ Руководители: С.И. Бугашев, Д.И. Портнягин. Читальный зал.

⁵ Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника / предисл., аннот. указ. имен А.С. Сенина. М., 2018.

⁶ Модератор: А.Б. Николаев. 1 зал.

⁷ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996; Седова Я. Великий магистр революции. М., 2006; Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015.

⁸ Седова Я.А. О «Таврических чтениях» с моего фейсбука [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://yanasedova.livejournal.com/99379.html>

⁹ Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018.

¹⁰ Чемакин А.А. Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы / Науч. ред. А.А. Иванов. СПб., 2018.

¹¹ Чемакин А.А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 — начало 1920-х годов / / Науч. ред. А.А. Иванов. СПб., 2018.

¹² Шульгин В. 1919 год: В 2-х т. / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А.А. Чемакин. М., 2018.

ренности, подчеркивают ее просветительское значение, важность которого возрастает, т.к. среди гостей конференции были десятки студентов различных вузов Санкт-Петербурга.

В этот же день параллельно заседали все семь секций, начавших свою работу 6 декабря 2018 года. Итоги конференции были подведены на заключительном заседании, в ходе которого выступили модераторы дискуссий и руководители секций, которые поделились своими впечатлениями и дали высокую оценку как докладам, так и организации конференции.

Информация о прошедшей конференции размещена на сайтах в Интернете¹. Студенты факультета истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена написали в своей газете «Двадцатый корпус» о «Таврических чтениях»², участие в которых стало уже для них традицией.

Всего в конференции приняли участие ученые из 13 городов России, а также исследователи из Белоруссии и Польши. Авторы докладов, прочитанных на конференции, переработали их в статьи, которые и публикуются в сборнике «Таврические чтения 2018». Несомненно, что и он привлечет внимание как специалистов, так и всех, интересующихся историей парламентаризма.

14 сентября 2019 г.

¹ Седова Я.А. О «Таврических чтениях» с моего фейсбука [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://yanasedova.livejournal.com/99379.html>; Ф.А. Гайда — участник научной конференции «Таврические чтения — 2018» // Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/departments/8823/news/46408/>; XII ежегодная международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения») / Конференции, форумы, семинары, круглые столы // Гуманитарный факультет ГУАП [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://hf-guap.ru/2018/12/07/xii-ezhegodnaya-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-aktualnye-problemy-parlamentarizma-istoriya-i-sovremennost-tavricheskie-chteniya/>; Сотрудники ИМОМИ приняли участие в «Таврических чтениях» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.imomi.unn.ru/about/press-tsentr/news/1655-sotrudniki-imomi-prinyali-uchastie-v-tavricheskikh-chteniyakh-2018>

² Барковская А. Традиция «Таврических чтений» // Двадцатый корпус. 2019. Февраль. № 147. С. 2.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТАВРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ 2018» ОТ МПА СНГ

ОСИПОВ ЮРИЙ ЛЬВОВИЧ,
Генеральный секретарь Совета
Межпарламентской Ассамблеи Государств — участников
Содружества Независимых Государств,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: kanz@iacis.ru

Аннотация: Приветственное слово Генерального секретаря Совета МПА СНГ Ю.Л. Осипова к участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2018».

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, Таврический дворец, МПА СНГ, Центр истории парламентаризма, «Таврические чтения».

Доброе утро, уважаемые участники международной научной конференции «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения-2018»).

Позвольте от имени Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств сердечно приветствовать Вас в Думском зале Таврического дворца, где работал первый российский парламент, а сейчас находится штаб-квартира МПА СНГ.

Тема сегодняшней конференции, несомненно, актуальна и важна. Она, безусловно, внесет свой определенный вклад в изучение истории становления парламентаризма в России и других странах Содружества.

Без знания истории того, что делали и чего добились наши предшественники, жить нельзя. Как говорили античные философы: «не обернувшись назад, не поймешь, что делать впереди».

Очень важно, что конференция проходит в Таврическом дворце.

В залах дворца поневоле проникаешься особым отношением к истории, и не только к тем событиям, которые когда-то происходили в этих стенах, но и к современным событиям, свидетелями которых мы являемся и которые на наших глазах становятся историей.

После распада СССР и создания Содружества Независимых Государств Таврический дворец стал штаб-квартирой МПА СНГ. За годы своей работы наша организация стала авторитетной международной структурой.

В этом историческом зале Межпарламентской ассамблеей рассмотрено и принято более 500 модельных законодательных актов, которые

сегодня составляют основу национальных законодательств государств Содружества. Эти документы позволили сблизить, гармонизировать национальные законодательства и, самое главное, сделать так, чтобы они отвечали самым высоким мировым правовым стандартам.

Другим важным направлением работы Межпарламентской Ассамблеи является проведение различных конгрессов, форумов, конференций разнообразной тематики. Это обусловлено стремлением Ассамблеи постоянно совершенствовать свою деятельность, поддерживая мероприятия, имеющие целью выявление и выдвижение различных законодательных инициатив, изучение различных аспектов становления и развития парламентаризма в современной истории Содружества Независимых Государств.

Сегодняшняя конференция, несомненно, вписывается в это направление работы Ассамблеи.

Уверен, что «Таврические чтения 2018» пройдут успешно и вызовут большой интерес. Ученые из 18 городов России, а также из Белоруссии, Германии и Польши примут участие в работе пленарного заседания, дискуссионных площадок и секций конференций. Как всегда, что особенно приятно, будут работать и молодежные секции.

Убежден, что сегодняшняя конференция будет также содействовать сохранению и развитию лучших традиций парламентаризма стран СНГ и обогатит наши знания о противоречивом процессе его становления. Материалы конференции будут востребованы депутатами, историками, политиками, специалистами, преподавателями и студентам вузов, всеми, кого интересует история. Безусловно, каждое поколение создает свою историю, идя от собственного опыта и ценностных ориентиров. Главное, чтобы конфликт версий прошлого не становился орудием непреодолимого противостояния. На мой взгляд, уроки прошлого необходимо усвоить — не с позиций установления, кто прав, кто виноват, а с позиций того, что наша общая история — непрерывна, и она включает в себя разные периоды.

В рамках Межпарламентской Ассамблеи СНГ уже 12 лет действует Центр истории парламентаризма. При центре создан научно-методический совет, в состав которого входят ведущие ученые в области истории парламентаризма. Особенно приятно, что высокую оценку в научной среде получают ежегодные сборники статей «Таврические чтения». Они широко известны в России и за ее пределами, с ними можно ознакомиться в парламентских и университетских библиотеках России, а также в других странах Содружества и некоторых других зарубежных странах.

Я благодарен всем, кто приехал к нам на конференцию. Особо хотел бы выделить присутствие здесь в Думском зале большого количества студентов санкт-петербургских вузов. Мне очень приятно видеть умные, добрые и светлые молодые лица и горящие глаза. Уверен, что полученные сегодня знания помогут молодым участникам Таврических чтений

лучше понять историю становления и развития парламентаризма. Ведь именно им предстоит в будущем строить и развивать будущую Россию и Содружество Независимых Государств, используя опыт предшественников и исторические уроки.

Мы всегда поддерживали и будем поддерживать традицию международных научных конференций «Таврические чтения», проводимых в нашем дворце, являющимся символом российского парламентаризма и парламентаризма стран Содружества. Эти конференции способствуют не только развитию исторической науки, но и укреплению научных связей и взаимопонимания между историками и политиками государств — участников СНГ, приобщению студентов к научно-исследовательской работе, популяризации истории парламентаризма.

Убежден, что начинающаяся конференция будет содействовать развитию лучших традиций российской и зарубежной исторической школы и обогатит наши знания о противоречивом процессе становления парламентаризма в России, странах Содружества и других странах мира.

Желаю участникам «Таврических чтений 2018» плодотворных дискуссий, интересных встреч и творческих достижений.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

УЧРЕЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 1906 г.: ПРОБЕЛЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

ДЁМИН ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН;
e-mail: vadime_demine@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена пробелам и противоречиям Учреждения Государственной думы 20 февраля 1906 г. Оно составлялось и рассматривалось только в среде высшей бюрократии. При этом основное внимание уделялось политическим вопросам. В результате техническая сторона преобразования не была рассмотрена должным образом. При учреждении Думы оказалось много пробелов, противоречий и недостаточно продуманных постановлений. Неясность и противоречивость законодательства вели к конфликтам правительства и Думы. Итоги конфликтов были разными. В большинстве случаев Думе удавалось настоять на своем мнении. Таким образом, в России начала XX в. имело место медленное расширение полномочий представительной власти путем толкования законодательства.

Ключевые слова: Государственная дума, Учреждение Государственной думы, законодательная инициатива, статус депутатов, согласительная процедура.

Как известно, в основе Учреждения (т.е. положения) Государственной думы 20 февраля 1906 г. лежало Учреждение «булыгинской» Думы, изданное 6 августа 1905 г. Этот документ разрабатывался чисто бюрократически и притом келейно. В частности, после составления проекта от имени МВД помощником начальника главного управления местного хозяйства С.Е. Крыжановским (опытным и знающим юристом, но по понятным причинам знакомым с парламентским правом лишь теоретически) и его одобрения (с поправками) Советом министров председательствующий в нем и в Государственном совете гр. Д.М. Сольский предложил императору не вносить проект в Государственный совет для ускорения преобразования, а также устранения требований об участии «общественности» в обсуждении¹.

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 38. Продолжение 3. ЛЛ. 352–353.

Такое предложение явно противоречило изданному примерно за месяц до этого закону 6 июня 1905 г. об устранении отступлений в порядке издания законов, согласно которому «издание новых законов... происходит не иначе как в законодательном порядке, установленном основными государственными законами», т.е. через Государственный совет¹. Тем не менее оно было одобрено Николаем II. Окончательное обсуждение дело имело место в 5 заседаниях Петергофского особого совещания под председательством императора. Эта чрезвычайная законосовещательная коллегия была довольно многочисленной (47 участников), действовала без подготовительных органов и (как и Совет министров) рассматривала исключительно политическую сторону реформы.

Решение об устранении Государственного совета от рассмотрения преобразований стало прецедентом, последующие основополагающие законы 1905–1906 гг. о преобразовании государственного строя рассматривались особыми совещаниями под председательством императора, а второстепенные (в т.ч. относительно) — бюрократическими комиссиями.

В частности, после издания манифеста 17 октября переработка положения о Думе велась аналогично его разработке. Новый проект был составлен Крыжановским, рассмотрен совещанием председателя Государственного совета гр. Сольского из министров (либо их товарищей) и нескольких членов Совета и окончательно утвержден на II Царскосельском совещании под председательством императора, в 2 заседаниях которого участвовало, кроме председателя, 36 сановников.

Такое положение вело к крайне недостаточному вниманию к технической стороне законодательных актов. Такое положение было усугублено изданием большого числа законов о реформе государственного строя, многие из которых касались Государственной думы. Не все из них оказались согласованы с ее Учреждением. Все это привело к тому, что в нем оказалось много пробелов, противоречий и недостаточно продуманных постановлений.

Предлагаемая статья посвящена тем недочетам, которые так или иначе проявились на практике и получили или могли получить политическое значение.

Первый пробел присутствует уже в ст. 2 Учреждения. Она гласит: «Государственная дума состоит из членов, избираемых населением Российской империи на пять лет на основаниях, указанных в Положении о выборах в Государственную думу». Это постановление, дословно повторяющее Учреждение 6 августа, является единственным указанием в законах на срок окончания полномочий Думы. При этом первоначально планировалось, что все депутаты будут избираться одновременно, что было зафиксировано в ст. 34 Правил 18 сентября 1905 г. о применении и введении в действие Учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Государственную думу². Однако из-за запоздания

¹ Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. М., 2010. С. 66; Свод Основных государственных законов, издания 1892 г. Ст. 50.

² ПСЗ-З. Т. 25. СПб., 1908. № 26721. С. 690.

законов о выборах на окраинах и беспорядков в ряде местностей выполнение этого правила привело бы к затяжке выборов. Поэтому 12 февраля 1906 г. последовал указ об изменении правил относительно назначения сроков открытия губернских и областных избирательных собраний, допустивший выборы в различных губерниях и городах в разное время¹.

Таким образом, из статьи 2 Учреждения Думы следовало, что полномочия депутатов Думы будут заканчиваться постепенно, и в течение нескольких недель она будет работать в усеченном составе. Это было очевидно неприемлемым, и досрочный роспуск Думы императорским указом из чрезвычайного превратился в нормальный способ окончания ее полномочий. Все три прекратившие существование до 1917 г. созыва палаты были распущены.

Статья 62 Учреждения Думы устанавливала, что ее регламент (Наказ), устанавливающий подробности внутреннего распорядка, полномочия думского Сопещения (президиума), а также обязанности канцелярии и приставской части Думы, публикуется Сенатом. Аналогичное постановление имелось и в Учреждении Государственного совета. При этом полномочия Сената и последствия отказа в публикации не указывались. Сенат начал проверять законность наказов и отказывать в официальной публикации в случае расхождений с законом, хотя законодательные палаты как высшие государственные учреждения не были, в отличие от администрации, ему подконтрольны («подчинены»). Совет признал действия Сената правильными и изъял из своего Наказа признанные незаконными постановления.

Дума сочла себя вправе рассматривать соображения Сената по существу и редактировать Наказ лишь в случае согласия с ними. В результате ее Наказ до 1917 г. так и не был официально опубликован. Это не мешало палате принимать его к руководству особым постановлением вскоре после созыва и следовать ему. Думский наказ также не касался обязанностей канцелярии и приставов.

Другое непродуманное положение законодательства было связано с порядком открытия Думы. В ее Учреждении соответствующий вопрос не ставился; Наказ, как отмечалось, не действовал до постановления Думы о принятии его к руководству. Поэтому при открытии всех четырех созывов применялась ст. 51 упомянутых правил 18 сентября 1905 г., составленных для первоначального созыва «булыгинской» Думы. Это постановление предусматривало открытие Думы лицом по назначению императора (неизменно назначался вице-председатель Государственного совета), подписание депутатами торжественного обещания и немедленные выборы председателя. Такие правила соответствовали положению совещательной Думы, правильность выборов в которую проверял Сенат, однако по Учреждению 20 февраля 1906 г. проверка депутатских полномочий стала осуществляться самой Думой. Соответственно было бы логичней избирать председателя после такой проверки.

Не вполне ясной была ст. 9 Учреждения Думы, гласившая: «Председатель Государственной думы и два его товарища избираются Думой

¹ Там же. Т. 26. СПб., 1909. № 27388. С. 118–119.

из числа ее членов на год, по истечении коего те же лица могут быть вновь избираемы. Председатель, кроме указанного в статье 3 случая¹, исполняет свои обязанности впредь до выбора нового председателя. Избранный на последний год пятилетия (ст. 2) председатель исполняет свои обязанности до окончания пятилетия. В случае отсутствия председателя его обязанности исполняет один из его товарищей, постановлением Думы к тому назначенный».

Во-первых, отсутствовало указание на срок полномочий председателя и его товарища, избранного вместо досрочно сложившего полномочия предшественника. Из буквального текста следовало, что выборы всегда происходят на полный год. Однако более удобными представлялись выборы на срок полномочий предшественника с перевыборами президиума в начале каждой сессии. Именно так и сложилось на практике. Оба избранных в середине сессии председателя III Думы слагали полномочия в конце сессии или начале следующей и переизбирались на год. В случае с товарищами председателя перевыборы автоматически проводились в начале сессии².

Во-вторых, было непонятно положение второго товарища председателя, не назначенного Думой заменять председателя. В I и II Думах вторыми товарищами председателя были избраны довольно случайные депутаты, фактически не входившие в руководство палаты и почти не председательствовавшие в ее общем собрании³. В III Думе в 1907–1910 гг. товарищи председателя не сильно уступали шефу по политическому весу, и оба стали вести заседания Думы. В воспоминаниях начальника общего отдела думской канцелярии Я.В. Глинки описывается конфликт председателя Н.А. Хомякова с его товарищами кн. В.М. Волконским и С.И. Шидловским о председательстве в предстоящих заседаниях⁴. В IV Думе также председательствовали в общем собрании как председатель, так и оба его товарища. В докладе ее комиссии по Наказу отмечалось, что второй товарищ председателя «не имел бы прав на такое наименование, если бы никогда и ни при каких условиях не мог занять председательского места»⁵. Старшинство понималось главным образом как исполнение обязанности председателя после его досрочной отставки или во время его отпуска и руководство заседаниями думского Сопения (президиума) в отсутствие председателя.

Постановления Учреждения Думы об ее секретариате также оказались не вполне продуманными. Статья 24 устанавливала, что «секретарь

¹ Ропуска Думы.

² Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 1. СПб., 1912. С. 58.

³ В I Думе Н.А. Гредескул не председательствовал ни разу (Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. 1906 г. СПб., 1907. С. 227), во второй М.Е. Березин руководил одним заседанием и заключительными 12 минутами другого (Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. СПб., 1907. С. 320–322).

⁴ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. СПб., 2001. С. 56.

⁵ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв 4-й. Сессия 1. Вып. 4. СПб., 1913. Печатный материал № 379. С. 16.

Государственной думы и его товарищи избираются Думою из числа ее членов на пять лет (ст. 2) и исполняют свои обязанности впредь до выбора секретаря и его товарищей новым составом Думы». В статье 12 говорилось, что «для соображений общих, возникающих относительно деятельности Государственной думы, вопросов под председательством ее председателя состоит Совецание, в состав коего входят товарищи председателя Думы, а равно секретарь Думы и один из его товарищей, постановлением Думы к тому назначенный».

Спорным оказался вопрос о сроке полномочий члена Совецания из товарищей секретаря (старшего товарища), которых было 5 или 6. По достигнутому в начале работы III Думы соглашению октябристов и правых старшим товарищем секретаря стал правый Г.Г. Замысловский. Первоначально подразумевалось, что он избран таковым на все 5 лет, и в 1908 г. вопрос о перебаллотировке никем не поднимался. Однако конфликтность Замысловского вызвала желание октябристов убрать его из думского президиума. Наказ 1909 г. ввел ежегодные перевыборы члена Совецания из товарищей секретаря. Этому постановлению была дана обратная сила, и такие выборы стали проводиться с 1909 г.

Спорным был вопрос о порядке замещения старшего остальными товарищами секретаря. Упомянутый Наказ 1909 г. предоставлял определить этот порядок соглашению между товарищами. Сенат признал это постановление противоречащим закону, и думский Наказ 1914 г. установил определение этой очередности постановлением Думы.

Не очень продуманными оказались и постановления об основных обязанностях думского секретариата. На секретаря и его товарищей возлагалось управление думской канцелярией (ст. 24 Учреждения). Первоначально в составленном весной 1905 г. проекте МВД предполагалось назначение секретаря Думы императором по предложению ее председателя, однако при его обсуждении Николай II решил во избежание личных конфликтов с Думой или неприятных уступок ей не принимать на себя такие обязанности и предоставить самой Думе избрание ее должностных лиц.

В случае с секретарем это оказалось малоудачным решением: аппаратная работа оказалась возложена на никому не подчиненного и не ответственного депутата, избранного в Думу для проведения известной политической линии. Тем не менее при I и II Думах секретари, принадлежащие к видным членам занимавшей руководящее положение кадетской партии, так или иначе брали канцелярию по свой контроль. Однако представлявшие различные фракции товарищи секретаря уже тогда не имели отношения к руководству думским аппаратом¹.

В III Думе секретарем был избран правый И.П. Созонович, не имевший канцелярского опыта профессор филологии. Поэтому канцелярией стал руководить прикомандированный к Думе старший делопроизводитель государственной канцелярии Я.В. Глинка. Совецание Думы предположительно закрепило такое положение, включив в проект штата должность

¹ См. подробн.: Дёмин В.А. Государственная дума России (1906–1914): Дис. ... к. ист. н. М., 1996. С. 375–378.

директора канцелярии, осуществляющего непосредственное руководство ее и оставляющего за думским секретарем «главное руководство».

Общее собрание Думы правомочным большинством против октябристов приняло поправку об исключении этой должности. Высшими чинами канцелярии стали 3 начальника отделов, формально подчиненные секретарю и подконтрольные Совещению Думы. Тем не менее ставшему начальником отдела общего собрания и общих дел Глинке было поручено руководство производством дел, имеющим «общее значение» для всей канцелярии¹, и именно он, а не думские секретари, фактически оставался ее руководителем до 1917 г.

Рабочим органам Думы были посвящены ст. 5 и 6 ее Учреждения. Они гласили: «Государственная дума может для предварительной разработки подлежащих ее рассмотрению дел образовывать из своей среды отделы и комиссии» (ст. 5) и «Число отделов и комиссий, их состав, а также предметы их ведомства устанавливаются Государственной думой» (ст. 6). При этом ничего не говорилось о возможности или невозможности создания следственных (анкетных) комиссий. Первая комиссия такого рода была создана I Думой для расследования на месте Белостокского погрома. Она не получила официального статуса и действовала частным порядком. Тем не менее в манифесте о роспуске Думы она обвинялась в т.ч. в том, что «выборные от населения вместо работы строительства законодательного уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас властей»². При рассмотрении Наказа 1909 г. Сенат признал незаконным постановление о праве Думы создавать комиссии для исследования «особо важных нарушений закона или злоупотреблений» при выборах³.

Однако в законе запрета создания следственных комиссий не было, и в докладе комиссии IV Думы по Наказу следственные комиссии объявлялись вполне законными⁴. В августе 1915 г. по предложению кадетов и трудовиков была избрана комиссия о мерах к прекращению ненормального вздорожания предметов первой необходимости для изучения причин повышения цен и подготовки мер по борьбе с этим явлением. Комиссия провела всего несколько заседаний и не представила ни одного доклада⁵.

Комиссии III и IV Дум по запросам также пытались проводить частные расследования по указанным в соответствующих заявлениях фактах, однако делали это в основном путем неофициальных справок в соответствующих ведомствах, поэтому протестов правительства такая практика не вызывала⁶.

¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 1. С. 156–157.

² Законодательные акты переходного времени. С. 341.

³ Наказ Государственной думы. СПб., 1912. С. 10.

⁴ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв 4-й. Сессия 1. Вып. 4. СПб., 1913. Печатный материал № 379. С. 27–28.

⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия 4. Обзор деятельности комиссий и отделов. Пг., 1916.

⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. I. Стб. 1826, 1830, 1907 и др.

Спорным оказался вопрос о приглашении в заседания думских комиссий экспертов. Учреждение Думы (ст. 42) запрещало присутствие на их заседаниях «посторонних лиц» и представителей печати. I Дума сочла это постановление относящимся к публике и включила в свой вариант Наказа соответствующее право. Сенат в 1906 г. признал его законным. Однако после созыва II Думы обратного мнения стало придерживаться правительство. Подчиненная министру внутренних дел охрана Таврического дворца стала не пропускать приглашенных комиссиями экспертов в здание Думы.

III Дума тем не менее включила постановление о приглашении «сведущих лиц» в комиссии в думский Наказ 1909 г. Сенат при рассмотрении Наказа 1909 г. согласился с правительством. Думским комиссиям при желании выслушать неправительственных экспертов приходилось проводить частные совещания вне Таврического дворца.

Спорным оказалось и толкование ст. 40 Учреждения Государственной думы, гласившего: «Государственная Дума может обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел. Министры и главноуправляющие имеют право отказаться от сообщения Думе разъяснений по таким предметам, кои по соображениям государственного порядка не подлежат оглашению. Равным образом министры и главноуправляющие должны быть выслушаны в заседаниях Думы каждый раз, когда они о том заявят».

I Дума сочла, что эта статья относится не только к общему собранию, но и к думским комиссиям. Ее Наказ предусматривал их право обязывать министров или заменяющих их чиновников представлять нужные объяснения. После протеста Сената Наказ III Думы предоставил комиссиям право сообщать через секретаря о необходимости получить объяснения или (и) документы. Сенат опротестовал это решение по прежним основаниям¹.

Крайне неудачными оказались постановления Учреждения Государственной думы о порядке осуществления думской законодательной инициативы. Соответствующие статьи гласили следующее: «55. Об отмене или изменении действующего или издании нового закона члены Государственной думы подают письменное заявление ее председателю. К заявлению об изменении действующего или издании нового закона должен быть приложен проект основных положений предлагаемого изменения в законе или нового закона с объяснительною к проекту запиской. Если заявление это подписано не менее чем тридцатью членами, то председатель вносит его на рассмотрение Думы...».

57. Если Государственная дума разделяет изложенные в заявлении соображения о желательности отмены или изменения действующего или издания нового закона, то соответствующий законопроект вырабатывается и вносится в Думу подлежащим министром либо главноуправляющим отдельною частью. В случае отказа министра или главноуправляющего от составления такого законопроекта Думою может быть образована для его выработки комиссия из своей среды».

¹ Наказ Государственной думы. СПб., 1912. С. 19.

Во-первых, было не вполне ясно, что именно Дума признает желательным: основные принципы («соображения»), его некоторые положения или необходимость пересмотра действующего законодательства. На практике думское большинство могло руководствоваться всеми трактовками. Во-вторых, в статье 57 буква закона явно противоречила его духу. С одной стороны, Дума могла самостоятельно разрабатывать законопроекты при несогласии правительства, с другой — министр мог согласиться на разработку и по разным причинам отложить ее на неопределенное время, парализуя тем самым думскую инициативу.

Дума сделала естественный выбор в пользу духа закона. Ее Наказ с 1907 г. предусматривал право палаты поручать комиссиям параллельную разработку проектов при согласии на нее министра. Правительство протестовало против такой разработки. Сенат объявил соответствующее постановление незаконным и в 1909, и в декабре 1916 г.¹ Тем не менее в 1911–1912 гг. несколько выработанных таким путем законопроектов (о праве земств и городов открывать аптеки без согласия действовавших аптек, о введении городского самоуправления в Новочеркасске и др.) были одобрены Думой и Государственным советом (признавшим неудобным проверять правильность думской процедуры) и утверждены императором. Сенат, с 1905 г. имевший формальное право отказывать в официальной публикации «законодательных постановлений», порядок издания которых не соответствовал Основным законам, эти законы опубликовал.

Недостаточно продуманными оказались постановления о согласительной процедуре, применяемой в случае разногласий Думы и Государственного совета. Она устанавливалась ст. 49 Учреждения Государственного совета 26 апреля 1906 г., гласившей: «В тех случаях, когда Государственный совет, не отклоняя одобренного Государственной думой законопроекта, признает необходимым внести в него изменения, дело для нового его рассмотрения может быть по постановлению Совета либо возвращено в Думу, либо передано в особую комиссию, образуемую из равного числа членов от Государственного совета и Государственной думы, по выбору Совета и Думы, по принадлежности. В комиссии председательствует один из ее членов по выбору самой комиссии. Из комиссии дело с ее заключением вносится в Государственную думу и получает дальнейшее движение в установленном порядке». В ст. 51 Учреждения Государственной думы содержалось аналогичное постановление о законопроектах, выработанных по инициативе верхней палаты.

Из текста указанных статей вытекало, что в случае внесения одной из палат поправок в согласительное предложение проект направляется «в установленном порядке», т.е. в другую палату. Однако в Государственном совете его председатель М.Г. Акимов в случае отклонения любого положения одобренного Думой по докладу согласительной комиссии проекта (впервые это имело место в феврале 1911 г.) при отсутствии возражений стал объявлять весь проект отклоненным. В 1912–1913 гг.

¹ Наказ Государственной думы. СПб., 1912. С. 23; Отказ в распубликовании думского наказа // Речь. 1916. 17 декабря.

такая практика вызвала критику кадетов в обеих палатах. Ораторы крупнейших групп Государственного совета (правых и центра) выступили в защиту его практики. Тем не менее с 1913 г. проекты III Думы, возвращенные верхней палатой в четвертую, в случае частичных разногласий передавались в согласительную комиссию и лишь при следующем рассмотрении Советом признавались отклоненными в случае его несогласия с любым их положением¹.

Не очень удачно были сформулированы постановления о думских запросах. Здесь имел место не столько недосмотр технического свойства, сколько проведение политических идей, несовместимых с основными принципами взаимоотношения монарха и представительной власти. Соответствующие статьи были составлены для «булыгинской» Думы (хотя и для нее были едва ли удачными) и не были пересмотрены в Учреждении 1906 г., несмотря на обещание манифеста 17 октября обеспечить «выборным от народа» «возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей»².

Учреждение Государственной думы (ст. 59) при рассмотрении запросов ставило не депутата vs. правительства (как в других странах), а Думу vs. правительства. Такое положение, во-первых, крайне затрудняло принятие срочных запросов, исходящих от далеких от руководства Думы фракций, во-вторых, ставило вопрос об арбитре в споре палаты и министра. По этому вопросу ст. 60 устанавливала: «Если Государственная дума большинством двух третей ее членов не признает возможным удовлетвориться сообщением министра или главноуправляющего отдельною частью (ст. 59), то дело представляется председателем Государственного совета на высочайшее благоволение».

Эта статья была в высокой степени неприемлемой для Думы по двум причинам. Во-первых, она ставила выше Думы не только монарха, но и главу верхней палаты, во-вторых, ее использование с высокой степенью вероятности привело бы к прямым конфликтам монарха и правительства, в то время как их исключение является одним из основных принципов конституционной монархии. Поэтому Дума ни разу не использовала ст. 60. Такая практика вызвала возражения Сената. В 1909 г. при рассмотрении Наказа III Думы он признал незаконным постановление о необходимости отдельного предложения о направлении дела монарху, утверждая, что оно должно иметь место автоматически в случае признания установленным большинством объяснений министра неудовлетворительными³. Дума с такой позицией не согласилась.

Наиболее непродуманными и противоречивыми оказались постановления Учреждения Государственной думы о статусе депутатов. Первое противоречие касалось безответственности депутатов. Его провозглаша-

¹ См. подробн.: Дёмин В.А. Согласительная процедура Государственной думы и Государственного совета Российской империи // Историк и его время. М., 2011. С. 343–344.

² Законодательные акты переходного времени. С. 136.

³ Наказ Государственной думы. СПб., 1912. С. 48.

ла в полном объеме ст. 14, в которой говорилось: «Члены Государственной думы пользуются полной свободой суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы, и не обязаны отчетом перед своими избирателями». В то же время в ст. 22 указывалось, что «члены Государственной думы за преступные деяния, свершенные при исполнении или по поводу исполнения обязанностей, лежащих на них по сему званию, привлекаются к ответственности в порядке и на основаниях, установленных для привлечения к ответственности высших чинов государственного управления...», т.е. императором по предложению первого департамента Государственного совета.

Между тем очевидно, что основные обязанности депутатов заключаются в высказывании суждений и мнений. Эти статьи толковались двояко. По мнению официальных правоведов (в частности, сенатора А.К. фон Резона), членам Думы «разрешалась свобода критики, но не свобода брани и оскорблений или свобода призыва к преступным деяниям»¹. Либеральные правоведы, напротив, придавали решающее значение ст. 14 и утверждали, что постановления о должностных преступлениях касаются голосования за взятку, подлогов в думских документах, казнокрадства и т.п.². Именно это толкование отстаивала Государственная дума.

Правительство формально придерживалось первой точки зрения. С 1908 г. имели место несколько обвинений депутатов в клевете; весной 1914 г. председатель социал-демократической фракции Н.С. Чхеидзе был обвинен в призыве к ниспровержению образа правления, т.е. в своей думской речи объявил республику наиболее подходящей для России формой правления. Однако эти действия властей вызывали крайнее недовольство Думы, и почти все дела (в т.ч. Чхеидзе) были прекращены монархом до суда, единственное дошедшее до него также было приостановлено³.

Неудачно отредактированным оказался п. 2 ст. 18 Учреждения Государственной думы. Она гласила: «Член Государственной думы выбывает из ее состава в случае: 1) утраты русского подданства; 2) утраты ценза, дающего право на участие в выборах; 3) поступления на действительную военную службу; 4) назначения по гражданской государственной службе на должность, соединенную с определенным окладом содержания, за исключением должностей министров и главноуправляющих отдельными частями, и 5) если член Государственной Думы не посетит ни одного ее собрания в продолжение целого года без отпуска».

Она составлялась для «булыгинской» Думы, избранной на основе имущественного ценза. После же расширения избирательного права в декабре 1905 г. оказалось, что некоторые цензы явно несовместимы с поло-

¹ Цит. по: Покровский П. Свобода слова в русских законодательных учреждениях // Русское богатство. 1912. Кн. 11. С. 239–244.

² Лазаревский Н.И. Русское государственное право. СПб., 1913. С. 515; Жижиленко А.О. О безответственности народных представителей. Ярославль, 1909. С. 37.

³ См. подробно: Демин В.А. Государственная дума России. М., 1996. С. 33–35.

жением депутата. Он не мог находиться на государственной или земской службе в провинции, работать на заводе и др. Поэтому Дума игнорировала это постановление, однако его выборочно применял Государственный совет, на выборных членов которого эта статья распространялась.

Спорным было толкование статей 20 и 21. Они гласили: «20. Член Государственной думы временно устраняется от участия в ее собраниях в случае: 1) привлечения к следствию или суду по обвинению в преступных деяниях, означенных в пункте 1 статьи 10 и в пункте 1 статьи 228 Положения о выборах в Думу (изд. 1907 г.)¹ или влекущих за собою отрешение от должности, и 2) объявления несостоятельным должником впредь до определения свойства несостоятельности.

21. Член Государственной думы признается выбывшим из ее состава (ст. 18 и 19²), равно как временно устраняется от участия в ее собраниях (ст. 20) по постановлению Думы».

Правительство и Государственный совет настаивали, что в случае наступления указанных обстоятельств палата обязана исключить депутата; Дума считала себя вправе исключать или не исключать своих членов по своему усмотрению.

Некоторые пробелы законодательства о Думе были обусловлены мировой практикой начала XX в. В соответствии с ней ни Учреждение, ни Наказ Думы не упоминали партийных фракций и объединяющего их представителей руководящего органа палаты.

В заключение можно отметить следующее. Учреждение Государственной думы 1906 г. оказалось недостаточно продуманным как с технической, так и с политической стороны. Неясность и противоречивость законодательства стали дополнительным фактором напряженности в отношениях правительства и Думы. Итоги конфликтов были разными. В частности, Дума добилась приемлемого для нее толкования статей о порядке законодательной инициативы и статусе депутатов, а также права самостоятельно определять содержание своего Наказа и не представлять императору о несогласии с ответом министра на запрос. Правительство добилось фактического отказа Думы от создания комиссий для расследования действий властей и недопущения на официальные заседания думских комиссий экспертов.

Т.е. успехи Думы в толковании законодательства о ней оказались более значительными. Таким образом, в России начала XX в. в соответствии с мировой практикой имело место медленное расширение полномочий представительной власти в рамках законодательства.

¹ Т.е. предусматривающих поражение в правах.

² Предусматривала исключение из Думы депутатов, осужденных за преступления, наказание за которые может включать поражение в правах, а также банкротов (кроме признанных «несчастливыми»).

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОКРАИНЫ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ¹

ДМИТРИЕВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА,

младший научный сотрудник

Южного научного центра РАН;

старший преподаватель

Южного федерального университета,

Ростов-на-Дону, Россия;

e-mail: nvdmitrieva@sfedu.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме соотношения теоретических разработок ведущих представителей конституционно-демократической партии по окраинному вопросу и практического воплощения их идей в программных установках и тактике в рамках избирательной кампании в первую Государственную думу в 1906 г. Окраинный вопрос являлся неотъемлемой частью либеральной концепции модернизации российского государства. Введение в систему законотворчества Российской империи представительного органа побуждало российских либералов к разработке вопроса об участии многочисленных национальных окраин в работе нового государственного учреждения. С другой стороны, большинство членов центрального комитета кадетской партии рассматривали избирательную кампанию в качестве площадки для апробации политической теории, выявления национальных интересов представителей различных окраин.

Ключевые слова: национальные окраины, Российская империя, конституционно-демократическая партия, избирательная кампания, первая Государственная дума.

«Как это на первый взгляд и ни странно, но факт тот, что лозунгом предвыборной агитации у нас стал вопрос об автономии Польши», —

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

сообщали в журнале «Вестник партии народной свободы» от 28 марта 1906 г. представители нижегородского отделения конституционно-демократической партии, подтверждая важность для кадетов вопроса о статусе национальных окраин в политической программе и избирательной кампании 1906 г.¹ Актуализация проблемы национально-государственного устройства определялась, в первую очередь, исторически сложившимся полиэтническим составом населения, разным уровнем развития в экономическом, политическом и правовом плане отдельных территорий российского государства. Формируя всесторонне разработанную модель переустройства России на либеральных и конституционных началах, вопрос о будущей форме государственного устройства оказался в центре внимания российских либералов. С другой стороны, проводимая в отношении различных национальных групп и территорий политика имперских властей зачастую оказывалась противоречивой и непоследовательной, сближая таким образом российские оппозиционные партии с национальными движениями на окраинах, и, по словам В.А. Маклакова, «та часть русского общества, которая не мирилась с непризнанием за ним прав гражданства и боролась против Самодержавия, видела в национальностях только товарищей по несчастью, придавленных общим врагом»².

Таким образом, полиэтническое измерение империи рассматривалось в начале XX в. не только как пространство для поиска союзников и проведения борьбы с самодержавием. В избирательной кампании 1906 г. вопрос о статусе национальных окраин стал объектом дискуссий и споров внутри самого либерального движения.

Анализ либеральной программатики и политической практики кадетской партии в ходе избирательной кампании в I Государственную думу в совокупности с теоретическими взглядами идеологов российского либерализма начала XX в. по окраинному вопросу, с одной стороны, позволяет проследить взаимосвязь теории и практики в истории отечественного либерального движения, с другой — проанализировать причины удачных или неудачных попыток воплотить эту теорию в жизнь.

В теоретических наработках российских либералов начала XX в. в основу типологии форм национально-государственного устройства было положено распределение власти между имперским центром и окраинами. Исходя из этого, выделялись государства унитарные (централизованные или децентрализованные) и государства, основанные на началах федерализма³. Максимально подробная классификация форм государственного устройства была разработана известным специалистом по национальному вопросу Ф.Ф. Кокошкиным. Его наработки были представлены в качестве

¹ Выборы в Государственную думу. Н.-Новгород // Вестник партии народной свободы. 1906. № 5. С. 298.

² Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Ч. 1. Париж, 1936. С. 224.

³ Вострикова В.В. Административно-территориальное устройство в теории и программатике российского либерализма начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2015. № 9 (59): В 2-х ч. Ч. II. С. 51.

доклада бюро «О правах национальностей и децентрализации управления и законодательства» общероссийскому съезду земских и городских деятелей, проходившему в Москве с 14 сентября 1905 г.¹ В начале доклада было обозначено особое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи как территории, обособленной в политическом плане: докладчик и бюро съезда изначально не видели необходимости в обсуждении положения Финляндии. Подобного рода подход объясняется принятием большинством представителей земского движения идеи специфической формы организации взаимодействия имперских властей с данной окраиной. Еще одним моментом, который обращает на себя внимание в представленном докладе, является использование понятия «империя». Ф.Ф. Кокошкин не старается уйти от него, используя более общее наименование государство или Россия, вне зависимости от принципов административно-территориального деления государства, для либералов начала XX в. оно по-прежнему должно оставаться по форме государственного устройства — империей. Это нашло отражение не только в терминологии.

С точки зрения Ф.Ф. Кокошкина и поддержавшего его доклад большинства участников сентябрьского съезда, идеалом административно-территориального устройства для России является областная автономия, которая предполагала наделение местных выборных органов правом издания местных законов, которые, однако, вступали в силу после утверждения их центральной властью. Автономия в той или иной форме должна предоставляться постепенно, по мере «выяснения потребностей в ней местного населения и естественных границ автономных областей», для введения автономии каждый раз требовалось издание соответствующего «особого общеимперского закона», ибо «местная автономия не нарушает государственного единства, если она устанавливается общегосударственным законом, определяющим ее границы»². Однако национальный принцип отрицался в качестве базового при определении территориальных границ автономии.

Представители отечественного либерального движения понимали, что при выработке партийной программы, а решение о создании единой конституционно-демократической партии из членов протопартийных организаций «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» было принято на проходивших в июле и августе (соответственно) 1905 г. съездах данных организаций³, нельзя оставить без внимания национальный вопрос. Отсутствие данного пункта в программе партии для национальных окраин означало бы то же самое, что отсутствие аграрной программы для Европейской части России. Озвученная 14 сентября 1905 г. Ф.Ф. Кокошкиным позиция нашла отражение в программе конституционно-демократической партии, утвержденной первым съез-

¹ Кокошкин Ф.Ф. О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905.

² Там же. С. 15.

³ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 377–378, 380.

дом партии в октябре 1905 г. и подтвержденной вторым съездом в январе 1906 г. Оба съезда приняли пункты программы по гражданскому равноправию и автономии Царства Польского и Финляндии без особых прений. Замечания по данным пунктам исходили только от представителей двух групп: еврейской (Ромм) и мусульманской (представители Казани). Если первые требовали прописать в программе уравнивание евреев в правах с другими гражданами отдельным пунктом, то мусульманская группа просила внести дополнения ввиду культурных особенностей взаимоотношений между мужчинами и женщинами (например, в пункт по предоставлению избирательного права женщинам)¹.

Избирательная кампания 1906 г. рассматривалась представителями конституционно-демократической партии преимущественно как способ репрезентации собственной политической программы, отдельные составляющие которой выступали элементами целостной концепции модернизации российского государства.

При обсуждении вопроса о способах и порядке формирования местных групп партии на первом заседании центрального комитета, состоявшемся сразу после окончания работы I партийного съезда кадетов 18 октября 1905 г., было отмечено, что в западных губерниях все партии разделяются на национальные группы. Д.И. Шаховской обратил внимание присутствовавших, что подобного рода разделение может быть неудобным для проведения избирательной кампании². 23 октября 1905 г. было принято решение об организации лекций по партийным вопросам (задачи партии, программы, тактики) в литературном кружке. Уже тогда лекторами были определены ведущие представители и яркие ораторы партии народной свободы: Ф.Ф. Кокошкин, А.А. Кизеветтер, С.А. Котляревский, а 25 октября при закреплении членов партии за конкретными пунктами программы при подготовке краткого библиографического указателя областной вопрос был закреплен за В.И. Вернадским и Ф.Ф. Кокошкиным, а вопрос о самоуправлении — за С.А. Котляревским³.

В избирательной кампании кадетов 1906 г. можно выделить несколько направлений в практической деятельности конституционно-демократической партии по продвижению своей платформы среди избирателей по крайнему вопросу.

1. Тиражирование и распространение среди населения через местные группы программы, устава, листовок с подробными разъяснениями первых двух.

Сформулированная в европейских традициях программа партии кадетов оказалась не всегда доступной для понимания основной массе на-

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: В 3-х т. М., 1997. Т. 1; Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг.: В 6-ти т. М., 1994. Т. 1. С. 31.

² Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг.: В 6-ти т. М., 1994. Т. 1. С. 31, 34.

³ Там же. С. 34.

селения России. В частности, у российского населения возникало много вопросов по поводу предоставления автономии Польше. Местные комитеты писали письма в ЦК партии с просьбой разъяснения п. 25 программы, предлагали собственные варианты его упрощения: «Так как полякам лучше знать, какие им нужны законы, то пускай сами они и составляют такие законы для себя, лишь бы они были в единении с Россией, подчинялись тем законам, которые должны быть одинаковыми для всего русского государства и участвовали бы в Государственной Думе, как равноправные русские граждане»¹. Подобные запросы стали основой для появления листовок с названием «Чего хочет конституционно-демократическая партия», в которых п. 14 содержал подробное разъяснение необходимости предоставления полякам автономии с целью сохранения единства России².

2. Использование средств периодической печати в качестве площадки для продвижения программы и дискутирования с представителями других партий.

Требование автономии для Царства Польского и декларирование возможности предоставления подобной автономии и другим территориям империи приводит к появлению критических статей «Союза 17-го октября» в газете «Московские ведомости»³ и отдельных брошюр с вопросом в названии «Чего же хочет конституционно-демократическая партия?»⁴. Периодическая печать стала платформой для ответов на подобного рода выпады. Кадеты использовали такие известные газеты, как «Русские ведомости», «Полярная звезда», «Право», а также собственные органы периодической печати: газету «Речь» и «Вестник Партии народной свободы». Отвечали на нападки со стороны октябристов по национальному вопросу ведущие юристы и специалисты по государственному праву Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, В.М. Гессен. Красной нитью через все эти публикации проходит мысль о том, что автономия не есть путь к разрушению государства, а способ сохранить его целостность⁵. В качестве доказательства приводились примеры других государств, таких как США, Великобритания, Швейцария.

3. Подготовка и издание отдельных тематических брошюр.

Тактика партийной борьбы кадетов также предполагала издание тематических просветительских брошюр. В ходе избирательной кампании в I Государственную думу кадетским издательством «Народное право» были опубликованы брошюры двух категорий: категории А и категории Б (для народа). Доклад Ф.Ф. Кокошкина о децентрализации был издан в обеих категориях, таким образом рассчитывая как на более подготовленного читателя, так и не очень сведущего в области государственного права⁶.

¹ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 196. ЛЛ. 1–1 об.

² Там же. Д. 272. Л. 1 об.

³ Московские ведомости. 1905. 2 октября.

⁴ Чего же хочет конституционно-демократическая партия? М., 1906.

⁵ Кокошкин Ф. Конституционно-демократическая партия перед судом союза 17-го октября // Русские ведомости. 1906. 15 февраля.

⁶ Кокошкин Ф. О правах национальностей и о децентрализации. М., 1906; *его же*. Областная автономия и единство России. М., 1906.

4. Проведение популярных политических лекций с привлечением ярких ораторов партии.

Данный вид продвижения политической программы давал возможность кадетам подробно и в максимально доступной форме излагать пункты своей программы для всех категорий населения. Именно поэтому одним из основных занятий ЦК кадетской партии после второго съезда стала организация поездок влиятельных членов партии в провинциальные города с целью объяснения и защиты программы. География таких поездок была достаточной обширной и включала преимущественно города европейских губерний империи, из окраин наиболее популярными направлениями были Западный край, Остзейские губернии, в меньшей степени Привислинский край. «Вестник партии народной свободы», который публиковал отчеты о подобных командировках, позволяет проследить географию встречаемости вопроса об автономии Польши. Поднимался он преимущественно не на окраинах, а в губерниях центральной России, что объясняется, с одной стороны, непониманием населением термина автономия, с другой — активной антипропагандой со стороны монархических партий и партии «Союз 17-го октября». Столь пристальное внимание указанных партий к пункту кадетов об областной автономии и автономии Царства Польского представители местных отделений кадетской партии объясняли тем, что «прикидываясь народолюбцами, они не решились нападать на другие пункты программы партии народной свободы, боясь скомпрометировать себя в глазах демократических избирателей. ... И вот враждебные конституционалистам-демократам партии остановились на автономии, как на вопросе, наименее понятном массам, а потому и наиболее пригодном для неразборчивой в средствах агитации»¹.

Таким образом, можно утверждать, что в либеральной мысли России начала XX в. была сформулирована в правовом отношении типология форм административно-территориального устройства государства, критериями для которой выступали формы распределения власти между имперским центром и национальными окраинами. Необходимость сохранения имперского характера российского государства не ставилась под сомнение при разработке программы национально-государственного устройства. В качестве инструмента для сохранения целостности империи рассматривалась возможность введения децентрализованного управления для отдельных окраин. На начальном этапе вопрос о децентрализации был решен кадетами в отношении Великого княжества Финляндского и Царства Польского. Опыт избирательной кампании в I Государственную думу 1906 г. показал, что вопрос об автономии, с одной стороны, остался непонятным для основной массы населения центральных губерний империи, с другой — на окраинах создавались собственные национальные партии с программами, схожими с кадетской, и именно они получили основную поддержку избирателей на окраинах.

¹ Выборы в Государственную думу. Н.-Новгород // Вестник партии народной свободы. 1906. № 5. С. 298.

ПАРТИЯ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА НА ВЫБОРАХ В I И II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОИСКИ СОЮЗНИКОВ В ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЕ

ПАТРИКЕЕВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА,

доктор исторических наук,
профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
член НМС при Центре истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: o.patrikeeva@spbu.ru

Аннотация: В статье рассматривается политическая метаморфоза Партии правового порядка на выборах в I и II Государственную думу Российской империи: менее чем за год из «конституционной» она превратилась в крайне правую политическую организацию. В качестве примера приводится политическое перерождение Киевского отделения партии — самой крупной и влиятельной местной организации правопорядцев. После сокрушительного поражения на первых думских выборах в Киеве в блоке с умеренной Торгово-промышленной партией Партия правового порядка становится надежным союзником ультраправых политических партий и союзов на выборах во II Государственную думу. Статья написана на основе материалов периодической печати начала XX в.

Ключевые слова: Партия правового порядка, выборы в I Государственную думу Российской империи, выборы во II Государственную думу Российской империи, избирательные блоки.

Существовавшая избирательная система, за всеми цензовыми и степенными нагромождениями которой все же просматривалось мажоритарное представительство, подталкивала участвующие в выборах политические партии к заключению предвыборных блоков и соглашений. «...Обойтись без них можно только при двух условиях: если борьба идет исключительно между двумя партиями, как это бывало в Англии ...или если существует пропорциональное представительство, гарантированно обеспечивающее за каждой партией, помимо всяких соглашений, такое количество депутатских мест, какое соответствует ее числовой силе»¹, — отмечала либеральная российская пресса, демонстрируя прекрасное знание последних достижений мировой избирательной практики. Заключение предвыборных блоков имело далеко идущие последствия: совместные действия партий и союзов в период избирательной кампании могли перерасти в долговременное сотрудничество в стенах Думы

¹ [Кузьмин-Караваев В.Д.] Хроника — Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1906. Кн. 12. С. 810–811.

и тем самым оказать огромное влияние на расстановку политических сил в стране, а значит и на перспективы дальнейшего развития России.

Активной участницей выборов в I и II Государственную думу Российской империи стала партия правового порядка. По своим идеологическим установкам она находилась правее «Союза 17 октября» и менее чем за год из «конституционной» превратилась в крайне правую политическую организацию. Особенно наглядно этот путь можно проследить на примере Киевского отделения партии — самой крупной и влиятельной местной организации правопорядцев. Приняв за основу своей партийной программы Манифест от 17 октября 1905 г., лидеры правового порядка «придали толкованию Манифеста строго националистический характер» и прежде всего «решительно пошли против равноправия евреев». Одновременно они «сузили широкое толкование Манифеста и в других его частях»¹.

С самого начала своего возникновения в ноябре 1905 г. Киевское отделение партии декларировало свою приверженность прогрессу и конституционным реформам. «В ряду прогрессивных партий на первое место мы без ложной скромности поставили партию правового порядка»², — заявлял член ЦК Киевского отделения правопорядцев Н.А. Садчиков. Единомышленниками новоиспеченной политической партии признавались «Союз 17 октября» и Прогрессивно-промышленная партия. Проправительственные партии, выступающие за незыблемость неограниченного самодержавия, классифицировались правопорядцами как «реакционные». Отношение к выдвигаемой оппозицией «четырёхчленной формуле избирательного права» определялось как «отрицательное». Ничего не имея против прямой и тайной подачи голосов, члены партии правового порядка отрицали всеобщее избирательное право, называя его «политическим безумием», и настаивали на имущественном цензе³.

В начале первой думской избирательной кампании отношения между правопорядцами и крайне правыми были довольно напряженными. Ни о каких совместных блоках и соглашениях в то время не было и речи. Так, Русская монархическая партия на страницах правых газет обвиняла правопорядцев в непризнании самодержавия. Последние, в свою очередь, называли это обвинение «неблаговидным тактическим приемом в предвыборное время»⁴. «Правая революция хуже левой!»⁵ — заявлял председатель Киевского отделения партии правового порядка А.И. Любинский. Предложение Б.В. Никольского голосовать за левых («чтобы Дума оказалась злою и чтобы ее поскорее разогнали штыками») было встречено правопорядцами с огромным раздражением и охарактеризова-

¹ Киевлянин. 1906. 28 сентября.

² Садчиков Н.А. Место партии правового порядка в ряду других политических партий // Право и порядок. 1905. № 1. С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Любинский А.И., Садчиков Н.А. О самодержавии // Там же. 1906. № 3. С. 2.

⁵ Любинский А.И. Передовая // Там же. № 4. С. 3.

но как «бредни тупых фанатиков»¹. На выборах в Государственную думу в Киеве партия правового порядка шла вместе с торгово-промышленной партией, заключив 3 февраля 1906 г. общий предвыборный блок.

Однако после сокрушительного поражения блока на выборах в Киеве отношение партии правового порядка к черносотенцам стало меняться. В провале своей избирательной кампании правопорядцы поспешили обвинить евреев и инородцев². Досталось и «Союзу 17 октября», на который возлагалась ответственность за срыв «широкого плана объединения на выборах русского населения», поскольку октябристы не пожелали принять «основного взгляда» правового порядка по еврейскому вопросу³. С этого времени в выступлениях руководителей Киевского отделения партии правового порядка все громче звучит антисемитская нота. Когда в апреле 1906 г. II Всероссийский съезд партии правового порядка призвал «точно установить» взгляд партии на современное положение евреев в России, Киевское отделение решительно высказалось против отмены существующих ограничений политических прав евреев и заявило, что «главным дефектом» Указа от 11 декабря 1905 г. считает включение последних в число избирателей⁴.

На III Всероссийском съезде партии в сентябре 1906 г. представители Киевского отделения правопорядцев при поддержке других провинциальных отделений, прежде всего южных, «подвинули вправо всю партию правового порядка»⁵. Резкое поправление партии приветствовал один из лидеров «Союза русского народа» А.И. Дубровин. Присутствуя в качестве почетного гостя на ежегодном заседании Киевского отделения Партии правового порядка в конце сентября 1906 г., он призвал к слиянию местных отделений обеих партий, подчеркнув, что «по господствующему в них настроению они однородны, а по программам близки друг к другу»⁶.

Хотя партия правового порядка не принимала участия в III Всероссийском съезде Русских людей в Киеве в октябре 1906 г., она отнеслась к его работе с большим сочувствием и интересом, как к «наиболее крупному событию политической жизни последнего времени»⁷. Председатель Киевского отделения партии Н.А. Садчиков даже преподнес организаторам съезда икону Успения Божьей Матери как символ единения правопорядцев с собравшимися в Киеве черносотенцами.

В конце октября 1906 г. состоялось экстренное заседание комитетов правых партий Киева по поводу бойкота, объявленного студентами

¹ Монархическая партия // Право и порядок. 1906. № 11. С. 3.

² Любинский А.И. К русским людям // Право и порядок. 1906. № 10. С. 2.

³ Редакционная статья // Право и порядок. 1906. № 14–15. С. 2.

⁴ Н.С. [Садчиков Н.А.] Единственно целесообразный практически-исполнимый способ решения еврейского вопроса в России // Там же. С. 11.

⁵ Киевлянин. 1906. 28 сентября.

⁶ Протокол заседаний общего собрания членов партии правового порядка, состоявшегося 26 сентября 1906 г. в помещении Киевского коммерческого собрания // Право и порядок. 1906. № 26–27. С. 18.

⁷ Хроника // Там же. С. 7.

высших учебных заведений профессорам, придерживающимся правых политических взглядов. Наряду с местными отделениями Русского собрания, Русского братства, монархической партии, «Союза русского народа» в заседании приняли участие и члены Киевского отделения партии правового порядка. Подобные мероприятия, касающиеся злободневных политических вопросов, решено было устраивать регулярно. Председателем объединенного собрания комитетов правых партий Киева был избран один из лидеров Монархической партии Б.М. Юзифович. В конце октября ЦК партии правового порядка опубликовал новую редакцию своей программы. Вступая во вторую избирательную кампанию, партия «не считала возможным» распространить гражданское равенство на евреев, проживающих на территории Российской империи¹. В начале ноября 1906 г. киевские правопорядцы отправили П.А. Столыпину телеграмму, в которой протестовали против издания закона о равноправии евреев². В итоге, к началу второй думской избирательной кампании большая часть членов партии правового порядка в лице своего Киевского отделения была готова к объединению с крайне правыми политическими силами на почве самого оголтелого антисемитизма. «Партия трех „пэ“, следуя закону эволюции, постепенно превращается в партию множества „пэ“: партию, постановившую принять программу правительственного произвола, притеснений, преследований, происков, погромов и провокаций»³, — писал о партии правового порядка в одном из сатирических листков будущий знаменитый писатель К.И. Чуковский.

В Петербурге 29 октября 1906 г. состоялось совещание руководящих органов «Союза 17 октября» и партии правового порядка, на котором последние предложили объединить предвыборные усилия с «Союзом русского народа». Октябристы ответили решительным отказом. «Правовой порядок обиделся и выставляет свой список с Русским собранием»⁴, — комментировал ситуацию корреспондент «Нового времени».

Вопрос о союзе с партией правового порядка обсуждался на заседании СРН и Русского собрания 14 ноября 1906 г. и вызвал ожесточенную полемику среди собравшихся. Категорическим противником каких-либо блоков и соглашений с другими политическими партиями выступал Б.В. Никольский, напомнивший о решении первого монархического съезда не входить в соглашение с конституционными партиями и утверждавший, что подобная предвыборная тактика повлечет за собою «потерю того обаяния, которое до сих пор имеют монархические партии»⁵.

¹ Цит. по: Новое время. 1906. 22 октября.

² Московские ведомости. 1906. 10 ноября.

³ Чуковский К.И. Партия правового порядка // Сигнал. 1905. Вып. 3. С. 16.

⁴ Новое время. 1906. 26 января.

⁵ Запись соединенного заседания Советов Русского собрания и Союза русского народа 14 ноября 1906 г. // Правые партии: документы и материалы 1905–1917 гг.: В 2-х т. / сост., авт. предисл., введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. Т. 1. С. 269.

В начале января 1907 г. товарищ председателя Главного совета СРН А.И. Тришатный напомнил местным отделениям Союза о том, что не следует вступать ни в какие предвыборные соглашения ни с октябристами, ни с какими-либо другими партиями¹. Тем не менее к середине января 1907 г. наиболее заметным правым партиям и организациям удалось-таки достичь избирательного соглашения. Отныне Русское собрание, «Союз русского народа» и партия правового порядка избирали Объединенный ЦК всех трех партий, на который возлагались конкретные технические задачи предвыборной кампании: составление общего списка выборщиков во II Государственную думу, приобретение бланков избирательных бюллетеней для своих избирателей, определение общих расходов предвыборной борьбы, разрешение разногласий между объединившимися партиями². Помимо этого признавалось возможным поддерживать на выборах кандидатов из «нейтральных лиц», хорошо известных в обществе и не принадлежащих к каким-либо конституционным партиям³. «Монархические партии теперь хорошо организованы и представляют внушительную силу, к выборной кампании они теперь более подготовлены, чем в прошлый раз, — оптимистически заявляла правая печать, — несомненно, предстоящая выборная кампания будет для них счастливее, и в новой Думе мы увидим монархистов, которых в старой Думе не было вовсе»⁴.

Как видим, вторая избирательная кампания в Государственную думу заставила партии-участницы иначе взглянуть на возможных союзников по выборам. Парламент постепенно становился неременным атрибутом государственной жизни страны, российские политические партии быстро множились и развивались, а вместе с этим ужесточалась партийная конкуренция, становилась беспощаднее предвыборная борьба. Политические блоки и соглашения рассматривались как средство взаимного страхования партий от возможной неудачи на выборах. Поиски союзников в предвыборной борьбе приводили участвующие в выборах партии к существенной корректировке своих партийных программ. Наглядный тому пример — политическое перерождение Партии правового порядка, за короткий срок превратившейся из умеренной политической организации в надежного союзника ультраправых.

¹ Русское знамя. 1907. 9 января.

² Письмо председателя Совета Русского собрания в Главный Совет «Союза русского народа» // Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. С. 287.

³ Заседание общего собрания 10 января 1907 г. действительных членов Русского собрания по вопросу о соглашении с партией правового порядка // Там же. С. 288.

⁴ Киевлянин. 1906. 31 августа.

ВЫБОРЫ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

СОРОКИН АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат исторических наук,
ассистент кафедры зарубежного регионоведения
и локальной истории
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: skaliger1989@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению оценок выборной кампании во II Государственную думу Российской империи. В качестве источниковой базы исследования выступают материалы консервативной и либеральной периодической печати. Показывается отношение ведущих периодических изданий к институту выборов, участию представителей духовенства в них и их итогам.

Ключевые слова: «Вестник Европы», выборы, Государственная дума, «Гражданин», В.П. Мецкерский, «Новое время».

Изучение развития культуры выборов и избирательных технологий в досоветской России является актуальным с точки зрения сегодняшнего дня и популярным в современной историографии сюжетом¹. Однако за пределами внимания большинства исследователей остаются оценки выборных кампаний общественностью, в т.ч. и во II Думу, что и обусловило необходимость подготовки данного исследования.

Известно, что избрание депутатов в 1907 г. сопровождалось рядом конфликтных ситуаций, которые, конечно же, не могли остаться без внимания со стороны публицистов и прессы. Не меньшее внимание уделялось и самому институту выборов, а также политической борьбе в ходе выборной кампании.

Анализ источников показывает наличие в оппозиционной части общества скепсиса в отношении к самой процедуре выборов и недоверие к властям на фоне задействования административного ресурса в целях

¹ Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2016. Ч. 1. С. 97–106; Селезнев Ф.А. Выборы в I Государственную думу от Нижегородской губернии: порядок и ход борьбы // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Ч. 1. СПб., 2017. С. 154–163; Сорокин А.А. Конфликты в ходе выборов в Государственную думу Российской империи (на материалах Нижегородской губернии) // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2018. Ч. 1. С. 60–66.

достижения оптимального для правительства результата¹. Сами участники выборов также отмечали своеобразное отношение крестьянства к процедуре избрания².

В среде правых и проправительственных кругов отношение к выборам было неоднородным. Так, по меткому выражению М. Меньшикова, это было «великим делом»: «Вторые парламентские выборы — великое государственное дело: тут Россия должна взять реванш за неудачу первых выборов»³. Издаваемый же В.П. Мещерским «Гражданин» был настроен более скептически. По мнению публицистов издания, реакционная Дума приведет к революции, а революционная Дума будет непременно распущена, в результате чего правительство окажется в еще худшем положении, чем после роспуска I Думы⁴.

Публицисты «Вестника Русского собрания» и вовсе считали, что жители деревни и на Западе, и в России в большинстве своем относятся к выборам безразлично. Исходя из этого, консервативное издание полагало, что новой выборной кампании не следует уделять какого-либо внимания: «Нельзя же признать, что все происходившее перед глазами российского обывателя в течение более двух месяцев, вся эта сумятица, называемая борьбой партий, сопровождавшаяся грубым спортом надувательства, рекламы, публицистики характера, что это все имеет государственное значение, государственный интерес»⁵.

Кадеты отмечали, что сами выборы проходили в обстановке жесткого административного воздействия. Нарушалась свобода собраний, нередко были конфискации агитационного материала и аресты выборщиков⁶. А. Смирнов провел тщательный анализ выборной кампании 1907 г. По его данным, подготовку к ней правительство начало сразу после роспуска I Думы, организовав преследования полицией многих депутатов первого созыва⁷.

К. Арсеньев указывал на неравенство положения партий в политической борьбе за думские мандаты, отмечая более тяжелые условия для работы тех партий, которым отказывалось в легализации⁸. Оппозиционные партии жаловались на активное противодействие со стороны властей и давление с их стороны: «Выборы в Государственную думу проходят при совершенно исключительной обстановке: не ослабевает работа военно-полевых судов, собрания в иных местах совсем не разрешаются. Органы независимой печати висят на волоске»⁹.

Особой формой административного воздействия воспринималось участие в выборах духовенства, представители которого были названы

¹ Л.Б. Обстановка выборов // Современный мир. 1907. № 2. С. 31–39.

² Кондурушкин С. На выборах. В деревне // Русское богатство. 1907. № 3. С. 106.

³ Новое время. 1907. 6 января.

⁴ Бабецкий А. Призрак и действительность // Гражданин. 1907. № 2. С. 4.

⁵ Вестник Русского Собрания. 1907. № 5. С. 1–2.

⁶ Каминка А.И., Набоков В.Д. Вторая Государственная дума. СПб., 1907. С. 3.

⁷ Смирнов А. Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу. СПб., 1907. С. 4–5.

⁸ Страна. 1907. 5 января.

⁹ Печать // Московский еженедельник. 1907. № 3. С. 59.

«чиновниками в рясах»¹. Либеральная печать видела в привлечении духовенства маневр со стороны правительства для проведения правых кандидатов². Как отмечалось в праволиберальном «Московском еженедельнике», сразу за гарантиями отсутствия давления на избирателей, данными П.А. Столыпиным, последовал указ Синода по епархиям о необходимости предварять все выборные собрания молебствиями, «на коих разъяснять избирателям ... сколько зла принесет народу такая Дума, в которую сумели бы проникнуть враги святой веры и престола»³.

Стоит отметить, что часть духовенства все же пользовалась реальной поддержкой электората. Тот же «Вестник Европы» жестко осудил административное давление на тех священнослужителей, которые решили баллотироваться не от правых партий⁴. Комментируя резонансное дело о. Григория (Петрова), который решением Санкт-Петербургской консистории был направлен в Черемнецкий монастырь на покаяние с запрещением заниматься литературной деятельностью, либеральная печать назвала Церковь «органом политического сыска»⁵. Как известно, о. Григорий был включен в списки партии народной свободы, и это решение воспринималось как попытка не допустить его к выборам.

Нужно отметить, что участие духовенства в выборах неоднозначно было воспринято и в среде консерваторов. В.П. Мещерский по этому поводу восклицал: «Как! Священники и епископы, поставленные Божественным Учредителем церкви жить для своей паствы, будут на 3/4 года таскаться в столицу, чтобы говорить или слушать политические речи, бросят паству на произвол судьбы!»⁶.

Настороженно относился к этому вопросу и С.Ф. Шарапов. На страницах издаваемого им «Русского дела» выражались опасения, что в случае забаллотировки священнослужители потеряют свой авторитет, что негативно скажется в дальнейшем⁷.

«Русское дело» также было встревожено тем, что духовенство проявило «значительное уклонение в левую сторону»⁸. Этим же было обеспокоено и «Новое время», на страницах которого М. Меньшиков писал, что раньше духовенство было черное и белое, а с выборами появилось новое — «красное». Комментируя итоги собрания духовенства Василеостровского благочиния, он с ужасом замечал распространение кадетских идей среди духовенства, называя их «кадетами» и «паки-кадетами»⁹.

¹ Смирнов А. Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу. СПб., 1907. С. 10–11.

² Выборы и духовенство // Вестник Европы. 1907. Т. 1. Кн. 1. С. 359–360; Линд В. Законодательство и жизнь // Русская мысль. 1907. № 2. С. 191.

³ Внутреннее обозрение // Московский еженедельник. 1907. № 2. С. 57–58.

⁴ Дело священника о. Григория Петрова // Вестник Европы. 1907. Т. 1. Кн. 2. С. 891–894.

⁵ Трубецкой Е. Где духовный авторитет // Московский еженедельник. 1907. № 3. С. 5.

⁶ Дневники // Гражданин. 1907. № 5. С. 21.

⁷ Русское дело. 1907. 27 января.

⁸ Русское дело. 1907. 27 января.

⁹ Новое время. 1907. 7 января.

В то же время в консервативной среде высказывались мнения о том, что в отдельных губерниях православное духовенство недостаточно задействовало имеющиеся ресурсы для проведения своих кандидатов¹.

Необходимо отметить, что отчасти проблема репрессий в отношении отдельных священнослужителей была преувеличена в либеральной прессе. Как писал в своих воспоминаниях один из кадетских лидеров В.А. Маклаков, не стоило преувеличивать значение арестов и высылки предполагаемых кандидатов². К тому же, согласно исследованию И.В. Воронцовой, о. Григорий (Петров) был осужден не как писатель, а как священнослужитель³.

По итогам выборной кампании В.П. Мещерским было высказано много негатива и в адрес выборного института, и в адрес Думы: «Лучше не надо никакой Думы, чем Дума, недостойная русского народа и русского Царя и оскорбляющая обоих!»⁴.

«Вестник Русского собрания» принял итоги более сдержанно и даже выразил удовлетворение частью из них. Оценивая выборы в западном и юго-западном крае, издание резюмировало: «Как бы то ни было, и „православных“, и настоящих иудейских жидков в Государственной Думе будет меньше, чем в прошлом году»⁵.

Либеральная печать торжествовала. Издаваемое Ф.И. Благовым «Русское слово» с удовлетворением констатировало, что «в народе была окончательно разбужена сонная мысль»: «Россия молча думала заданную ей роспуском Думы думу и воплотила свой ответ в голос избирателя на вторых выборах. Значительно большая сознательность и спокойное, но твердое и ярко-оппозиционное настроение — вот характерные черты выборов второй Думы»⁶.

Таким образом, можно заключить, что выборная кампания во II Думу была ярким явлением общественной жизни Российской империи, которому периодическая печать уделяла пристальное внимание. Ведущие издания выступали ретрансляторами политических воззрений общества, и в их публикациях мы обнаруживаем специфику воззрений тех или иных кругов. Так, если либеральные и социал-демократические издания, комментируя ход и итоги выборной кампании, пользовались примерно одинаковой риторикой и были единодушны в своей критике действий власти, то в консервативной среде не существовало единого подхода ни к самому институту выборов, ни к роли Думы в новой архитектуре взаимоотношений власти и общества.

¹ Священник. Впечатления избирателя // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. Воспоминания современников. Материалы и документы / Под общ. научн. ред. А.В. Иванченко. М., 2008. С. 553.

² Маклаков В.А. Вторая Государственная дума (Воспоминания современника). Париж, 1940. С. 57.

³ Воронцова И.В. Священник Г.С. Петров и его «дело»: процесс над церковным публицистом 1906–1907 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной церкви. 2018. Вып. 85. С. 26–27.

⁴ Дневники // Гражданин. 1907. № 10. С. 19.

⁵ А.К. После выборов // Вестник Русского собрания. 1907. № 7. С. 5.

⁶ Русское слово. 1907. 9 февраля.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ВЫБОРЫ ДЕПУТАТОВ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

ЕГОРОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и философии
Череповецкого государственного университета,
Череповец, Россия;
e-mail: anegorov65@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена проблема административного вмешательства провинциальных властей в ход выборов депутатов во II Государственную думу на материалах Новгородской губернии. Показаны механизмы административного воздействия в случае победы неугодных кандидатов: кассация выборов любого уровня под предлогами нарушения тайны голосования, присутствие на выборах посторонних лиц, агитация во время выборов, нарушение избирательной процедуры. Делается вывод о том, что административное воздействие на ход выборов серьезно изменило соотношение политических сил, имело решающее влияние на итоги выборов и дало от Новгородской губернии несоответствующее настроениям избирателей представительство.

Ключевые слова: Избирательные кампании, предвыборная борьба, губернская администрация, оппозиция, октябристы, Государственная дума.

Проблема административного воздействия властей на выборы депутатов является одной из ключевых при анализе роли Государственной думы в общественно-политическом развитии страны. Итоги выборов в I Думу дали неожиданный для властей результат — многие депутаты были настроены слишком оппозиционно. Полученный урок не пропал даром — на выборах во II Думу власти делали уже все возможное для устранения неугодных депутатов и проведения своих кандидатур. Механизмы административного воздействия на выборы отличались разнообразием. Власти могли отстранить от выборов неугодного кандидата, используя следующие методы: 1) недоставление повесток о дате выборов; 2) невыдача полицией удостоверений личности, необходимых для голосования; 3) невнесение в списки избирателей или исключение из них; 4) арест и высылка неугодного кандидата. Кроме того, для достижения нужного результата на выборах включались в число избирателей лица, не имеющие на то право; преследовались незарегистрированные партии путем запрета их собраний, агитации и т.п. Наконец, власти могли просто отменить выборы любого уровня под предлогами нарушения тайны голосования, присутствия на выборах посторонних лиц, агитации во время выборов, нарушения

избирательной процедуры¹. Начиная с выборов во II Думу, к этим приемам добавился еще один. Зарегистрированные партии (Союз 17 октября и Союз русского народа) получили право впечатывать в бюллетени для голосования, заранее рассылавшиеся выборщикам, кандидатуры своих представителей. Разумеется, выборщики могли за них не голосовать, а поддержать другие кандидатуры. Но, на политически пассивных избирателей, которых всегда немало на любых выборах, такой агитационный прием мог подействовать.

В Новгородской губернии в I Государственную думу избрали двух кадетов (присяжного поверенного И.А. Корсакова (член Беседы, Союза освобождения, Союза земцев-конституционалистов) и волостного судью, земского гласного Д.В. Васильева); двух либерально настроенных деятелей (череповецкого землевладельца Н.Ф. Румянцева, вошедшего в Прогрессивную группу, и крестьянина В.Т. Трифонова, примкнувшего в Думе к Партии демократических реформ); двух беспартийных крестьян С.С. Караванова и А.Е. Рябчикова². Такой исход выборов явно не устраивал местные власти. Новгородский губернатор П.П. Башилов в отчете за 1906 г. отмечал: «...нельзя сказать, чтобы в первую Государственную думу Новгородская губерния послала действительно лучших своих людей, способных к творческой деятельности. Такие результаты выборов не могут, по глубокому моему убеждению, приписываться преобладанию противоправительственного настроения в населении губернии, а должны быть всецело отнесены к несовершенству избирательного закона 11 декабря 1905 года, давшего наименее развитой части народа численное преобладание в составе выборщиков»³. Тем самым, губернатор видел причины победы оппозиционных кандидатов в несовершенстве избирательного закона, а не в реальных проблемах Новгородской губернии, порождавших протестные настроения. Исходя из такой логики, нужно было всеми возможными способами не допустить победы на выборах «наименее развитой части народа».

Перед выборами во II Государственную думу политическая жизнь в Новгородской губернии поляризовалась. На одном полюсе формировался оппозиционный блок из лиц, сочувствующих кадетам и умеренным социалистам различной направленности, в основном — народным социалистам, на другом — проправительственный блок с октябристами во главе. В 1904–1905 гг. оппозиционное движение в губернии опиралось на земство и общественные организации. В частности, большую роль играл Новгородский педагогический кружок, в который входили лидеры местных либералов А.М. Тютрюмов, Н.Н. Мясоедов и др. По сло-

¹ Демин В.А. Организация выборов // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 429–430.

² Егоров А.Н. Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2015. Ч. 1. С. 256.

³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 51. Л. 641 об.

вам видного чиновника И.Ф. Кошко, этот кружок явился «застрельщиком в Новгороде освободительного движения»¹. Наиболее известным либералом губернии был председатель Новгородской губернской земской управы, член ЦК кадетской партии А.М. Колюбакин. В 1906 г. власти административными методами сумели существенно ослабить оппозицию: в начале года отстранили от должности Колюбакина, в ходе перевыборов руководящие позиции в земстве перешли к правым элементам², циркуляр П.А. Столыпина о запрещении чиновникам состоять в нелегализованных партиях нанес сильный удар по местным кадетам. По сути, кадетская организация в Новгороде распалась, а сторонники партии называли себя «беспартийные конституционалисты»³. Тем не менее, оппозиция не собиралась отступать и готовилась к выборам во II Думу.

В преддверии выборов в Новгороде оппозиционные силы сплотились вокруг беспартийного кружка «прогрессивного направления», кандидаты которого выдвинули следующую программу: 1) «Строго парламентский строй с ответственным министерством»; 2) Всеобщее избирательное право с «прямой, равной и тайной подачей голосов»; 3) Реформа городского и земского самоуправления на «началах всеобщего голосования и независимости от администрации»; 4) Передача земли крестьянам за «самый дешевый выкуп»; 5) Государственное страхование рабочих и 8-часовой рабочий день⁴.

В противовес оппозиции губернские власти поддержали октябристов, чья позиция (защита монархии, умеренные реформы после «успокоения» страны, неприкосновенность частной собственности) их вполне устраивала, тем более что председателем Новгородского отдела Союза 17 октября был Новгородский губернский предводитель дворянства, действительный статский советник, член Государственного совета, князь П.П. Голицын. Предвыборные собрания, которые проводили октябристы как легализованная партия, показали рост протестных настроений. Так, на собрании 14 января 1907 г. ведущий предложил лицам, не разделяющим программу октябристов, удалиться. В ответ собрание демонстративно покинуло около 200 человек из 250⁵. Неудивительно, что состоявшиеся 23 января 1907 г. выборы выборщиков по г. Новгороду и уезду значительным большинством голосов принесли победу оппозиции. Их кандидаты М.Н. Николаевский, И.А. Малюковский, И.В. Баулин получили, соответственно, 938, 836 и 731 голос, в то время как их оппоненты Н.И. Грешищев, А.В. Гедевский, М.И. Петров набрали, соответственно, 477, 460 и 396 голосов⁶.

Подобный исход выборов власти явно не устраивал, и 27 января 1907 г. Новгородская уездная по делам о выборах комиссия по протесту

¹ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород — Самара — Пенза. Пг., 1916. С. 18.

² Веселовский Б.Б. История земства. СПб., 1911. Т. 4. С. 621.

³ Ильмень. 1907. 9 января.

⁴ Ильмень. 1907. 21 января.

⁵ Ильмень. 1907. 21 января.

⁶ Ильмень. 1907. 28 января.

губернатора отменила выборы по следующим причинам: 1) во время выборов полиция задержала на расстоянии 82 шагов от места голосования оппозиционного агитатора; 2) Новгородская городская управа поручила полиции вручить 24 именных объявления о выборах лицам, проживающим в 2 верстах от Новгорода, хотя они должны были получить объявления лично в городской управе. Оппозиционные выборщики подали жалобу, полагая, что нарушений инструкции о выборах в данных случаях не было. По правилам того времени агитация была запрещена лишь в помещениях для голосования и снаружи у входа в эти помещения, а значит, оппозиция имела полное право агитировать за своих кандидатов вне избирательных участков. Вторая причина вообще выглядела как мелкая придирка. Понятно, что способ вручения объявления о выборах избирателям (через полицию или лично) никак не мог повлиять на исход выборов. Поскольку отмена выборов явно не соответствовала избирательным правилам, 31 января 1907 г. Новгородская губернская по делам о выборах комиссия согласилась с доводами оппозиции и признала правильными выборы от Новгорода¹. Губернатор это решение опротестовал, и 5 февраля 1907 г. Сенат подтвердил отмену выборов в Новгороде. Политическая подоплека данного решения была очевидна, на что обратила внимание местная пресса².

23 января 1907 г. на выборах в Малой Вишере победили оппозиционные выборщики. 28 января уездная избирательная комиссия утвердила выборы, не усмотрев в них нарушений. Однако губернатора это решение не устроило. 31 января он подал протест, по которому 3 февраля губернская избирательная комиссия кассировала выборы по следующим причинам: 1) перед началом молебна, предшествовавшего съезду городских избирателей, священник попытался произнести речь в консервативном духе, что было признано агитацией; 2) избирательная комиссия проверила права избирателей после того, как они прибыли в помещение для голосования; 3) избирательные записки были вручены избирателям в самом помещении, а не заранее; 4) из представленных документов не вытекало, что для составления записок было отведено особое помещение. Рассмотревшая впоследствии эти доводы комиссия II Государственной думы пришла к заключению, что отмена выборов в Малой Вишере «должна быть признана совершенной на основании крайне мелкой и придирчивой проверки выборного производства и крайне казуистического толкования законов и инструкций. Если бы такие правонарушения вызвали кассацию выборов, то ни одни выборы в России не могли бы остаться в силе»³.

Неблагоприятно для властей складывалась ситуация и в рабочей курии — на выборах 26 января 1907 г. там очевидно проходили левые кандидаты. В такой ситуации городской голова, который вел избирательное собрание, пошел на прямое нарушение закона — он пригласил себе в по-

¹ Ильмень. 1907. 4 февраля.

² Ильмень. 1907. 11 февраля.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 531. Л. 49.

мощь для подсчета голосов фабричного инспектора и городского секретаря. Они не были избирателями по рабочей курии и не имели права принимать участие в выборах. Таким образом, на выборах присутствовали и подсчитывали голоса посторонние лица, что категорически запрещалось — выборы были сорваны¹. Новые выборы губернатор не назначил, хотя время для их проведения было.

В Новгородской губернии власти отменяли выборы в тех уездах, где ситуация складывалась в пользу левых сил. При этом новые выборы, за отдельными исключениями, не назначались вопреки соответствующим правилам. Поэтому значительная часть населения лишилась возможности избрать своих выборщиков и тем самым оказать существенное влияние на исход выборов членов Думы. Наиболее вопиющая ситуация сложилась при выборах уполномоченных от волостей в Кирилловском уезде. Местные власти разослали по всему уезду неправильный образец приговора о выборах, который допускал открытое голосование, чем заранее поставили выборы на незаконную почву. Выборы состоялись по действующим правилам, но все приговоры были составлены по присланному неправильному образцу, что создавало почву для злоупотреблений. В итоге Кирилловская уездная избирательная комиссия утвердила выборы тех 20 уполномоченных, кому власти доверяли, а в 26 случаях выборы кассировали².

Совершенно по-иному власти реагировали на нарушения со стороны правых. Так, 22 января 1907 г. на съезде землевладельцев в Крестцах наблюдалось прямое нарушение закона — во время выборов агитаторы Союза 17 октября присутствовали в помещениях для выборов, вели агитацию, а один даже был удален городовым по требованию некоторых избирателей. В итоге избрали трех правых выборщиков, и уездная избирательная комиссия утвердила избрание. Поскольку нарушение было очевидным, губернская избирательная комиссия утром 6 февраля 1907 г. (первый день работы губернского избирательного собрания) отменила выборы. Тогда Новгородский губернатор немедленно внес по этому поводу протест в Сенат по телеграфу. В тот же день Сенат, не получив даже выборного производства, доверяя исключительно телеграфному сообщению губернатора, отменил решение губернской избирательной комиссии и в ту же ночь известил губернатора телеграммой о своем определении. Благодаря этому три исключенных выборщика на второй день губернского избирательного собрания приняли в нем участие, обеспечив своими голосами победу правых. Как подчеркивала позднее комиссия II Государственной думы, «нельзя не отметить совершенно непостижимой доверчивости Сената, который постановляет свой указ по телеграфному рапорту губернатора без рассмотрения дела»³.

В итоге, накануне решающего этапа голосования в Новгородском губернском избирательном собрании ситуация выглядела следующим об-

¹ Ильмень. 1907. 4 февраля.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 531. Л. 58 об.

³ Там же. Л. 56 об.

разом. Всего нужно было избрать 90 выборщиков. Власти кассировали выборы 2 выборщиков от рабочей курии, 3 выборщиков от Новгорода, 1 выборщика от Малой Вишеры. Тем самым, оппозиция потеряла 6 голосов. Из-за кассации выборов в Крестцах правые также потеряли 3 голоса. Утром 6 февраля в губернском собрании присутствовал 81 выборщик: 38 от съезда землевладельцев, 31 от съезда уполномоченных от волостей, 12 от съезда городских избирателей. Собрание началось с выборов от съездов уполномоченных от волостей. Крестьянские выборщики убедительным большинством голосов (20 против 11) избрали из своей среды крестьянина Череповецкого уезда, сельского учителя, социал-демократа П.Г. Измайлова. Затем уже в общем собрании было выдвинуто 12 человек (6 от оппозиции, 6 от правых), но все они были забаллотированы. Тогда объявили перерыв до следующего дня¹.

В тот же вечер в Софийской гостинице, находившейся рядом с Дворянским собранием, где проходили выборы, было устроено угощение, на которое усиленно зазывались крестьяне-выборщики, и где их уговаривали присоединиться к партии «правых». Это, конечно, формально не являлось нарушением избирательной процедуры. Гораздо серьезнее было другое — как уже отмечалось выше, в ночь с 6 на 7 февраля Сенат восстановил в правах 3 правых выборщиков из Крестцов и подтвердил отстранение от выборов 3 оппозиционных выборщиков от Новгорода. Тем самым 7 февраля к 81 выборщику добавились еще 3 представителя от землевладельцев Крестецкого уезда — состав собрания увеличился до 84 лиц².

Утром 7 февраля 1907 г. вновь выдвинули 12 человек, и снова все они были забаллотированы. Председатель собрания объявил перерыв до 6 вечера. Во время перерыва обе соперничающие стороны — правые во главе с октябристами и оппозиция — совещались в разных помещениях о своих кандидатах. К этому времени определилась промежуточная группа беспартийных выборщиков, преимущественно из крестьян Старорусского уезда, чьи голоса могли быть решающими. Тогда правые предложили им одно место в Думе при условиях, что они поддержат октябристов, а их представитель (крестьянин П.Е. Ефимов) войдет в парламенте во фракцию октябристов. Для закрепления договоренностей выборщик от Тихвинского уезда священник Н.И. Соколов привел к присяге 7 крестьян от волостей Старорусского уезда и 1 от Тихвинского уезда в том, что они будут голосовать за намеченных на совещании кандидатов. Священник снял с себя наперсный крест, дал целовать его участникам совещания, заставляя предварительно произносить слово «клянусь». Узнав об этой «процедуре» оппозиционные выборщики заявили протест, на который священник возразил, что он не к присяге привел выборщиков, а прочел им только для наизидания молитву. Присягнувшие выборщики уклонились от разговора, заявляя, что они уже связаны целованием креста³.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 531. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 57 об.

В итоге следующий тур голосования принес победу правым кандидатам крайне незначительным большинством голосов. За Г.С. Константинова (дворянин, землевладелец, октябрист, в Думе мирнообновленческая группа), К.Н. Тимирева (дворянин, земский начальник, октябрист) и Н.И. Богатова (крестьянин, волостной старшина, в Думе фракция октябристов) было подано по 43 голоса «за» при 41 — «против». Результаты М.И. Мельникова (крупный лесопромышленник, октябрист) и П.Е. Ефимова (крестьянин, в Думе фракция октябристов) были чуть лучше: по 46 голосов «за», 38 — «против». Оппозиционные кандидаты получили от 37 до 40 голосов «за» и от 44 до 47 — «против»¹.

Итоги голосования показывают, что без прямого административного воздействия на выборы октябристы вряд ли смогли бы победить. Неудивительно, что после созыва II Государственной думы в нее поступили жалобы от оппозиционных избирателей И.А. Корсакова, А.И. Малюковского, М.Н. Николаевского и др. В одной из коллективных жалоб говорилось: «Такое неодинаковое отношение губернской администрации к различным группам выборщиков является актом незакономерным и, нося характер личного усмотрения, может быть объяснено только намерением администрации оказать воздействие на результаты выборов в губернском избирательном собрании»². И.А. Корсаков отмечал, что при проведении выборов «было допущено явно одностороннее и пристрастное отношение местных властей. Поэтому, в результате состав выборщиков явился искусственно подобранным в отношении ослабления левых политических партий и усиление правых»³. На эти жалобы председатель Новгородского губернского избирательного собрания князь П.П. Голицын дал ответ, больше похожий на издевательство: «Существенными частями всех этих жалоб является жалоба на одностороннее и пристрастное, будто бы, отношение как местных властей, так даже и Правительствующего Сената, последствием чего некоторые выборщики были лишены своих избирательных прав. Так как жалобы эти не касаются самого производства выборов, то по этим пунктам никаких объяснений не считаю себя в праве давать»⁴.

2 мая 1907 г. VII отдел Государственной думы, рассмотрев доклад члена отдела Д.В. Уразова о проверке выборов в Новгородской губернии, принял решение об отмене выборов в губернии (за исключением выборов П.Г. Измайлова) по следующим основаниям: 1) власти Новгородской губернии «действовали крайне пристрастно, по одним и тем же причинам отменяя выборы, либо с назначением новых, либо без назначения новых, по одним и тем же основаниям»; 2) в губернское собрание «не были допущены выборщики, которые должны быть в него допущены, и были допущены те, избрание которых следовало бы кассировать»;

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 531. Л. 5 об.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 28.

3) в кассации и утверждении выборов, «в спешности и медлительности этой процедуры власти проявили явное пристрастие»; 4) оказывалось давление на совесть избирателей (имелось в виде целование креста); 5) Сенат принимал решения, не изучая дела, только по голословным протестам губернатора¹. Тем самым административное воздействие на ход выборов серьезно изменило соотношение политических сил, имело решающее влияние на итоги выборов и дало от Новгородской губернии несоответствующее настроениям избирателей представительство. II Государственная дума до своего роспуска не успела на пленарном заседании рассмотреть этот вопрос, и, поэтому, выборы в Новгородской губернии так и не были отменены.

Административное воздействие на выборы в Новгородской губернии не было чисто местным явлением — подобные факты имели место по всей стране². На сегодняшний день нет полной статистики нарушений на выборах, но отдельные цифры имеются. По данным В.А. Демина I Дума аннулировала выборы 11 депутатов от 1 округа, III Дума аннулировала выборы 1 депутата и признала неправильными выборы 5 депутатов³. На выборах во II Думу современники насчитали 70 случаев кассации выборов, из них в 3 случаях отменено избрание проправительственных выборщиков, в 67 случаях — оппозиционных. На выборах в III Думу губернаторы обжаловали 184 решения уездных комиссий и 15 губернских⁴. Подобные действия администрации подрывали авторитет народного представительства и приводили, с одной стороны, к апатии и абсентеизму, а с другой — к росту протестных настроений.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 531. Л. 60.

² *Малышева О.Г.* Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М., 2018. С. 140–142.

³ *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 31.

⁴ *Демин В.А.* Организация выборов. С. 429–430.

«ПЕРВАЯ КУРИЯ — КУРИЯ ОКТЯБРИСТСКАЯ»: К ИСТОРИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ВЫБОРОВ В III ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ПО 1-Й КУРИИ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ТИМОХИНА ДАРЬЯ АРКАДЬЕВНА,

кандидат исторических наук,

специалист по связям с общественностью

Некоммерческого партнерства

«Издательское, исследовательское и просветительское

содружество „Посев“»,

Москва, Россия;

e-mail: darktimokhina@gmail.com

Аннотация: В статье на основе документов партийного делопроизводства, источников личного происхождения и материалов периодической печати («Голос Москвы», «Земщина», «Новое время», «Речь» и др.) впервые реконструирован ход предвыборной кампании по дополнительным выборам депутата III Государственной думы по 1-й курии избирателей г. Санкт-Петербурга. Автор анализирует отношение общественности и различных политических сил к внеочередным выборам, в центре внимания — особенности электоральной политики кадетов и октябристов. Проведенный анализ позволил сделать вывод о причинах успеха «Союза 17 октября» и выявить нарушения кадетами избирательного законодательства.

Ключевые слова: III Государственная дума, выборы, агитация, «Союз 17 октября», электорат, конституционно-демократическая партия, Л.Ф. Пантелеев, А.Я. Прозоров.

В самом конце четвертой сессии III Государственной думы, 19 апреля 1911 года, в швейцарской Лозанне скончался депутат от 1-й курии г. Санкт-Петербурга октябрист С.П. Беляев¹. Избранному вместо него депутату предстояло провести в Думе всего одну сессию накануне ее роспуска, новых общеимперских выборов и созыва IV Государственной думы.

Дополнительные выборы 1911 г. стали 44 (и последними)² довыборами в истории III Думы, причем уже вторыми в столице, и проходили в разгар подготовки различных политических сил к «большим» думским выборам 1912 г.³ Эти два обстоятельства во многом предопределили низкую активность политических партий при выдвижении кандидатов.

¹ С.П. Беляев // Голос Москвы. 1911. 21 апреля.

² Подсчитано по: Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. / сост. Канцелярией Государственной думы. СПб., 1912. С. 8, 68–70.

³ Эти довыборы ранее не привлекали внимания исследователей, о них вскользь упоминает в своей монографии Ф.А. Гайда: *Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917)*. М., 2016. С. 158.

Высочайший указ о проведении дополнительных выборов 7 октября 1911 г. был обнародован 5 июля¹. На проведение избирательной кампании отводилось три месяца — больше, чем на аналогичную кампанию по 2-й курии в 1909 г. (меньше двух месяцев)².

Фаворитами предвыборной гонки были октябристы, одержавшие в столице в 1907 г. уверенную победу. Они первыми же — в августе — определились с кандидатом. Им стал председатель Санкт-Петербургского биржевого комитета А.Я. Прозоров³. Автономная немецкая группа «Союза 17 октября» официально эту кандидатуру так и не поддержала, предложив своим членам свободу выбора⁴. В поддержку Прозорова выступил Всероссийский национальный союз, особо отметив, что октябристский кандидат, «находясь в близком соприкосновении к банковским кругам, где очень велико инородческое влияние, <...> как был по рождению, так и остался по духу и деятельности крепким русским человеком»⁵.

Кадеты, провалившиеся на выборах 1907 г., по-прежнему испытывали трудности с поиском кандидата, который одновременно являлся бы членом партии и обладал достаточным политическим весом среди электората 1-й курии. Еще осенью 1910 г. столичный комитет партии начал работу по составлению списка кандидатов к грядущим выборам в IV Думу, в том числе вел переговоры с оппозиционными, но непартийными деятелями⁶.

Внеочередная избирательная кампания застала кадетов врасплох. Вероятно, они берегли лучших кандидатов для «больших» выборов, рассчитывая, что те смогут проработать в Думе весь положенный срок, а не одну сессию. В прессе в сентябре в качестве кандидатов указывались М.П. Федоров и Л.А. Велихов⁷. Внесло коррективы в подготовку

¹ Именной высочайший указ Правительствующему сенату № 1284 от 5 июля 1911 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 51. Л. 111; Петербург // Голос Москвы. 1911. 5 июля. В литературе ошибочно указывается другая дата проведения выборов — 7 сентября. См., напр.: Прозоров Алексей Яковлевич // Государственная дума Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия / Ред. кол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2008. С. 505.

² К выборам в Государственную думу // Речь. 1909. 1 августа.

³ Кандидат в Г[осударственную] Думу от г. Петербурга // Земщина. 1911. 28 августа; Сведения о члене Государственной думы // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 639. ЛЛ. 2–3.

⁴ Хроника // Россия. 1911. 6 октября.

⁵ Г[осударственная] дума и Г[осударственный] совет // Новое время. 1911. 9 сентября; Дополнительные выборы // Голос Москвы. 1911. 22 сентября.

⁶ Протокол заседания Санкт-Петербургского городского комитета 10 ноября 1910 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 336. ЛЛ. 81 об., 85; Протокол заседания Санкт-Петербургского городского комитета 24 ноября 1910 г. // Там же. Л. 92; Протокол заседания Санкт-Петербургского городского комитета 10 декабря 1910 г. // Там же. ЛЛ. 95, 100 об., 101; Протокол заседания Санкт-Петербургского городского комитета 2 февраля 1911 г. // Там же. Л. 108 об.

⁷ Земство и город // Россия. 1911. 24 сентября; К выборам в Г[осударственную] думу // Новое время. 1911. 25 сентября; Кадетский кандидат // Голос Москвы. 1911. 6 сентября.

кадетов к октябрьским выборам и убийство председателя Совета министров П.А. Столыпина и последовавшее за ним введение в столице положения усиленной охраны — был, например, произведен обыск у члена партии А.В. Тырковой¹. Кадеты окончательно определились с кандидатурой менее чем за две недели до выборов, 26 сентября. Партийным кандидатом неожиданно стал бывший член кадетского городского комитета, председатель комитета Литературного фонда Л.Ф. Пантелеев. По словам «Речи», он представлял собой «редкое сочетание лучших сторон русского старого интеллигента вместе с богатым практическим опытом, деловитостью и терпимостью человека, много жившего, страдавшего и видевшего»². В личном фонде Л.Ф. Пантелеева сохранился денежный отчет этой внеплановой избирательной кампании. Партии народной свободы удалось собрать 755 руб. пожертвований, из которых 362 руб. 13 коп. было потрачено на типографские расходы и организацию предвыборного собрания³.

За депутатский мандат решил побороться и один «дикий» кандидат — сын писателя Л.Н. Толстого Л.Л. Толстой, бывший октябрист⁴. Старт предвыборной гонки совпал с решением вопроса о продаже в казну усадьбы «Ясная Поляна», поэтому, по мнению прессы, Лев Львович лишний раз эксплуатировал имя своего покойного отца⁵.

Особенностью рассматриваемой избирательной кампании стало отсутствие предвыборных собраний. Единственное запланированное на 2 октября в зале Тенишевского училища кадетское собрание было закрыто полицией, даже не успев начаться, т.к. не «поступило соответствующих указаний со стороны градоначальства». Организатор — член городского комитета партии, купец В.Ф. Марков — подал на имя градоначальника Д.В. Драчевского уведомление о проведении публичного собрания, ссылаясь на Временные правила 4 марта 1906 г. об обществах и союзах⁶. Марков не мог не знать по опыту предыдущих избирательных кампаний, что по действующему законодательству администрацией допускаются лишь районные собрания лиц, внесенных в список избирателей конкретной курии. Отмена собрания только сыграла на руку кадетам и позволила позже утверждать, что собрание разогнано полицией, хотя заявление градоначальнику было подано своевременно⁷.

Октябристы предвыборные собрания не устраивали. «Они предпочитают свой тесный домашний круг, — писала „Речь“, — где все говорят в один голос, нет бурного столкновения мнений, из которого, по пословице, долж-

¹ Письма в редакцию // Речь. 1911. 9 сентября.

² Кандидат в депутаты Петербурга // Речь. 1911. 27 сентября.

³ Отчет по приходу и расходу денежных сумм городского комитета по дополнительным выборам 7 октября 1911 г. // РГАЛИ. Ф. 1691. Оп. 4. Ед. хр. 10. ЛЛ. 4–5.

⁴ После борьбы // Биржевые ведомости. 1911. 10 октября (веч. вып.).

⁵ Избрание г. Прозорова // Земщина. 1911. 9 октября.

⁶ Дополнительные выборы // Голос Москвы. 1911. 2 октября; К выборам в Государственную думу // Речь. 1911. 2 октября; Хроника // Речь. 1911. 3 октября.

⁷ Выборы депутата от г. Петербурга // Речь. 1911. 9 октября.

на родиться истина, где заранее обеспечено общее сочувствие, заготовлены аплодисменты»¹.

Выступая 3 октября «в тесном домашнем кругу», на закрытом заседании петербургского городского совета и участковых комитетов партии, А.Я. Прозоров отметил «особую важность экономического вопроса в государственной жизни» и в этой связи необходимости участия в законотворческой работе «людей жизненного опыта и практических знаний». Лидер партии А.И. Гучков особо подчеркнул, что после убийства П.А. Столыпина «больше, чем когда-нибудь, нужно беречь народное представительство, не выбирая в ряды народных представителей людей, которые своей политической деятельностью вели эту идею к гибели»².

В отсутствие публичных дебатов политические оппоненты охотно обращались к избирателям с воззваниями. «Поощрение кадетского кандидата, — говорилось в воззвании «Союза 17 октября», — явилось бы нравственным одобрением того круга идей, которыми питается русская смута, та смута, которая нанесла такие тяжкие удары нашей родине и которая в своем отвратительном, но неизбежном возрождении несет за собой террор»³.

В воззвании петербургского отдела Всероссийского национального союза подчеркивалось, что А.Я. Прозоров — русский по происхождению, «отмечен много раз избранием на ответственные должности». «Печальное киевское событие [убийство П.А. Столыпина] ясно доказало, что революционные силы поднимают голову, слуги и ставленники революции все сделают, чтобы использовать момент и завоевать положение»⁴.

В двух воззваниях и листовке кадетской партии также осмыслялось значение выборов для текущего политического момента как возможного суда над думским центром, его политикой и тактикой и описывались достоинства Л.Ф. Пантелеева: «[Л.Ф. Пантелеев] совершил культурную работу огромного значения, отдав часть своего состояния на издание множества научных сочинений, переведенных с иностранных языков и распространенных по всему лицу земли русской в десятках тысяч экземпляров <...> Будучи знатоком Востока [он] будет полезным членом Думы при разрешении вопросов, связанных с нашими азиатскими окраинами. Не менее полезным членом он окажется и в вопросах финансовом и экономическом. В этой области Лонгин Федорович может быть особенно полезен Петербургу, т.к. у него имеются определенные воззрения на необходимость изменения нашей экономической политики в смысле поднятия Петербурга как рынка для внешней торговли»⁵.

¹ Санкт-Петербург, 5 октября // Речь. 1911. 5 октября.

² Предвыборное собрание // Голос Москвы. 1911. 4 октября.

³ Воззвание Петербургского городского совета «Союза 17 октября» «Граждане избиратели! Предстоят выборы...» // РГАЛИ. Ф. 1691. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 99.

⁴ Цит. по: Дополнительные выборы // Голос Москвы. 1911. 7 октября.

⁵ [Печатная агитация партии народной свободы] // РГАЛИ. Ф. 1691. Оп. 4. Ед. хр. 9. ЛЛ. 104, 115, 134.

В воззвании к избирателям сформулировал свою предвыборную программу и Л.Л. Толстой — в Государственной думе он планировал заниматься вопросами церковной реформы, начального образования и народной трезвости¹.

Настоящая полемика между кадетами и октябристами развернулась на страницах прессы, тем более, что все три кандидата активно давали интервью².

Кадеты придавали большое значение выборам: «Вся политика и тактика этой группы [октябристов] в Гос[ударственной] думе и вне ее получили репутацию бессилия, лицемерия и угодничества <...> И мы не сомневаемся, что при сколько-нибудь нормальных условиях приговор над октябристами <...> в Петербурге был бы произнесен решительный»³. «Речь» задавала читателям риторический вопрос: «Где заслуга <Прозорова как председателя биржевого комитета>, если он для биржи ровно ничего не сделал хорошего? Ни единой чертой творчества не отмечена его инертная, бесцветная и никчемная деятельность. Разве только то, что мешал всяким попыткам изменить архаический устав биржи в смысле привлечения более широких кругов биржевого купечества»⁴.

Октябристская и правая печать критиковала Л.Ф. Пантелеева за возраст, революционное прошлое («тюремный ценз»), весь опыт его торгово-промышленной деятельности сводя к «продаже секретных русских планов польским повстанцам»⁵, и даже за издание «плохих переводов иностранных авторов»⁶. «Бедный семидесятидвухлетний старичок Пантелеев в роли трепаного, ветхого знамени, которым помашут, чтобы потом спрятать в склад бутафорского хлама», он «давно как общественный деятель пережил себя»⁷. «Земщина» утверждала, что «в жидовской партии полное безлюдье, если понадобилась такая мумия, как г[осподин] Пантелеев»⁸. «Свет» зло иронизировал над кадетами: «Уж не в председатели ли комиссии [по] государственной оборон[е] они его намечали?»⁹.

Политическим оппонентам кадетов вовсе не требовалось проводить какое-то сенсационное журналистское расследование — Пантелеев довольно подробно рассказал о революционной юности в своих воспоми-

¹ [Воззвание Л.Л. Толстого к избирателям] // Там же. Л. 23.

² Накануне выборов депутата от Петербурга [Интервью с А.Я. Прозоровым] // Петербургская газета. 1911. 28 сентября; Начало избирательной кампании // Биржевые ведомости. 1911. 27 сентября (веч. вып.); Эс. Беседа с Л.Л. Толстым // Петербургская газета. 1911. 6 октября.

³ Санкт-Петербург, 1 октября // Речь. 1911. 1 октября.

⁴ Влад. Азов [Ашкинази В.А.]. Кандидат нараспашку // Речь. 1911. 30 сентября.

⁵ Странная аргументация // Голос Москвы. 1911. 12 октября.

⁶ Кадетский кандидат // Голос Москвы. 1911. 4 и 5 октября; Новый кандидат // Земщина. 1911. 28 сентября; Кадетский кандидат // Новое время. 1911. 27 сентября.

⁷ Заметки // Новое время. 1911. 28 сентября.

⁸ В.Г. Оба хороши // Земщина. 1911. 1 октября.

⁹ После выборов // Свет. 1911. 10 октября.

нениях, впервые опубликованных в 1903–1908 гг.¹. Он принимал участие в революционном движении 1860-х годов, был членом «Земли и воли», привлекался к дознанию по подозрению в причастности к восстанию 1863 года в Польше. В 1865 г. Пантелеев был лишен дворянского достоинства, всех прав состояния и сослан на каторжные работы. В 1866 г. по высочайшему повелению он был освобожден от каторжных работ и сослан в Енисейскую губернию, а в 1874 г. восстановлен в правах состояния².

Между тем, согласно ст. 10 Положения о выборах, в выборах не могли участвовать «лица, подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение и ограничение прав состояния <...> хотя бы после состоявшегося осуждения они и были освобождены от наказания за давностью лет, примирением, силою всемилостивейшего манифеста или особого высочайшего повеления»³. Таким образом, формально выдвижение кандидатуры Л.Ф. Пантелеева было незаконным.

«Форменного предателя городу Пет[ербургу] предлагают выбрать св[оим] представителем, — негодовала на страницах своего дневника журналистка С.И. Смирнова-Сазонова. — Кадеты пишут о его славном прошлом. Кто бы подумал, что этот старикашка, кот[орый] бывал у нас в доме, так[ой] пакостник. И мы этому Азефу руку подавали! Но нет худа без добра, все теперь узнают, что кадеты называют славным прошлым — и чего можно ждать от них»⁴.

Сами выборы, по оценке современников, «прошли вяло», никаких нарушений отмечено не было⁵. Несколько человек, в том числе купец С.М. Ушин, явились без именных объявлений (повесток), т.к. якобы не получили их⁶. Убедительную победу одержал А.Я. Прозоров, набравший 754 голоса. Второе место занял Л.Ф. Пантелеев (423 голоса). За Л.Л. Толстого проголосовал 21 избиратель. Явка составила всего 53 % от и без того незначительного числа избирателей 1-й курии, получивших повестки (2260 человек, еще 500 повесток остались неврученными), — многие горожане еще не вернулись с летних вакаций⁷. По сравнению с «большими»

¹ Пантелеев Л.Ф. Из ранних воспоминаний. СПб., 1903; его же. Из воспоминаний прошлого. Кн. 1–2. СПб., 1905–1908.

² Неупокоев В.И. Л.Ф. Пантелеев на процессе по делу Петербургской революционной организации // Проблемы истории общественного движения и историографии. Сб. ст. к 70-летию акад. М.В. Нечкиной / Сост. Г.М. Амешина. М., 1971. С. 183–193; Свидетельство Енисейского губернского правления о возвращении личных и имущественных прав от 15 апреля 1874 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 6.

³ Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную думу [3 июня 1907 г.] // ПСЗ-3. СПб., 1910. Т. XXVII. Отд. 1. № 29242. С. 322.

⁴ [Дневник С.И. Смирновой-Сазоновой. 6 октября 1911 г.] // РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Ед. хр. 58. Л. 357.

⁵ Выборы депутата от г. Петербурга // Речь. 1911. 8 октября.

⁶ Дополнительные выборы // Голос Москвы. 1911. 8 октября.

⁷ Выборы в Государственную думу от г. Санкт-Петербурга // Россия. 1911. 8 октября; Выборы депутата от г. Петербурга // Речь. 1911. 9 октября; Дополнительные выборы // Голос Москвы. 1911. 8 октября.

выборами 1907 г. явка снизилась на 6 %, а общее число избирателей 1-й курии уменьшилось почти на 1/3 (с 3816 до 2763 человек). Таким образом, в процентном соотношении октябристы улучшили свои показатели по сравнению с прошлыми выборами (63 % у А.Я. Прозорова против 59 % у В.К. фон Анрепа), однако в абсолютных показателях их электорат сократился почти в два раза¹.

Октябристы рассматривали победу А.Я. Прозорова как доказательство «прочности положения октябристов в Петербурге», «моральную санкцию избирателей политики октябристов Думе»². По мнению «Голоса Москвы», почти двукратное превосходство октябристского кандидата «как нельзя лучше ответило на кадетским лидерам, на чьей стороне симпатии и сочувствие общества»³.

Неудачная баллотировка Л.Ф. Пантелеева имела для кадетов неприятное продолжение. Вопрос об избирательных правах их кандидата вновь обсуждался не только в прессе, но и в самой Государственной думе.

Через неделю после выборов в «Новом времени» вышла статья С.И. Смирновой-Сазоновой «Приличный кандидат», в которой Л.Ф. Пантелеев сравнивался с «тушинским вором» Лжедмитрием II, и прямо ставился вопрос: может ли он после всех разоблачений оставаться председателем Литературного фонда?⁴ Распространялись слухи о массовом выходе из кадетской партии провинциальных членов из-за выдвижения кандидатуры Пантелеева, «человека, крайне опороченного и замеченного в деле государственной измены»⁵. Однако выявить сведения о подобном демарше на местах среди сохранившихся материалов партийного делопроизводства нам не удалось. Л.Ф. Пантелеев вынужден был публично защитить свою честь и достоинство. В надежде прекратить травлю он опубликовал открытое письмо в газете «Речь», в котором среди прочего заявил, что не считает себя обязанным «опровергать явные передержки» и «вступать в объяснения с людьми, стоящими ниже известного нравственного уровня»⁶.

Между тем, 1-й отдел Государственной думы сильно затянул с рассмотрением выборного производства. Первое заседание, намеченное на 24 октября, не состоялось из-за отсутствия кворума⁷. В тот же день депутат В.А. Бобринский обратился за разъяснением к министру внутренних дел А.А. Макарову: на каком основании внесен в списки избирателей Л.Ф. Пантелеев, лишенный всех прав состояния?⁸. Задержка

¹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 1. ЛЛ. 2-38.

² Выборы депутата от г. Петербурга // Речь. 1911. 9 октября.

³ Дополнительные выборы // Голос Москвы. 1911. 9 октября.

⁴ Смирнова-Сазонова С.И. Приличный кандидат // Новое время. 1911. 19 октября.

⁵ Не стерпели! // Земщина. 1911. 22 октября; Среди кадетов // Голос Москвы. 1911. 22 октября.

⁶ Пантелеев Л. Открытое письмо С.И. Смирновой // Речь. 1911. 20 октября.

⁷ Протокол заседания 1-го отдела Государственной думы 24 октября 1911 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 51. Л. 130.

⁸ В.А. Бобринский — председателю 1-го отдела Государственной думы В.А. Маклакову, 24 октября 1911 г. // Там же. Л. 131.

в работе 1-го отдела вызвала возмущение ряда правых депутатов, обратившихся, в свою очередь, за разъяснением к председателю Думы¹. Выборное производство было утверждено лишь 12 апреля 1912 г., на том же заседании было рассмотрено обращение В.А. Бобринского². Секретарь Государственной думы И.П. Созонович сделал запрос в Министерство внутренних дел³. Товарищ министра А.Н. Харузин спустя два месяца уведомил Думу, что сведений о судимости Пантелеева «не имеется ни в делах Санкт-Петербургского градоначальства, ни в издаваемых Статистическим управлением Министерством юстиции ведомостях справок о судимости за все время издания ведомостей, а именно с 1870 г.»⁴. Можно считать это письмо своего рода отпиской: Л.Ф. Пантелеев проходил по картотеке Департамента полиции, сохранились справки 1898–1902 гг. о его политической благонадежности, содержащие, в том числе, сведения о судимости⁵.

Промежуточные выборы стали последней пробой сил для власти и отдельных политических партий перед решающей «схваткой» — выборами в IV Государственную думу. Убийство П.А. Столыпина и скандал вокруг кадетского кандидата Л.Ф. Пантелеева, скорее подходившего для интеллигентской 2-й курии, сплотили активную часть столичного электората 1-й курии вокруг октябристов. Несмотря на умелую дискредитацию политических оппонентов в печати, кадетам не удалось укрепить свои позиции в 1-й курии.

¹ [Письмо за подписью 39 депутатов на имя председателя Государственной думы, январь 1912 г.] // Там же. ЛЛ. 139–139 об.

² Журнал заседания 1-го отдела Государственной думы 12 апреля 1912 г. // Там же. Л. 134.

³ И.П. Созонович — министру внутренних дел, 14 апреля 1912 г. // Там же. Л. 138.

⁴ А.Н. Харузин — И.П. Созоновичу, 18 июня 1912 г. // Там же. Л. 140.

⁵ См. напр.: Дело о дворянине Л.Ф. Пантелееве // ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1901. Д. 64.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ В 1906–1917 гг.: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДИСКУССИИ 1906–1910 гг. ОБ УЧАСТИИ ДЕПУТАТОВ ОТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО В РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

БАХТУРИНА АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВНА,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории государственных учреждений
и общественных организаций
Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: b-a-t13@mail.ru

Аннотация: В статье проанализированы дискуссии в российских и российско-финляндских совещаниях об участии депутатов от Финляндии в работе Государственной думы и Государственного совета Российской империи в 1906–1910 гг. Рассматриваются позиции сторон, отмечается, что изменения российской политической системы после революции 1905–1907 гг. повлияли на политику самодержавия в отношении Великого княжества Финляндского. Показано, что глубинные причины отказа финляндских политиков участвовать в работе Государственной думы и Государственного совета были вызваны стремлением к сохранению автономных прав Финляндии и самостоятельности ее представительных учреждений. Сделан вывод об отказе обеих сторон идти на уступки при решении данной проблемы

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Государственная дума, Государственный совет, Д.М. Сольский, А.Ф. Лангоф, Ю.Э. Мякелин, П.А. Столыпин.

Статус Великого княжества Финляндского в Российской империи после революции 1905 г. неоднократно обсуждался политиками и государ-

ственными деятелями. Важным аспектом проблемы стал вопрос о соотношении и взаимосвязи высших законодательных учреждений России и законодательных и исполнительных органов Финляндии как через участие представителей от Великого княжества Финляндского в деятельности Государственной думы и Государственного совета, так и за счет изменения порядка финляндского законодательства.

Одним из первых к этой проблеме обратился А.Я. Аврех, рассмотрев дискуссии о формах участия населения Финляндии в общеимперском законодательном процессе в 1910 г.¹ В подавляющем большинстве российских и финляндских исследований вопрос об участии депутатов от Финляндии в Государственной думе и Государственном совете Российской империи не рассматривается. Основное внимание уделяется антифинляндскому законодательству царизма начала XX в. и политике в отношении Финляндии в целом². Несмотря на определенный интерес к данной проблематике, остается открытым вопрос о ходе дискуссии между российской и финляндской стороной об участии финляндских депутатов в работе российских представительных учреждений в 1906 г.

После издания манифеста 6 августа 1905 г. о созыве Государственной думы встал вопрос о том, каким образом будет формироваться в Думе представительство от Великого княжества Финляндского, поскольку в манифесте 6 августа 1905 г. об этом не говорилось.

В феврале 1906 г. председатель Особого совещания для разработки необходимых изменений в учреждении Государственного совета Д.М. Сольский обратился с письмом к министру статс-секретарю А.Ф. Лангофу с просьбой представить предложения по данному вопросу об участии представителей Финляндии в Государственной думе и Государственном совете³. С аналогичной просьбой Сольский обратился к финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду. Лангоф в своем ответе Сольскому от 7 марта 1906 г. отметил, что «едва ли участие в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского может быть полезным для решения общих для Империи и Великого княжества

¹ Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М., 1968. С. 55.

² Арзамасцева Е.Н. Российская власть в финляндской политической печати начала XX века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 7. С. 133–139; Юсиса О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009; Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А. Национальный вопрос в Государственных думах России (опыт законотворчества). М., 1999; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи и Великое княжество Финляндское в 1905–1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке Основных государственных законов 1906 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 126–141; Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996; Седова Я.А. Рассмотрение законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения в Государственной думе и Государственном совете в 1910 году // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2015. С. 146–155.

³ Материалы высочайше учрежденного под председательством гр. Д.М. Сольского совещания. СПб., 1906. С. 5–6.

Финляндского вопросов», т.к. «неоспоримыми актами Финляндии предоставлена самостоятельность в области местного законодательства»¹. В этой связи Н.Н. Герард отмечал, что «в финском обществе с большими опасениями прислушиваются к тем проектам, на основании которых Финляндский сейм был бы устранен от обсуждения так называемых общегосударственных законов или же потерял значение решающего законодательные вопросы учреждения, а взамен того было бы установлено участие лишь нескольких представителей от Финляндии в Государственной думе»².

В качестве одной из причин, по которым А.Ф. Лангоф считал невозможным участие представителей Финляндии в российских законосовещательных учреждениях, он называл незнание русского языка большинством населения Великого княжества.

Оговорив нецелесообразность участия представителей Великого княжества Финляндского в деятельности Государственной думы, Лангоф предложил альтернативный вариант участия населения Финляндии в общегосударственном законодательном процессе: создать особый орган (совещание) для обсуждения вопросов, имеющих общее значение для империи и княжества. Этот орган должен был подчиняться только императору, состоять из русских и финнов. Председатель совещания должен был назначаться императором. Разработанные и одобренные этим совещанием законопроекты должны передаваться на обсуждение в той части, которая касается империи — Государственной думе, а Финляндии — Сейму, которые и принимают по ним отдельные решения. Рассмотренные в этих учреждениях законопроекты утверждаются императором и становятся законом³. При этом Лангоф отмечал, что «Сейм, как и раньше, должен совмещать в себе законодательную власть и в своей деятельности не должен быть подчиненным иному русскому учреждению, а быть независимым»⁴.

Свои предложения по организации взаимодействия Финляндии с Государственной думой и Государственным советом выдвинул финляндский генерал-губернатор Н.Н. Герард. В записке от 24 февраля (9 марта) 1906 г. он отмечал, что порядок разрешения общегосударственных вопросов должен одинаково ограждать интересы обеих частей России. «Нельзя допустить, чтобы законодательные учреждения империи были устранены от разрешения законодательных вопросов, имеющих общегосударственное значение». Одновременно он отмечал, что автономные права Финляндии исключают возможность подчинения Сейма Государственной думе и Государственному совету.

Для решения вопроса с точки зрения интересов и Финляндии, и Российской империи Герард предлагал наделить правом законодательной

¹ Материалы высочайше учрежденного под председательством гр. Д.М. Сольского совещания. СПб., 1906. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Там же.

⁴ Там же.

инициативы в вопросах общегосударственного законодательства финляндский Сенат и Совет министров. Для предварительного обсуждения законопроектов перед внесением их в представительные учреждения Герард предлагал создать Совет из представителей финляндского и имперского Сенатов (по 2 от каждого) и министра статс-секретаря. Совет должен был давать заключения по законопроектам общегосударственного значения перед внесением их на высочайшее рассмотрение¹. Это предложение было принято Совещанием, но было дополнено положением о включении в состав Совета председателя Совета министров, министров, министра статс-секретаря и финляндского генерал-губернатора². С этим предложением были не согласны К.И. Пален, А.А. Половцов, Н.Н. Герард, Ф.Г. Тернер, С.Ю. Витте, А.А. Будберг³. Лангоф пытался убедить графа Сольского в том, что проект неприемлем и подлежит радикальной переработке.

Лангоф также представил особое мнение членам Совещания, где говорилось, что русских членов Комитета больше, и если создать Комитет помимо Сейма, то это вызовет возмущение населения⁴. В итоге Совещание для разработки необходимых в Учреждении Государственного совета изменений в апреле 1906 г. не пришло к окончательному решению о порядке издания законов, общих для империи и Финляндии, и, соответственно, участии финляндских представителей в этом процессе.

Обсуждение вопросов об участии депутатов от Финляндии в Думе и Государственном совете возобновилось после издания закона 20 мая (2 июня) 1908 г., согласно которому все финляндские дела, до доклада их императору, рассматривались в Совете министров, который решал, какие из них затрагивают интересы империи, а какие нет.

Закон вызвал сильное противодействие Сейма и Сената. Финляндский сенат 9 (22) декабря 1908 г. ходатайствовал перед императором о передаче закона 20 мая 1908 г. на пересмотр составленной из русских и финляндских членов комиссии и немедленном приостановлении действия данного закона. В ходатайствах Сената от 6 (19) июня и 9 (22) декабря отмечалось, что правила 20 мая 1908 г. создают такой порядок, при котором монарх управляет Финляндией при содействии русского Совета министров⁵. Предложение финляндской стороны о создании совместной комиссии было принято, но не для пересмотра закона, а для определения перечня вопросов, относящихся к общеимперскому или местному законодательству. Эта задача деятельности Комиссии была сформулирована в журнале Особого совещания от 29 декабря 1908 г.⁶. Комиссии предстояло определить, что относится к сфере общегосударственного и местно-

¹ Материалы высочайше учрежденного под председательством гр. Д.М. Сольского совещания. СПб., 1906. С. 12.

² Там же. С. 76.

³ ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.

⁴ Материалы высочайше учрежденного под председательством гр. Д.М. Сольского совещания. С. 77.

⁵ Заявления европейских ученых о финляндском вопросе. СПб., 1910. С. 78.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1159. ЛЛ. 128 об. — 133 об.

го законодательства, разработав перечень вопросов, подлежащих общеимперскому законодательству.

В этой связи Особое совещание рассмотрело два возможных способа участия представителей Финляндии в Государственной думе и Государственном совете: либо населению Финляндии представляется право посылать своих выборных представителей в Думу и Государственный совет, либо на время рассмотрения там общеимперских законопроектов, касающихся Финляндии, в них командировается определенное число членов финляндского Сейма или Сената, которые принимают участие в обсуждении только этих законопроектов¹.

В случае принятия первой схемы программа оговаривала неприемлемость финляндского избирательного законодательства, основанного на всеобщем избирательном праве. В случае выборов в Государственную думу и Государственный совет депутатов Финляндии предлагалось «по возможности» ввести в Финляндии нормы российского избирательного права. Совещание пришло к выводу о том, что Финляндия не имеет права посылать более чем двух депутатов в Думу и двух депутатов в Государственный совет².

Совет министров 17 марта 1909 г. одобрил предложения Особого совещания. 28 марта 1909 г. была образована русско-финляндская комиссия для выработки проекта правил о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. В ходе работы Комиссии финляндская сторона предложили альтернативный вариант участия финнов в обсуждении общеимперских законов. Особо оговаривалось, что, во-первых, внутренними делами Финляндии следует считать все без исключения касающиеся ее вопросы, исключая внешнеполитические, во-вторых, внутренние дела, даже если они затрагивают интересы империи, решаются на основании финляндского законодательства, поскольку «Государственный совет и Государственная дума в сих делах не компетентны»³. Для решения такого рода дел предлагалось ввести особый порядок их решения и создать «особые русскую и финляндскую делегации, которые избираются в равном числе членов народным представительством каждой страны и заседают отдельно»⁴. Связываются делегации между собой только письменно. В случае если членам делегаций удастся достичь единого мнения, то их решение предоставляется на Высочайшее утверждение и издается в виде особых параллельных законов по Империи и по Финляндии. При отсутствии соглашения между делегациями дела оставляются без последствий, за исключением «некоторых военных дел административного характера, кои в таком случае разрешаются единолично» императором⁵.

¹ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 55.

² Там же. С. 56.

³ Труды Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского. СПб., 1910. С. 3–4.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же.

Относительно участия представителей Княжества в деятельности Государственной думы и Государственного совета, финляндские члены комиссии отметили, что сам факт участия в работе российских представительных органов не дает никаких гарантий того, что «интересы и нужды Финляндии будут должным образом приниматься в соображение»¹. Таким образом, вопрос об участии депутатов от Финляндии в работе Государственной думы и Государственного совета снова зашел в тупик. Варианты, предложенные финляндской стороной, А.Я. Аврех расценил как попытку финнов прийти к соглашению, но члены российской комиссии были против любых компромиссов².

Представляется, что к соглашению не были готовы обе стороны. Финляндские члены комиссии отстаивали независимость учреждений Финляндии от российских высших представительных органов, российская сторона настаивала на обеспечении общеимперского статуса Государственной думы и Государственного совета.

Последняя попытка обеспечить участие депутатов от Финляндии в работе Думы и Государственного совета была предпринята в 1910 г. 14 марта 1910 г. последовал высочайший манифест о внесении председателем Совета министров в Думу и Государственный совет законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. В нем, в том числе, оговаривалось предоставление Сейму в вопросах общегосударственного законодательства прав совещательного органа и введение представителей Финляндии в Государственную думу и Государственный совет³.

22 марта законопроект был передан в думскую комиссию и рассмотрен к 6 мая. Параллельно в апреле 1910 г. законопроект был передан на отзыв Сейма Финляндии. Сейм Финляндии отказался представить заключение на законопроект. Депутаты категорически отвергли возможность участия финнов в деятельности Думы и Государственного совета. Депутат Ю.Э. Мякелин в этой связи заявил: «Мы отвергаем подобное предложение и сделали бы это даже и в том случае, если бы все наши права остались неприкосновенными»⁴.

17 июня 1910 г. был издан закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения», согласно которому в состав Государственной думы (4 депутата) и Госу-

¹ Труды Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского. СПб., 1910. С. 5.

² Аврех А.Я. Указ. соч. С. 63.

³ О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения. Проект председателя Совета министров и его рассмотрение в Государственной думе и Государственном совете. СПб., 1911. С. 15.

⁴ Стенографический отчет заседания Сейма Финляндии 4 апреля 1910 г. по вопросу о передаче в Комиссию высочайшего предложения о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения и отзыв Сейма от 7 мая 1910 г. // О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений. Сборник материалов. СПб., 1911. С. 6–12.

дарственного совета (2 депутата) включались депутаты от Финляндии. Порядок выборов сочетал общеимперские нормы и особые, вводимые для Финляндии: депутатов избирал Сейм из числа лиц, имеющих право участвовать в сеймовых выборах. Особо оговаривалась необходимость знания депутатами русского языка¹.

Вопрос об участии представителей Великого княжества Финляндского в Государственной думе имел огромное значение в контексте вопроса о статусе Финляндии в составе Российской империи. С конца XIX в. финские общественно-политические деятели подчеркивали, что правовая связь Великого княжества с Империей заключается в личности русского монарха, обладающего правом законодательной инициативы в отношении Финляндии. Поэтому Государственная дума и Совет министров, по мнению общественно-политических деятелей Финляндии, не должны были иметь каких-либо прав на участие в ее законодательном процессе. Вопрос об участии Финляндии в работе Государственной думы и Государственного совета был гораздо шире, чем вопрос о порядке делегирования депутатов. Он был составной частью глобальной для того времени проблемы о порядке издания общеимперского законодательства и распространении его действия на всей территории Российской империи. Финляндские органы отказывались привести собственную законодательную практику в соответствие с изменившейся российской. Со своей стороны, представители высшей российской бюрократии также отказывались от компромиссных решений при определении порядка издания законов, действие которых затрагивало интересы Финляндии. И неучастие депутатов от Финляндии в работе Государственной думы и Государственного совета стало следствием этого противостояния.

¹ О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения 17 июня 1910 г. // ПСЗ-3. СПб., 1910. Т. 30. Ч. I. № 33795. С. 792–793.

БОРЬБА ПОЛЬСКИХ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА С ПРОЕКТОМ ИЗМЕНЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНА В ГОССОВЕТ В 1909 ГОДУ

ЮРКОВСКИЙ РОМАН ЯНОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой Восточной Европы
Института истории и международных отношений
Варминско-Мазурского университета в Ольштыне,
Ольштын, Польша;
e-mail: roman.jurkowski@uwm.edu.pl

Аннотация: Статья представляет фрагмент законодательных начал процесса введения земств в западных губерниях и характеризует действия правительства против поляков из Западного края. Представлено в ней отношение польских землевладельцев из западных губерний к проекту, который предполагал ограничение их избирательных прав, к т.н. проекту Дмитрия Пихно. Автор показывает, каким образом поляки пытались противодействовать введению национального ценза в избирательное законодательство при выборах в Государственный совет Российской империи. В основной части статьи показаны отношения, сложившиеся в Государственном совете между премьер-министром П.А. Столыпиным и националистами.

Ключевые слова: Польское коло Государственного совета, изменение избирательного закона, проект Д. Пихно 1909 г., борьба поляков против П.А. Столыпина.

В результате выборов в III Государственную думу, которые проходили в соответствии с новым Положением о выборах, в девяти западных губерниях было избрано только 7 поляков, ни один из польских кандидатов не был избран в трех юго-западных губерниях, а также не было ни одного поляка в числе депутатов от Минской, Витебской и Могилевской губерний. Поэтому польские депутаты, избираемые в Государственный совет, а было их 9 (по одному от каждой губернии), вызывали недовольство российских националистических партий и организаций. Последние особенно активизировались в начале 1909 г., когда развернулись дискуссии по вопросу о предстоящих выборах в Государственный совет. Первыми стали действовать «истинные русские» в Киеве. Единогласно принятое постановление общего собрания Клуба российских националистов от 9 января 1909 г. призвало правительство и членов III Думы внести изменения в Положение о выборах в Государственный совет с целью исправления «той исторической ошибки, которая повлечет за собой особенно вредные последствия»¹. В феврале 1909 г. газета «Киевская мысль» информировала читателей о том, что «один из членов Государственного совета из западных губерний разработал проект изменений Положения о выборах в Государственный

¹ ЦДИАУ. Ф. 442. Оп. 856. Д. 842. ЛЛ. 4, 5, 7.

совет»¹. Изменения касались национального состава депутатов от западных губерний: было предложено в трех выборных округах — киевском, могилевском и виленском — избирать 9 депутатов: 6 русских и 3 поляков, следовательно, в каждом из округов русские получали бы по два мандата, а поляки — по одному. Этот проект был подписан Дмитрием Пихно и 32 депутатами Государственного совета, а потому был назван «заявлением 33» или «проектом Д. Пихно». В середине марта 1909 г. проект поступил в канцелярию Государственного совета².

Целью Д. Пихно и организаций, который поддержали его заявление, было создание при помощи законодательных инструментов таких изменений порядка выборов в Государственный совет, которые обеспечили бы преобладание русских среди депутатов от западных губерний, независимо от общего количества выборщиков обеих национальностей. Кроме того, авторы проекта на случай, если бы проект не получил поддержки Государственного совета и Думы, стремились заставить правительство ускорить работу по введению земств в западных губерниях, что дало бы преимущество русским. На практике это означало введение национальных курий, польской и русской. Входящие в курии землевладельцы по отдельности выбирали бы заранее определенное количество депутатов. Введение земств автоматически ликвидировало бы необходимость выборов в Государственный совет на съездах землевладельцев, заменявших в западных губерниях земские институты.

Председатель Совета министров Петр Столыпин полностью поддержал идею проекта. Он выразился однозначно, отвечая послам националистических организаций из западных губерний, которые в количестве 37 человек прибыли в Петербург и, получив аудиенцию у царя 2 мая 1909 г., встретились также с председателем Совета министров. Столыпин заявил виленскому архиепископу Никандру, что «все представленные ему обоснованные требования будут удовлетворены»³. Такие печатные органы правых, как «Окраины России», «Русское знамя», «Колокол», «Свет», «Киевлянин», «Киевская мысль», «Почаевские известия» и «Новое время», в опубликованных статьях и комментариях также поддерживали проект Пихно.

Д. Пихно и 32 подписавших проект депутата первоначально ставили своей целью получение такого количества голосов членов Государственного совета, которое обеспечило бы прохождение проекта в голосовании на пленарном заседании и последующую передачу его в комиссию законодательных предположений Государственного совета. Против проекта были представители левых, поляки и группа Богдана Ханенко. Однако то, будет ли проект отклонен на пленарном заседании, а значит, не допущен к законодательной процедуре, должны были решить голоса группы центра и правых. Если правые безусловно поддерживали проект, то группа центра колебалась⁴. Значительную роль в деле «убеждения нерешительных»

¹ Киевская мысль. 1909. 3 февраля.

² РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. Д. 19.

³ [Никонович Ф.И.] Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии, протоиерея о. Федора Никоновича. Витебск, 1912. С. 113.

⁴ Л. Л-в. Польский вопрос в Государственном совете // Речь. 1909. 20 марта.

членов группы центра сыграло мнение П. Столыпина и части лидеров т.н. группы Алексея Нейдгардта, шурина премьер-министра. В результате давления, оказанного Нейдгардтом на депутатов центра, те из них, которые 4 мая голосовали за то, чтобы проект был отклонен (32 голоса за отклонение, 18 — за передачу в комиссию законодательных предположений), уже 8 мая во время тайного голосования на пленуме Совета поддержали проект. По итогам голосования (96 голосов «за» и 64 «против») он был передан в комиссию законодательных предположений, к удовлетворению его авторов и самого Столыпина. Во время пленарной дискуссии председатель Совета министров открыто высказался в поддержку проекта Д. Пихно, рекомендуя его передачу на рассмотрение комиссии. К тому же, в своей речи он однозначно намекнул на тот факт, что в основу правительственного законопроекта о введении земств в западных губерниях будут положены некоторые статьи обсуждаемого проекта. Столыпин также сообщил о том, что в Думу было подано правительственное заявление о продлении на один год полномочий членов Государственного совета от западных губерний, что предоставило бы правительству дополнительное время для окончания работ над проектом организации земств в этих губерниях¹.

В связи с вышесказанным следовало бы обратить внимание на тесное сотрудничество П.А. Столыпина с крайне правым крылом Государственного совета в деле организации самоуправления в западных губерниях, сотрудничество, которого будет не хватать Столыпину всего двумя годами позже, когда именно из-за правых 4 марта 1911 г. будет отклонен его проект создания национальных курий по выборам в западные земства. Отклонение этого проекта наряду с проектом закона о земствах в западных губерниях в целом 11 марта 1911 г. окажется самым крупным политическим поражением Столыпина². В мае 1909 года националистически настроенные правые члены Государственного совета, безусловно поддерживав проект в целом, рассчитывали, прежде всего, на усиление своей фракции в количественном отношении, абсолютно верно предполагая, что в результате куриальных выборов в состав Совета от западных губерний войдут русские депутаты, придерживающиеся крайне националистических взглядов. Это был серьезный аргумент в поддержку проекта, поскольку в результате выборов группа центристов, в которую входили поляки, оказалась бы ослабленной. Оказалось, что если принять во внимание правые взгляды 6 новых членов Государственного совета, назначенных царем в январе 1909 года, то появление 6 очередных правых депутатов, избранных в западных губерниях, дало бы фракции правых численное преиму-

¹ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1909. Стб. 1941–1942. Иной вариант этой речи приводит В. Шульгин в своих воспоминаниях: Шульгин В. Последний очевидец. Мемуары, очерки, сны. М., 2002. С. 131–133.

² В польской историографии вопрос о т. н. «западных земствах» подробно рассматривает Л. Базылев в своей книге: *Bazyłow L. Ostatnie lata Rosji carskiej. Rządy Stołypina*. Warszawa, 1972. S. 391–426, а также П.П. Вечоркевич: *Wieczorkiewicz P.P. Stołypin, Polacy i ziemstwa zachodnie // Słowiańszczyzna i dzieje powszechne. Studia ofiarowane Profesorowi Ludwikowi Bazyłowowi w siedemdziesiątą rocznicę Jego urodzin*. Warszawa, 1985. S. 125–154.

щество над оппонентами, что означало бы полный контроль над ситуацией в верхней палате Думы. Таким образом, было за что бороться, тем более, что было известно о том, что царь принял проект, и П.А. Столыпин выразил свое одобрение. Работы над законопроектом о земствах в западных губерниях проходили в атмосфере сотрудничества председателя Совета министров и его оппонентов: Петра Дурново, Владимира Трепова, Александра Стишинского и князя Алексея Ширина-Шихматова.

Получение согласия Государственного совета на передачу проекта Д. Пихно в комиссию законодательных предположений было огромным достижением премьер-министра Столыпина, который своей речью 8 мая 1909 г. убедил некоторых нерешительных депутатов группы центра. С этого момента работы над внесением изменений в Положение о выборах шли в двух направлениях: в Государственном совете рассматривался проект Пихно, а в Думе — правительственный проект. Сам факт передачи проекта Д. Пихно в комиссию законодательных предположений Государственного совета означал для П.А. Столыпина необходимость выполнения обязательств по проведению процедуры изменения Положения о выборах с целью продления на один год срока депутатских полномочий представителей западных губерний. Правительственный проект должен был быть представлен в Думу и, будучи одобренным ею, подлежал голосованию в Государственном совете, после чего утверждался или не утверждался Николаем II. В тайной записке за 9 мая 1909 г., составленной для председателя III Думы Николая Хомякова, председатель Совета министров объяснял причины появления правительственного проекта следующим образом: в ближайшее время, т.е. в 1909 г., быстрое введение земств в западных губерниях невозможно, но можно соответствующим образом изменить Положение о выборах. Тем не менее, эти изменения можно осуществить только путем проведения нормальной процедуры в Думе, а затем в Государственном совете. Однако Государственная дума могла начать обсуждение этого вопроса только осенью, а на осень были назначены выборы в Государственный совет, то есть процедура рассмотрения законопроекта заняла бы целый год, тем более что уже были поданы проекты русских организаций (Д. Пихно), в которых предлагалось внесение изменений в Положение о выборах¹. Поэтому П.А. Столыпин, будучи уверенным в том, что Дума одобрит правительственный проект, 12 мая 1909 г. передал его в комиссию по направлению законодательных предположений Государственной думы, которая начала его рассмотрение 19 мая, а 20 мая 1909 г., при соотношении 11 голосов против 8, целиком его отклонила. Результаты голосования потрясли П.А. Столыпина. Разъяснения комиссии по этому вопросу содержались в 4 пунктах: 1. Нет никакой особой государственной необходимости для продления полномочий, а нарушение их срока представляет собой опасный прецедент. 2. Проблемой сроков действия полномочия и изменением порядка проведения выборов правительство в последние три года не занималось и лишь после внесения на рассмо-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 885. Л. 5.

тения Государственного совета проекта Д. Пихно начало действовать по этому вопросу. 3. Правительство, предлагая продление полномочий и их сокращение в дальнейшем, не указывает, какие именно изменения выборного законодательства оно собирается предложить. 4. Правительство могло бы избежать внесения изменений в Положение о выборах, не вводя в ближайшие три года чрезвычайных прав и чрезвычайных распоряжений — если бы оно распорядилось о распространении на западные губернии уже существующего закона о земском самоуправлении, что позволило бы устранить все недостатки действующего Положения¹.

Виновниками поражения дела правительства в комиссии по направлению законодательных предположений Думы были октябристы, недовольные тем, что правительство слишком легкомысленно берется за внесение изменений в Основные государственные законы Российской империи, что могло бы стать прецедентом для решения вопросов, гораздо более серьезных, чем порядок проведения выборов. Важную роль при этом сыграла также критическая оценка лидерами Союза 17 октября сближения П.А. Столыпина с правыми националистами в Государственном совете. Отклонение проекта должно было, прежде всего, показать Столыпину, что самая мощная думская фракция не одобряет нерасторопности правительства, которое в течение трех лет первого срока Государственного совета не подготовило ни проекта введения земств в западных губерниях, ни проекта изменений Положения о выборах, и в действительности только проект Д. Пихно, реализующий к тому же интересы крайне правых, подтолкнул членов правительства к составлению собственного проекта, непродуманного, хотя и определяемого его авторами как «государственная необходимость».

Однако октябристы не принадлежали к думской оппозиции и, более того, отдавали себе отчет в том, что в борьбе с правыми за влияние на политику правительства они не должны были выступать против правительственных проектов в Думе. Кроме того, им не хотелось, чтобы в руках националистов оказался такой козырь, который мог бы показать, будто бы только правые заботятся о государственных интересах и интересах русского населения западных губерний. Поэтому после неудачной (в смысле, неубедительной для депутатов) речи председателя Совета министров в Думе 30 мая 1909 г.² Николай Антонов от имени Союза 17 октября внес предложение о проведении в западных губерниях новых выборов на основе старого Положения, но с признанием депутатских полномочий сроком только на один год³. Эта идея была подхвачена Столыпиным, который отдавал себе отчет в том, что октябристы сделали шаг в его сторону, причем ими предлагалось сделать в иной форме практически то же самое,

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 885. Л. 5. Л. 8.

² П.А. Столыпин вновь воспользовался доводом о несправедливости порядка выборов в Государственный совет в западных губерниях и в очередной раз уверял, что до конца осенней сессии правительство представит законопроект о земствах, что, однако, требует продления полномочий депутатов от 9 западных губерний, избранных в 1906 году (Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II. СПб., 1909. Стб. 2750–2757).

³ Там же. Стб. 2761–2762.

что планировало сделать правительство, т.е. обеспечить себе год на подготовку земской реформы в западных губерниях. Предложение фракции октябристов, несмотря на то, что формально называлось «поправкой», на самом деле представляло собой новый законопроект, поскольку правительственный проект рассматривался иначе. Принятие этого предложения на следующий же день было нарушением Основных законов, потому что Дума могла принимать новые собственные законопроекты только в том случае, если в течение месяца правительство не представило своего законопроекта. Следовательно, создавался новый юридический прецедент, значительно расширяющий законодательные компетенции Думы. Самое любопытное то, что этого не заметили ни председатель Совета министров, ни октябристы, а обратил на это внимание только репортер «Виленского гонца», который написал об этом в своей заметке¹. В результате последующих дискуссий и голосований 1 июня 1909 г. Дума приняла предложенную Антоновым поправку, вслед за Думой ее принял Государственный совет², и в конце концов поправка была утверждена царем 17 июня 1909 г.³

Менее благополучной оказалась судьба проекта Д. Пихно в комиссии законодательных предположений Государственного совета. Передача его на обсуждение в комиссию была только первым этапом долгого легисляционного пути, поскольку сам факт передачи проекта в комиссию отнюдь не означал, что он будет поддержан комиссией. Так и оказалось. Уже в мае 1909 г. комиссия законодательных предположений Государственного совета в количестве 15 человек (10 из которых были назначены царем) на заседаниях 3, 9 и 11 июня проголосовала за отклонение законопроекта 9 голосами против 6, аргументируя свое решение тем, что законопроект был недоработан, мог вызвать негативные последствия, т.е. разжечь конфликт на почве национальных отношений, а национальные курии были сочтены чуждым прецедентом, вредным в отношении принципов и традиций Государственного совета; подчеркивался временный характер проекта⁴. Этот последний аргумент оказался, по-видимому, решающим, в особенности, если принять во внимание то, что заместитель министра внутренних дел Сергей Кржижановский, приглашенный вместе с Д. Пихно и А. Нейдгардтом на заседание комиссии, уверил собравшихся в том, что земства в западных губерниях будут введены в самое ближайшее время.

Отрицательная оценка комиссии законодательных предположений не вбила последний гвоздь в крышку гроба проекта Д. Пихно. Голосовавшие члены комиссии выразили свое собственное мнение, составив *votum separatum*, обвинив председателя комиссии Андрея Сабурова в «пристрастном проведении заседания» и прося передать проект в комиссию

¹ H.R. Listy z Petersburga 30 V (12 VI) 1909 r. // Goniec Wileński. 1909. 2 (15) VI.

² Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1909. Стб. 2357–2362, 2362–2363.

³ ПСЗ-3. Т. XXIX (1909). Ч. 1. № 32147. С. 500.

⁴ Государственный совет. Сессия IV. Комиссия законодательных предположений. № 9. Доклад по внесенному 33 членами Государственного совета предложению об изменении порядка избрания членов Государственного совета от 9 западных губерний. Заседание 21, 27, 29 мая 1909 года. СПб., 1909. С. 31.

личного состава и внутреннего распорядка Государственного совета¹. Из этого ничего не вышло. О проекте еще несколько раз вспоминали газеты, в особенности в конце 1909 года, когда очередные выборы в Государственный совет (дававшие депутатские мандаты сроком на один год) снова оказались успешными для поляков. Окончательно «lex Пихно» был похоронен только в 1913 году, когда в шести западных губерниях прошли первые и последние в царской России выборы в Государственный совет по земской системе, введенной после отклонения проекта П.А. Столыпина Государственным советом 14 марта 1911 г. на основании ст. 87 Основных Государственных Законов.

Принятие Думой постановления о проведении выборов, по результатам которых должны были выдаваться депутатские мандаты, действовавшие в течение только одного года, и одновременно отклонение проекта Д. Пихно комиссией законодательных предположений Государственного совета, с точки зрения П.А. Столыпина, следует оценивать двояко. Если речь идет о планах председателя Совета министров относительно введения земств в западных губерниях, то он получил от Думы то, о чем просил, т.е. один год на завершение проекта. С этой точки зрения отклонение проекта Д. Пихно Государственным советом также не имело никакого значения, и, собственно говоря, после оглашения декларации Столыпина о начале работы по введению западных земств проект Пихно следовало вообще изъять из делопроизводства, поскольку было заранее известно, что т.н. западные земства позаимствуют из него самую главную идею, т.е. принцип создания национальных курий. Иным путем невозможно было бы обеспечить русским победы в выборах, а именно это было целью автора проекта. Поэтому после вынесения Думой решения Столыпин не занялся этим делом лично, не предпринял никаких мер, которые способствовали бы поддержке проекта Пихно в комиссии законодательных предположений Государственного совета. С другой стороны, оба инцидента прошли не по тому сценарию, как планировал П.А. Столыпин, который лишь хотел продлить полномочия депутатов Государственного совета на один год. Дума поступила иначе. Столыпин поддержал в Государственном совете проект Д. Пихно, однако комиссия законодательных предположений его отклонила. Это был удар по престижу председателя Совета министров, а одновременно явный признак того, что законодательные работы по введению земств в западных губерниях не будут проходить так легко, как это поначалу казалось.

Само собой разумеется, что ни проект Д. Пихно, ни известие о подготавливаемом правительственным законопроектом по западным земствам с учетом национальных курий не были благосклонно приняты польскими депутатами Государственного совета. С момента появления идеи внесения изменений в Положение о выборах, нашедшей свое выражение в проекте Д. Пихно, поляки были решительными противниками этой идеи. Быстрее всех среагировал Ипполит Корвин-Милевский, депутат от виленской губернии. Вскоре после подачи проекта Д. Пихно в канце-

¹ Коварная стратегема // Новое время. 1909. 22 мая.

лярию Государственного совета он опубликовал две статьи в кадетской газете «Речь». Этот заядлый консерватор и примиренец¹, который не собирався ни с кем сотрудничать, даже если речь шла всего лишь о признании программы кадетов, преднамеренно решил обратиться в партийный орган конституционных демократов, поскольку тем самым получал доступ к широким кругам русских читателей этой газеты. Первая статья под многозначительным заглавием «Проект отчистки Государственного совета» была опубликована 16 апреля, а вторая — 5 мая 1909 г.². Критикуя проект, Корвин-Милевский воспользовался тремя разными типами аргументов в общественном, политическом и национальном аспектах. Аргументы общественного характера касались того, что если депутаты Государственного совета ставят перед собой цель быть представителями всего местного населения в Верхней палате, то наверняка лучше других это сделают поляки, «проживающие в течение многих веков в литовских и украинских губерниях и знакомые с нуждами населения несомненно лучше, чем приезжие русские, в большинстве случаев назначенные на должности государственные чиновники»³. С точки зрения Корвин-Милевского, нелогично было бы оперировать не совсем достоверными данными о размерах земель, находящихся в собственности русских, поскольку реальное положение дел отражалось в выборах, которые выигрывали поляки — потому что «в Государственный совет выбирают людей, а не их поместья». Аргументом политического характера было представление всего дела как хитроумного маневра правых в Государственном совете. Правые «перед лицом относительного равновесия, установившегося в то время в Палате, стремились обеспечить себе решительное преимущество», что могло обеспокоить не только кадетов, но и октябристов. Преимущество в Государственном совете давало бы правым возможность блокирования законов, принимаемых Думой, в которой обе партии играли важные роли. В-третьих, Корвин-Милевский обратил внимание на то, что в Государственном совете заседает по назначению царя более 30 немцев из прибалтийских губерний, открыто заявляющих о том, что они представляют свою национальную группу, некоторые из них даже плохо говорят по-русски, но, несмотря на это, никто их не подозревает в нелояльности по отношению к государству и династии. Главные тезисы обеих статей Ипполит Корвин-Милевский повторил в специальном меморандуме, разосланном всем членам Государственного совета. Он поставил также вопрос о функциях, выполняемых Государственным советом в Российском государстве.

¹ Примиренцы — это польские консерваторы, сторонники сотрудничества с Россией, члены партии реальной политики, которая возникла в Варшаве 18 октября 1905 г.

² Корвин-Милевский И.О. Проект отчистки Государственного совета // Речь. 1909. 16 апреля; Корвин-Милевский И.О. К проекту выборов в Государственный совет в 9 западных губерниях // Речь. 1909. 5 мая.

³ Корвин-Милевский И.О. Проект отчистки Государственного совета // Речь. 1909. 16 апреля.

По его мнению, эти функции определяются Положением о выборах с тройным цензом, который не имеет ничего общего с упоминаемым в проекте Д. Пихно «правом народа». Государственный совет является представителем высших слоев общества, политической элиты государства, объединяемой именно избирательным цензом, социальным происхождением и консервативными взглядами, — основой монархического устройства России. Попытка разделения этой элиты по признаку национальности автор определил как меру «тактическую и хитроумную, но не государственническую».

И. Корвин-Милевскому ответил Дмитрий Пихно¹ и Владимир Дейтрих, один из тех, кто подписал «Заявление 33» и основал крайне националистический еженедельник «Окраины России»². В двух статьях и последующих ответах на меморандум Корвин-Милевского оба манипулировали патриотическими лозунгами. Признавая, что целью проекта является обеспечение интересов русских в западных губерниях, где наиболее многочисленную группу нерусских составляют именно поляки (т.е. украинцы и белорусы считались русскими), о действительном направлении мыслей и намерениях которых свидетельствует тот факт, что польские депутаты от западных губерний примкнули не к русским депутатам, назначенным для представительства тех же губерний, а к Польскому колу из Царства Польского. В противоположность уклончивой, но наивной аргументации Д. Пихно («мы не желаем ограничивать прав поляков, мы хотим лишь охранять российские интересы») В. Дейтрих открыто писал о том, что: «речь идет о том, чтобы Польское коло не пополнялось новыми членами» — держа в уме приписку об автоматическом — в данной ситуации — усилении его собственной, правой фракции³.

Ксаверий Орловский, председатель польской Группы западных окраин в Государственном совете, оказался вторым из его польских членов, который также подготовил сообщение, датированное 7 мая 1909 г. и распространенное позже среди членов Государственного совета. С точки зрения Орловского, отсутствие в среде польских землевладельцев каких-либо признаков антиправительственной деятельности в течение нескольких десятков лет после поражения восстания 1863 г. дало свои плоды в виде взаимного сотрудничества поляков и русских во время выборов в Государственный совет в 1906 году, «которые прошли в те серьезные времена, когда мы, поляки, не могли себе позволить проводить политику национального антагонизма, поскольку важна была не только защита государственности, но и самого государства». Орловский нашел, что проект Пихно противоречит столетней традиции Государственного совета и «действующим принципам государственного права», высказав предостережение о том, что принятие этого проекта может стать причиной национальных конфликтов и возникновения новых барьеров в среде

¹ Россия. 1909. 6 мая.

² *Дейтрих В.Ф.* Ответ И.О. Корвин-Милевскому // Новое время. 1909. 22 апреля.

³ Там же.

представителей окраинных землевладельцев¹. Если одним из аргументов составителей проекта в пользу национально-куриальной избирательной системы называются «политическая инертность и уклонение русских от участия в выборах», — писал Орловский, то почему такое положение дел должно будет измениться, если русские беспрепятственно, в соответствии с предлагаемым законом, будут выбирать шестерых депутатов, «можно ли отсутствие избирателей у избирательных урн компенсировать введением национальных курий?»². В меморандуме было много не особенно тщательно скрываемой иронии, например, в вопросе об образцах поведения, которые современные русские общественные деятели собираются передать молодому поколению русских землевладельцев, поскольку вместо того чтобы приучить их к здоровой конкуренции, стремятся обеспечить им избирательное преимущество с помощью системы, нарушающей интересы представителей других национальностей, принадлежащих к тому же самому общественному сословию. Подобный характер носит пассаж, в котором говорится об очередных выборах, результаты которых представляют собой «большую загадку», если принимать во внимание «огромное преимущество русских избирателей, как показывают статистические данные, приложенные к проекту»³. Невысказанным остался простой вопрос: если русские имеют такое количественное преимущество, как показывает проект Д. Пихно, то какой смысл имеет ограничение избирательных прав «меньшинства», т.е. поляков, — если русские, сознающие свою роль в западных губерниях, исполненные духом государственного строительства, и так должны победить «польское меньшинство». Меморандум, конкретно и логически сформулированный, не затрагивал, однако, проблемы изменения уклада сил в Государственном совете в случае увеличения количества «правых» депутатов, избранных после того, как проект был бы принят. Это, несомненно, следует отнести к недостаткам данного документа, в особенности, если учесть тот факт, что было принято считать, что в нем было выражено официальное мнение поляков-членов Государственного совета.

Следует также добавить, что 8 мая 1909 г., когда на пленарном заседании Государственного совета обсуждался вопрос о передаче законопроекта Д. Пихно в комиссию законодательных предположений, поляки не участвовали в дискуссии. Эдвард Войниллович, которому было предложено выступить в качестве оппонента Д. Пихно, П. Столыпина и А. Нейдгардта, отказался выступать, зная, что против проекта выскажется князь Александр Оболенский. Э. Войниллович объяснил причину своего отказа убежденностью в том, что «лучшую атмосферу для достижения успеха создаст русский, выступивший против

¹ Орловский К. К проекту о выборах в 9-ти западных губерниях // *Zanim przyszła «Pożoga»*. Dokumenty i materiały dotyczące działalności polityczno-społecznej Polaków na Podolu w latach 1905–1910. Wstęp, wybór i opracowanie Roman Jurkowski. Olsztyn, 2011. S. 694–698.

² Там же. С. 697.

³ Там же.

проекта»¹. Князь А. Оболенский, выступивший непосредственно после председателя Совета министров, особенно подчеркнул замечание, которое позже будет многократно использоваться в качестве аргумента противниками западных земств: все граждане Империи «являются русскими людьми, равными по отношению к Государю и к закону», потому введение национального, исключительно русского представительства как в земствах, так и в Государственном совете нарушает «государственные принципы России». С этой точки зрения «организация национального, племенного представительства в Государственном совете не может быть принята»².

Польские депутаты выступали в Думе во время обсуждения правительственного проекта о продлении на 1 год полномочий депутатов Государственного совета, избранных в 1906 году. Обе польские фракции в Государственном совете придерживались мнения о том, что выборы должны проводиться на следующие три года, однако в случае, если земства будут организованы то истечения этого срока, то после их введения следует провести новые выборы. Представитель виленской губернии Генрих Свенцицкий свою точку зрения обосновал статистическими данными, приложенными к правительственному проекту³. Он обратил внимание на то, что в свете этих данных действующее выборное законодательство давало преимущество полякам только в ковенской и виленской губерниях, в остальных же причиной избирательного успеха поляков было неучастие русских избирателей в голосовании, а, следовательно, сами русские были виновны в том, что терпели поражение в выборах⁴. Хорошо чувствуя настроения октябристов и чаяния думских левых, Свенцицкий назвал правительственный проект завуалированной формой реализации проекта Д. Пихно. По его мнению, правительство собиралось за счет поляков усилить шестью новыми депутатами крайне правое крыло Государственного совета, к тому же нарушая спокойную и согласную жизнь польских и русских помещиков в западных губерниях. Он предложил также, чтобы в результате новых выборов в 1909 году депутатские полномочия предоставлялись не на один год, а на такой срок, который заканчивался бы с моментом введения земств. Это был явный упрек в адрес председателя Совета министров П. Столыпина, которым

¹ Zastępca. Bojowy projekt // Kurier Warszawski. 1909. 25 V.

² Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1909. Стб. 1944–1948.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 885. ЛЛ. 51–52. Три таблицы содержали информацию, собранную Министерством внутренних дел в 1907 году, касавшуюся земельных территорий, находящихся в частном владении, с учетом «лиц польского и русского происхождения», относительного и абсолютного количества поляков, литвинов и русских, а также православных и католиков в 9 западных губерниях.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II. СПб., 1909. Ч. 4. Стб. 2769–2774; Свенцицкий Г.К. Стенограммы речей и докладов в общем собрании Третьей Государственной думы члена Государственной думы от виленской губернии Г.К. Свенцицкого. СПб., 1912. С. 121–125.

Свенцицкий хотел заявить о том, что быстрота наступления желаемых перемен зависит только от темпа деятельности правительства.

Другим из поляков, участвовавших в дискуссии по данному вопросу, был Любомир Дымша, депутат от Царства Польского¹. С его точки зрения, как обсуждаемый правительственный проект, так и проект Д. Пихно знаменовали собой реакционную тенденцию в деятельности правительства, начало которой положило антипольское выступление министра юстиции Ивана Щегловитова в Думе 2 марта 1909 г. Тогда в ответ на интерpellацию Л. Дымши относительно смещения поляков с судебных должностей в Царстве Польском И. Щегловитов заявил, что «поляки засоряют российские суды своей сепаратистской ориентацией».

Не подлежит сомнению то, что председатель Совета министров Петр Столыпин и поляки, избранные депутатами Государственного совета, в деле внесения изменений в Положение о выборах в Государственный Совет и введения земств в западных губерниях находились по разные стороны баррикады. И поляки, и Столыпин полностью осознавали, что все законопроекты направлены против интересов польских землевладельцев в западных губерниях. П. Столыпин, который был сначала поветовым, а потом и губернским предводителем дворянства в ковенском повете и ковенской губернии, прекрасно знал о том, насколько сильны польские помещики и насколько слабы русские в этих губерниях. Конечно же, 16 польских депутатов в Государственном совете было слишком мало для того, чтобы серьезно противостоять антипольским проектам. Однако малочисленность не мешала депутатам умело использовать политические разногласия, возникавшие внутри Государственного совета, и это обеспечило им успех в случае с проектом Д. Пихно, который провалился, на самом деле, не в результате деятельности поляков, но при их активном содействии. Подобным образом будет выглядеть ситуация двумя годами позже, когда поляки примкнут к крайне правым, чтобы покончить с законопроектом о западных земствах.

В заключение следует еще добавить, что деятельность поляков в Государственном совете носила скорее оборонный характер в преддверии очередного этапа ограничения их прав. Жаль, что П.А. Столыпин в решении обсуждаемого выше вопроса пошел за националистами и недооценил того, что ранее поляки в Думе и в Государственном совете все до одного поддерживали его в деле упразднения сельских общин. С перспективы разразившейся вскоре войны, падения самодержавия и большевистского переворота усилия российского государства, направленные на борьбу с польскими помещиками из западных губерний, лояльными гражданами России, были предприняты совершенно напрасно, а впустую потраченные силы наверняка пригодились бы в борьбе с революционным движением.

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II. СПб., 1909. Ч. 4. Стб. 2787–2792.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРЕТЬЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ (1907–1912)

ОРЧАКОВА ЛАРИСА ГЕННАДЬЕВНА,

доктор исторических наук,
профессор Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: luchlg@yandex.ru

Аннотация: В статье обзорно раскрывается деятельность Третьей Государственной думы в области образования, анализируется деятельность думской комиссии по народному образованию по отдельным направлениям. Обозначена проблематика дальнейших изысканий. Формулируются принципы российского образования в новых исторических условиях, закрепленные в законопроектах. Несмотря на то, что основной законопроект о всеобщем начальном образовании не стал законом, отдельные его разделы получили нормативное закрепление.

Ключевые слова: Третья Государственная дума, система образования, история законодательства об образовании, всеобщее начальное образование.

Манифест 17 октября 1905 года, положивший начало парламентаризму, обновил жизнь огромной Империи. Введение новых гражданских свобод, создание политических партий меняли сознание просвещенных россиян, формировали новый уровень общественных отношений, которые требовали перемен в системе образования.

Государственная дума в своей законотворческой деятельности касалась и области образования. Принимаемые законодательные акты, административные документы отражали образовательную политику в Российской империи начала XX века. Перед образованием стояли задачи демократизации, повышения грамотности населения, создания российской системы образования. В духе времени дискуссии по вопросам образования, либеральные идеи, реализуемые в этой сфере общественной жизни, становились темой публикаций, предметом научного осмысления в крупных работах, изданных до революции¹.

Авторов волновало введение академической свободы для преподавателей и студентов, земское образование, создание народных университетов и просветительских курсов, развитие высшего женского и политехнического образования. Наиболее обсуждаемым оставался вопрос об общем начальном образовании. Фрагментарно в этих публикациях

¹ Толстой И. Заметки о народном образовании в России. СПб., 1907; Мировпольский С. Школа и государство. Обязательность обучения в России (исторический этюд). 3-е изд. СПб., 1910; [Чехов Н.В.] Народное образование в России с 60-х годов XIX века / сост. Н.В. Чехов. М., 1912.

затрагивается вопрос правового регулирования образования в законоположениях Российской империи.

В советский период ученых мало интересовал вопрос истории законодательного обеспечения развития образования в России. Лишь в 1980-е гг. вместе с реформой образования появляются многочисленные публикации по этой проблематике. Обращаются исследователи и к историческому опыту начала XX века с целью определить причины, предпосылки и логику перемен в образовательной сфере, видя в этом исторические параллели с современностью и возможность воссоздания картины общественных и правовых процессов переломного для нашей страны периода. К наиболее фундаментальным исследованиям стоит отнести работы Э.Д. Днепров¹. Особое внимание обращает на себя источниковедческий труд Днепров². В нем впервые собраны и систематизированы российские законодательные акты в области образования XIX — начала XX в. Автором даются содержательные комментарии о процессе развития российской системы образования и отдельных ее компонентов, а также деятельности органов власти Российской империи по конструированию образовательной политики. Нельзя обойти своим внимание публикации А.В. Овчинникова и А.Н. Дегтярева³.

Во всех вышеназванных работах законодательному регулированию российского образования Государственной думой уделяется внимание, но делается это фрагментарно и поверхностно, что дает основание говорить о недоизученности вопроса. В настоящей статье впервые предметно рассматривается законотворчество III Государственной думы в области образования, анализируется работа комиссии по народному образованию, что важно при изучении как истории Государственной думы, так и истории российского образования.

Вопросы образования занимали в деятельности всех четырех Государственных дум заметное место. Уже в Думе первого созыва развернулись широкие дебаты по вопросу просвещения, в результате которых депутаты пришли к заключению: долг Государственной думы «употребить все усилия для поднятия народного просвещения и прежде всего, озаботиться выработкой закона о всеобщем бесплатном обучении»⁴. К началу работы II Государственной думы, по верному замечанию Дегтярева А.Н., «общедоступность и обязательность начального образования, преимущество образовательных ступеней и забота о рачительном воспроизводстве педагогических кадров становятся уже аксиомой государ-

¹ См., напр.: Днепров Э.Д. Новейшая политическая история российского образования. М., 2011; *его же*. Российское образование в XIX — начале XX в. М., 2011.

² [Днепров Э.Д.] Российское законодательство об образовании XIX — начала XX века: сб. документов: В 3 т. / ред.-сост. ст., коммент. Э.Д. Днепров. М., 2017.

³ Овчинников А.В. Политико-правовой процесс в отечественном образовании 1801–1917 гг.: Дис. ... д. педагогич. н. М., 2010; Дегтярев А.Н. Законодательная деятельность Государственной думы в сфере образования на переломе XIX–XX веков // Образование России. Федеральный справочник. М., 2013. С. 423–429.

⁴ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 165.

ственной политики в сфере народного просвещения»¹. К 1906 году Министерство народного просвещения подготовило закон об образовании, который носил кодификационный характер, регламентировал образовательный процесс, а также формулировал важные принципы российского образования как единого, непрерывного, социокультурного и всеобщего. Этот закон бурно обсуждался на заседаниях представительного законодательного органа Российской империи. Дискуссии носили яркий политико-правовой характер. Депутаты считали вопросы образования достаточно важными, определяющими политико-культурный путь развития страны в новых исторических условиях, но преждевременный разгон Думы прервал системное рассмотрение этого законопроекта. Продолжилась эта работа уже в следующей Государственной думе.

Третья Государственная дума открыла свое первое заседание 1 ноября 1907 года. Стенографические отчеты сессий III Государственной думы, отчеты о работе комиссии по народному образованию в полной мере позволяют судить об идеях, замыслах депутатов в формировании новых принципов образования с сохранением преемственности и традиций российской образовательной системы. Надо отметить, что схожие вопросы не раз становились предметом дискуссий современных парламентариев, что подталкивает к анализу думской деятельности начала XX века в области образования.

10 ноября 1907 года, согласно постановлению Думы, были созданы комиссии. В комиссию по народному образованию (по статусу она была временная) входило 55 депутатов. По численности эта комиссия вошла в пятерку самых многочисленных (по 66 членов было в земельной комиссии и комиссии по переселенческой политике, 65 входило в бюджетную комиссию, 55 депутатов насчитывала комиссия по судебным реформам)². А такие важные комиссии, как продовольственная (44 человека), по государственной обороне и по рабочему вопросу (по 33 человека) были количественно меньше. При такой численной весомости комиссии по народному образованию вполне можно говорить о том значении, которое придавала Дума народному образованию в прямом смысле этого слова.

Стоит отметить и партийный состав комиссии: большинство составляли представители фракции «Союза 17 октября» (22 чел.). Естественным выглядит то, что председатель и секретарь комиссии Госдумы по народному образованию барон Василий Константинович фон Анреп и князь Куракин Иван Анатольевич, а также один из заместителей (товарищ) Евграф Петрович Ковалевский представляли эту же фракцию. Вторым заместителем стал Сергей Михайлович Богданов — из фракции умеренно-правых. Из этой же фракции в комиссию вошли 9 человек, от правых — 8, по 3 человека из фракций конституционных демократов, национальной группы и польского кола, по 2 — от трудовой группы и социал-демократической

¹ Дегтярев А.Н. Указ. соч. С. 427.

² Указатель к стенографическим отчетам: (Ч. 1–3): Государственная дума, Третий созыв, сессия 1, 1907–1908 гг.: заседания 1–98 (1 нояб. 1907 г. — 28 июня 1908 г.). СПб., 1908. С. 25–41.

фракции, по 1 представителю фракции прогрессистов и мирнообновленцев, а также польско-литовской-белорусской группы¹. Кстати, присутствие последних не осталось незамеченным. Усилиями депутата из этой группы уже 29 января и повторно 8 февраля 1908 г. Дума на своем заседании рассматривает и одобряет законопроект «О введении преподавания польского языка и практических уроков по арифметике на этом языке в Бельской и Холмской учительских семинариях и об учреждении штатных должностей преподавателей польского языка в Андреевской, Солецкой, Сенницкой, Вымыслинской и Ленчицкой и штатной должности преподавателя литовского языка в Вейверской учительских семинариях»².

Комиссия, организуя свою работу, сформировала 6 подкомиссий для предварительного рассмотрения законопроектов, касающихся отдельно высших учебных заведений; средних учебных заведений; низших учебных заведений; педагогических учебных заведений; профессионального образования. В этом, безусловно, видна основательность, системность работы Думы в сфере образования. Отдельным направлением работы думской комиссии стало создание правовой основы профессиональной подготовки педагогов, а также закрепление в законодательстве отдельных мер социальной защиты учительства, что демонстрировало отношение законодателей к роли образования в государстве. Только за первую сессию III Дума приняла решение об открытии 10-ти учительских семинарий по всей стране и рассмотрела общее типовое положение о женских учительских семинариях³. Прошло утверждение положения одного из народных университетов начала XX века — Московского городского университета им. А.Л. Шанявского (03.06.1908), а также положения о городском училище (13.05.1908)⁴. В рамках этой же сессии в российском праве закрепляется «послеслужебное обеспечение» преподавательского персонала начальных народных училищ. В том числе, в ст. 34 и 48 Устава о послеслужебном пенсионном обеспечении учителей сформулирована норма, которая сохранилась вплоть до последней пенсионной реформы — получение пенсии после 25-летней выслуги и возможность получать и оплату за труд⁵.

Подкомиссия по профессиональному образованию, которое подразумевало, прежде всего, техническое и политехническое образование, закладывала правовую основу связи обучения профессии с практикой. Иллюстрацией могут служить законопроекты, рассмотренные на заседании

¹ Указатель к стенографическим отчетам: (Ч. 1–3): Государственная дума, Третий созыв, сессия 1, 1907–1908 гг.: заседания 1–98 (1 нояб. 1907 г. — 28 июня 1908 г.). СПб., 1908. С. 13–18, 30–31.

² Обзор деятельности комиссий и отделов: 3 созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. / Государственная дума. СПб., 1908. С. 85–86.

³ См.: Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I.

⁴ Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 78.

⁵ См.: Доклад особого совещания в 3-ю подкомиссию по народному образованию по законопроекту Министерства народного просвещения от 30 января 1908 г., за № 512 // Обзор деятельности комиссий и отделов. 3 созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. Приложения. Комиссия по народному образованию. СПб., 1908. С. 104 (328).

Государственной думы 21 марта 1908 г.: открытие при Томском университете бактериологического института Ивана и Зинаиды Чуриных с правом лечения больных за плату, а также госпитальной клиники¹.

Итоги работы подкомиссии по профессиональному образованию в III Думе оказались достаточно внушительными. Отчет о работе этой подкомиссии включал 54 пункта организации и правового регулирования профессионального образования в России.

В общем, за время работы III Думы в комиссию по образованию было передано 70 законопроектов, из них 59 комитет рассмотрел и 58 из них было доложено и принято на заседаниях Государственной думы².

Задачей будущих исследований остаются подробное изучение и анализ этих законопроектов, а также правотворчества в образовательной сфере Государственной думы других созывов, например, по таким проблемам, как финансирование образования, правовое регулирование религиозного и женского образования и др. Важным представляется проследить динамику рассмотрения таких вопросов.

Главным же проектом, рассмотренным III Думой, стал закон «О введении всеобщего начального обучения». Министерство народного просвещения в лице министра народного просвещения Петра Михайловича Кауфмана незамедлительно в начале работы новой Думы внесло новый законопроект, предусматривавший поэтапное введение в стране всеобщего и бесплатного начального образования на основе 4-летнего срока обучения на единых для всех губерний условиях. Депутатский корпус и общество бурно и политически ангажированно принялось обсуждать реформу образования. Появилось несколько новых версий, выдвинутых как либеральным крылом политиков, так и консерваторами. Основные дискуссии, как и следовало ожидать, развернулись вокруг ключевых вопросов системы: структуры и инструментов управления, источников и объемов инвестиций, светского характера, содержания и языка обучения и др.

В течение всего периода работы III Государственной думы депутаты обсуждали два базовых варианта реформы народного образования: министерский и думский, но так и не смогли достичь консенсуса. В итоге закон о всеобщем начальном образовании так и не был принят, несмотря на то, что вопросы народного просвещения обсуждались в повестке дня Думы свыше 300 раз!³ Среди них были весьма важные для образовательной системы нормы. Например, они затрагивали проблемы, связанные с процедурами открытия частных учебных заведений⁴, полномочиями уездных и городских училищных советов, в состав которых включались представители земских учреждений или городских дум, а также учительства и духовенства⁵. Упорно добивались депутаты увеличения ежегодных ассигнований на строительство новых и реконструкцию старых школ,

¹ Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 78.

² Там же.

³ Дегтярев А.Н. Указ. соч. С. 428.

⁴ См.: Обзор деятельности комиссий и отделов: 3 созыв. Сессия 3. 1909–1910 гг. / Государственная дума. СПб., 1910. С. 130–142.

⁵ Там же.

формирование библиотечных фондов, деятельности Русского исторического общества, Императорской академии наук, Императорского общества истории и древностей российских на издание документов и материалов, относящихся к истории России, а также памятников дипломатических сношений древней России с иностранными державами, увеличение жалования учителям с учетом стажа работы и регламентации их педагогической нагрузки, обеспечения минимально необходимого «социального пакета» учителям, включая их пенсионное обеспечение, и поддержки программ духовно-культурного развития на основе общественных институтов просвещения¹. Каждый из этих вопросов рассматривался в контексте базового законопроекта или в формате отдельного законопроекта, например, о выделении государственного кредита на введение всеобщего начального обучения обсуждался вплоть до весны 1908 года. В итоге был принят закон «Об ассигновании из государственного казначейства в распоряжение Министерства народного просвещения нового дополнительного кредита в 6.000.000 р. на нужды начального народного образования» в виде субсидий городским и сельским органам местного самоуправления², что послужило основой масштабных институциональных преобразований в сфере российского образования. Впоследствии (в 1909 году) сумма госкредита на указанные цели была увеличена до 10 млн рублей в год³.

Кроме этого законопроекта, которому не суждено было стать законом, Третья Государственная дума рассмотрела множество других законодательных актов, давших дополнительный импульс развитию российского образования. Неслучайно современники называли Государственную думу 1907–1912 гг. Думой народного просвещения⁴.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на то, что закон о всеобщем начальном образовании так и не был принят, правовая регламентация образования носила масштабный и фундаментальный характер, соответствовала новым вызовам времени и отвечала запросам российского общества. Дума нормативно регламентировала отдельные важные вопросы в российском образовании, например, такие, как процедура открытия частных учебных заведений, полномочия уездных и городских училищных советов, формирование библиотечных и архивных фондов, увеличение жалования учителям с учетом стажа работы и регламентации их педагогической нагрузки, разработка принципов начального и внешкольного образования и др., вместе с тем законы носили системный характер, создавая законодательно-правовую фундаментальную основу российского образования от начального до высшего, с учетом национальных и конфессиональных особенностей.

¹ См.: Доклад особого совещания в 3-ю подкомиссию по народному образованию по законопроекту Министерства народного просвещения от 30 января 1908 г., за № 512 // Обзор деятельности комиссий и отделов. 3 созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. Приложения. Комиссия по народному образованию. СПб., 1908. С. 102 (326), 108 (332).

² Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 108.

³ Обзор деятельности комиссий и отделов: 3 созыв. Сессия 3. 1909–1910 гг. СПб., 1910. С. 135

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. С. 408.

ПОЛИТИКА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ СТОЛИЦ: ПАРЛАМЕНТСКИЕ ПРАКТИКИ В РЕШЕНИИ САНИТАРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ЛОНДОНА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА XIX — НАЧАЛА XX В.

АФАНАСЬЕВ ГРИГОРИЙ ЮРЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук, ведущий специалист РГИА,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: greenia2006@rambler.ru

Аннотация: Ставшие следствием урбанизации и индустриализации первые санитарно-экологические проблемы в XIX — начале XX в. вызвали необходимость коренных изменений в сфере благоустройства и оздоровления столиц, которое могло быть достигнуто только путем изменений практик взаимодействия между уровнями властей и нововведениями в муниципальной политике. Статья посвящена компаративному анализу рассмотрения парламентами Британии (Палатой общин) и Российской империи (Государственной думой) финансирования постройки комплексной сети канализации для столичных городов: Лондона (1858 г.) и Санкт-Петербурга (1911 г.).

Ключевые слова: санитарная реформа, экология, канализация, здравоохранение, Лондон, Санкт-Петербург, Палата общин, III Государственная дума.

Миграционный и технологический натиск на городскую среду, ставший следствием расширения процессов урбанизации и промышленного переворота в странах Европы и России XIX — начала XX в. резко обострил актуальность проблем санитарного и экологического характера в густонаселенных местах. Резко увеличившийся уровень хозяйственно-бытового и фабрично-заводского загрязнения в столичных и промышленных центрах в XIX — начале XX в. влиял на увеличение уровня смертности от эпидемических и пандемических заболеваний (холера, тиф, дизентерия), природа распространения которых стояла в прямой связи с состоянием окружающей среды, санитарно-техническими и повседневно-гигиеническими практиками. Необходимость решения этих вопросов населенных пунктов через постройку технически модернизированных сетей обеспечивающих коммуникаций (канализация, водопровод, система мусоросборки, очистки), большая финансовая стоимость и трудозатратность этих мероприятий для местной власти подталкивали к выработке новых форматов взаимодействия уровней властей в отношении проблем городского управления и социума в целом. Получившая наименование политики принудительного оздоровления, она вела к неминуемому пересмотру сложившейся схемы взаимоотношений между

интересами властей разных уровней, а также изменения статуса базовых категорий общественно-правового характера в условиях городского пространства (новым критериям к коллективной и частной собственности, новым подходам в электоральном поле городских поселений).

Схожесть парадигмы политических тенденций развития в общественной жизни в странах Англии и России, переживаемых ими в середине XIX и начале XX в., наличие общественных институтов и выборных органов управления местного и центрального уровней делают возможность сравнительно-аналитического (компаративного) исследования парламентских практик решения вопросов нового санитарно-экологического типа для больших городов-столиц этих государств — Лондона и Санкт-Петербурга — крайне интересной для современных историков парламентаризма.

В качестве предмета исследования представляются два сходно-тематических сюжета парламентской практики двух стран: рассмотрение парламентами Британии (Палатой общин) и Российской империи (Государственной думой) финансирования постройки комплексной сети канализации для столичных городов: Лондона (1858 г.) и Санкт-Петербурга (1911 г.).

Цель данного исследования — на примере решения конкретного практического вопроса законотворческой деятельности определить возможность дееспособности партнерских взаимоотношений административно-бюрократической власти и народного представительства-парламента. Немаловажным является и определение степени, особенностей и характера влияния, оказываемое парламентом в отношении формирования механизмов реализации политики «принудительного оздоровления» на центральную и местную власть этих стран. Кроме того, изучение подготовки законодательно-правовых условий для реализации крупного столичного муниципального проекта в политическом фокусе позволяет оценить степень дееспособности государственной системы, находящейся в процессе динамических изменений.

Принудительное оздоровление как практический комплекс решения первых проблем экологического характера, способных спровоцировать изменения в системе взаимоотношения между местной и центральной властью, впервые появляется в Британии в период разработки и подготовки врачебно-санитарного законодательства. Главную роль в этом процессе сыграл социальный реформатор, адвокат Э. Чедвик, один из секретарей Комиссии для исполнения закона о бедных — социальной меры, принятой кабинетом Грея в 1835 г.¹

Изначально, будучи сторонником радикальных либеральных ценностей (в начале 1830-х гг. он считается одним из учеников философа-утилитариста и вдохновителя радикальной группы вигов И. Бентама, публикуется в его журнале «Westminster Review»), он воспринимал не-

¹ Lewis R. Edwin Chadwick and the Public Health Movement. London, 1952. P. 82; Слярова Е.К. Эдвин Чедвик: превентивная идея и общественное здравоохранение // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 50–57.

обходимость действенного улучшения условий жизни городского населения как одно из конкретных социальных мероприятий как ввиду весьма сложной экономической ситуации в обществе, с одной стороны, так и в качестве ответной меры на усиливающееся влияние в городских низах радикалов-чартистов¹.

Инициированное благодаря его настоянию санитарное обследование в 1839–1842 гг. выяснило безотрадное положение в эпидемическом и санитарно-экологическом отношении британских городов и, в частности, Лондона, способствовало созданию специализированных санитарных органов при местном самоуправлении и широкой общественной инициативы (с 1844 г. в стране создаются независимые свободные союзы-ассоциации по оздоровлению городов)². Увеличение смертоносных вспышек эпидемий в городах вызывало необходимость принятия против них срочных кардинальных мер. Значительная поддержка улучшению санитарной обстановки, подготавливаемой комиссией Э. Чедвига принцем Альбертом, мужем королевы Виктории, приводит его к пониманию невозможности скорейших изменений ситуации без широкой государственной поддержки санитарно-оздоровительных мероприятий на местах, главным из которых являлось создание городских коммуникаций качественного водоснабжения и канализации³.

Сильнейшая эпидемия холеры в Британии 1848 г. стала толчком для принятия общегосударственного санитарного закона 4 ноября 1848 г. «Об общественном здравоохранении», фактически подчинившим всю сеть оздоровительных организаций вертикали центрального управления, созданного по административно-бюрократическому, а не выборному принципу, — Генеральному совету по здравоохранению в стране и Столичному управлению по водоснабжению и канализации в Лондоне⁴. Принятый закон (несмотря на критику со стороны либералов и пилитов, раздававшуюся в парламенте и прессе в период слушаний билля в апреле—августе 1848 г.) закладывал основные принципы политики принудительного оздоровления для муниципалитетов Британии: обязывал городскую власть форсировано создавать водопроводно-канализационную сеть, ставил ее под финансовый (за счет отпускаемого заимобразно кредита) и административный контроль центральной власти, предусматривал возможность штрафных и репрессивных мер в отношении собственников жилого фонда, воздерживающихся от использования санитарных коммуникаций. Политики, существенно ограничивающей

¹ Lewis R. Op. cit. P. 87.

² Hamlin Ch., Sheard S. Revolutions in public health: 1848, and 1998 // British Medical Journal. 1998. Aug 29. Vol. 317 (7158). P. 587–591; Ashton J., Ubido Jt. The Healthy City and the Ecological Idea // Journal of the Society for the Social History of Medicine. 1991. Vol. 4 (1). P. 174.

³ Lewis R. Edwin Chadwick and the Public Health Movement. London, 1952. P. 94.

⁴ Owen D.E. The Government of Victorian London, 1855–1889: The Metropolitan Board of Works, the Vestries, and the City Corporation. Cambridge, MA, 1982. В комиссию 1848 г. выбирались 5 членов (Лорд мэр и 4 от Корпорации Лондона), 42 — назначались короной. С 1849 г. количество назначенных членов уменьшилось до 13.

распорядительные права муниципалитетов установлением их ответственности перед центральной властью, а также владельческие права городских собственников¹.

Разработанный сторонником усиления центральной власти, каким был секретарь совета по здравоохранению Э. Чедвиг, утвержденный в сложных обстоятельствах через парламент закон вызывает противодействие со стороны сторонников свободы местного самоуправления, прежде всего, принадлежавшего к политической партии вигов (лорда Э. Сеймура, главы Генерального совета по здравоохранению, впоследствии депутата-вига; премьер-министра Джона Рассела, главы Корпорации Лондона Дж. Эшли, главы приходских объединений столицы епископа Ч. Бломфилда)². Дело в том, что реализация политики принудительного оздоровления в Лондоне накладывалась на кризис в новых условиях урбанизации системы столичного управления, фактически представляющей из себя децентрализованный конгломерат самоуправляемых населенных округ разного типа, лишь формально объединенных в Корпорации Лондона, не подпавшего, в силу своего особого положения, под городскую реформу 1835 г., инициированную кабинетом Р. Пиля³.

Несмотря на то, что сильная оппозиция централизаторской политике Э. Чедвига приводит, в конце концов, к его отставке со всех административных постов в 1854 г. (журнал «Экономист» в контексте его отставки и Крымской войны иронизировал, что «безработный бюрократ Чедвиг мог бы быть ...хорошим подарком русскому императору Николаю I»)⁴, это, однако, не становится поводом для прекращения реализации политики принудительного оздоровления на местном уровне, чему способствует во многом нестабильность парламентарной политической системы в 1850-е гг., выражавшаяся в недолговечности партийных и коалиционных кабинетов (виги + «пилиты/левые тори» Дж. Рассела 1846–1852 гг.; консерваторы, затем коалиционный Абердина, 1852–1855 гг.; виги Г. Пальмерстона, 1855–1857 гг.; консерваторы графа Дерби 1858–1859 гг.), паритетного расклада сил в Палате общин 1852–1857 гг., а также потере их организационного единства ввиду формирования новых платформ и задач⁵. Период трансформации парламентских политических сил Великобритании — формирование на обновленных идейных основах Консервативной (тори-левоцентристы, смещавшиеся к английскому национализму на внесословной основе) и Либеральной партий (правые виги + сторонники Р. Пиля, левые тори + ирландцы), в целом, дающее

¹ Немировский А.О. Реформа городского самоуправления. СПб., 1911. С. 58.

² Davis J. Reforming London: The London Government Problem, 1855–1900. London, 1988. P. 20.

³ Ibid.

⁴ Склярова Е.К. Эдвин Чедвик: превентивная идея и общественное здравоохранение // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 50–57.

⁵ Узнаровов И.М. Политические партии Великобритании и проблема рабочих избирателей (50-е — первая половина 1880-х гг.): Автореф. дис. ... д. ист. н. СПб., 1994. С. 20–21.

парламентской политической системе Британии право-центристский (национальный) крен¹.

Проведенный через парламент новым главой Генерального совета по здравоохранению и Столичного управления строений последователем идеи Э. Чедвига Б. Холлом в период новой городской холерной эпидемии 1855 г. «Закон о полномочиях районов Лондона» преобразовал до того обычную техническую комиссию и де-факто сделал ее органом местного управления по модернизации городского пространства, наделенным огромными полномочиями в жилищно-бытовой и санитарно-оздоровительной сферах по отношению к имеющейся системе управления столицей (Корпорация Лондона)².

Несмотря на постоянное увеличение критицизма по отношению к назначенным центральным санитарным органам столицы с расширенными полномочиями со стороны общественного мнения, деятельность Столичного управления в 1850-е гг. отмечается подачей целой серии мелких законодательных актов, сопутствующих нормативно-правовому укреплению мероприятий по принудительному оздоровлению Лондона: в этот период в парламенте прошло 17 локальных актов по столице регламентационного характера, посвященных водоснабжению, канализации и ассенизации городского пространства³. В техническом отношении привлечение Столичным управлением работ ведущих инженерных кадров (М. Фарадей, Р. Стефенсон, Дж. Форстер, Б. Холл, Дж. Бейлзджетт) приводит к формированию ориентиров городских санитарно-технических мероприятий и выработке конкретного проекта организации системы городского водоснабжения и канализации.

Выборы 1857 г. (короткий созыв 21 марта 1857 — 23 апреля 1859 г.) дают временную победу вигам, взявшим больше половины мест. Тем не менее, сиюминутный политический расклад в феврале 1858 г. приносит смену правящего кабинета: власть либералов Г. Пальмерстона, также потерявшего доверие ввиду «покушения на свободы» (билль о заговорщиках), временно сменяется на кабинет меньшинства, консерваторов графа Дерби и Б. Дизраэли (главы Палаты общин, канцлер Казначейства), еще в период парламентского кружка консерваторов 1840-х гг. «Молодая Англия» внимательно относившегося к социальной гигиене и санитарии, улучшению условий жизни небогатых городских слоев (что хорошо иллюстрировано в его политическом романе «Сибилла и две нации»)⁴. Расположенностью внимания к проблемам средних и низших городских слоев отличалась и радикальное крыло вигов либеральной партии. Жаркое лето

¹ *Wingfield-Stratford E.C.* The History of English Patriotism. Cornell University Library, 2009. Vol. 2. P. 563.

² *Davis J.* Reforming London: The London Government Problem, 1855–1900. London, 1988. P. 26.

³ *Hardy A.* Water and the Search for Public Health in London in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Journal of Medical History*. 1984. Vol. 28. P. 265; *Mukhopadhyay A.K.* The politics of London water supply 1871–1971. London, 1972. P. 11–16.

⁴ *Трухановский В.Г.* Бенджамин Дизраэли, или история одной невероятной карьеры. М., 1993. С. 64.

1858 г., усилившее запах нечистот и загрязнений в реках столицы Британии и вошедшее в историю города как «Великое зловоние 1858 г.», — негативные последствия ситуации ощущались даже в парламенте (на период с 30 июня по 14 июля 1858 г. даже вызывавшие технический перерыв в заседаниях) — актуализировало вопрос о скорейшей постройке системы водоканала и критике установленной системы столичного управления¹.

15 июня — 2 августа 1858 г. в Палате проходил рассмотрение законопроекта «О внесении изменений в закон 1855 г. о столичном управлении». В дебатах парламентарии затрагивали вопросы ущемления прав местного самоуправления мерами принудительного оздоровления (либералы, прежде всего, представители лондонских округов), высказывались о созданном органе Столичном управлении работ, как о «квази-выборном представительстве, сосущим соки из горожан» (либерал Д. Локк), сетовали на «налоговую анархию», возникновение которой гарантирует передача финансирования проекта в руки вышеуказанной комиссии². Но ввиду того, что негативные обстоятельства для городской среды представляли значительные риски, а также однородность городского общественного мнения (в пользу скорейшего разрешения вопроса водоканала выступали писатель Ч. Диккенс и его издание «Слово квартиросъемщика»; физик М. Фарадей показывал корреспондентам газет «популярные опыты», свидетельствующие о плохом санитарно-экологическом состоянии городских рек)³, законопроект, содержащий план переустройства канализации и водопровода (2,4 млн фунтов), принимается в Парламенте за счет голосов консерваторов и большинства либералов, внявших голосу умеренного консерватора и личного друга Б. Дизраэли Дж. Меннерса⁴. Несмотря на то, что произошло подчинение организации строительства всех городских коммуникаций «Столичной комиссии строений», не подвластной напрямую Корпорации Лондона, поправки, внесенные в билль, учитывали и мнение сторонников городского самоуправления — в нем было усилено его представительство. Кроме того, одновременно с принятием билля «О внесении изменений в закон о местных управлениях здравоохранения» был распущен Генеральный совет по здравоохранению, как главный координирующий орган всех городских комитетов по оздоровлению Британии, т.е. был достигнут компромисс в осуществлении и организации политики принудительного оздоровления Лондона.

В Российской империи необходимость изменения врачебно-санитарной политики осознается властью еще в 1880–1890-е гг. под влиянием

¹ Halliday St. The Great Stink of London: Sir Joseph Bazalgette and the Cleansing of the Victorian Metropolis. Stroud, 2013. P. 73–74.

² HPD. 1803–2005. Sittings of 1858. 15 June 1858. «First Reading». Vol. 151. Col. 1522–1523.

³ Morley H. «A Way to Clean Rivers» // Household Words. № 18. 1858. 10 July. P. 79–82; Mackenzie A.H. An Analysis of environmental issues in 19th century England using the writings of Charles Dickens // An American biology teacher. 2008. Vol. 70. № 4. April. P. 202–204.

⁴ HPD. 1803–2005. Sittings of 1858. 19 July 1858. «Second Reading». Vol. 151. Col. 1713–1717.

вышеозначенных факторов: высокая смертность населения, повторяющиеся пандемические волны эпидемий в густонаселенных местах и городах империи. Несмотря на удобство применения данной политики для системы центральной власти, наличие сторонников этой меры в научно-профессиональной среде медиков и гигиенистов (С.П. Боткин, Г.В. Хлопин), в т.ч. и знакомых с парламентскими практиками и кругами (Г.Е. Рейн)¹, ее масштабное внедрение на местном уровне вело к конфликтам с городским самоуправлением и земской территориально-медицинской сетью, фактически находившейся вне административно-бюрократического контроля и являвшейся наиболее показательным результатом земско-городской деятельности среди широкой общественности. Стоит отметить, что доминирование воззрений сторонников свободной, самоуправляемой врачебно-санитарной сферы в общественных организациях медицинского и технического профиля регионального и общероссийского плана (Пироговское общество, Русское общество охранения народного здоровья и др.) значительно осложняло открытое введение общего для империи законодательства, вводящего принудительные основы к субъектам «свободной России», каким виделись общественникам городские и земские самоуправления.

Вводимые правительством эпизодические законодательные акты паллиативного характера в санитарной сфере (циркуляр МВД 1892 г. «Об общем оздоровлении мест»; высочайше утвержденные 11 августа 1903 г. правила «О принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их в Империи») хоть и затрагивали косвенно меры оздоровления, однако, не способствовали формированию целостной политики, а наоборот вызвали настороженно-отрицательную реакцию среди земско-городской общественности, видевшей в этом вторжение в свою деятельность².

Сложное эпидемическое и санитарно-экологическое положение Санкт-Петербурга, в каждую волну болезней становящегося одним из самых смертоносных мест в Российской империи (в 1892, 1901, 1908–1909 гг.), бездеятельность городского самоуправления в области санитарно-оздоровительных мероприятий ввиду противоборства групп влияния в среде выборных управленцев городской думы (водопровод — самое доходное муниципальное предприятие городского хозяйства начала XX в., а канализация — доходный подряд)³, задолженности по займам и кредитам МВД из-за активного городского строительства в Санкт-Петербурге, ввиду этого нарастающая финансовая зависимость городского самоуправления от центральной власти предрасполагали к апробации внедрения данной политики в столице Российской импе-

¹ Хлопин Г.В. Материалы по оздоровлению России. Санитарное описание Астрахани, Самары, Саратова, Царицына с указанием мер, необходимых для их оздоровления. СПб., 1911. С. 96, 295; Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907–1918. Берлин, 1935. Т. 1. С. 82–87.

² Дмитриев И.А. Холера и правила 11 августа 1903 г. // XI Пироговский съезд. Санкт-Петербург. 21–28 апреля 1910 г. Положения докладов. СПб., 1910. Вып. II. С. 137–138.

³ Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб., 2005. С. 481.

рии. Принятое 8 июня 1903 г. «Положение об общественном управлении города Санкт-Петербурга» значительно расширяло число избирателей, допустив до выборов слои городского населения, потенциально лояльные власти (чиновничество и офицерство, придворно-служашие, предприниматели средней руки, профессура) и повседневно заинтересованных в скорейшем решении местных санитарно-экологических проблем. Сильная смертность в Петербурге от холеры в период 1908–1910 гг. (3 волны, 18051 заболеваний, 8835 смертей, самая сильная холерная эпидемия в столице после 1848 г.) способствует обращению общественного внимания на оздоровительные нужды столицы¹.

Несмотря на то, что в 1909–1910 гг. Совет министров премьера П.А. Столыпина претерпевает незначительные изменения, позиция «объединенного правительства» по вопросу о принудительном оздоровлении столицы не отличалась единством: несмотря на однозначную поддержку законопроекта «О сооружении канализации и переустройстве водоснабжения Санкт-Петербурга» премьером, он вызывает несогласие у министра финансов В.Н. Коковцова, известного своими либеральными взглядами, выступавшего противником государственного принуждения в вопросах городского хозяйства². Кроме того, фракционное позиционирование на конец 1910 г. в законодательных учреждениях в целом выявляло прогрессирующий либеральный тренд в Государственной думе. Поэтому тема прав городского самоуправления (ограничения, как требовал «принудительный» законопроект, или финансово-налогового расширения прав самоуправления, как то предполагала законодательная инициатива о городских сборах с казенных объектов, внесенная в это же время депутатами-октябристами³) становится лейтмотивом на парламентских слушаниях⁴.

Похожая картина наблюдалась и в Городской думе, с 1910 г. в результате перевыборов в ее составе стали преобладать гласные «Группы обновления Городской думы», открыто указывавшие на вред проведения центральной властью политики принудительного оздоровления в столице в свете ущемления этим прав городского самоуправления (Д.И. Демкин, Г.А. Фальборк), однако, не выдвигавшие альтернативных предложений в отношении конкретных действий городской власти в отношении форсированного решения наболевших санитарно-экологических проблем столицы⁵. Новые данности политического расклада в Городской думе, возникшие по результатам выборов 1910 г., усложняющие положение «отцов города», ничтожное пред-

¹ Биништок В.И., Иванов Н.А. Очерк главнейших острозаразных болезней в С.-Петербурге за 25 лет. Пг., 1914. С. 8.

² По законопроекту о сооружении канализации и переустройстве водоснабжения в Петербурге // Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1909 год. М., 2000. С. 204.

³ Что сделала Третья Государственная дума для городов. СПб., 1912. С. 18.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. II. Стб. 78–187.

⁵ [Пиленко А.А.] Группа обновления в СПб. Городской думе в 1910 году / Сост. гласный Ал. Пиленко. СПб., 1911. С. 11.

ставительство интересов столичного самоуправления в III Государственной думе (фактически, только октябрист Г.Г. Лерхе¹, а также покинувший пост главы комиссии по городским финансам октябрист Э.П. Беннигсен²) и, как следствие, назначение комиссией неангажированных экспертов по вопросу из числа «непетербуржцев» провоцировали поиск компромиссов путем закулисных переговоров глав столичного самоуправления с лидерами либерального крыла Государственной думы П.Н. Милюковым (кадет³), А.И. Шингаревым (кадет⁴), Ф.И. Родичевым (кадет⁵), А.И. Гучковым («Союз 17 октября»⁶), как известно, выступавшими в парламенте сторонниками проведения значительных реформ в отношении изменения основ электоральной политики столичного самоуправления, способного поколебать устоявшиеся позиции городской власти⁷.

Дополнительно, критикой правительственной концепции принудительного оздоровления, звучал и общий анализ британского опыта централизаторской политики как административно-тупикового пути, уже к 1870-м гг. вернувшего своим муниципалитетам значительную часть прав самостоятельной финансовой политики в отношении реализации санитарно-оздоровительных проектов городской инфраструктуры, выдвинутой одним из лидеров кадетской фракции Думы, земским врачом А.И. Шингаревым на XI Пироговском съезде врачей⁸.

Парламентский итог законопроекта «О сооружении канализации и переустройстве водоснабжения в Санкт-Петербурге» на общедумских заседаниях 17 и 19 января 1911 г. продемонстрировал непримиримость и однозначность оппозиционных настроений со стороны либеральных депутатов III Государственной думы (лидеры — П.Н. Милюков, А.И. Гучков, А.И. Шингарев — против) на предложенную правительственную меру, рассмотрение вопроса в сугубо узко-политизированном сплетении амбициозных закулисных интриг (А.И. Гучков), соответствия сложившимся в общественности взглядам на самоуправление и врачебно-санитарную политику (А.И. Шингарев, П.Н. Милюков, Ф.И. Родичев, В.А. Бобринский, П.Г. Матюнин («Союз 17 октября»⁹))¹⁰. Прогрессистская и кадетская

¹ Лерхе Герман Германович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 326.

² Николаев А.Б. Беннигсен Эммануил Павлович // Там же. С. 49.

³ Канищева Н.И. Милюков Павел Николаевич // Там же. С. 374.

⁴ Николаев А.Б. Шингарев Андрей Иванович // Там же. С. 702.

⁵ Анохина Е.А., Канищев Н.И., Николаев А.Б. Родичев Федор Измаилович // Там же. С. 526–528.

⁶ Гучков Александр Иванович // Там же. С. 154.

⁷ Законодательное предположение об изменении Положения об общественном самоуправлении Санкт-Петербурга. Внесено 10 декабря 1910 г. // РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 159. Л. 4.

⁸ Шингарев А.И. Расходы на дело народного здоровья бюджетов местных и государственных. Доклад на XI Пироговском съезде // Гигиена и санитария. 1910. № 3.

⁹ Матюнин Павел Гаврилович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 363.

¹⁰ Седова Я.А. Октябрический режим. М., 2018. Т. 2. С. 728.

фракции настаивали на невозможности решения санитарно-экологических проблем Санкт-Петербурга без расширения власти Городского самоуправления¹. Кадет А.И. Шингарев, несмотря на то, что признал как врач «совершенно неизбежным верховный надзор государства и правительства над условиями жизни населения», считая интересы здоровья выше прав самоуправлений, но, тем не менее, как политик больше опасался создания сильного политического прецедента в деле ограничения прав городов при утверждении правительственного законопроекта².

Создавшееся положение способствовало активному использованию легальной процедуры думской работы над законопроектом в форме по-статейного рассмотрения законопроекта, что привело к нейтрализации меры по отдельным позициям (сняты ограничения на сроки постройки канализации городским управлением, надзор центральной власти стал номинальным), сделав его решение удобным для политических интересов всех сил Госдумы. Законопроект принимается за счет неустойчивого большинства (правые, умеренно-правые, националисты, октябристы, кадеты), перевесом в 1 голос. Председатель III Государственной думы А.И. Гучков, голос которого был решающим для исхода голосования, воздержался³.

Опутав принятый минимальным перевесом правительственный законопроект процессуальными препонами, оговорками и коррективами, парламентские политические силы выдвинули свои инициативы в проведении принудительного оздоровления в пользу прав городских самоуправлений. 8 февраля 1910 г. октябристская фракция инициировала законодательное предположение об изменении пункта Городового положения 1892 г. по улучшению местных санитарных условий⁴, по которому городские общественные управления были наделены правом устанавливать сборы с домовладельцев на определенные надобности и требовать от них обязательного присоединения к городской канализации. Поддержанная Министерством внутренних дел и принятая Госдумой 7 декабря 1911 г. без прений и обсуждений в спешном порядке в общем собрании⁵, эта поправка дала в руки городских выборных властей возможность применения принудительных мер к собственникам жилья, что отдавало главную роль в проведении политики принудительного оздоровления в России местному управлению⁶.

¹ Проекты формул перехода к очередным делам по законопроекту о переустройстве водоснабжения Санкт-Петербурга от прогрессивной группы и фракции народной свободы 18 января 1911 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 911. ЛЛ. 185, 186б — 186б об.

² Государственная дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1911. Ч. II. Стб. 112–122.

³ Седова Я.А. Указ. соч. С. 730.

⁴ Государственная дума. Созыв III. Приложения к стенографическим отчетам. Сессия III. СПб, 1910. Т. 1. № 204.

⁵ Государственная дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1912. Ч. I. Стб. 3407.

⁶ Что сделала Третья Государственная дума для городов. С. 29.

Последующая реализация парламентской концепции санитарно-экологического оздоровления Санкт-Петербурга на практике только вызвала столкновение городского лобби и парламентского влияния в вопросах местной системы водоканала (П.И. Лебянов, А.И. Гучков). Противник государственной концепции принудительного оздоровления, октябрист А.И. Гучков после провала выборов в IV Государственную думу и выборов в Городскую думу Петербурга занял должность главы комиссии по сооружению канализации и переустройству водоснабжения. Его младшие коллеги по Госдуме также заняли ключевые посты в петербургской власти — управляющий столичным водопроводом (октябрист В.В. Милютин¹) и больницы комиссий Городского самоуправления (октябрист Ю.В. Глебов²), что говорит о формировании устойчивого полюса парламентского влияния в Городской думе³. Однако, отсутствие у группы молодых парламентариев, ушедших в решение конкретных дел столицы, какого-либо ресурса (финансово-административного, как у центральной власти и корпоративного, как у городских хозяйственников) для скорейшей разработки и реализации превращало их позицию в неконструктивную. Их критика постановления водопроводно-канализационного дела в городской думе, с одной стороны, препятствовала координации реализации проекта со стороны правительства (что вело к продолжению конфликтного состояния между центральной властью и городским самоуправлением!), с другой — способствовала уходу от старых наработок столичной власти (проект канализации английского инженера У.Х. Линдлея, лоббируемый бывшим городским головой П.И. Лебяновым), таким образом, не только не продвинул, но и отбросив разработку системы водопровода и канализации в Санкт-Петербурге назад. Установление в сфере планирования санитарно-экологического оздоровления города парламентского влияния не только не способствовало активизации оперативного разрешения этих проблем, а скорее наоборот, стало откатом назад в динамике поиска решения этого вопроса.

Сравнивая два сходно-тематических сюжета парламентских практик Британии и Российской империи в разрешении вопроса оздоровления столиц, стоит отметить, что, несмотря на схожесть специфики самой проблемы в Лондоне и Санкт-Петербурге, противоречий в понимании путей ее решения со стороны центральной (административно-бюрократической), парламентско-представительной и местной (выборной) власти, формальную схожесть законотворческого результата, в обоих случаях ее разрешение пошло по принципиально разным направлениям. Наличие пусть и неустоявшейся законодательно-правовой базы в санитарной сфере Британии, несмотря на споры и нарекания со стороны общестественности в применении механизмов функционирования политики принудительно-го оздоровления к середине 1850-х гг., тем не менее, задавало последую-

¹ Николаев А.Б. Милютин Владимир Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 375.

² Глебов Юрий Николаевич // Там же. С. 131.

³ Толстой И.И. Дневник, 1906–1916. СПб., 1997. Т.2. С. 414.

щим мерам легитимность. Передача новой структуре столичной власти Лондона, назначенной сверху Столичной комиссии по работам, широких полномочий по проведению благоустройства и модернизации города, в т.ч. в аспекте санитарно-экологического оздоровления, способствовала оперативной выработке проекта столичной канализации. Пониманию проблемы, сложностей и рисков способствовала и вовлеченность английских парламентариев в работу городского и государственного управления, а также наличие достаточного количества каналов трансляции для формирования городского общественного мнения и его репрезентативности. Все это способствовало как принятию и реализации актуальной санитарно-экологической оздоровительной меры (постройка канализации в Лондоне), так и дальнейшей корректировке и адаптации централизаторской по изначальной сути политики принудительного оздоровления для демократического формата Британии.

Оторванность и изолированность друг от друга разных звеньев управленческой (правительства от народного представительства, центральной министерской от местной административной власти), общественной (гражданских объединений профильного и регионального плана, столичных выборных собраний — от обывателей миллионного города) и парламентско-представительской структуры Российской империи (интересы депутатов-парламентариев и местных муниципалов-хозяйственников), усилившаяся в результате революционных событий 1905–1907 гг., не создавала условий для конструктивного отношения к делу, наоборот, потворствовала доминанте узконаправленных воззрений на рассматриваемый вопрос (идейного догматизма, популизма, распорядительного лоббизма, корпоративности). Данный расклад не способствовал ни реальному ускорению постройки общегородской канализации Санкт-Петербурга, ни введению комплексных основ политики принудительного оздоровления как наиболее важной составляющей для реформирования врачебно-санитарного законодательства.

Поэтому попытки практического вклада в решение проблемы водоканала, предпринимаемые отдельными политиками-парламентариями в столичном самоуправлении в 1912–1917 гг., носят прямо деструктивный характер для столичного оздоровления. Накопление комплекса нерешенных санитарно-экологических проблем столичного хозяйства Санкт-Петербурга-Петрограда становится составной частью огромной муниципальной катастрофы, пережитой городом в годы Гражданской войны.

ОБСУЖДЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ ВОПРОСА О ПРОВЕДЕНИИ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ

МОТОРОВА НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА,

кандидат исторических наук, доцент,
докторант кафедры истории Беларуси
нового и новейшего времени

Белорусского государственного университета,
Минск, Республика Беларусь;
e-mail: motorova@ro.ru

Аннотация: Статья посвящена обсуждению в Государственной думе и Государственном совете вопроса о проведении земской реформы в западных губерниях. Ему предшествовала дискуссия в обществе и правительстве, посвященная проблеме введения земств в западных губерниях. МВД подготовило соответствующий проект, который в 1906 г. поступил на рассмотрение Совета министров. Однако представители местной польской элиты направили ходатайство о нераспространении Земского положения на западные губернии. Они подчеркивали, что ограничение избирательных прав поляков нарушало принципы, закрепленные в Манифесте 17 октября 1905 г. В итоге министерский проект введения земств в западных губерниях был признан неприемлемым. В 1909 г. МВД разработало новый проект. В мае 1910 г. он поступил на обсуждение в Государственную думу и был утвержден на заседании 1 июня 1910 г. с некоторыми изменениями. Затем проект был направлен на рассмотрение Государственного совета, который посвятил ему два заседания — 8 и 11 марта 1911 г. На итоговом голосовании проект был отклонен. Земская реформа все же была проведена на основании высочайшего указа от 14 марта 1911 г., принятого в порядке ст. 87 Основных государственных законов. Она была распространена на шесть западных губерний: Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую. В утвержденном правовом акте были учтены основные поправки, внесенные Государственной думой.

Ключевые слова: земская реформа, западные губернии, Государственная дума, Государственный совет, законопроект.

В конце XIX в. правительство Российской империи приступило к обсуждению вопроса о введении земств в западных губерниях. Однако его окончательное разрешение затянулось более чем на десять лет. При этом проявились противоречия между правительством и польскими элитами региона. Среди местных землевладельцев преобладали дворяне-католики, отождествлявшие себя с поляками. Именно они представляли регион перед правительством, участвуя в работе различных совещаний, съездов и пр., а затем и в парламенте, стремясь при этом отстаивать свои корпоративные интересы.

В 1906 г. МВД представило на рассмотрение Совета министров проект земской реформы в западных губерниях. Его суть содержалась в создании двух избирательных собраний, сформированных по национальному признаку, и отдельной крестьянской курии. При этом если в уезде число польских помещиков, обладавших полным земельным цензом, значительно превосходило количество крупных землевладельцев русского происхождения, то допускалось сокращение числа гласных, избираемых по первому собранию, и увеличение по второму¹. Это означало ограничение представительства польского населения на земских выборах. Кроме того, предполагалось, что на должности, связанные с управлением земским хозяйством и делопроизводством, будут назначаться исключительно русские².

Ограничение избирательных прав отдельной этноконфессиональной группы населения региона было наиболее уязвимым местом министерского проекта. В то же время нужно отметить, что П.А. Столыпин считал необходимым распространить Положение о земских учреждениях 1890 г. на западные губернии уже с 1 января 1907 г.³. Реализация этого замысла обеспечила бы последовательное развитие системы местного самоуправления, социальные и экономические потребности широких кругов населения региона, а в перспективе — более устойчивую интеграцию региона в общеимперское пространство.

Перед обсуждением министерского проекта в Совете министров несколько крупных помещиков-поляков Северо-Западного края (среди них члены Государственного совета И.О. Корвин-Милевский (Польское коло⁴) и К.Г. Скирмунт (группа центра⁵), а также Г.И. Свенцицкий) лично прибыли в Санкт-Петербург с ходатайством о нераспространении Земского положения в западных губерниях. В своих записках они отмечали, что ограничение избирательных прав поляков нарушало основной принцип Манифеста 17 октября 1905 г. — равенство всех граждан перед законом. В результате Совет министров признал введение земств в западных губерниях на принципах, изложенных в министерском проекте, неприемлемым⁶.

В 1909 г. МВД представило новый проект земской реформы, который сначала был рассмотрен в Совете по делам местного хозяйства. При его обсуждении в Общем присутствии развернулась дискуссия по вопросу о том, каким образом будет определяться национальность избирателей

¹ Свенцицкий Г.И. По законопроекту о введении земств в шести губерниях белорусских и Юго-Западного края. СПб., 1910. С. 10.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 15.

⁴ Бородин А.П., Постников Н.Д. Корвин-Милевский Ипполит Оскарович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 134.

⁵ Бородин А.П. Скирмунт Константин-Стефан-Феликс Генрихович // Там же. С. 249.

⁶ Свенцицкий Г.И. Указ. соч. С. 19–20.

при их распределении по куриям. По итогам голосования было решено, что нет необходимости определять в законе формальные признаки принадлежности к той или иной национальной группе. При этом поляки, которые участвовали в работе Совета, воздержались как от дебатов по этому вопросу, так и от голосования по нему¹. В целом министерский проект получил одобрение.

20 января 1910 г. П.А. Столыпин внес на рассмотрение Государственной думы законопроект применения Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской. Согласно думскому постановлению от 25 января 1910 г. он был передан на предварительное обсуждение в Комиссию по местному самоуправлению, которая посвятила его обсуждению 13 заседаний: 4 февраля, 1, 2, 4, 9, 11, 12, 16, 18, 22, 25, 27, 30 марта 1910 г.²

В целом она поддержала необходимость проведения земской реформы в регионе, предложение МВД о разделении избирателей по национальным куриям и подготовленное им расписание гласных по уездам, но выступила против принципов, на основании которых должно было определяться их количество. МВД предлагало учитывать два фактора: размер недвижимого имущества, находившегося в собственности избирателей определенной национальной группы, и их доли в общей структуре населения уезда. Комиссия по местному самоуправлению предложила ориентироваться исключительно на имущественный ценз. Распределение гласных по национальным куриям должно осуществляться в законодательном порядке пропорционально стоимости их недвижимого имущества в отношении стоимости всей недвижимости в губернии. Губернатор не имел права вносить в него изменения³. В то же время Комиссия отметила, что разделение гласных по национальному признаку является вынужденной мерой. В этой связи она предложила законодательно оговорить возможность объединения национальных отделений в одно избирательное собрание при выборах уездных гласных, если не менее двух третей присутствующих избирателей по каждому из них поддержат такое объединение⁴.

Уже в ходе обсуждения министерского проекта в Комиссии по местному самоуправлению проявились острые противоречия между представителями различных политических партий и групп. Ряд депутатов поддержали министерский проект и выступили против внесения

¹ Журнал Общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. № 5. Заседание 14 октября 1909 г. // Журналы Совета по делам местного хозяйства по вопросу о введении земских учреждений в западных губерниях. Б/м, б/г. С. 4.

² Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия третья. 1909–1910 гг. СПб., 1910. Т. II. Доклад № 330. С. 1.

³ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. III сессия. 1909–1910 г. СПб., 1910. С. 234.

⁴ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 234–235.

в него каких-либо поправок. Среди них были В.В. Шульгин (правый¹), М.В. Родзянко («Союз 17 октября»), А.Н. Боратынский («Союз 17 октября»²) и пр.³.

В то же время А.А. Уваров («Союз 17 октября»⁴) и Г.И. Свенцицкий (группа Западных окраин⁵) выступили против введения национальных курий на принципах, изложенных в министерском проекте. Они предлагали использовать принцип пропорционального представительства. Депутат от Ковенской губернии К.А. Завиша (группа Западных окраин⁶) заявил, что наиболее целесообразным было бы ввести в западных губерниях широкое самоуправление, основанное на либеральных началах, разработанных Особым совещанием при виленском генерал-губернаторе А.А. Фрезе еще в 1905 г.⁷ Их суть заключалась в формировании всесословного земского представительства. При этом количество представителей от крестьянского сословия определялось бы пропорционально доле принадлежавшего ему недвижимого имущества в уездах. В уездные земские собрания они должны избираться напрямую без утверждения со стороны административной власти. Также рекомендовалось допустить к участию в земских выборах и работе земских учреждений евреев и представителей духовенства всех христианских вероисповеданий. Таким образом, в деятельности земств могли бы участвовать широкие слои населения без ограничения прав какой-либо группы⁸.

После постатейного обсуждения министерского проекта Комиссия по местному самоуправлению внесла в него следующие изменения. Во-первых, она предложила снизить имущественный ценз для участия в выборах вдвое. Во-вторых, рекомендовала вместо одного избирательного съезда создать два. В первом должны были участвовать избиратели, в чьей собственности находилось недвижимое имущество стоимостью не менее одной пятой имущественного ценза, во втором — не менее одной десятой. В-третьих, было сделано замечание по вопросу составления избирательных списков. Законодательно не были определены признаки принадлежности к той или иной национальности. В этой

¹ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Шульгин Василий Витальевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 709.

² Усманова Д.М. Боратынский Александр Николаевич // Там же. С. 63.

³ О введении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. в западных губерниях // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2 (1909 г.). Д. 24. ЛЛ. 1 об. – 3 об.

⁴ Карнишин В.Ю. Уваров Алексей Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 634.

⁵ Николаев А.Б. Свенцицкий Генрих Ипполитович // Там же. С. 550.

⁶ Завиша Казимир Александрович // Там же. С. 195.

⁷ О введении Положения о земских учреждениях. Л. 5.

⁸ Журналы заседаний Комиссии при виленском генерал-губернаторе 1905 года. О введении земства в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях. СПб., 1913. С. 44–45.

связи Комиссия предложила, чтобы соответствующие списки готовила управа на основании заявлений избирателей. В министерском же проекте все вопросы, связанные с определением национальной принадлежности избирателей, разрешались губернатором и не могли обжаловаться. В-четвертых, Комиссия отклонила предложение МВД по обеспечению преобладания лиц русского происхождения в составе управ и среди земских наемных служащих, полагая, что оно и так будет гарантировано, благодаря системе национальных курий. Однако Комиссия приняла замечание о том, что член управы, заведующий народным образованием, должен быть русским¹.

Согласно проекту МВД органы земского самоуправления не могли сокращать расходы на содержание церковно-приходских школ по сравнению с 1909 г. и не могли закрывать лечебные, учебные и благотворительные заведения, которые существовали по состоянию на 1909 г. Некоторые из членов Комиссии по местному самоуправлению указали, что эта мера основана на «коренном недоверии правительства». Против этого пункта выступили М.А. Искрицкий («Союз 17 октября»²), А.А. Уваров, А.Н. Боратынский, Д.А. Леонов («Союз 17 октября»³), В.С. Соколов (прогрессист⁴), Г.И. Свенцицкий⁵. По мнению Комиссии было недопустимо вносить какие-либо ограничения в распоряжение земскими финансами и земскими учреждениями⁶.

Наконец, она отрицательно разрешила вопрос о внесении изменений в процедуру выборов гласных в Минске⁷. В связи с его выделением в отдельную земскую единицу и значительным количеством поляков, обладавших избирательными правами, МВД планировало ввести два национальных отделения — «польское» и «непольское». По первому должно было избираться 40 % гласных, по второму — 60 %. Однако Комиссия по местному самоуправлению пришла к заключению, что в Минске Городовое положение 1892 г. должно действовать в чистом виде, без внесения каких-либо изменений в процедуру выборов⁸.

На итоговом голосовании Комиссия большинством голосов (23 против 18) отвергла раздел I министерского проекта. Это означало его фактическое отклонение⁹. Д.Н. Чихачев (националист¹⁰), выступая 7 мая 1910 г.

¹ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 235.

² Искрицкий Михаил Андреевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 222.

³ Леонов Дмитрий Алексеевич // Там же. С. 326.

⁴ Резепин П.П. Соколов Василий Семенович // Там же. С. 568.

⁵ О введении Положения о земских учреждениях. ЛЛ. 25–25 об.

⁶ Там же. Л. 28.

⁷ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 235.

⁸ О введении Положения о земских учреждениях. Л. 28 об.

⁹ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 235.

¹⁰ Коцюбинский Д.А., Николаев А.Б. Чихачев (Чихачев 1-й) Дмитрий Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 684.

на первом заседании Государственной думы, посвященном рассмотрению вопроса о введении земского самоуправления в западных губерниях, пояснил, что голосуя против I раздела законопроекта, Комиссия тем самым признала его несоответствующим условиям западных губерний, даже с учетом внесенных ею изменений. В то же время ее члены принадлежали к разным политическим группам и голосовали против проекта по противоположным мотивам. Д.Н. Чихачев подчеркнул, что Комиссия по местному самоуправлению предлагает Думе отклонить проект введения земств в западных губерниях¹.

Неудивительно, что этот вопрос вызвал повышенный интерес со стороны думцев. На это указывал в своих дневниковых записях один из свидетелей тех событий, депутат от Витебской губернии отец Федор Никонович (правый²). Желание выступить по этому вопросу изъявило более сотни ораторов³. Его обсуждение проходило на заседаниях 7, 8, 10, 11, 12, 15, 17, 18, 28 и 29 мая 1910 г.⁴.

В ходе развернувшейся дискуссии в Думе проявились те же тенденции, что и в Комиссии по местному самоуправлению. На это указал в своей речи депутат от Виленской губернии, бывший гласный Виленской городской думы И.С. Монтвилл (группа Западных окраин⁵): представители «польского коло» выступали против проекта, так как он содержал в себе ограничительные меры, направленные против поляков, а русские националисты считали, что этих ограничительных мер недостаточно⁶.

Подтверждением тому служат и выступления отдельных представителей западных губерний, принадлежавших к различным политическим партиям. В них отражены полностью противоположные взгляды на дальнейшие пути развития региона и роль в нем польских элит.

Так, депутат от Витебской губернии А.П. Сапунов («Союз 17 октября»⁷) в своем выступлении в поддержку земской реформы в западных губерниях указал на презрительное отношение поляков к белорусскому народу, что, по его мнению, станет препятствием к совместной продуктивной работе, и на стремление польской элиты играть домини-

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 г. Сессия третья. Часть IV. Заседания 95–131 (с 26 апреля по 17 июня 1910 г.). СПб., 1910. Стб. 745–747.

² Ромов Р.Б. Никонович Федор Иосифович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 414.

³ [Никонович Ф.И.] Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии протоиерея о. Федора Никоновича. Витебск, 1912. С. 266.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 г. Стб. 729, 843, 947, 1063, 1175, 1336, 1449, 1555, 1609, 1710, 2582, 2757.

⁵ Монтвилл Иосиф Станиславович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 380.

⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 г. Стб. 762.

⁷ Сапунов Алексей Парфенович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 548.

рующую роль в регионе¹. Свою речь он завершил словами: «Мы не против участия поляков в нашем земстве, мы только против преувеличения как силы, так и объема их участия»².

Представитель Виленской губернии Г.И. Свенцицкий подверг критике не саму идею земской реформы в западных губерниях, а те ограничения, которые были заложены в проекте по отношению к полякам. Они сводили к нулю участие польского населения в работе земств. В конце своей речи он подчеркнул, что поляки лояльны по отношению к правительству и желают только одного: полного уравнивания в правах с остальным населением региона³.

Со своей стороны премьер-министр П.А. Столыпин в выступлении 7 мая 1910 г. постарался убедить депутатов в том, что цель правительственного проекта не в ограничении прав поляков, а в защите прав русских в Западном крае. По его мнению, закрепленные в законопроекте нормы гарантировали бы представительство всем слоям населения и должны были положить конец вековой политической борьбе, основанной на национальных противоречиях⁴.

Все это свидетельствовало о том, что обсуждение проблемы введения земств в западных губерниях перешло в плоскость национального вопроса. Во время дебатов речь не шла о том, как наиболее эффективно выстроить работу земских учреждений в регионе, как обеспечить дополнительные источники финансирования для создания новых социальных объектов, предназначенных для всего населения края, — больниц, амбулаторий, школ, сельскохозяйственных училищ и т.п. Идея земского самоуправления отошла на второй план, уступив место обсуждению вопроса о правах отдельной этноконфессиональной группы при формировании земских учреждений. В этой связи актуальность приобрела проблема взаимоотношения между отдельными национальными группами западных губерний.

Несмотря на бурные дебаты, Государственная дума на заседании 1 июня 1910 г. в целом одобрила министерский проект и постановила передать его на обсуждение Государственного совета. При этом в него были внесены некоторые изменения в соответствии с предложениями Комиссии по местному самоуправлению⁵.

Суть внесенных изменений сводилась к следующему. Дума согласилась с созданием национальных курий при выборах и определением числа гласных-поляков, ориентируясь на два принципа: количество польско-

¹ Сапунов А.П. Речи в Государственной думе 3-го созыва (по стенографическим отчетам). СПб., 1912. С. 44.

² Там же. С. 48.

³ Стенограммы речей и докладов в общем собрании третьей Государственной думы члена Государственной думы Г.И. Свенцицкого. 1907–1912 гг. СПб., 6/г. С. 161–162.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 г. Стб. 790.

⁵ Там же. Стб. 2977–2981.

го населения и ценность принадлежавшего ему недвижимого имущества. В соответствии с предложениями Комиссии она рекомендовала создать два избирательных съезда для лиц, не обладавших полным цензом. Дума выступила против введения национальных отделений при выборе гласных в Минске и закрепления за губернатором права определять национальность избирателей. Священнослужители христианских вероисповеданий должны участвовать в выборах на общих с прочими избирателями основаниях, при этом в уездном земском собрании мог быть лишь один депутат от Духовного ведомства в соответствии с Положением о земских учреждениях 1890 г. В отличие от МВД Дума высказалась против закрепления каких-либо ограничений по национальному признаку в отношении вольнонаемного земского персонала, но в управе за «неполяками» должно быть обеспечено не менее половины мест¹.

Одновременно и Главное управление по делам местного хозяйства МВД подготовило свое заключение по тем изменениям, которые предложила внести Дума. В целом оно согласилось с большинством из них, но считало неприемлемым исключение пункта о праве губернатора определять национальность избирателей. Также Главное управление по делам местного хозяйства выступило против сокращения представительства православного духовенства в земских собраниях, полагая, что оно могло бы играть важную роль в противодействии польскому влиянию и обеспечивать дополнительную связь между гласными-крестьянами и полноцензовыми гласными².

После поступления законопроекта в верхнюю палату парламента он был передан на предварительное рассмотрение Комиссии Государственного совета. Она обсуждала его на заседаниях 2, 3 и 5 июня, 9 и 26 ноября 1910 г.³.

Комиссия согласилась с рядом положений министерского проекта, в частности, с созданием национальных курий при выборе уездных гласных, предложенными размерами имущественного ценза, идеей установления одного съезда для владельцев имуществ, ниже полного ценза, но не менее одной десятой его доли. Она одобрила предложение МВД о введении в состав уездного земского собрания трех уполномоченных от православных священнослужителей, а губернского — четырех. В то же время Комиссия Государственного совета полагала, что должности председателей земских управ, а также не менее половины их личного состава должны замещаться русскими. В министерском проекте предлагалось распространить эту норму и на комиссии. Однако Комиссия согласилась с предложением Думы снять какие-либо национальные ограничения в отношении вольнонаемного земского персонала, а также

¹ О введении земских учреждений в белорусских губерниях // РГИА. Ф. 1288. Оп. 4 (3-е делопроизводство 1904 г.). Д. 70в. ЛЛ. 1–2 об.

² О введении Положения о земских учреждениях. ЛЛ. 320, 324, 325, 326, 327, 329.

³ О введении земских учреждений в белорусских губерниях. ЛЛ. 428, 430, 434, 441.

поддержала ее мнение против внесения каких-либо ограничений в отношении выборов гласных по Минску¹.

В целом Государственная дума и Комиссия Государственного совета поддержали три основных принципа, заложенные в министерском проекте: введение национальных курий при выборах, распределение общего числа гласных между национальными группами по двойному признаку (численность населения и ценность недвижимости), обеспечение русского (или польского) большинства в управах. Однако возникли разногласия по четырем существенным пунктам: размеры имущественных цензов, участие на выборах мелких собственников, участие в выборах православного духовенства, обеспечение за русским населением должностей председателей земских управ и других выборных должностей, не менее половины мест по вольному найму в земствах².

После обсуждения проекта в Комиссии он был передан на рассмотрение Государственного совета, который посвятил ему два заседания — 8 и 11 марта 1911 г.³ По мере обсуждения в проект вносились различные изменения и дополнения. Парадоксально, но в итоге так и не был выработан единый вариант, который удовлетворил бы большую часть членов Государственного совета. Перед итоговым голосованием некоторые из них озвучили свою позицию, указав при этом, что в принципе поддерживают идею введения земского самоуправления в западных губерниях, но будут голосовать против проекта. Так, И.Э. Олизар (Польское коло⁴) критиковал ограничение прав польского населения, С.Ю. Витте (беспартийный⁵) и М.М. Ковалевский (левая группа⁶) полагали, что в проекте не соблюдались интересы русского православного крестьянства. М.А. Стахович (левая группа⁷) заявил, что проект вообще не соответствует условиям Северо-Западного и Юго-Западного краев. В то же время А.Б. Нейдгарт (группа центра⁸) полагал, что изъятие пункта о национальных куриях отрицательно скажется на всей земской реформе в регионе⁹. Мнения были диаметрально противоположными. Национальный вопрос вновь отеснил собственно проблему введения земского самоуправления на второй план. В результате во время голосования из 157 членов Государственного совета 134 высказались против введения земств в западных губерниях¹⁰.

¹ О введении земских учреждений в белорусских губерниях. ЛЛ. 1–2 об.

² Там же. Л. 3.

³ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1910–1911 годы. Сессия шестая. Заседания 1–49 (15 октября 1910 г. — 28 мая 1911 г.). СПб., 1911. Стб. 1269–1270, 1274, 1343–1344, 1354.

⁴ Бородин А.П., Постников Н.Д. Олизар Иван Эмильевич // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 190.

⁵ Шилов Д.Н. Витте Сергей Юльевич // Там же. С. 38.

⁶ Хайлова Н.Б. Ковалевский Максим Максимович // Там же. С. 119.

⁷ Бородин А.П. Стахович Михаил Александрович // Там же. С. 259.

⁸ Куликов С.В. Нейдгарт (Нейдгарт) Алексей Борисович // Там же. С. 180.

⁹ Государственный совет. Стенографические отчеты. Стб. 1359–1361.

¹⁰ Государственный совет. Стенографические отчеты. Стб. 1362.

Однако земская реформа все же была проведена на основании высочайшего указа от 14 марта 1911 г., принятого в порядке статьи 87 Основных государственных законов. Она охватила шесть западных губерний: Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую. Два крупнейших центра — Минск и Киев — были выделены в самостоятельные единицы, заведование земскими делами в них было возложено на органы городского самоуправления. При этом в отношении Минска правительство отказалось от внесения каких-либо изменений в процедуру выборов. В законе было закреплено разделение избирателей по национальным отделениям, но в то же время был учтен и ряд поправок, сделанных Государственной думой. В частности, священнослужители должны были участвовать в выборах на одинаковых с остальными избирателями основаниях. Был включен пункт, согласно которому в первом избирательном съезде участвовали избиратели, владевшие недвижимым имуществом в размере не менее одной пятой имущественного ценза, во втором — от одной десятой до одной пятой. В состав губернского земского собрания должен был избираться хотя бы один представитель от крестьян. Избирательные списки по национальным куриям должны были составлять уездные управы. Их обжалование могло осуществляться лишь в общем порядке — через Первый департамент Правительствующего сената. Состав управ должен был формироваться таким образом, чтобы большинство в нем принадлежало лицам, занесенным в списки по первому национальному отделению, и гласным, избранным от сельских обществ¹.

Таким образом, при обсуждении в Государственной думе и Государственном совете вопроса о проведении земской реформы в западных губерниях в полной мере проявились противоречия как между представителями различных политических партий, так и между польскими элитами и правительством. Основная дискуссия развернулась вокруг проблемы формирования национальных курий и защиты прав русского населения. В итоге земская реформа с учетом основных поправок, внесенных Думой в министерский проект, была проведена в шести западных губерниях, однако не затронула Виленскую, Ковенскую и Гродненскую, что негативно сказалось на интересах местного населения.

¹ ПСЗ-3. 1911. СПб., 1914. Т. XXXI. Отд. первое. №№ 34629–36390 и дополнения. С. 170–172.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОЦЕНКАХ ПРАВЫХ ДЕПУТАТОВ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ¹

ИВАНОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук,
доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды правых депутатов III Государственной думы на переселенческую политику правительства и ее недостатки. Указывается, что переселению «излишков» крестьянского населения из Европейской России на окраины империи правые уделяли особое внимание. Поддерживая, в целом, переселенческие мероприятия властей, правые ратовали за их расширение и улучшение. При этом полемика велась лишь о частных аспектах переселения, так как иной альтернативы решению проблемы крестьянского малоземелья в европейской части империи консервативными кругами найдено не было. При этом правые депутаты указывали не только на экономические последствия переселения крестьян из центральных губерний на окраины, но и на важность переселенческого дела для русификации окраин, дальнейшего закрепления их за Россией и создания на них оплота для защиты от возможных иностранных посягательств. Обозначив Сибирь и Дальний Восток в качестве важных регионов для освоения русскими переселенцами, правые депутаты также обращали внимание на земли Кавказа, Закавказья и Средней Азии, считая, что успех русского переселения на эти территории будет способствовать ослаблению «инородческого» влияния и сепаратистских настроений.

Ключевые слова: правые, консерваторы, III Государственная дума, переселенческая политика, Сибирь, Кавказ, Дальний Восток, Средняя Азия.

Обсуждение правым лагерем переселенческой политики правительства и связанных с ней проблем приобрело в начале XX в. наибольшую остроту. По замечанию Р.Б. Ромова, «события первой русской революции ясно дали понять правым, что центральный вопрос, от которого зависят и государственная стабильность, и социально-экономическое развитие России, — это вопрос земельный»². Историки правого движения

¹ Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 «The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)».

² Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Дис. ... к. ист. н. М., 2003. С. 225.

Ю.И. Кирьянов, С.А. Степанов, А.В. Репников, И.В. Омелянчук¹ справедливо отмечают, что лидеры черносотенных партий и союзов, уделяя в своих программных документах, публицистике и воззваниях особое место экономическим интересам российского государства и русского народа, в большинстве своем выступали в поддержку переселенческой политики и ратовали за ее расширение и улучшение. Если в отношении части столыпинской аграрной реформы, касающейся выхода крестьян из общины, единства в консервативном лагере никогда не было, то приращение нового импульса переселенческому делу воспринималось практически всеми правыми с явным одобрением. Показательно, что именно члены фракции правых оказывались в III Государственной думе главными защитниками смет Переселенческого управления, выступая за расширение его прерогатив². Полемика, как правило, велась лишь о частных аспектах этого переселения, так как иной альтернативы решению проблемы крестьянского малоземелья в европейской части империи консервативными кругами найдено не было.

Проблемы переселенческой политики нашли отражение в ряде программных документов и заявлений русских правых. О важности этой правительственной меры говорилось в предвыборном обращении Главного совета Союза русского народа³, в работах лидера Русской монархической партии В.А. Грингмута⁴, заместителя председателя Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела Н.Д. Облеухова⁵, известного историка и консервативного публициста Д.И. Иловайского⁶, лидера Союза русского народа Н.Е. Маркова и многих других представителей правого лагеря. Как указывал с думской кафедры лидер фракции правых Н.Е. Марков, «...переселение есть лучшее, вернейшее, наиболее правильное, наиболее экономически верное решение нашего теперешнего бедствия, именуемого малоземельем», подчеркивая, что «бедность русского народа надо лечить переселением и поднятием земельной культуры»⁷.

Основным местом переселения избытков крестьянского населения большинству русских правых (как, впрочем, и правительству) виде-

¹ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 142, 177, 326; Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013. С. 224–225, 431; Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 361; Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006. С. 347, 356–357.

² Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе. С. 240.

³ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: В 2-х тт. / Сост. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. Т. 1. С. 129.

⁴ Грингут В.А. Монархическая партия // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1910. Вып. 3; Его же. Русская монархическая партия // Там же.

⁵ Ухтубужский П. [Облеухов Н.Д.] Русский народ в Азии. СПб., 1913.

⁶ Иловайский Д.И. Дальний Восток // Кремль. 1903. 11 октября.

⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908. Стб. 1306–1307.

лись бескрайние просторы Сибири. При этом немалое внимание также уделялось Средней и Центральной Азии, Кавказу и Закавказью¹. В ходе обсуждения переселенческой политики в III Государственной думе представитель фракции правых крестьянин Ф.Ф. Тимошкин, представлявший русское население Закавказья, неоднократно указывал на значение этого края для переселенческого дела. Тимошкин утверждал, что орошение «пространств в Муганской и Ширванской кавказских степях», а также осушение низменностей Черноморского и Каспийского побережья дадут государству «громадную территорию и облегчат таким образом решение переселенческого и самого земельного вопроса»². «Кавказ не так далек, как Сибирь, куда отправляют за 10–12000 вер[ст] переселенцев хуже скота. Ведь Кавказ рядом с вами, он у вас под руками, а вы ничего о нем не говорите и не хотите обратить на него внимание», — обращался правый крестьянин к депутатам³. «На Кавказе у нас есть масса земель, — продолжал Тимошкин, — которые праздно сейчас гуляют, а вместе с тем у нас в России нет земель свободных, крестьяне нуждаются в земле. Желают переехать куда-нибудь на жительство, а им говорят, что нет на Кавказе земель. Я утверждаю, что на Кавказе есть очень много земель, совершенно праздно лежащих, их необходимо заселить именно лицами из центральной России»⁴.

В свою очередь правый депутат С.И. Келеповский обращал внимание Думы на «громадные земельные пространства» в Центральной Азии, которые, по его мнению, совершенно нецелесообразно использовались киргизами. «Эти земли считаются занятыми, и поэтому наши переселенцы не направляются в этот край, весьма богатый и обладающий роскошным климатом, а направляются в северную Россию, где, например, переселенцы с юга России совершенно не могут выдержать климата. <...> Как я думаю, мы вовсе не покривим душой и не нарушим законов, если скажем этим киргизам: настало время уступить эту землю, которою вы временно пользовались, русскому народу»⁵. Такого же подхода в отношении «инородцев» придерживался и Тимошкин, недоумевавший, почему Кавказ и Закавказье, значительная территория которых была в свое время отвоена русским оружием, служит, прежде всего, экономическим интересам нерусского населения: «...Для чего же должны мы были воевать? Неужели для того, чтобы пролить кровь русского солдата, и затем, чтобы уйти обратно, оставить земли и отдать их выходцам из Малой Азии, армянам и татарам и т.д.? Неужели для этого мы воюем и приоб-

¹ См.: *Иванов А.А.* Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX — начало XX веков // Научный диалог. 2018. № 6. С. 124–142.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб., 1907. Стб. 484.

³ Там же. СПб., 1908. Стб. 1263–1264.

⁴ Там же. Стб. 128.

⁵ Там же. Стб. 1509.

щаем земельные богатства? Если так на это смотреть, то мы не должны больше воевать никогда»¹.

Лидер фракции правых Н.Е. Марков также считал, что «в силу недостатков местной администрации» прекрасные земли Кавказа либо «совсем не заселяются русским населением, или заселяются элементами, враждебными русскому государству, элементами, пришлыми из Малой Азии и из Турции». «...Русские люди нужны на Кавказе, и это пусть знают господа кавказские туземцы, — заявлял с присущим ему пафосом правый политик. — Никого из кавказских жителей обижать не должно, они суть подданные русского царя, но не пускать русских людей, людей своего государства, народа-хозяина туда, где он свободно мог бы жить, этого Государственная дума не должна допускать, и пусть знают это жители Кавказа, пусть они не становятся на опасный путь учинения препятствий шествию великого русского народа к занятию своих русских земель»². Такой подход к переселенческому делу нашел отражение и в программных документах правых. В постановлении IV Всероссийского съезда объединенного русского народа в Москве (1907) отмечалось: «Переселения должны содействовать мирному и промышленному закреплению за русским народом всех окраин, отнюдь не способствуя переходу коренных русских земель в руки инородцев или иностранцев»³.

Помимо «инородцев» и иностранцев правым виделось, как минимум, еще одно серьезное препятствие на пути освоения русскими переселенцами просторов страны. Если подход правых к переселенческому делу отчасти можно свести к популярному в их среде лозунгу «Россия для русских», то реализации его на практике, полагали они, мешал также «экономический сепаратизм» сибирского населения, вооружившегося лозунгом «Сибирь для сибиряков». Как утверждал член думской фракции правых епископ Митрофан (Краснопольский), ему не раз приходилось слышать от сибиряков эти слова, смысл которых заключался в том, что все богатства этого удаленного региона империи должны обслуживать только сибиряков-старожилов. «Отсюда замечаемое в некоторых местах недружелюбие или, вернее, неласковость к переселенцам», — заключал архиерей⁴.

Одобрив в целом переселенческую политику властей, представители правого лагеря регулярно указывали и на ее недостатки. Как отмечал в одной из своих речей Тимошкин, «переселенческое дело у нас в России до сих пор было поставлено в высшей степени плохо, и в настоящее время оно стоит, нельзя сказать, чтобы очень хорошо»⁵. Вторил ему

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. Стб. 1264.

² Там же. Стб. 1307–1308.

³ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. С. 322.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб., 1909. Стб. 480.

⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. Стб. 1262.

и Н.Е. Марков считавший, что деятельность Переселенческого управления «хотя и заметно растет, но растет несоответственно с той важностью, с той государственной важностью, которую это дело переселения должно для государства нашего представлять». В этой связи правый политик требовал расширения дела переселения «до размеров, по крайней мере, равных, если не превышающих прирост народонаселения Российской империи», и признания Государственной думы этих мер «вопросом государственной важности, а не вопросом мелкого ведомственного порядка», одним «из важнейших, крупнейших и надежнейших способов разрешения аграрного вопроса»¹. Очевидно, что расширение переселенческого дела требовало дополнительных средств, в связи с чем правые депутаты предлагали меры, призванные привлечь в казну необходимые ресурсы. Депутат С.В. Воейков, выступая от имени фракции правых за ликвидацию порто-франко (т.е. свободной беспошлинной торговли) во Владивостоке², полагал, что введение таможенных пошлин в этом регионе даст новый источник дохода для казны, который можно будет обратить на помощь переселению и переселенцам³.

Но порой из правых рядов звучала и резкая критика организации переселенческого дела. В 1908 г. правый депутат Государственной думы крестьянин от Волынской губернии Я.Г. Данилюк в своей думской речи фактически солидаризировался с оппозицией, заявив, что при существующих условиях «переселяться может тот, кто обладает денежными средствами». «Но как же нашему голодному и холодному крестьянину, у которого за душой ни копейки, как же ему переселяться? — вопрошал депутат-крестьянин. — Как же ему переселяться, срываться со своего родного гнезда? Чтобы по пути помереть голодной смертью?»⁴. Стремясь купировать подобные резкие суждения, епископ Митрофан (Краснопольский), признавая отдельные недостатки в переселенческом деле, призывал огульно не отрицать целесообразности работы, сделанной властью в области переселения. «Конечно, как во всяком деле, так и в деле переселения, в деле молодом и слишком сложном возможны и существуют теневые стороны, и надо желать, чтобы этих теневых сторон было как можно меньше, чтобы все недочеты, по возможности, были устранены. Но всего нельзя сразу охватить и всего нельзя сразу сделать», — убеждал архиерей. И хотя, продолжал владыка, многие крестьяне опасаются того, что на новом месте им будет еще хуже — «смею уверить,

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. Стб. 1306–1307.

² См. подробно: «Злоба дня» Дальнего Востока // Колокол. 1908. 29 ноября; Яковлева О.Я. III и IV Государственные думы и вопрос о закрытии порто-франко на Дальнем Востоке (1907–1917) // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). Владивосток, 2001. С. 103–107.

³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. Стб. 1763–1764.

⁴ Там же. Стб. 1250.

не хуже будет, а лучше будет, и тем смелым, энергичным людям, которые не убоятся дальнего пути, и тем, которым они облегчат земельную тяготу до некоторой степени, оставивши свои участки». «Однако, — добавлял он, — не надо скрывать, что не молочные реки и кисельные берега ожидают переселенцев, но большею частью суровая природа, которую нужно сначала победить трудом упорным и настойчивым»¹.

Помимо поддержки правительственной политики, указаний на ее отдельные недостатки и разговоров о безальтернативности переселения избытка крестьянского населения из европейских губерний, правые и сами предлагали программы корректировки постановки переселенческого дела. В предложении фракции правых, озвученном в 1909 г., содержалось следующее требование к правительству, достойное внимания: принять меры к тому, чтобы при ликвидации переселенцами своих земельных наделов в европейской части России ценность последних не падала ниже средней стоимости земли в данной местности, поскольку поспешные продажи крестьянами своих прежних наделов нередко приводили к тому, что их скупали за бесценок².

Рекламировали правые депутаты и практические шаги своих политических единомышленников, призванные помочь реализации массового переселения на окраины империи. Так, например, самый многочисленный отдел СРН — почаяевский, выступая в роли защитника малоземельного русского крестьянства, стал выдавать ссуды на покупку земли. В феврале 1911 г. был утвержден устав «Почаяево-Волынского народного кредита», основным капитал которого состоял из членских взносов и займов от Министерства финансов (50 000 руб.), Главного Управления земледелия и землеустройства (50 000 руб.) и Главного переселенческого управления (10 000 руб.). Основным полем деятельности «Почаяево-Волынского народного кредита» была выдача ссуд крестьянам на покупку земли, предоставленной в распоряжение почаяевского отдела в Алтайском округе и Приморской области³. Поддерживая эту деятельность монахов-почаяевцев, депутат-епископ Митрофан (Краснопольский) отмечал: «Факт исторический, что обитатели наши всегда были лучшими колонизаторами <...>, что, обыкновенно, в старину население оседало около обитателей и монастырей. <...> И надо <...> пожалеть, что наши монастыри забыли эту свою историческую задачу или, по крайней мере, проявляют ее слишком слабо... <...> Но и помимо согласия с историей, выступление Почаяевской лавры в качестве колонизатора Сибири нужно приветствовать и с другой стороны, как проявление местной инициативы, направленной к устройству судьбы переселенцев»⁴.

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб., 1909. Стб. 477–478.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб., 1909. Стб. 484.

³ Степанов С.А. Черная сотня. С. 431.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб., 1909. Стб. 479–480.

Обсуждение в правом лагере переселенческой политики продолжалось в том же духе и в IV Государственной думе, дополнив его в годы Первой мировой войны борьбой с «засильем» немецких колонистов, за счет которых правыми предлагалось если не решить, то хотя бы ослабить аграрный вопрос. Но, в целом, позиция правых, занятая ими по переселенческому вопросу в III Государственной думе, серьезных изменений не претерпела вплоть до 1917 г. Тема освоения, русификации и колонизации окраин империи была для них одной из важнейших. Поддерживая правительство в стремлении ослабить остроту аграрного вопроса в европейской части империи путем переселения «излишков» крестьянского населения на ее окраины, правые указывали не только на экономические последствия этой меры, но и на важность переселенческого дела для русификации окраин, дальнейшего закрепления их за Россией и создания на них оплота для защиты от возможных иностранных посягательств. Вместе с тем, правые видели и недостатки правительственной политики, указывая на то, что переселенческое дело ведется недостаточно широко, что без увеличения финансовых вложений со стороны государства оно не сможет быть достаточно эффективным. Обозначив Сибирь и Дальний Восток в качестве важных регионов для освоения русскими переселенцами, правые депутаты также обращали внимание на земли Кавказа, Закавказья, Центральной и Средней Азии, считая, что успех русского переселения на эти территории будет способствовать ослаблению «инородческого» влияния и сепаратистских настроений.

ЗАПРОСЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕПИСКОПА ГЕРМОГЕНА (ДОЛГАНЕВА) И ИЕРОМОНАХА ИЛИОДОРА (ТРУФАНОВА) В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

СЕДОВА ЯНА АНАТОЛЬЕВНА,

кандидат технических наук,

доцент кафедры Автоматизированные системы
обработки информации и управления

Астраханского государственного технического университета,

Астрахань, Россия;

e-mail: y.a.sedova@mail.ru

Аннотация: Доклад посвящен двум малоизвестным запросам, внесенным в III Государственную думу. Осенью 1908 г. депутат А.А. Уваров внес запрос о деятельности саратовского епископа Гермогена. Однако «Союз 17 октября» не поддержал план Уварова, которому пришлось вследствие этого покинуть фракцию. Второй запрос, внесенный тем же депутатом в 1911 г., касался скандалов, сопровождавших масштабное паломничество иеромонаха Илиодора — подопечного епископа Гермогена — по Волге. Цель работы — исследовать процесс внесения данных запросов и их дальнейшую судьбу. Как показано в статье, комиссионные доклады по обоим запросам были внесены в общее собрание, но так и не попали на повестку до конца полномочий III Думы. Таким образом, имела место попытка использования парламентского механизма для вмешательства в сложный и многолетний конфликт между светской и духовной властью Саратовской губернии. Однако руководящее большинство Государственной думы предпочло не вмешиваться в этот щекотливый вопрос.

Ключевые слова: епископ Гермоген (Долганев), иеромонах Илиодор (Труфанов), А.А. Уваров, III Государственная дума, «Союз 17 октября».

Как известно, осенью 1908 г. в Саратове разгорелся конфликт между светскими и духовными властями. Епископ Саратовский Гермоген (Долганев), видный монархический деятель, впоследствии священномученик, откровенно выражал свое мнение о действиях властей и общественных деятелей. Губернатор С.С. Татищев пожаловался на архиерея председателю Совета министров П.А. Столыпину, указывая, что двоим противникам в Саратове не ужитья. Столыпин занял сторону губернатора и порекомендовал обер-прокурору П.П. Извольскому «немедленно вызвать Гермогена и не пускать его обратно, даже для прощания с епархией, так как неминуемо возникнет новый скандал»¹. В конце ноября Столыпин и Извольский сговорились на полумере — ограничиться переводом двух более мелких фигур — иеромонаха Илиодора (Труфанова) и полицеймейстера М.К. Бочарова, между которыми произошел самый серьезный конфликт².

¹ П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 293.

² Седова Я. Конфликт иеромонаха Илиодора и полицмейстера Бочарова // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба [Электронный

В этих условиях саратовский депутат А.А. Уваров решился на дерзкий шаг — внести в Государственную думу запрос о деятельности своего архиерея. 11 октября депутат встретился со Столыпиным и, между прочим, сообщил ему о своем намерении. Председатель Совета министров предложил собеседнику повременить с месяц и дожждаться итогов расследования. Уваров выдержал указанный срок, а затем тоже поехал в Саратов за дополнительными материалами для своего запроса¹, хотя вернувшийся оттуда товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров сказал депутату: «У нас имеются все документы»².

«Нельзя же ждать вечно», — подумал, в конце концов, Уваров³ и внес в Государственную думу заявление о запросе. В этом тексте указывалось, что епископ Гермоген и подчиненное ему духовенство «открыто выходят из рамок закономерной деятельности», владыка вмешивается в дела общественные и гражданского управления, публично критикует действия правительственных агентов, общественных учреждений и деятелей и т.д. Были названы четыре примера: анафема членам саратовского отдела «Союза русского народа», инцидент с протоиереем И.П. Кречетовичем, проповедь в день тезоименитства Наследника и, наконец, телеграмма от 5 октября, опубликованная, вопреки закону, в «Братском листке»⁴.

Конфликт епископа Гермогена с местным отделом «Союза русского народа» достиг апогея 1 августа 1908 г. Перед крестным ходом из саратовского собора на воду владыка запретил союзникам нести свое знамя, а когда те стали спорить — с амвона предал их анафеме⁵. По-видимому, архиерейское слово возымело серьезные последствия. Есть сведения, что местные священники стали отказываться крестить детей членов Союза и причащать умирающих союзников⁶.

Второй инцидент был вызван сложной ситуацией вокруг празднования юбилея отлученного от церкви Л.Н. Толстого. Когда 20 августа городская дума сделала постановление по случаю чествования Толстого, то протоиерей Кречетович назвал это постановление «позорным». На просьбу думцев заменить священника другим епископ Гермоген ответил отказом, предложив им «не уподобляться нетерпеливым отрокам, не яриться на религиозно-церковную чуткость духовного пастыря»⁷.

Самым ярким примером, упомянутым в запросе, была проповедь, произнесенная архиереем 5 октября, в день тезоименитства наследника, в присутствии губернатора и всех властей, с амвона кафедрального собора:

«Царь! вместо шапки Мономаха Ты надел дурацкий колпак, окружил себя недостойными слугами и сатрапами. Так сказал некогда святитель Филипп Царю Иоанну Грозному. Так и в настоящее время около Царя

ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2019/01/16/konflikt_ieromonaha_iliodora_i_policmejstera_bocharova/

¹ Биржевые ведомости. 1908. 12 ноября (веч. вып.).

² Речь. 1908. 22 ноября.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2515. ЛЛ. 2–2 об.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Биржевые ведомости. 1908. 12 ноября (веч. вып.).

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2515. Л. 2 об.

нашего только шитые мундиры, современные враги света Христова всю полноту власти своей употребляют на то, чтобы стеснять пастырей духовных, и бесстыдно лгут пред Тобой и народом о каком-то успокоении... Немелые слуги Царевы попирают закон, это не слуги Царевы, а монголы»¹.

В тот же день владыка послал императору телеграмму от съезда депутатов духовенства Саратовской епархии с возмущением по поводу рассмотрения Государственной думой вероисповедных законов².

Плод творчества Уварова спорен уже с формальной стороны. Ст. 33 Учреждения Государственной думы предоставляет ей право запрашивать министров, подчиненных Сенату, о действиях их и подведомственных им лиц. Но духовенство подчинено Синоду — независимому от Сената учреждению.

Далее, три из четырех описанных Уваровым случаев трудно подвести под нарушение какого-либо закона. Из текста знаменитой проповеди автор запроса предусмотрительно вычеркнул слова о шапке Мономаха и дурацком колпаке. Отлучение от таинств не воспрещается никакими законами. «Саратовский вестник» иронически советовал Уварову внести «законопроект об анафемствовании, предоставляющий епископам право проклинать только особ не выше известного чина»³. Наконец, именование членов саратовской думы «отроками» трудно назвать даже клеветой. Что до телеграммы на высочайшее имя, опубликованной в «Братском листке», действительно, в нарушение ст. 73 Устава о цензуре и печати, то устав этот касается светской цензуры, а епархиальная газета подчинена цензуре церковной⁴.

Возможно, Уваров сам отдавал себе отчет в юридической несоразности запроса, но использовал парламентский механизм для придания делу широкой огласки, чтобы побудить правительство к более решительным действиям. Это предположение отчасти подтверждается словами графа, сказанными чуть позже: «Я продолжаю смотреть оптимистически на это и уверен, что, в конце концов, епископ Гермоген в Саратове не останется»⁵.

Напротив, другой саратовский депутат октябрист К.Н. Гримм, опираясь на успокоительные заверения губернатора, рассчитывал, что местная администрация сама справится со своим противником. «Граф Уваров хочет себя пристегнуть к делу, которое, безусловно, без него будет сделано, граф Уваров хочет сыграть роль мухи в басне Крылова и затем кричать: „мы пахали“»⁶.

Заявление было внесено 19 ноября. В тот же день октябристы собрались на экстренное заседание и почти единогласно высказались против запроса, который, по словам одного из лидеров фракции, может позволить некоторым депутатам «волочить епископскую митру по грязи»⁷. Уварову было предложено взять запрос обратно. Депутат отказался, заявив, что, если

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2515. Л. 2 об.

² Там же. ЛЛ. 4–4 об.

³ Саратовский вестник. 1908. 27 ноября.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2515. ЛЛ. 10–11. Доклад комиссии.

⁵ Биржевые ведомости. 1909. 6 января (утр. вып.).

⁶ Там же.

⁷ Голос Москвы. 1908. 20 ноября.

фракция кладет вето, то он ее покидает. «Пожалуйста! Просим! — раздалось несколько голосов». Уваров ответил, что уходит¹.

Запрос подписали еще два или три октябриста, но они предпочли снять свои подписи ввиду решения фракции. Отказался и кадет В.А. Маклаков, объяснивший сотрудникам газет, что подписал документ, не прочитав его, а теперь прочел и раздумал. Уваров, однако, заявил, что депутат поддался влиянию октябриста А.И. Гучкова². На запросе остались подписи оппозиции, в основном кадетов, и самого графа, отныне беспартийного, всего 31³.

Спешность не была заявлена, поэтому заявление было передано в комиссию (24.XI.1909). Лишь год спустя ее доклад внесен в общее собрание с предложением отвергнуть запрос⁴. На повестку дело так и не попало и было закрыто за окончанием полномочий III Государственной думы III⁵. Уваров сокрушался: «...происками хитрых политиканов мой запрос был похоронен»⁶.

Саратовские столкновения временно утихли. Губернатор был утвержден в должности, получил придворное звание и чин статского советника. Полицмейстер Бочаров переведен в Севастополь на такую же должность⁷.

Летом 1910 г., когда имя иеромонаха Илиодора не сходило со страниц газет, Уваров вновь решил внести запрос, на сей раз всецело посвященный деятельности знаменитого инокa. Направляясь в отпуск на юг, депутат нарочно остановился на день в Царицыне, чтобы собрать материалы. С этой целью Уваров вместе со своим товарищем по Думе беспартийным левым Н.С. Розановым посетил редакцию газеты «Царицынская мысль». Предметом запроса предполагалось сделать нашумевшие инциденты последнего времени — ходатайство царицынской городской думы о переводе о. Илиодора, пожары на лесных пристанях, приписывавшиеся поклонникам инокa, нападки на местных обывателей, звучавшие в проповедях священника, и т.д.⁸. Однако этот план не был осуществлен.

В следующем году, после паломничества иеромонаха Илиодора по Волге, сопровождавшегося рядом скандальных инцидентов, мысль о запросе возникла уже не в среде Государственной думы, а между царицынскими общественными деятелями. Они решили собрать материал и обратиться за помощью к саратовским депутатам Думы⁹. Уваров и прогрессист Н.Н. Львов немедленно откликнулись. Ходили слухи, что запрос будет поддержан даже фракцией «Союза 17 октября»¹⁰.

В конце августа Уваров говорил содержателю саратовского цирка П.А. Никитину, что считает своим гражданским долгом осветить в Госу-

¹ Речь. 1908. 20 ноября.

² Голос Москвы. 1908. 21 ноября.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2515. ЛЛ. 2 об.-3.

⁴ Там же. ЛЛ. 10–11. Доклад комиссии.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Цит. по: Саратовский вестник. 1911. 20 августа.

⁷ Свет. 11 января 1909.

⁸ Саратовский вестник. 1910. 16 июля.

⁹ Там же. 1911. 30 июля.

¹⁰ Саратовский вестник. 1911. 17 августа.

дарственной думе деятельность иеромонаха Илиодора, причем упомянул об имеющемся у него обширном компрометирующем материале на инока¹. В те же дни депутат поместил в «Утре России» две статьи об «илиодоровщине», рассматривая деятельность царицынского проповедника как следствие «всеобщего удивительного попустительства». «Мне далеко не столь печальным кажется отдельный факт, как его обстановка, и притом не случайная, а постоянная, так сказать, обязательная, почти законная». Поэтому, предсказывая самому иеромонаху Илиодору близкий конец, Уваров выражал опасение, что подобные инциденты будут повторяться и впредь: «Если Илиодор сойдет со сцены, найдутся другие»².

Тональность этих статей предвосхищала аргументацию будущего запроса. Наученный горьким опытом, Уваров на сей раз сместил акцент с деятельности инока, неподконтрольного светской власти, на действия ее самой, обвиняя должностных лиц, соприкасавшихся с паломниками, в попустительстве: «Нас, нижеподписавшихся, не столько поражает самый факт шествий и сопутствовавших им бесчинств, как то нескрываемое, более чем странное, попустительство, которое повсеместно оказывали при этом местные гражданские власти и полиция». Указав, что власти не давали хода жалобам обывателей на оскорбления, насенные им илиодоровцами, интерpellанты замечали: «...администрация и полиция ясно потворствовали зачинщикам названных безобразий и не исполняли своих прямых обязанностей к ограждению местных жителей от насилий и оскорблений»³.

Запрос был внесен 2 декабря 1911 г. Спешность не была заявлена. Кроме самого Уварова, запрос подписали еще 32 прогрессиста и кадета. Октябристы, вопреки своим заявлениям, не поддержали запрос даже поодиночке.

Уже в январе следующего года запрос потерял смысл, поскольку иеромонах Илиодор подвергся наказанию — ссылке во Флорищеву пустынь. Было очевидно, что его августейшие покровители от него отступились.

Запрос рассматривался комиссией по запросам 24 января 1912 г. Комиссия единогласно признала факт бездействия власти. Затем большинством голосов было решено, что о попустительстве речи идти не может. Соответственным образом комиссия предлагала отредактировать запрос и его принять.

Доклад комиссии по запросам был переслан председателю Думы 7 марта 1912 г. и так и не попал на повестку до конца полномочий Думы.

Такова вкратце история борьбы Уварова с епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором. Депутат пытался использовать парламентский механизм для вмешательства в сложный и многолетний конфликт между светской и духовной властью Саратовской губернии. Однако руководящее большинство Государственной думы предпочло не вмешиваться в этот щекотливый вопрос.

¹ Там же. 23 августа. Никитин, будучи лично оскорблен иеромонахом Илиодором, стал одним из его самых ярых противников.

² Цит. по: Там же. 30 августа.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2634. Л. 3 об.

АВТОРИТЕТ КАК АРГУМЕНТ: К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ ЧЕРЕЗ ДЕБАТЫ В ОБЩЕМ СОБРАНИИ¹

РЯБУХИН ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры новейшей истории России
Пермского государственного национального
исследовательского университета,
Пермь, Россия;
e-mail: i_ryabukhin@mail.ru

Аннотация: Данная статья ставит своей целью разработать подходы к качественной оценке влияния парламентской субэлиты на принятие решений в общем собрании Государственной думы Российской империи. Систематизированы первичные наблюдения в рамках заявленной проблематики для последующего продолжения исследования в данном направлении.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, парламентская история, парламентская субэлита, позднеимперский период, парламентские практики.

Процесс принятия решения в Государственной думе Российской империи изучен на сегодняшний день на достаточном уровне. Исследователи досконально разобрали формальную сторону данного вопроса и углубились в анализ неформальных практик, связанных с влиянием на парламентский процесс как внутри фракций (например, вопросов дисциплины при голосовании), так и вовне (знаменитое управление фракцией из буфета). При этом остается малоизученной тема, связанная с персональным влиянием депутатов на принятие решений общим собранием через основной парламентский инструмент — дебаты.

Цель настоящего исследования — разработать механизм оценки влияния депутатов на принятие решений и, в последующем, на примере различных обсуждений в общем собрании выявить возможных лидеров мнений.

Идеальная модель завершеного исследования должна представлять собой составленный рейтинг влияния депутатов (в плане выступлений) с опорой на количественные и качественные данные.

При этом, есть ряд объективных ограничений, которые могут повлиять на конечные выводы и результаты. Прежде всего, источниковая база. В частности, команда исследователей из ПГНИУ обладает большим массивом количественных данных, полученных на основе анализа таких источников,

¹ Исследование выполняется при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00569 «Формирование парламентской субэлиты в позднеимперской России» (2016–2018, руководитель И.К. Кирьянов).

как Стенографические отчеты Государственной Думы Российской империи и указатели к ним. Эта информация, по меткому замечанию И.К. Кирьянова, позволяет оценить активность парламентской элиты в позднеимперский период в плане подписания законодательных инициатив и запросов, количества выступлений, реплик с мест и ряд других. Однако этих данных для определения качественного влияния на принятие решений недостаточно.

Вместе с тем имеется большой массив неverifiedируемых данных, к которым, прежде всего, относятся источники личного происхождения и газетная периодика. Приведенные в них оценки нуждаются в дополнительной проверке. Например, «Голос Москвы» в 1907 году дает очень лестную характеристику министру юстиции И.Г. Щегловитову, который «хороший оратор, прекрасно владеет голосом, и речь его произвела, видимо, сильное впечатление на большинство Думы»¹. В этом же году проправительственная «Россия» так охарактеризовала выступления левых ораторов: «Сначала депутат говорит голосом угнетенной невинности, а потом речь возвышается, и оратор гремит. Однако гром шел не из тучи», — откровенно иронизирует газета². Показательна в этом плане более поздняя аттестация интерpellяций левых, данная газетой на другой запрос, поступивший от трудовиков и основывавшийся на телеграмме о беспорядках в городе Камышине Саратовской губернии: «Хорошо, что Дума уже установила порядок передачи подобных дел для предварительной разработки в комиссию, и благодаря этому заседание было избавлено от громовых речей по поводу „несомненного“ факта, единственным удостоверением которого служит какая-то телеграмма»³. Похожая ситуация наблюдается и в источниках личного происхождения. Необходимо отметить в целом нерепрезентативную практику Первого и Второго созывов, так как в период их работы не смогли сформироваться постоянное активное депутатское ядро, а также устойчивый пул ораторов.

При этом, можно констатировать, что именно во втором созыве начинает вырабатываться единая корпоративная депутатская позиция, которая строится на принципе неприкосновенности «народного представителя» вне зависимости от фракционной принадлежности. Эта тема является спланивающим фактором и для Третьего, как на уровне общего собрания, так и в комиссии. В частности, трудовики совместно с социал-демократами инициировали в поддержку пермского депутата К.М. Петрова (трудовик⁴) запрос «по поводу неправильных действий Пермского губернатора при сношениях его с членом Гос[ударственной] думы Петровым 3-м»⁵. В интерpellации указывалось, что К.М. Петров получил из Шадринского уезда известие о «неадекватном поведении» исполняющего обязанности земского начальника 2-го участка того же уезда Беляевского. После чего запросил у пермского губернатора сведения о сложившейся ситуации. Тогдашний руководи-

¹ Голос Москвы. 1907. 18 марта.

² Россия. 1907. 17 марта.

³ Там же. 1907. 19 марта.

⁴ Петров Константин Матвеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 457.

⁵ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия четвертая. 1911 г. СПб., 1911. Т. 3. № 182.

тель губернии И.Ф. Кошко «в крайне резкой и обидной форме», по мнению инициаторов запроса, ответил К.М. Петрову, что ничем ему не обязан, так как согласно закону губернаторы не обязаны давать разъяснения на запросы думцев, опубликовал свой ответ в газете «Пермские губернские ведомости» и распорядился взыскать гербовый сбор с депутата в размере 1,5 рубля.

В депутатском заявлении, которое предлагалось подать на имя министра внутренних дел, подробно раскрывалось, где и какую грубость допустил пермский губернатор, а первый пункт непосредственно запросной части был сформулирован следующим образом: «Известно ли министру внутренних дел, что в переписке <...> И.Ф. Кошко проявил крайнюю неосведомленность в действующем законодательстве и недостаточное знакомство с обязанностями губернатора?»¹.

Комиссия, рассмотрев запрос, решила его поддержать: «Хотя форма обращения члена Государственной думы к губернатору И.Ф. Кошко не установлена законом и не соответствует обычной форме переписки, но признать эту форму оскорбительной нельзя, так как она существует и применяется в Государственной думе при запросах к высшим должностным лицам в государстве», — говорилось в ее докладе, а ответ первого лица губернии, по версии комиссии, несомненно, «является оскорбительным»². Кроме того, члены комиссии фактически признали факты, изложенные в письме Петрова к губернатору, достоверными, так как «исполняющего должность земского начальника Беляевского от занимаемой им должности отстранили»³.

В Третьем созыве окончательно формируется пул ораторов, которые могли выступать как самостоятельными акторами, так и излагать заранее заготовленную фракционную позицию, как в случае с графом А.А. Уваровым («Союз 17 октября»⁴), который, являясь достаточно независимой фигурой, подчинялся фракционной дисциплине и доносил общему собранию волю фракции по целому ряду вопросов, в том числе и по запросам, которые касались положения дел в Финляндии: «Мы находим, что в данное время никакого перехода к очередным делам не представляется необходимым принимать на том простом основании, что мы все выяснили то, что хотели выяснить; объяснили правительству то, что хотели, чтобы правительство знало, и в данное время нет никаких оснований связываться отдельной формулой. Поэтому от имени фракции 17 октября я заявляю, что мы будем голосовать против такого перехода»⁵. Однако после конфликта фракции с П.А. Столыпиным из-за введения земства в Западных губерниях меняется и риторика октябристов, позиция которых, в устах Г.Г. Лерхе («Союз 17 октября»⁶), теперь выглядела так: «Мы здесь неоднократно были свидетелями нарушений

¹ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия четвертая. 1911 г. СПб., 1911. Т. 3. № 182.

² Там же. № 362.

³ Там же.

⁴ Карнишин В.Ю. Уваров Алексей Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 635.

⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 722.

⁶ Лерхе Герман Германович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 326.

агентами правительства наших законов, но в данном случае вопрос совершенно иного порядка: мы имеем дело с нарушением наших Основных Законов тем председателем Совета министров, который нам заявлял неоднократно, что он стремится к искоренению нарушений и к установлению в России законного порядка вещей»¹.

Безусловно, одним из способов воздействия на общее собрание становится выпуск фракцией депутата, который пользуется авторитетом в обсуждаемой области знаний. К таким типам выступлений можно отнести речь депутата Ф.И. Родичева (кадет²) относительно разъяснений министров по вопросу законности выборов в Четвертый созыв. «Если мы дальше будем прогрессировать в этом направлении, то ответ на запрос Государственной думы будет появляться в „Русском архиве“ и в „Русской старине“». Поэтому те замечания, которые мне придется сделать на данные здесь объяснения, будут замечаниями в значительной мере академическими. Прежде всего, я хотел бы оговориться относительно неправильной постановки самого основания ответа. Он дан будто бы тогда, когда Дума уже утвердила все выборные производства и этим признала законность своего избрания. Это высказано в начале и этим утверждением кончалось заявление г. товарища министра внутренних дел. Он вам сказал приятный комплимент: Четвертая Дума законно избрана. Но, господа, умные люди не очень верят комплиментам и знают, что в комплименте всегда заключается, по крайней мере, преувеличение. Дума, господа, еще не все выборы утвердила»³, — заявил Ф.И. Родичев. Необходимо отметить, что большинство депутатов, исключая правых, позицию оратора и, соответственно, кадетов поддержало.

Справедливо также отметить, что нередко депутаты использовали думскую трибуну не столько для влияния на своих коллег, сколько для продвижения себя или фракционных установок.

Показательна в этом плане ситуация с одним из запросов, инициированных А.Ф. Керенским (трудовик⁴), в частности заявления № 69, которое касалось стеснений органов печати на местах⁵. При этом Керенский, скорее, произнес речь не в поддержку спешности вопроса, а выступил с программным заявлением относительно положения дел в стране. «Когда и мы были на местах, мы также узнали, чем болеет и чего ищет народ, мы также знаем, что народ ищет и жаждет хлеба, что он обнищал, что он не может больше жить, но мы знаем также, гг., что было время, когда этот народ, демократия, крестьянство, рабочий класс искали исцеления своих социальных зол и нужд в тех местах, куда зовут их сейчас правые. Мы знаем, какой ответ

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 год. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. 3. Стб. 728.

² Антохина Е.А., Канищева Н.И., Николаев А.Б. Родичев Федор Измаилович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 527.

³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1913–1914 гг. Сессия вторая. СПб., 1913. Ч. 1. Стб. 1467.

⁴ Исакова О.А. Керенский Александр Федорович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 245.

⁵ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Вып. I. № 15.

они там получили. Мы знаем гг., что именно первая и вторая Думы, которые хотели дать хлеб крестьянству, подняли вопрос о земле и хотели передать землю в распоряжение трудящихся, были разогнаны. Мы знаем, когда в 1905 г. рабочие Петербурга пошли просить хлеба, им послали пули», — заявил А.Ф. Керенский, чем вызвал бурные аплодисменты слева и голоса негодования справа¹. При этом вопрос о притеснениях печати являлся для оратора второстепенным. Кратко остановившись на притеснениях газет «левого направления», А.Ф. Керенский тут же упомянул, что периодическая печать консервативного характера имеет право фактически давать обвинительные заключения по делу Бейлиса. «Я не буду, гг., говорить здесь о деле Бейлиса, я не буду говорить о том, что совершается в Киеве, потому что самый факт предания суду, самый факт написания такого обвинительного акта есть государственное преступление»², — отметил депутат, что спровоцировало перепалку между левым и правым флангом Думы и очередное замечание председателя общего собрания, после которого Керенского лишили слова.

Против резонансной речи трудовика правые, выступавшие за отклонение спешности, выпустили одного из лучших своих ораторов — В.М. Пуришкевича. «Гг. члены фракции Союза 17 октября. Позвольте вас, прежде всего, спросить, поддерживающих ряд этих вопросов, вносимых левыми фракциями Государственной думы, неужели оратор, сейчас сошедший с этой трибуны, был представителем объединенного социал-демократического — трудовистского-прогрессистского-кадетского-октябристского блока?» — напрямую обратился к решающей силе в деле принятия запросов правый оратор, подчеркнув, что «принятие спешности этого запроса будет молчаливым сочувствием большинству того, что было сказано здесь членом Государственной думы Керенским», имея в виду его слова о деле Бейлиса³.

В результате право-октябристским большинством спешность запроса была отвергнута, интерpellацию передали в комиссию, где она так и не была рассмотрена до конца полномочий Думы.

Тем не менее, все эти наблюдения не позволяют сделать однозначных выводов о значимости выступлений того или иного депутата и оценить влияние на общее собрание со стороны, например, В.М. Пуришкевича или А.Ф. Керенского.

Представляется необходимым продолжить изыскания по следующим направлениям: 1) рассмотреть вопрос о консолидации групп депутатов вокруг различных мнений, выявить и изучить факторы, которые влияли на то или иное решение; 2) проследить эволюцию условных депутатских «предпочтений» — от эмоционального согласия с ораторами в первом созыве Государственной думы Российской империи до прагматического изучения аргументов для принятия той или иной точки зрения в третьем созыве; 3) особое внимание уделить формированию пула ораторов по тем или иным запросам и их роли как лидеров мнений при общем обсуждении в собрании Государственной думы.

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1913–1914 гг. Сессия вторая. СПб., 1913. Ч. 1. Стб. 243.

² Там же. Стб. 251.

³ Там же. Стб. 251–252.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ АКТИВНОСТЬ КОГОРТЫ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ С ПОВТОРЯЮЩИМСЯ СТАТУСОМ, 1907–1917¹

КИРЬЯНОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор исторических наук,
зав. кафедрой новейшей истории России
Пермского государственного национального
исследовательского университета,
Пермь, Россия;
e-mail: ikiryanov@yandex.ru

КОРНИЕНКО СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей истории России
Пермского государственного национального
исследовательского университета,
Пермь, Россия;
e-mail: kornienko@psu.ru

СЕНИНА АННА ВАСИЛЬЕВНА,

студентка I курса магистратуры
историко-политологического факультета
Пермского государственного национального
исследовательского университета,
Пермь, Россия;
e-mail: ann.sotn@yandex.ru

Аннотация: Рабочая гипотеза настоящего исследования формулировалась следующим образом: возобновляющийся парламентский статус, связанный с накоплением политического опыта, мог способствовать тому, что повторно избранные депутаты играли в думской жизни существенно более активную роль по сравнению с большинством депутатов-«новичков», по крайней мере, в начале деятельности Государственной думы нового созыва. Статистический анализ парламентской активности проводился как на групповом, так и на индивидуальном уровне. Полученные результаты подтвердили рабочую гипотезу.

Ключевые слова: позднейшая Россия, Государственная дума, парламентская субэлиты, парламентская активность.

Участники «Таврических чтений» последних лет неоднократно обращались к сюжетам, связанным с парламентской активностью депутатского корпуса Государственной думы позднейшей России².

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-06-00569 «Формирование парламентской субэлиты в позднейшей России».

² См., напр.: Братолюбова М.В. Парламентская деятельность российского казачества в начале XX века // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013. Ч. 1. С. 92–108; Соловьев К.А. Работоспособное ядро Третьей Государственной

Применяемые при этом техники статистического анализа позволяют не только определить количественные параметры разных форм активности, но и выделять типы (модели) парламентского поведения как на групповом, так и на персональном уровне.

Рабочая гипотеза настоящего исследования, проводившегося на основе возможностей Интернет-портала «Парламентская история поздней имперской России» (www.parliament.psu.ru), формулировалась следующим образом: возобновляющийся парламентский статус, связанный с накоплением политического опыта, мог способствовать тому, что повторно избранные депутаты играли в думской жизни существенно более активную роль по сравнению с большинством депутатов-«новичков», по крайней мере, в начале деятельности Государственной думы нового созыва.

Всего в поздней имперской России повторяющимся парламентским статусом обладали 204 депутата Государственной думы второго — четвертого созывов, из них 184 депутата воспроизводили исключительно думский опыт, 5 депутатов имели повторяющийся думский статус прежде, чем дополнили его избранием в Государственный совет, 5 депутатов до своего избрания в нижнюю палату успели побывать выборными членами верхней палаты. В Думе второго созыва только 31 депутат обладал повторяющимся статусом — 29 человек с предыдущим думским опытом (сказалось уголовное преследование против перводумцев, подписавших Выборгское воззвание) и 2 входили в состав выборной части Государственного совета в первую его сессию, отказавшись от членства в верхней палате ради первой (А.В. Перелешин и Н.А. Хомяков). В Думе третьего созыва 70 депутатов обладали повторяющимся статусом — 68 человек с предыдущим думским опытом (включая Н.С. Волконского и Н.А. Хомякова, имевших также опыт деятельности в Государственном совете) и 2 — А.И. Гучков и М.В. Родзянко, отказавшиеся ради депутатского места в нижней палате от звания члена Государственного совета по выборам. В Думу четвертого созыва первоначально было избрано 137 депутатов с предыдущим думским опытом (во вторую сессию к этой группе добавился К.К. Черносвитов)¹.

думы: численность и состав // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 1. С. 126–136; *Кириянов И.К.* Перводумцы: рождение парламентской субэлиты в поздней имперской России // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 265–273; *Рябухин И.В.* Сценарии осуществления запросной деятельности в Государственной думе Российской империи // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 1. С. 146–152.

¹ На предыдущий парламентский статус депутатов Государственной думы четвертого созыва в качестве критерия их вхождения в состав парламентской элиты первыми обратили внимание А.Б. Николаев и О.А. Поливанов, см.: *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 56–66.

Сравнение парламентской активности двух групп депутатов — депутатов с повторяющимся парламентским статусом и депутатов, избранных впервые, — проводилось по следующим позициям: занятие думских должностей; вхождение в думские комиссии, подписание думских документов (законопроекты, запросы, заявления), выступление с думской трибуны в качестве докладчиков комиссий и в ходе думских прений по самым разным позициям, нарушение парламентского регламента и др. Часть выделенных форм активности была сгруппирована по трем видам: статусные позиции в Думе (занятие руководящих должностей в думском «президиуме» и комиссиях); законотворческая деятельность (членство в комиссиях, инициирование законопроектов, выступления докладчиками комиссий, участие в прениях по проекту «бюджета» и законопроектам); убеждение/давление (подписание запросов и заявлений, предложение формул перехода, внесение заявлений в общем собрании, выступления в прениях по запросам, выступления к порядку дня, возгласы во время выступлений других депутатов).

Доля парламентской активности депутатов с повторяющимся статусом превышала долю данной когорты в составе депутатского корпуса практически по всем формам этой активности, что особенно было характерно для первых сессий очередного созыва Государственной думы. Так, на протяжении деятельности третьего созыва доля депутатов с повторяющимся статусом незначительно колебалась около показателя в 15 %, а в четвертом — около показателя в 31 %. Вклад данной группы в парламентскую активность был значительно выше этих показателей, прежде всего, в четвертом созыве, по следующим позициям:

- вхождение в думский президиум: 36 % (для первой сессии третьего созыва), 29 % (для пятой сессии третьего созыва), 69 % (для первой сессии четвертого созыва), 70 % (для четвертой сессии четвертого созыва);
- замещение руководящих должностей в думских комиссиях, соответственно, 17, 17, 60, 50;
- выступления докладчиками комиссий, соответственно, 17, 15, 65, 58;
- суммарная риторическая активность (участие в прениях по всем вопросам), соответственно, 29, 19, 55, 47, при этом депутаты с повторяющимся статусом в первую сессию четвертого созыва «подавляли» своей активностью коллег-новичков в выступлениях по законопроектам — 60 %, выступлениях к порядку дня — 66 %, выступлениях по личным вопросам — 65 %, по внесению заявлений с думской трибуны — 63 %;
- возгласы во время выступлений других депутатов, соответственно, 55, 32, 92, 82.

Существенно ниже активность депутатов с повторяющимся статусом была при подписании различных думских документов: законопроектов, запросов и иных заявлений. Показатели участия в этой сфере парламентской деятельности были идентичны доле этой когорты в составе депутатского корпуса, соответственно, 15, 15, 31, 31 %.

Высокая доля участия достигалась существенно большей интенсивностью парламентской деятельности депутатов с повторяющимся статусом,

о чем свидетельствуют доли активности, приходящиеся в среднем на одного представителя каждой из рассматриваемых когорт, см. табл. 1–3.

Таблица 1. *Статусные позиции депутатов в думской иерархии (управленческий ресурс)*

Формы активности	III, 1	III, 5	IV, 1	IV, 4
Места в думском «президентстве»	0,057/0,018	0,03/0,013	0,065/0,013	0,053/0,01
Должности в думских комиссиях	0,211/0,11	0,173/0,131	0,437/0,134	0,519/0,23

(полужирным выделены показатели когорты депутатов с повторяющимся статусом; римскими цифрами пронумерованы созывы Государственной думы, арабскими — сессии)

Таблица 2. *Активность думцев в законотворческой деятельности*

Формы активности	III, 1	III, 5	IV, 1	IV, 4
Членство в думских комиссиях	2,864/1,973	3,794/2,471	3,109/2,842	5,211/5,344
Законодательная инициатива (подписи под законодательными предположениями)	5,327/5,817	4,0/5,262	9,703/10,359	5,496/5,371
Выступления докладчиками комиссий	1,361/0,563	1,879/1,8	2,703/0,674	1,211/0,377
Выступления в прениях по законопроектам	3,857/2,146	5,576/3,825	1,217/0,322	2,113/1,069
Выступления в прениях по проекту «бюджета»	2,7/1,291	0,697/0,783	0,877/0,5	0,645/0,371

(полужирным выделены показатели когорты депутатов с повторяющимся статусом; римскими цифрами пронумерованы созывы Государственной думы, арабскими — сессии)

Таблица 3. Активность думцев в парламентском убеждении / давлении

Формы активности	III, 1	III, 5	IV, 1	IV, 4
Подписание заявлений о запросах	2,857/2,7	5,364/4,052	6,13/5,51	4,361/4,059
Подписание заявлений	2,629/2,608	0,361/0,155	0,428/0,493	-/-
Выступления в прениях по запросам	0,314/0,125	0,833/0,531	0,804/0,378	0,293/0,125
Предложение формул перехода к очередным делам	0,071/0,055	-/-	-/-	-/0,393
Внесение заявлений в общем собрании	0,229/0,057	0,091/0,094	0,08/0,02	0,523/0,066
Выступления к порядку дня	4,3/1,338	1,561/0,935	2,007/0,408	0,564/0,344
Возгласы во время выступлений других депутатов	2,757/0,421	11,0/4,126	4,573/0,178	4,835/0,489

(полужирным выделены показатели когорты депутатов с повторяющимся статусом; римскими цифрами пронумерованы созывы Государственной Думы, арабскими — сессии)

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что коэффициент вариации по большинству признаков превышает 100 % (за исключением членства в комиссиях в обоих созывах и подписных форм активности в третьем созыве, для которых значения признака варьируются в пределах от 50 до 100 %), что говорит о крайне высокой степени неоднородности обоих выборочных совокупностей, правда, для когорты депутатов с повторным статусом отмечен сравнительно меньший разброс значений относительно среднего.

Для анализа индивидуальной парламентской активности депутатов Государственной думы и ее динамики был применен метод баллового ранжирования. По каждой из рассматриваемых форм парламентской деятельности составлялась десятка наиболее активных депутатов, в рамках которой первое место оценивалось в 10 баллов, десятое — в 1 балл. Полученные результаты в форме суммы баллов с указанием в скобках количества вхождений в «десятку» представлены в табл. 4.

Таблица 4. *Персональный рейтинг парламентской активности членов Государственной думы*

III, 1	III, 5	IV, 1
Шингарев А.И. — 45 (7)	Тимошкин Ф.Ф. — 47 (6)	Шингарев А.И. — 58 (8)
Уваров А.А. — 42 (5)	Кузнецов Г.С. — 36 (5)	Марков Н.Е. — 55 (7)
<i>Марков Н.Е.</i> — 41 (5)	Шингарев А.И. — 33 (6)	Замысловский Г.Г. — 39 (7)
Бобринский В.А. — 38 (6)	Кропотов А.Е. — 26 (4)	Чхеидзе Н.С. — 32 (4)
<i>Марков Н.Л.</i> — 16 (3)	<i>Антонов Н.И.</i> — 23 (4) <i>Гегечкори Е.П.</i> — 23 (3)	Беннигсен Э.П. — 29 (3)
Капустин М.Я. — 15 (2) Розанов Н.С. — 15 (2)	<i>Марков Н.Е.</i> — 19 (3)	Пуришкевич В.М. — 25 (4)
<i>Половцов Л.В.</i> — 10 (2) Крупенский П.Н. — 10 (1) Маклаков В.А. — 10 (1)	Лерхе Г.Г. — 17 (4)	Годнев И.В. — 23 (3) Некрасов Н.В. — 23 (3)
	<i>Замысловский Г.Г.</i> — 15 (3) <i>Скоропадский Г.В.</i> — 15 (2) Тычинин В.К. — 15 (2)	Демченко В.Я. — 22 (3)
		Мейендорф А.Ф. — 18 (2)

(выделены: полужирным — депутаты с повторяющимся парламентским статусом; курсивом — депутаты с будущим повторным статусом)

Полученные результаты — на групповом и персональном уровнях — подтверждают сформулированную в начале исследования гипотезу и свидетельствуют о ведущей роли депутатов Государственной думы с повторяющимся статусом в реализации большинства форм парламентской активности. Когорта депутатов с повторяющимся статусом отличалась от совокупности депутатов-новичков существенно большей однородностью в проявлениях парламентской активности. Разница в объемах парламентского участия между двумя рассматриваемыми совокупностями депутатов уменьшалась на протяжении деятельности думского созыва, по мере того как «новички» осваивались в Таврическом дворце и приобретали необходимый политический опыт и вес, претендуя тем самым на будущий повторяющийся парламентский статус.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛЬШИНСТВА В IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ: ОТ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ К «ШТУРМУ ВЛАСТИ» (1912–1917)

ГАЙДА ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук,
доцент исторического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается вопрос формирования большинства в IV Государственной думе (1912–1917). Показано, что в обстоятельствах отсутствия стратегического взаимодействия с правительством в Думе либо обострялась межфракционная и внутрифракционная борьба (в случае относительной стабильности), либо создавались возможности для широкого оппозиционного объединения (при усилении политического кризиса). Обосновывается возможность формирования в палате левого или правого центра. К началу войны в палате наметилось правоцентристское большинство, идущее на сближение с правительством. Однако позднее Прогрессивный блок по своему характеру к конструктивному взаимодействию с властью был неспособен.

Ключевые слова: Государственная дума, октябристы, кадеты, Прогрессивный блок, П.Н. Милюков.

Третьеиюньская система изначально предполагала наличие в Государственной думе умеренно-либерального большинства, настроенного на конструктивное взаимодействие с правительством. Отсутствие подобного сотрудничества в обстановке относительной политической стабильности провоцировало внутрипарламентскую борьбу, а в случае серьезного кризиса — паралич всей политической системы. Внутридумская борьба усугублялась партийным кризисом после окончания Первой русской революции, ослаблением общественной поддержки партий. Государственная дума оказывалась между враждебной ей властью и безразличной к парламенту страной. Основным препятствием на пути любых думских объединений была межфракционная и внутрифракционная конкуренция. В IV Думе опасность раскола угрожала практически любой фракции, а он, в свою очередь, мог спровоцировать серьезное переформатирование всего думского расклада. Главным стабилизирующим фактором оказалась различная политическая природа фракций.

Сделанная правительством накануне выборов 1912 г. ставка на правых не оправдалась. По результатам выборов и распределения по фракциям правое крыло Думы составило 185 депутатов, октябристов оказалось 98, прогрессистов — 48, кадетов — 59. В целом, IV Дума напоминала вто-

рую, но с учетом зеркальной симметрии: с перекосом вправо. Так же, как и II Дума, Дума IV созыва не смогла выступить с ответным адресом императору. Следствием децентрализации стал перманентный кризис президиума, существовавший вплоть до начала Первой мировой войны, а также паралич думских комиссий.

Теоретически в Думе могли сложиться два большинства. Объединение трех либеральных фракций насчитывало бы 205 депутатов, правое крыло и октябристы вместе составили бы 283 человека. Главным отличием двух объединений было вхождение в них правых или кадетов. При этом наличие кадетов было признаком оппозиционного характера большинства.

Основной проблемой формирования левого центра было противостояние октябристов и кадетов. Если для конституционных демократов соглашение с «Союзом 17 октября» было практически равносильно сговором с властью и «реакцией», то для октябристов кадеты были символом революции и отрицания существующего государственного порядка. Разногласия двух ведущих либеральных течений были отнюдь не риторическими: одни выступали за реформы в рамках существующего строя, другие — за его смену. Кадеты были частью «освободительного движения» и могли рассматривать социалистов в качестве «друзей слева», что для октябристов было совершенно невозможно¹.

Признаком кризиса либерального движения стало оформление накануне думских выборов движения прогрессистов. Прогрессисты были выразителями интересов московских торгово-промышленных кругов, по сути были лоббистской группой. Движение первоначально не предполагало создания партии, не имело четкой идеологической платформы. Октябристами прогрессисты воспринимались как «некое туманное пятно, неорганизованная и беспрограммная группа»². Кадеты, несмотря на позицию своей московской группы, не пошли на стратегическое сотрудничество с прогрессистами на выборах по причине их ярко выраженной «буржуазности» и национализма³. При этом кадеты отмечали рыхлый характер прогрессистского движения и рассчитывали на перетекание прогрессистов в кадетскую фракцию в новой Думе⁴. Сами прогрессисты критиковали октябристов за соглашательство с властью, а кадетов — за догматизм и отсутствие делового подхода. Серьезный успех прогрессистов на выборах стал признаком разочарования части либерального электората в традиционных либеральных партиях⁵.

После открытия IV Думы кадеты заняли в ней жесткую принципиальную позицию. Это было вызвано двойным расчетом: возможным ростом

¹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 38–44.

² Громобой. Прогрессисты // Голос Москвы. 1912. 7 апреля.

³ Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг.: В 6-ти т. М., 1997. Т. 2. С. 30.

⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3-х т. М., 2000. Т. 2. С. 367.

⁵ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 170–171, 201.

рядов фракции¹ или подготовкой новой предвыборной кампании в случае роспуска Думы (подобная перспектива рассматривалась как весьма вероятная)². Ни то ни другое не оправдалось. Прогрессисты создали самостоятельную, сравнительно прочную фракцию, конкурирующую с кадетами на леволиберальном поле. Это привело к смягчению позиции кадетов, которые впервые с 1907 г. приступили к борьбе за создание широкого парламентского объединения под собственными лозунгами³.

Однако и эта тактика оказалась невыполнимой. Уже весной 1913 г. прогрессисты и близкое им левое крыло октябристов продемонстрировали политическую активность, самостоятельность и радикальность. Выдвинув идею создания Прогрессивного блока, прогрессисты неожиданно для кадетов повели себя как более левая сила: они начали устанавливать контакты с трудовиками и социал-демократами. Активности прогрессистов способствовала эволюция октябристов. «Министерская забастовка» 1913 г. означала полный отказ премьера В.Н. Коковцова от поиска любых конструктивных отношений с думскими фракциями. В этой ситуации внутренняя борьба в октябристской среде могла только нарастать. В ноябре 1913 г. произошел окончательный раскол: левые октябристы, ориентировавшиеся на А.И. Гучкова, попытались войти в тесный союз с прогрессистами⁴.

В отличие от них, кадеты сохраняли полную свободу рук и ожидали серьезных изменений в правительстве. Прогрессисты и левые октябристы были крайне заинтересованы в соглашении с кадетами или, в крайнем случае, их правым крылом. Это придало бы левому центру идеологический вес и значение в глазах страны. Однако кадеты продолжали выдерживать свою тактику изоляции, они резонно полагали, что войти в левый центр для них никогда не будет поздно, и ждали благоприятной конъюнктуры для организации такого думского объединения именно вокруг своей фракции. Мартовская партийная конференция 1914 г. санкционировала только информационные контакты с думскими и внедумскими «сознательными оппозиционными силами»⁵. По мнению кадетского руководства, обстоятельства не позволяли надеяться на скорую революционную перспективу⁶. А.И. Шингарев на заседании ЦК партии в январе 1914 г. отмечал: «Хотя страна и оживает, но готовности к борьбе еще очень мало»⁷. Ф.И. Родичев считал, что «вообще реставрация гораздо вероятнее, чем революция». Его основной вывод был крайне пессимистичен: «Карта нашего поколения бита, и надо начинать сызнова, с новыми поколениями»⁸.

¹ Протоколы ЦК. С. 119.

² Там же. С. 115–117.

³ Там же. С. 171–172, 177.

⁴ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 320.

⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 606.

⁶ Протоколы ЦК. С. 261; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 511.

⁷ Протоколы ЦК. С. 256.

⁸ Протоколы ЦК. С. 268–274.

Перемены во власти, отставка В.Н. Коковцова и провозглашение «Нового курса» серьезно повлияли на настроения в Думе. За изменениями стоял главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин, пользовавшийся популярностью и в консервативных, и в умеренно-либеральных кругах¹. В прессе отмечалось, что правительство было настроено на диалог с националистами, центром, земцами-октябристами и даже прямо заявившими о переходе в оппозицию левыми октябристами². Прогрессисты оказались в непростой ситуации. В обстановке нараставшей международной напряженности фракция поддерживала внешнеполитическую позицию думского большинства, но расходилась с ним в оценке возможностей сговориться с правительством по внутренним вопросам. Лидером оппозиционной активности прогрессистов стал товарищ председателя Думы А.И. Коновалов. Он прямо заявлял: «Решающую роль в дальнейшем направлении внутренней политики России сыграет не Гос[ударственная] дума, а население. В Гос[ударственной] думе надо только поддерживать хороший прогрессивный дух»³. При этом все попытки прогрессистов организовать общепозиционные (включая большевиков) акции протеста в марте 1914 г. не удались⁴.

В марте-апреле в связи с «делом Чхеидзе» (привлечение к судебной ответственности лидера меньшевиков за революционную речь) в Думе наметилось правое большинство. Кадеты попытались связать вопрос о депутатской неприкосновенности с принятием бюджета и потерпели поражение⁵. 22 апреля в палате произошел грандиозный скандал: социалисты попытались устроить обструкцию новому премьеру И.Л. Горемыкину и были отстранены от участия в заседаниях; кадеты в знак протеста покинули зал, прогрессисты воздержались от голосования⁶. 26 апреля Милюков предложил Думе отвергнуть бюджет, поскольку «правительство вступило в откровенный союз с партиями государственного переворота». Прогрессисты поддержали кадетов, но предложение было отклонено⁷. Бюджет был принят. 13 мая после очередного скандала подал в отставку товарищ председателя прогрессист А.И. Коновалов. Вместо него голосами большинства прошел А.Д. Протопопов⁸. После этого про-

¹ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 66.

² Новое время, 1914. 9 февраля.

³ Голос Москвы. 1914. 27 февраля.

⁴ Партии демократических реформ. С. 325–327, 330.

⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 8–88, 532–597, 763–767, 784–807, 2046; Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 28; № 2. С. 7–8.

⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 729–730, 743, 750–752, 807–826.

⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. IV. СПб., 1914. Стб. 1196–1224.

⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. III. СПб., 1914.. Стб. 1169–1170, 1207–1210.

грессисты заявили о полном разрыве с октябристами¹. Правый центр стал фактом. В результате, когда 12 июля на заседании правительства под председательством царя был поставлен вопрос о роспуске Думы и превращении ее в законосовещательный орган, все министры, кроме главы МВД Н.А. Маклакова, выступили против². Через две недели состоялось «историческое заседание» Государственной думы, на котором было продемонстрировано «священное единение» перед лицом внешнего врага.

Военные обстоятельства способствовали созданию думского большинства. Даже те депутаты (правые или кадеты), которые накануне международного конфликта не выступали с воинственными призывами, с ее началом поддержали лозунг войны до победного конца. Большевицская фракция была арестована за антивоенную пропаганду и в полном составе отправилась в ссылку; остальные фракции предпочли в этот вопрос не вмешиваться. Однако «священное единение» понималось фракциями различно: если правые и националисты призывали сплотиться вокруг монарха, то кадеты говорили лишь о национальном единении и временном прекращении политической борьбы³.

Начало Первой мировой войны фактически вывело Государственную думу из режима постоянного функционирования. Оппозиция лишалась главного средства своей борьбы с самодержавием. В течение нескольких первых военных месяцев кадетское руководство противостояло попыткам левых кадетов начать борьбу за возобновление думской сессии, поскольку понимало, что дополнительные демонстрации лояльности могут только компрометировать оппозицию, а реальная парламентская борьба в военных условиях пока еще представлялась кадетам невозможной. Трехдневная сессия в январе 1915 г., созданная в целях утверждения бюджета, продемонстрировала правоту подобного расчета: безоговорочное вотирование бюджета кадетской фракцией существенно подорвало позиции кадетов среди начавшей испытывать усталость от войны общественности⁴.

Однако политическая конъюнктура резко изменилась после того, как прогрессисты весной 1915 г. развернули борьбу за немедленный созыв парламента. Обострение внутренней конкуренции в среде либеральной оппозиции за удержание политической инициативы заставило кадетов не только присоединиться к этому требованию, но и подготовить почву для перехвата инициативы у прогрессистов в стенах Государственной думы, которая по-прежнему мыслилась исключительно как место для парламентской борьбы и различных комбинаций. Показательно, что кадеты выступили за возобновление

¹ Русские ведомости. 1914. 22 мая.

² Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии: В 7-ми т. / Под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1925–1927. Т. 2. С. 438; Т. 3. С. 133–134.

³ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 53–65.

⁴ Там же. С. 66–73.

сессии, хотя у партии не было ни одного серьезно подготовленного законопроекта¹.

С началом «патриотической тревоги» прогрессисты поддержали кадетский партийный лозунг «ответственного министерства», однако сами кадеты, наоборот, временно от него отказались. Для кадетов было характерно понимание того, что в обстановке военного кризиса представители общественности не смогут сформировать успешного состава правительства. Лидер партии П.Н. Милюков сформулировал лозунг «министерства доверия», который был максимально неопределенным и позволял объединить самые разнообразные политические силы. В результате сразу после открытия Думы в июле 1915 г. кадеты смогли заручиться поддержкой напуганных неудачами на фронте умеренных думских либералов и даже части националистов. А.И. Шингарев был избран председателем думской военно-морской комиссии (в III Думе октябристы полностью блокировали вхождение кадетов в эту комиссию). Такое «поправление» кадетов заставило обратить на них взоры прогрессивной «партии» в правительстве и Государственном совете².

Создание Прогрессивного блока, объединившего 236 из 397 депутатов Думы, стало огромным успехом кадетов. Впервые было создано межпалатное парламентское объединение. Программа блока включала в себя требование «решительного» изменения «приемов управления, основывающихся на недоверии к общественной самодеятельности»: «проведения начал законности в управлении», устранения двоевластия военной и гражданской властей, смену состава местной администрации и «сохранения внутреннего мира между национальностями и классами». Предполагались также политическая и религиозная амнистия, отмена ограничений для национальностей (поляков, евреев, финнов; дарование польской автономии и восстановление финляндской), конфессий и рабочих (прекращение преследований за партийную принадлежность, свобода профсоюзов), стеснений для печати. Кадеты были согласны на неопределенность формулировок в обмен на видимость широты требуемых мер; так им даже удалось добиться внесения «еврейского пункта», хотя и обозначенного в совершенно неопределенной фразе³. Органические реформы, предусмотренные в программе⁴, носили по тем временам весьма значительный характер, но вопрос об их реализации повисал в воздухе. Это было, по словам прогрессиста кн. С.П. Мансы-

¹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 73–83.

² Там же. С. 83–88, 101–104, 120–128.

³ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. № 1–2 (50–51). С. 126–136.

⁴ Законодательство, имеющее «тесное отношение» к обороне, снабжению армии, обеспечению раненых и беженцев; уравнивание в правах крестьян, реформа городского самоуправления и земства, введение земства на окраинах, введение мирового суда, законы о земских и городских съездах и союзах, кооперативах, отмене торговых служащих, материальном положении почтово-телеграфных служащих, бессрочное продление трезвости, устав о ревизии.

рева, «типичнейшее соглашательство с довольно прозрачными кивками то направо, то налево»¹.

На совещаниях фракций так и не удалось определить предназначения документа. Члены Государственного совета выступали против его опубликования, по их мысли она должна была стать основой переговоров с министрами. Однако кадеты и прогрессисты выделяли прежде всего ее декларативный аспект. «Документ направлен к массе, а не к правительству», — заявил П.Н. Милюков². В результате документ был напечатан в газетах и принял форму декларации. Основным требованием стало «министерство доверия», однако список кандидатов так и не был согласован.

27 августа состоялась встреча представителей блока и Совета министров. Милюков сразу дал понять, что состав правительства не мог рассчитывать на «доверие». Предложения думцев сводились к необходимости громких декларативных шагов (например, отставок: по словам депутатов, «для политического эффекта мер надо бы было отставлять не потихоньку, а демонстративно и не пересаживать в Сенат, а отпускать с внешними признаками немилости») или носили общий рекомендательный характер (устранение двоевластия военной и гражданской властей из управления). На совещании выяснились внутренние противоречия блока по вопросам амнистии и польской автономии. Министры соглашались с отдельными соображениями депутатов, однако те постоянно отмечали необходимость смены состава правительства³. Конструктивная дискуссия становилась невозможна. По результатам встречи министры выступили за приостановку думской сессии⁴.

С осени 1915 г. по мере роста революционных настроений в обществе сохранение думского объединения становится важным направлением политического курса кадетского руководства. Блок с умеренными фракциями в Думе мотивировался успехами в политике давления на власть («изоляция власти»), и в полемике с левыми кадетами Милюков пытался доказать, что подобный блок по этой причине вполне может сочетаться с «блокированием налево» вне стен Государственной думы⁵.

Перед возобновлением парламентской сессии власть пошла на видимые уступки оппозиции, главной из которых было удаление прежнего премьера И.Л. Горемыкина. В ожидании дальнейших шагов в этом направлении кадеты избрали тактику «параллелизма действий» с правительством, которая позволяла им ограничить нападки на власть, но не идти с ней ни на какие стратегические соглашения. Умеренность критики правительства после возобновления сессии в феврале 1916 г. диктовалась также желанием по тактическим соображениям сохранить

¹ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Историк и современник. Берлин, 1922. Вып. 3. С. 13.

² Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. С. 133–135.

³ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. С. 145–149.

⁴ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 126–127.

⁵ Там же. С. 170–178.

Государственную думу и сделать ее реальным действующим центром оппозиции. С этой целью кадетское руководство достаточно легко пошло на фактический отказ от наиболее радикальных положений декларации Прогрессивного блока (прежде всего, по национальному вопросу), а также на почти безболезненное проведение бюджета. Попытки социалистов, а также военного министра А.А. Поливанова обострить противостояние между властью и оппозицией в стенах Думы на основе обострившегося рабочего вопроса оказались тщетны. Законодательная программа (проекты реформы земского и городского самоуправления, уравнивания крестьян в правах с иными сословиями) оказалась невыполнимой по причине внутренних противоречий в блоке и была фактически отложена с целью сохранить его единство, в котором были заинтересованы как кадетские лидеры, так и умеренные либералы. Блок по сути отказался от выполнения практически всей своей программы как в силу внутреннего противодействия, так и по причине полной неподготовленности к решению ряда важнейших вопросов (так, у думского большинства, в том числе у кадетов, отсутствовали какие-либо законодательно оформленные предложения по рабочему вопросу). Кадеты придавали законодательной программе Прогрессивного блока исключительно политическое значение и временно отказались от ее реализации, поскольку именно она могла привести к расколу блока¹.

На волне предреволюционного кризиса, стремительно усиливавшегося с осени 1916 г., думская оппозиция опять была вынуждена сменить тактику. Прогрессисты попытались расколоть Прогрессивный блок с целью радикализировать думские настроения и повысить собственный авторитет в глазах общественности. Накануне открытия новой сессии они покинули ряды блока. Кадеты были поставлены перед чрезвычайно трудной задачей сохранения своих политических позиций в условиях кризиса блока. На решение этой задачи был направлен организованный ими парламентский «штурм власти», начало которому положила милоковская речь 1 ноября 1916 г. Дискредитация власти с помощью обвинений в измене оказалась в руках кадетов сильным оружием, которое способствовало восстановлению ими своего радикально-оппозиционного образа в глазах всей страны. В условиях всеобщего недовольства правительством политические акции кадетов резко взлетели, и фракция вновь оказалась на гребне общественных настроений. Однако любые соглашения с властью становились невозможны².

Таким образом, отсутствие правительственной стратегии в отношении Думы привело к тому, что формирование в ней большинства стало возможно только в условиях нарастания политического кризиса. Подобное большинство не носило конструктивного характера и могло существовать за счет радикализации оппозиционных лозунгов.

¹ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 179–190, 207–219.

² Там же. С. 227–252.

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ФРАКЦИЯ, 1915–1917 гг.

ЛУКОЯНОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
член НМС при Центре истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: lukoianov@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена роли, которую играла в Государственной думе национальная фракция в годы Первой мировой войны. Несмотря на то, что раскол Думы при формировании Прогрессивного блока прошел прямо по ней, националисты к 1917 г. впервые превратились в главную опору правительства в нижней палате. Вместе с другими преобразованиями это означало попытку самодержавия осуществить «правый поворот», который не был завершен из-за Февральской революции.

Ключевые слова: Государственная дума, Совет министров, Прогрессивный блок, правый блок.

Русская национальная фракция появилась в октябре 1908 г., она была искусственно создана премьер-министром П.А. Столыпиным из умеренно-правых депутатов (70 мест, 15,84 % от всего состава Думы) и Всероссийского национального союза (26 мест, 5,88 %), организовавшегося в начале 1908 г. Главе Совета министров требовалась, кроме октябристов, вторая опора в Думе для организации постоянного проправительственного большинства для проведения своей политики. Однако неустойчивость обеих фракций стала постоянной заботой кабинета и его председателя. Всерьез проблема обострилась весной 1911 г. во время правительственного кризиса, связанного с провалом в Государственном совете законопроекта о введении земских учреждений в западных губерниях империи. П.А. Столыпин удержался в кресле премьер-министра, но случилось это не благодаря поддержке его персоны в палатах (что, впрочем, имело для царя лишь факультативное значение), а из-за нажима на монарха его родственников, прежде всего, вдовствующей императрицы Марии Федоровны¹. А как повели себя проправительственные фракции в Думе? Октябристы в ответ на кризис распались, а национальная фракция повела торг с правительством, пытаясь увеличить свое значение «второй опоры».

Контуры будущей роли националистов наметились тогда же: одна из основных проправительственных фракций, но вместе не с октябри-

¹ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 219–221.

стами, а с правыми, для кабинета без реформ. Такую конструкцию большинства в нижней палате предлагали некоторые видные фигуры правого лагеря, в частности, И.П. Балашев¹ и К.Ф. Головин². Одновременно летом 1911 г. возникла идея объединения в Думе либеральных сил, она являлась по сути контурами будущего Прогрессивного блока³. Комбинации не состоялись, прежде всего, потому, что такие объединения не обещали стать прочными и не соответствовали политическому курсу наследников П.А. Столыпина во главе Совета министров.

Одной из проблем, стоящих перед «реформаторами» политического строя России назад, являлась слабая устойчивость националистов. Уже в самом начале работы IV Думы у националистов наблюдался раскол. Из большой фракции вышла небольшая группа, назвавшаяся «независимыми» националистами, чем очень смутила оставшихся (а они — зависимые?). Долгие переговоры октябристов и националистов не привели к появлению проправительственного большинства, как в III Думе. Трудно было ожидать устойчивого альянса левеющих октябристов и правых, призывавших к «усугублению» самодержавия⁴. Союз националистов и правых в IV Думе также не складывался. Националисты к весне 1913 г. разочаровались в соседях, вдруг разглядев, что «правые — это камень на шее, который тянет нас ко дну»⁵. Кроме этого, национальная фракция пришла к выводу, что в Думе следует создать прочное проправительственное большинство и приступить к работе над серьезными законопроектами.

В ноябре 1913 г. наконец начались переговоры между В.Н. Коковцовым и лидерами национальной фракции А.И. Савенко и В.Я. Демченко. Речь шла о создании «умеренно-консервативного центра» из левых националистов и большинства октябристов⁶. Этот центр мог объединить до 200 депутатов (70 октябристов без левого крыла фракции, 33 центриста, 88 националистов и несколько правых). Несмотря на то, что такой центр не имел большинства голосов в Думе (надо более 225), его организаторы рассчитывали, что «он всегда найдет себе поддержку, в зависимости от характера данного дела, или слева, или справа»⁷. Соглашение с премьером было окончательно достигнуто 1 декабря 1913 г. Однако созданный умеренно-консервативный центр стал не проправительствен-

¹ И.П. Балашев — П.А. Столыпину 20 марта 1911 г. // РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 332. ЛЛ. 1–6. И.П. Балашев — дядя одного из лидеров думских националистов П.Н. Балашева.

² Головин К.Ф. Проект программы для объединения правых и националистов 22 октября 1911 г. // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 200.

³ [Ефремов И.Н.] Конфиденциальное циркулярное обращение [и программа группы лиц]. [Лето 1911 г.] // ОР РНБ. Ф. 753. Оп. 1. Д. 189. ЛЛ. 1–3.

⁴ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988. С. 107.

⁵ Донесение Л.К. Куманина 9 марта 1913 г., № 148 // Вопросы истории. 1999. № 4/5. С. 9.

⁶ Донесение Л.К. Куманина 28 ноября 1913 г., № 306 // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 10–11.

⁷ Донесение Л.К. Куманина 30 ноября 1913 г., № 315 // Там же. С. 15.

ным, а решил заключить соглашение с кабинетом В.Н. Коковцова «на вполне конкретной деловой программе» законопроектов, которые правительство внесет, а Дума рассмотрит и примет¹.

Первая мировая война изменила расклад политических сил в Думе: практически все фракции (за исключением части крайне левых депутатов) в патриотическом порыве временно сняли все разногласия, согласившись дружно работать во имя победы вместе с правительством. Внутренний мир продолжался недолго, уже летом 1915 г. он сменился на конфронтацию думского большинства и Совета министров, и опять важную роль в новой политической конструкции сыграла русская национальная фракция. Именно она, хотя и не желая того, положила конец «политике единения» в Думе.

Поводом для раскола стал вопрос о сроках новой сессии Государственной думы. Большинство фракций, и без того недовольных редкими и короткими сессиями, настаивали на скорейшем созыве палаты, тогда как премьер И.Л. Горемыкин, от которого также зависело определение даты, не спешил.

9 июня 1915 г. в кабинете М.В. Родзянко состоялось неформальное собрание представителей думских фракций, единогласно высказавшееся за быстрейший созыв Думы². 12 июня М.В. Родзянко обсудил этот вопрос с И.Л. Горемыкиным. Премьер, не возражая против начала новой сессии, просил «его не торопить, пока не будет закончен цикл перемен в составе высшего правительства»³.

Мнения о дате созыва Думы среди депутатов звучали разные. В частности, выяснилось, что в национальной фракции по этому вопросу не было единства. Ее лидер П.Н. Балашев вместе с несколькими членами Совета Всероссийского национального союза провели секретное заседание и вынесли резолюцию, «что немедленный созыв Государственной думы не только вреден, но и опасен»⁴. Именно этой резолюцией воспользовался И.Л. Горемыкин, предъявив ее М.В. Родзянко, когда последний сослался на единодушное мнение Совета старейшин с участием представителей всех фракций о быстрейшем начале сессии⁵. Председатель нижней палаты, конечно, был обескуражен: получалось, что П.Н. Балашев дезавуировал его заявление, сделанное от имени всей Думы. С другой стороны, заявив такую позицию от имени всей фракции, П.Н. Балашев поставил в неловкое положение и себя: левые националисты во главе с А.И. Савенко собрали 18 июня новое заседание фракции с намерением

¹ Донесение Л.К. Куманина 10 декабря 1913 г., № 331 // Там же. С. 22.

² Информационный бюллетень Государственной думы № 1270 9 июня 1915 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 245 (ОО. 1915 г.). Д. 307а. Л. 62.

³ Информационный бюллетень Государственной думы № 1277 13 июня 1915 г. // Там же. Л. 77.

⁴ Санькова С.М. Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 278.

⁵ Информационный бюллетень Государственной думы № 1278 16 июня 1915 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 245 (ОО. 1915 г.). Д. 307а. Л. 78.

осудить поведение своего лидера. Конечно, они понимали, что маневр Балашева–Горемыкина не мог не быть согласован заранее. Получается, что правительство и правая часть Думы объединились в противодействии немедленному созыву палаты. Это предвещало близкий конец «единению», причем по инициативе справа.

Полноценного скандала и немедленного раскола национальной фракции не случилось. 23 июня 1915 г. в кабинете М.В. Родзянко состоялось Совещание Думы для обсуждения вопроса о досрочном созыве палаты (в отсутствие представителя правых), на котором лидер национальной фракции утверждал, что никакого постановления фракции он И.Л. Горемыкину не передавал. М.В. Родзянко, в свою очередь, подтвердил, что И.Л. Горемыкин ссылаясь на позицию националистов и показывал ему бумагу, но председатель Думы не заглядывал в нее, поэтому не мог утверждать, что там действительно было написано¹. В общем, неловкую историю замяли.

На этом совещании П.Н. Балашев, оговорившись, что не может выступать от имени всей фракции (в городе присутствовало всего 8 ее членов), поддержал правительственную дату созыва народного представительства, то есть не позднее 1 августа². Другие участники выступали за более близкий срок — не позднее середины июля. Обсуждение вопроса показало, что в Думе наметился раскол: две фракции (правые и националисты), солидарные с правительством, и все остальные. Такое разделение чуть позже стало основой для формирования Прогрессивного блока.

Разумеется, дата была лишь поводом. Еще до начала сессии в нижней палате намечалась перегруппировка фракций, что обещало изменение политического лица народного представительства. На глазах рассыпался альянс октябристов с национальной фракцией. Процесс шел в одном направлении: в руководстве думских комиссий националисты замещались октябристами, склонными искать союзников слева³. П.Н. Балашев же смотрел направо. Таковую позицию лидера фракции поддерживали далеко не все ее члены. А.И. Савенко уже 4 августа в газетной статье мечтал о создании в Думе нового большинства, отсекая от участия в нем крайних как слева, так и справа⁴. Вскоре идея новой группировки депутатов в виде Прогрессивного блока воплотилась в действительности почти согласно его схеме.

9 августа 1915 г., одновременно с собранием у М.В. Родзянко будущих членов Прогрессивного блока, на квартире П.Н. Дурново встретились

¹ Информационный бюллетень Государственной думы № 1282 23 июня 1915 г. // Там же. Л. 81.

² Информационный бюллетень Государственной думы № 1283 23 июня 1915 г. // Там же. ЛЛ. 82–82 об.; *Санькова С.М.* Указ. соч. С. 279.

³ *Лукоянов И.В.* Государственная дума в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война и конец Российской империи.* СПб., 2014. Т. 1. С. 192–193.

⁴ *Санькова С.М.* Указ. соч. С. 281.

правые депутаты Думы и члены Государственного совета¹. 13 августа 1915 г. стало известно об уже состоявшемся решении от имени национальной фракции образовать «бюро для совместной политической работы с правыми организациями» Думы и Государственного совета². Это взорвало национальную фракцию. «Балашевцы» были плохо информированы о происходящем и пытались выяснить условия сохранения единства. В ответ они услышали ультимативное требование порвать с правыми, для чего требовалось сложение П.Н. Балашевым с себя депутатских полномочий³. Понятно, что это означало бы капитуляцию большинства фракции перед меньшинством, поэтому раскол стал естественным итогом конфликта. 13 августа ушедшие образовали группу «прогрессивных националистов» (28 депутатов).

В свою очередь, И.Л. Горемыкин пытался расширить состав задуманного «правого блока». С этой целью он 15 августа принял наиболее умеренных членов формирующегося Прогрессивного блока и уговаривал их отказаться от оппозиции правительству⁴. Восьмерых своих собеседников, самым «левым» из которых был октябрист С.И. Шидловский, а самым «правым» — националист В.В. Шульгин, премьер убеждал объединиться вокруг царя. В ответ он услышал единодушное пожелание своей отставки⁵. Надо признать, что неудача главы кабинета была запрограммирована. В самом деле, «черный блок», если бы он даже состоялся, не мог стать реальным противовесом Прогрессивному блоку, настолько велик был перевес оппозиции. В дальнейшем шансы на создание значимого проправительственного объединения уменьшил кризис фракции правых, из которой в конце 1916 г. начали уходить депутаты. Одновременно он сделал расколовшихся, но не развалившихся националистов единственным возможным лидером провластных сил в Думе.

Правительство встрепенулось в конце 1916 г., само оказавшись в состоянии глубокого кризиса. «Штурм власти», начавшийся 1 ноября 1916 г. в Думе, и последовавшая за ним смена премьера лишь усугубили положение. 19 ноября 1916 г. новый председатель правительства А.Ф. Трепов был встречен в нижней палате длительной обструкцией,

¹ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917. Л., 1967. С. 101–102.

² Сообщение из Государственной думы 13 августа 1915 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 245 (ОО. 1915 г.). Д. 307а. Л. 141; Показания П.Н. Милюкова в Чрезвычайной следственной комиссии 4 августа 1917 г. // Падение царского режима. М.: Л., 1926. Т. 6. С. 316.

³ Сообщение из Государственной думы 12 августа 1915 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 245 (ОО. 1915 г.). Д. 307а. Л. 137.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 187.

⁵ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 37–40. Первые сообщения о встрече были менее пессимистичными, хотя также негативными. Говорилось просто, что приглашенные премьером депутаты «дали единодушно отрицательные ответы на ряд вопросов», возбужденных премьером (Сообщение из Государственной думы 16 августа 1915 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 245 (ОО. 1915 г.). Д. 307а. Л. 142).

хотя заседание не стало повторением 1 ноября. По-видимому, неприятным сюрпризом для премьера стало такое же отношение к нему большинства Государственного совета. Выяснилось, что там правая группа даже вместе с правым центром, поддержавшие кабинет, не имеют преобладания из-за изменений в составе «звездной палаты», происшедших за два последних года¹. В конце ноября 1916 г. А.Ф. Трепов поднял этот вопрос перед Николаем II, его доклад, по-видимому, подтолкнул царя на составление широкого списка замен на 1917 год, т.е. чистки Государственного совета.

В самом конце 1916 г. председатель верхней палаты А.Н. Куломзин был заменен твердым правым И.Г. Щегловитовым, одновременно состоялось беспрецедентное пополнение правой группы, чтобы ликвидировать «однопалатную систему», т.е. доминирование Прогрессивного блока².

А что же с Государственной думой? Царская воля была бессильна перед определением состава народных избранников. Вариант роспуска неудобного состава, как это было сделано в случае первого и второго созывов, и проведение досрочных выборов обсуждались еще в середине 1916 г., но по предварительным прикидкам они обещали еще более левый состав депутатов³. Отказаться от Думы совсем не представлялось возможным: тяжелейшая война, союзники, необходимость внутреннего мира для победы — все это сильно ограничивало возможности для маневра.

Правым понадобилось некоторое время для осмысления ситуации, в начале 1917 г. их замысел, очевидно, оформился в основных чертах. О новой конфигурации власти прямых свидетельств сохранилось немного, а осведомленные современники, словоохотливые в иных случаях, об этом плане предпочитали не распространяться, особенно при даче показаний после Февральской революции. Тем не менее, есть немало косвенных данных, позволяющих приоткрыть завесу тайны над планом.

Толчком для его формирования послужило, по-видимому, убийство Г.Е. Распутина. Оно, как правило, недооценивается в историографии по степени своего воздействия на правительственную власть. Но исчезновение фактора распутинского «фильтра» при назначении министров и других крупных сановников означало не только появление других людей, но и возможность формирования кабинета из твердых правых, пусть и не реализованного полностью к февралю 1917 г., прежде всего из-за «непотопляемости» А.Д. Протопопова. Это послужило сигналом для правых, поэтому со второй половины декабря 1916 г. возрастает их активность. Получив доступ к трону, они сформулировали в общих чертах новую концепцию власти.

¹ Всеподданнейший доклад А.Ф. Трепова 26 ноября 1916 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. ЛЛ. 412–414.

² *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 162–167.

³ План выборной кампании в V Думу // *Монархия перед крушением 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы.* М.: Л., 1927. С. 244.

14 января 1917 г. сначала И.Г. Щегловитов представил Николаю II записку депутата Думы, входившего в национальную фракцию, М.В. Митроцкого от имени «Русских кругов Киева»¹, 15 января А.А. Римский-Корсаков направил А.Д. Протопопову предложения своего кружка², а 16 января 1917 г. Н.А. Маклаков во время двухчасового разговора с Николаем II добавил к ней записку М.Я. Говорухо-Отрока³. Их суть — твердая, жесткая позиция правительства по отношению к Думе и общественным организациям, чтобы поставить их «на место», но не ликвидировать. М.В. Митроцкий не требовал персональных перемен среди министров, а лишь определенного и твердого курса, что вполне отвечало чаяниям монарха. Кружок А.А. Римского-Корсакова был конкретнее: «Необходимо назначение объединенного, правого» правительства. Также, по его мнению, были необходимы изменения в Основных законах «в том смысле, что монарх в порядке утверждения рассмотренных палатами законопроектов остается неограниченным» согласно формуле «народу мнение, а царю решение»⁴.

Правое правительство и возвращение к неограниченному самодержавию — это ближе и точнее для царя, чем мысли М.В. Митроцкого. Однако именно киевскую записку Николай II выбрал и передал Н.Д. Голицыну уже 17 января 1917 г. с маргиналией: «Записка, достойная внимания». Вероятно, к такому решению монарха подтолкнула умеренность ее авторов: они не призывали к пересмотру Основных законов (только их неуклонное исполнение) и к очередным перестановкам в правительстве. Записка кружка А.А. Римского-Корсакова хотя и не вызвала прямого одобрения царя (там исключалось продолжение сотрудничества с Думой), но содержала предложение на важнейшую тему — изменение статуса решений нижней палаты. Нового механизма в тексте не предлагалось, но мысль о нем давно занимала Николая II. Еще осенью 1913 г. царь предполагал пересмотреть статьи Учреждения Думы, по которым «если Дума не согласится с изменениями Государственного совета и не утверждает проекта, то законопроект уничтожается. Это при отсутствии у нас

¹ «Записка, достойная внимания» // Красный архив. 1926. № 5 (18). С. 207–214.

² «Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г.» опубликована впервые А.А. Блоком (*Блок А. Последние дни императорской власти*. М., 2012. С. 81–83). В.С. Дякин на основании того, что в тексте предлагалось усилить правое крыло Государственного совета, относит ее составление к концу 1916 г. (*Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917*. Л., 1967. С. 270–271). Однако дополнение к ней, составленное во время премьерства Б.В. Штюрмера, заставляет пересмотреть датировку текста. Скорее всего, записка могла быть составлена по горячим следам после 1 ноября 1916 г. как вариант разрешения политического кризиса.

³ Она впервые опубликована также А.А. Блоком под заголовком «Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова» (*Блок А.А. Указ. соч.* С. 84–93). См. запись о встрече: *Камер-фурьерские журналы 1916–1917*. СПб., 2014. С. 406.

⁴ *Блок А. Указ. соч.* С. 89.

конституции есть полная бессмыслица. Предоставление на выбор и утверждение государя мнения большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе»¹.

Именно эта идея — передавать наверх не одно, а несколько мнений — по-видимому, и составляла ключевой пункт в пересмотре законодательства о Государственной думе. То, что изменения в указанном смысле действительно готовились, сомнений не вызывает. Показательно, например, что на прямой вопрос М.В. Родзянко Николаю II во время аудиенции в 1917 г. о планах изменить законодательство о Думе в смысле сохранения за ней законодательных прав, но одновременно представлять верховной власти и мнение Государственного совета, царь ушел от прямого ответа, лишь сообщив собеседнику, что нижней палате «ничто не угрожает»².

Но мнение Государственного совета, несогласное с решением нижней палаты, хорошо было бы подкрепить голосом, пусть и не большинства, но хотя бы значительной группы депутатов. Каких? И тут на первый план опять выходила национальная фракция. Помимо невозможности использовать разваливавшихся правых³, доминирование националистов как главной группы поддержки Совета министров в нижней палате давало некоторые шансы на откол части депутатов от Прогрессивного блока. Именно националисты как наиболее умеренные из правых как нельзя лучше подходили к правительству Н.Д. Голицына, пусть и не рассчитанного на перспективу, но питавшего надежду на сотрудничество с Думой. То есть, борьба за национальную фракцию становилась одним из важнейших пунктов плана переустройства власти. Националисты должны были собрать остатки почти рассыпавшейся в конце 1916 г. фракции правых, которая к февралю 1917 г. пребывала в растерянности, и стать опорой в нижней палате для исполнительной власти.

То, что идея консервативного блока оживилась в начале 1917 г., свидетельствуют донесения из Государственной думы. Националисты же в середине января 1917 г., когда фракция готовилась к началу новой думской сессии, демонстрировали неопределенность в намерениях, не принимая никаких внятных решений. В настроении П.Н. Балашева наблюдатели улавливали «некоторые признаки стремления отмежеваться от крайне правого крыла и сблизиться с умеренным центром»⁴. Лидер не имел ничего против «правого блока», но хотел бы предварительно познакомиться

¹ Николай II — Н.А. Маклакову 18 октября 1913 г. // *Монархия перед крушением 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы*. М.; Л., 1927. С. 91–92.

² Допрос М.В. Родзянко 4 сентября 1917 г. // *Падение царского режима*. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 147–148.

³ *Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху. 1914–1917*. СПб., 2013. С. 385–386.

⁴ [Информационный листок Государственной думы] 14 января 1917 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 247 (ОО. 1917). Д. 307а. Л. 42 об.; опубликовано как донесение Л.К. Куманина, № 555 // *Вопросы истории*. 2000. № 4/5. С. 9.

с его экономической программой. Идею объединиться «во имя победы» (с ней выступил 26 ноября 1916 г. в Государственном совете Н.А. Маклаков) он отрицал. П.Н. Балашев считал возможным сотрудничество Думы с правительством при наличии у последнего «определенной» программы — хотя бы и крайне правой, но устойчивой и последовательной¹. Это было приглашение к переговорам.

Вторая половина января 1917 г. ушла, по-видимому, на консолидацию фракции и уточнение ее позиции по отношению к правительству. По крайней мере, в Думе заметили активность националистов, которые несколько раз собирались у П.Н. Балашева. «По большей части беседа касалась переживаемых событий и нового правительственного курса. Националисты во главе со своим лидером сходились в оценке этого курса: во-первых, они находят, что правительство объявило „новый правый курс“, но никаких действительных мер к осуществлению сего не предпринимает»².

В начале февраля П.Н. Балашев несколько раз встречался с премьером Н.Д. Голицыным, имел также продолжительный (с 9 часов вечера до 3 ночи) разговор с А.Д. Протопоповым. 10 февраля 1917 г. П.Н. Балашев рассказал о своих встречах членам фракции в неофициальной обстановке у себя дома. Оба собеседника П.Н. Балашева безосновательно, по мнению лидера фракции, рассчитывали на то, что они вступят в рабочий диалог с Думой. Премьер выразил уверенность, что палата «против него ничего не имеет», а А.Д. Протопопов, в отличие от главы правительства, был готов предложить Думе программу законодательной работы для усиления средств земства и расширения его полномочий, а также обеспечения духовенства³.

Тот день, 10 февраля 1917 г., был, по-видимому, решающим для планируемых во власти перемен. В канун открытия сессии Государственной думы (14 февраля) Николай II вместе с супругой выдержали сильную атаку сторонников «правительства доверия» (сначала великий князь Александр Михайлович с 13.50, затем М.В. Родзянко с 16.20), до этого был премьер Н.Д. Голицын (с 10 до 11.15), который, вероятно, предлагал роспуск Думы в случае повторения «штурма власти», а после чая вместе с великим князем Михаилом Александровичем (сторонником М.В. Родзянко) был еще и обстоятельный разговор с председателем Государственного совета И.Г. Щегловитовым (с 18 до 20 часов)⁴. Как известно, наибольшие шансы повлиять на принятое решение в случае с Николаем II имел последний собеседник, который относился к наиболее правым

¹ Донесение Л.К. Куманина из Государственной думы 10 января 1917 г., № 545 // Вопросы истории. 2000. № 4/5. С. 4–5.

² Донесение Л.К. Куманина из Государственной думы 25 января 1917 г., № 571 // Там же. С. 18.

³ [Информационный листок Государственной думы] 10 февраля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 247 (ОО. 1917). Д. 307. ЛЛ. 14–15.

⁴ Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2013. Т. 2. Ч. 2. С. 292; Камер-фурьерские журналы 1916–1917. СПб., 2014. С. 423–424.

и твердым из всех, с кем разговаривали в тот день. Вероятно, царь принял окончательное решение о повороте направо: без ответственного министерства, Думу пока не распускать, если не станет «зарываться», наконец, формирование правой триады из правительства, Государственного совета и правых в Думе.

Вряд ли случайно 19 февраля 1917 г. П.Н. Балашев получил аудиенцию у Николая II (порядка двух часов), где лидер национальной фракции говорил об отсутствии единства в правительстве¹. Перед этим, с началом думской сессии, националисты отказались от выступлений по «общеполитическим вопросам», то есть сделали шаг в направлении исполнительной власти². 22 февраля 1917 г. П.Н. Балашев и двое его коллег по фракции (М.П. Дмитриев и С.М. Богданов) были приглашены на 25 февраля к Н.Д. Голицыну на «собеседование» с министрами земледелия и путей сообщения³. Оформлению новой политической конструкции помешала начавшаяся революция.

Не оценивая перспективы происшедшего в верхах в начале 1917 г. поворота, нельзя не заметить, что это была попытка оздоровления власти и создания дееспособной политической системы из более-менее единого Совета министров правой ориентации, единомышленного с ним большинства Государственного совета и согласного с новым курсом правого блока в Государственной думе, пусть и не имевшего шансы стать абсолютным большинством, но объединяющего значительную часть правых и какую-то — умеренных депутатов. Это не могло разом решить все многочисленные проблемы самодержавия, особенно долгосрочные, но шансы власти додержаться до победоносного окончания войны явно увеличивались.

¹ [Информационный листок Государственной думы] 22 февраля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 247 (ОО. 1917). Д. 307а. Л. 77; Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2. Ч. 2. С. 293–294; Камер-фурьерские журналы 1916–1917. С. 428; Санькова С.М. Указ. соч. С. 293.

² Донесение Л.К. Куманина из Государственной думы 15 февраля 1917 г., № 614 // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 17.

³ [Информационный листок Государственной думы] 22 февраля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 247 (ОО. 1917). Д. 307а. Л. 77.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ В ПЕРИОД КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ 1915 г.

МИЧУРИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат исторических наук,

доцент Института истории

Санкт-Петербургского государственного университета,

Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: a.michurin@spbu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с политической борьбой в Государственном совете и Государственной думе в годы Первой мировой войны, особенности организационной работы Прогрессивного блока во время общественно-политического кризиса 1915–1917 гг., влияние отдельных вопросов на целостность этого политического объединения. Подробно разбираются причины деятельности отдельных групп верхней палаты российского парламента в условиях политического кризиса в конце 1915 года, связь Прогрессивного блока с отдельными представителями Государственного совета в предреволюционный период. Анализируются сложность политических процессов, происходивших в Прогрессивном блоке, и безуспешные попытки правых групп Государственного совета в конце 1915 года противостоять политической оппозиции. В то же время попытка оппозиции наполнить реальным содержанием работу Прогрессивного блока в 1915 году закончилась неудачно.

Ключевые слова: Российская империя, Государственный совет, Государственная дума, Прогрессивный блок, Первая мировая война.

Вопросы, связанные с политической активностью накануне Февральской революции 1917 года, продолжают оставаться актуальными в отечественной историографии, существуют многочисленные расхождения не только в оценках, но и в выявлении персональных действий как деятелей оппозиции, так и представителей правого политического лагеря. Между тем, существовал не только структурный кризис, но и кризис идей и даже кризис межличностных отношений в правых группах, который не прекратился даже после роспуска законодательных палат парламента 3 сентября 1915 года. Наметившийся раскол между правой группой и группой правого центра в Государственном совете так и не был преодолен вплоть до 1917 года. Более того, наметилось последовательное снижение численности правых членов Государственного совета, связанное не только с бегством части представителей правой группы в другие группы, прежде всего в правый центр, но и с жестоким поражением на выборах осенью 1915 года всего правого спектра в верхней палате парламента.

Однако и левые находились в тяжелом положении. Налицо была неопределенная ситуация с правительством, было лишь понятно, что на уступки Прогрессивному блоку, возникшему как оппозиционное парламентское объединение летом 1915 года, правящие круги не пойдут.

Можно сказать о жестоком поражении оппозиции. Поэтому, во время вечернего заседания Прогрессивного блока 3 сентября 1915 г. с представителями Государственного совета у В.В. Меллер-Закомельского раздавались голоса только об одном — необходимости сохранения полного спокойствия и самообладания¹. Того же мнения придерживались члены Государственного совета В.В. Меллер-Закомельский и И.А. Шебеко².

Н.Д. Судацков пишет о том, что в сложившихся условиях лидеры Прогрессивного блока также решили использовать трибуну Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов в борьбе за власть³. С этим можно согласиться лишь отчасти, так как результаты съездов не так однозначны⁴. В.М. Шевырин считает, что хотя либеральная общественность и разделяла ряд преобразований программы Прогрессивного блока, но это вовсе не значило, что «общественность» союзов «признала прогрессивный блок своим идейным руководителем»⁵.

Кадеты, озадаченные ходом московских съездов, решили активизироваться независимо от линии поведения остальных участников этого оппозиционного объединения. Поводом к такой активизации стал рассматриваемый в Совете министров законопроект о введении предварительной цензуры. Кадеты отрядили для разговора с министром внутренних дел Н.Б. Щербатовым делегацию во главе с А.И. Шингаревым. В приемной министра участники делегации встретились с выходившими от него членами Государственного совета, представителями правой группы, А.А. Бобринским и А.И. Мосоловым. А.А. Бобринский, в духе своих предыдущих заявлений о сотрудничестве с Прогрессивным блоком, обратился к А.И. Шингареву: «Вы идете нам на смену, но там мы говорили то же, что и Вы»⁶. Такая массированная обработка не могла не сказаться на настроении Щербатова, и правительство фактически заморозило рассмотрение вопроса о предварительной цензуре. Ортодоксальные правые, не понимавшие мягкотелости своих сотоварищей из правой группы, негодовали по поводу поведения правительства. Н.А. Маклаков (правый) писал 22 сентября 1915 года Н.Ф. Бурдукову в Петроград: «Посмотрите, как власть презренно себя держит. Ни туда ни сюда. Разрабатывают законопроект о предварительной цензуре и отрекаются, когда поднимается шум, созывают Думу и распускают... Борются против программы „желтого блока“ и в то же время разрешают соединенный общеземской и городской съезд, который — что должно быть понятно всякому дураку — собирается только с политическими видами»⁷.

¹ РО РГБ. Ф. 260. К. 4. Д. 10. Л. 23.

² Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 50–51 (1–2). С. 155.

³ Судацков Н.Д. Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2001. С. 59–60.

⁴ Мичурин А.Н. Деятельность «прогрессивных групп» в Государственном совете в 1915–1917 годах: Автореф. дис. ... к. ист. н. СПб., 1998.

⁵ Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2003. С. 87.

⁶ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32 (5). Л. 203.

⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1483.

Николай II 16 сентября 1915 г. вызвал в Ставку весь состав Совета министров¹, где произошло окончательно крушение надежд либеральных министров и Прогрессивного блока на сочувствие со стороны императора². В конце сентября 1915 года последовали увольнения министров Н.Б. Щербатова и А.Д. Самарина и назначение А.Н. Хвостова новым министром внутренних дел. Назначение Хвостова было воспринято неоднозначно в политических кругах, примыкавших к Прогрессивному блоку³. В этом проявились многочисленные противоречия между членами Государственного совета и Государственной думы⁴. Во-первых, в этот период проходили выборы в Государственный совет, результаты которых всеми рассматривались как триумфальная победа оппозиционных групп верхней палаты. Во-вторых, назначение Хвостова вызвало отрицательную реакцию среди членов Государственного совета. Слухи о назначении Хвостова появились уже 24 сентября 1915 г.⁵, и в них не верили, так как Хвостов был неформальным лидером правых в Государственной думе⁶.

После назначения Хвостова члены верхней палаты дали волю своим чувствам. А.Д. Оболенский (центр) писал 27 сентября Е.Н. Оболенской о своих впечатлениях от встречи с Хвостовым: «Последнего я видел только один раз, и он мне показался человеком не умным, скорее товаром легковесным, но бойким, несмотря на свою физическую толщину»⁷. В.Ф. Джунковский тоже плохо отзывался о Хвостове и его назначении⁸. А.М. фон-Брин 7 октября 1915 года писал А.Б. Нейдгарту (правый центр): «С грустью прочел в газетах, что будто бы не согласился с твоими требованиями, и твое назначение Министром Внутренних Дел расстроилось. Назначили А.Н.Х. [А.Н. Хвостова], уж это последнее дело, у человека нет ничего святого, отсутствие принципов — грустно. Неужели это надолго?»⁹. Этот же вопрос задавали себе и думские представители Прогрессивного блока¹⁰. Началось прощупывание почвы и относительно других перемещений в Совете министров¹¹.

Поэтому бюро блока постановило, не предпринимая своей тактики, выжидать конкретных шагов правительства, которые определяют и дальней-

¹ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 170. С. 97.

² Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года // Архив русской революции. М., 1993. Т. 18. С. 136.

³ Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 225.

⁴ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 134–135.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1033. Л. 1504.

⁶ Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV Государственной думы. Париж, 1927. С. 212.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1033. Л. 1538.

⁸ Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2-х т. / Под ред. А.Л. Паниной. М., 1997. Т. 1. С. 634.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034. Л. 1612.

¹⁰ Там же. Д. 1033. Л. 1527.

¹¹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.

шие шаги блока¹. Отсутствие четкой позиции осложнило положение различных политических групп в этот период, сконцентрировавшихся на выборах в Государственный совет. Например, М.В. Родзянко во время своего пребывания в Харькове на встрече с горнопромышленниками юга России отметил, что промышленные группы своими ссорами фактически прервали нормальную работу по снабжению армии. Это сродни заявлениям члена Государственного совета П.П. Кобылинского (правый) в августе 1915 года². Сходные по духу заявления Родзянко, сказанные во время выборов в Государственный совет от промышленности П.П. Рябушинского и А.И. Гучкова, говорят о полном отсутствии координации между Родзянко и Прогрессивным блоком³.

В целом, правые круги были преисполнены надежды в связи с назначением А.Н. Хвостова, так как Хвостов пытался декларативно создать «черный блок» и выступал за откровенный союз с крайне правыми⁴. Но насколько эта угроза была реальной, можно судить хотя бы потому, что Хвостов имел очень натянутые личные отношения с их лидерами Н.Е. Марковым и Г.Г. Замысловским⁵. Да и некоторые наивные расчеты Хвостова заставляют усомниться в какой бы то ни было у него реальной способности бороться с оппозицией. А.Н. Хвостов планировал наградить одного из лидеров блока Родзянко орденом, задоблив его (с одной стороны) и опозорив в кругах либералов (с другой)⁶. Однако один из лидеров оппозиции А.И. Гучков тоже получил орден Святого Владимира 3 степени с мечами в 1916 году — «за труды, понесенные при условиях военного времени», что несколько не опозорило его, так как орден он принял⁷. Как верно подметил член Государственного совета Е.Н. Трубецкой: «Теперь, как говорит Н.Н. Львов, Хвостова держат в министрах только из страха, как бы, вернувшись на депутатское кресло в Думу, он не наделал скандальных разоблачений»⁸.

Сходным образом реагировали на перестановки в правительстве и прогрессисты, заседания которых начались 21 октября 1915 года. На этих заседаниях активно выступал член Государственного совета князь Е.Н. Трубецкой (левая группа), избранный в верхнюю палату 13 сентября 1915 года от Калужского земского собрания⁹. Абсолютный кризис правых сил на выборах сквозит в письме Е.Н. Трубецкого к М.К. Морозовой от 18 сентября 1915 года о результатах выборов в Государствен-

¹ Утро России. 1915. 20 сентября.

² РГИА. Ф. 961. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

³ Утро России. 1915. 22 сентября.

⁴ Речь. 1916. 25 февраля.

⁵ Иванов А.А. Последние защитники монархии: Фракция правых в IV Государственной думе в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006. С. 78.

⁶ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967. С. 129.

⁷ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 682. Л. 2.

⁸ РО РГБ. Ф. 171.9.1. ЛЛ. 11–12 об.

⁹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 7. Л. 52.

ный совет: «Приехав в Калугу, стал интриговать против самого себя за Осоргина; шепнул даже крайне правым, что если они переложат ему записок и шаров, то только этим они могут устранить мою кандидатуру... И все напрасно: записок я получил почти вдвое против Осоргина (у него не оказалось вовсе шансов) и больше всех. Перед тем, чтобы выразить согласие баллотироваться, я громко заявил, что иду только на время опасности и по миновании ее сложу полномочия. Не помогло и это: выбрали большинством 34 против 18, т.е. подавляющим большинством! Признаюсь, что у меня защемило в сердце и было больно!»¹. При этом на заседании у прогрессистов господствовали мнения о неспособности Совета министров справиться с продовольственной ситуацией, которые прогрессисты выводили из сведений, полученных в Особом совещании по продовольственному делу².

Обличительная кампания оппозиции встретила противодействие со стороны правительства, о чем Н.И. Астров и М.В. Челноков информировали Прогрессивный блок уже 25 октября 1915 года на собрании у В.В. Меллера-Закомельского. А. Веденяпин писал 4 ноября 1915 года из Петрограда своему корреспонденту о том, что о расходовании розданных 308 миллионов рублей никаких отчетов от различных общественных организаций не поступило: «В Совете министров одни требуют, чтобы был отчет, другие защищают, а мы выдаем и выдаем, а то грозят все закрыть и бросить... И все кричат о доверии к общественным организациям, а что делают наши промышленные круги, это чистая панاما. Ну, всего не опишешь»³.

С такой политикой общественным кругам и поддерживающему их Прогрессивному блоку справиться было не просто. Поэтому на заседании 25 октября 1915 года возобладало мнение о том, что «нельзя поднимать настроение для того, чтобы поднимать... Львов премьером не будет»⁴. Под влиянием выборов в Государственный совет и заявлений членов верхней палаты, примыкавших к «прогрессивным группам», произошло окончательное размежевание между правой группой в верхней палате, сократившейся в этот период до 55 членов, и «прогрессивными группами» (левой, центром и кружком внепартийного объединения), насчитывавшими 97 членов. Однако правые при этом продолжали прибывать в организационной беспомощности в Государственном совете, чему доказательством служит столкновение А.Ф. Редигера 30 ноября 1915 года в финансовой комиссии при рассмотрении вопроса о бесконтрольном выделении государственных средств общественным организациям: «Мне не возражали, но председатель Комиссии Дмитриев поспешил перейти к другому вопросу — какая-либо критика деятельности общественных организаций в то время была крайне непопулярной: только от них и ждали той живой и энергичной работы, которой правительство, очевидно, не в состоянии

¹ РО РГБ. Ф. 171.8.3. ЛЛ. 41–42.

² РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. 1915 г. Д. 215. ЛЛ. 7–9.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1036. Л. 1899.

⁴ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 52 (3). С. 147.

дать! Лишь некоторые члены комиссии (помню, например, Воеводский) потом высказывали мне свое согласие с моими замечаниями, но в Комиссии они молчали»¹. А ведь С.А. Воеводский был правым членом Государственного совета и, мало того, другом Редигера.

Показательно, что уже в середине сентября 1915 года князь А.Н. Лобанов-Ростовский, ранее вышедший из правой группы из-за поползновений ее нового лидера А.А. Бобринского заигрывать с Прогрессивным блоком, вернулся в правую группу. Лобанов-Ростовский даже назвал свой выход из правой группы ошибкой². Одна из причин, заставившая многих правых одуматься, была выражена в письме графа С.Д. Шереметева к другому правому, А.Г. Булыгину, который дезертировал из правой группы в министерский список Государственного совета³. Шереметев писал 21 октября 1915 года: «Теперь лозунг — мутить и раздражать в интересах блока. Вот новорожденное учреждение. А о равноправии Гос[ударственного] совета никто не думает»⁴. Это сродни открытому письму В.Н. Снежкова (правый, в 1916 году покинул фракцию правых) о Прогрессивном блоке, где говорилось, что нельзя выставлять политические требования во время войны⁵.

Отставка А.В. Кривошеина, предложение 1 ноября 1915 года А.Н. Наумову возглавить Министерство земледелия, назначение А.Ф. Трепова министром путей сообщения создавали условия для тесного общения представителей блока с новыми министрами. Правые круги Государственного совета безоговорочно поддержали увольнение Кривошеина и весьма положительно отнеслись к возможному назначению А.Н. Наумова на пост министра земледелия. Одновременно члены Прогрессивного блока начали активное давление на Наумова с целью заставить его отказаться от занятия министерского поста. Такое давление оказывалось на него со стороны В.Н. Львова и графа В.А. Бобринского, которые советовали Наумову «сохранить себя для будущего»⁶.

Дрогнул в этот момент и граф П.Н. Игнатьев, ранее очень оптимистически настроенный и считавший свое положение довольно твердым⁷. 2 ноября 1915 года Игнатьев писал графине Н.Н. Игнатьевой: «Мне думается, что недолго меня еще будут держать в этой странной компании. А. Трепов — министр путей сообщения — можно ли дальше идти? Человек никогда в жизни двумя курицами не управлял»⁸. А.Г. Булыгин тоже выражал опасения против своего назначения в Совет министров, кото-

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: В 2-х т. М., 1999. Т. 2. С. 403–404.

² Утро России. 1915. 19 сентября.

³ Речь. 1915. 19 августа.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1035. Л. 1772.

⁵ РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162. Л. 2 об.

⁶ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 341.

⁷ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1037. Л. 1880.

рый он называл «кор де балетом»¹. Ожидал своей отставки, при этом, и П.Л. Барк². А.Ф. Трепов «пользовался репутацией весьма способного и умного человека, обладавшего будто бы задатками крупного государственного деятеля. Каким образом установилась за ним эта репутация — остается загадкой»³.

Плохую координацию блока, а точнее противоречия его думской половины с членами Государственного совета, недостаточно улавливали правые в парламенте. Им продолжал мерещиться единый блок большинства законодательных палат, тем более что реальную силу блока не могли определить и сами его участники⁴. В этой связи совсем фантастическими кажутся собственные подсчеты члена Государственной думы Н.В. Жилина, писавшего 6 ноября к члену Думы К.А. Тарасову в Котельнич Вятской губернии: «Но еще велика сила блока. В Гос[ударственном] совете 28 лиц центра (по назначению) состоят в блоке, к ним пристали 6 человек выбранных членов Гос[ударственного] совета. Вот эти 34 человека еще поддерживают блок»⁵. Мало того, что группа центра не насчитывала 28 членов по назначению, так как их было меньше 24⁶, но получилась просто невероятная картина преобладания оппозиционных настроений среди членов по назначению⁷.

Эта методологическая ошибка в подсчетах сродни такой же ошибке, встречающейся и в современной историографии. Например, А.И. Серков пишет: «...к блоку примкнули еще 32 депутата и три фракции Государственного совета»⁸. Эти данные о членах блока в Государственном совете представляются абсолютно мифическими. Три «прогрессивные группы» включали больше членов и в сумме обладали большинством: 89 членов против 80 членов правой группы и группы правого центра на момент образования Прогрессивного блока⁹. Но важно даже не это. В Государственном совете сам Прогрессивный блок не располагал большинством, что отмечалось уже в момент его зарождения¹⁰. Установить состав «прогрессивных групп» в верхней палате парламента

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1037. Л. 1912.

² Там же. Л. 1874.

³ Ключевые фигуры Российской политики в канун войны и революции. Из воспоминаний Е.Н. Шелькина // Во власти хаоса. Современники о войнах и революции 1914–1920 / автор составитель Л.М. Аринштейн. М., 2007. С. 284.

⁴ Мичурин А.Н. Политическая борьба в Государственном совете накануне Февральской революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2012. № 4(160). С. 112.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1037. Л. 1918.

⁶ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7. ЛЛ. 23–24.

⁷ Речь. 1915. 2 декабря.

⁸ Серков А.И. История русского масонства XX века: В 3-х т. СПб., 2009. Т. 1. С. 198.

⁹ Мичурин А.Н. Государственный совет Российской империи накануне политического кризиса 1915 года // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского Государственного политехнического университета. 2012. № 1 (143). С. 182–183.

¹⁰ Корнилов А.А. Парламентский блок. М., 1915. С. 17.

по групповым спискам возможно, но личных подписей членов Государственного совета под декларацией блока не существовало. Многие члены Государственного совета в личной переписке отреклись от Прогрессивного блока¹, к которому их с упорством причисляет отечественная историография.

В этой связи выступления на Саратовском совещании уполномоченных монархических организаций 27–29 августа 1915 года с острыми нападениями на членов Государственного совета по назначению, «примкнувших» к блоку, понятны². Но ситуация значительно изменилась к ноябрю 1915 года, а правые продолжали обличать блок, хотя сами находились в глубоком кризисе. Подготавливавшийся съезд правых в Нижнем Новгороде грозил окончиться полным провалом. К.Н. Пасхалов писал 31 октября 1915 года к члену Государственного совета Н.А. Маклакову (правый), что сил и средств на организацию Нижегородского съезда почти нет³. Председатель Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий спрашивал совета у председателя Одесского отдела Союза русских людей Н.Н. Родзевича — звать ли на съезд В.М. Пуришкевича в свете его заявлений, что после войны наступит эра крупных либеральных реформ⁴. Противоречия между Петроградским совещанием 21–23 ноября 1915 года и Всероссийским монархическим совещанием 26–29 ноября 1915 года были все же не так значительны, как представляется С.А. Степанову⁵, хотя отдельные члены Петроградского совещания высказывали осторожные опасения по поводу резких резолюций. А.А. Бобринский писал И.Г. Щегловитову: «Члены законодательных учреждений на съезде — исключение. При таком составе съезда нам следует соблюдать сугубую осторожность во всем, что касается верховной власти»⁶.

В резолюциях правых продолжались нападки на «членов Государственного совета по назначению и придворных чинов, которые вступили в соглашение с прогрессивным парламентским блоком...»⁷. Образовался намеченный в Петрограде Совет монархических организаций, возглавляемый членом правой группы Государственного совета И.Г. Щегловитовым⁸. Казалось, что Прогрессивный блок переживает неприятные минуты, так как съезд монархистов удостоился милости-

¹ Мичурин А.Н. «В Госсовете — вавилонское столпотворение»: политические взгляды членов Государственного совета и состав «Прогрессивного блока» в 1915 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 4. С. 27–39.

² Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. С. 13.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1036. Л. 1857.

⁴ Там же. Д. 1041. Л. 2317.

⁵ Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905–1914 гг. М., 1992. С. 324–326.

⁶ Из архива И.Г. Щегловитова // Красный архив. 1926. Т. 15 (2). С. 115.

⁷ Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановление и краткий отчет. М., 1915. С. 29.

⁸ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 358.

вой резолюции Николая II «через председателя своего Щегловитова»¹. Однако сам И.Г. Щегловитов считал иначе. Охватившее его отчаяние он передал в письме от 24 ноября 1915 года к Д.И. Иловайскому в Москву: «Вчера закончился монархический съезд. Что вы о нем думаете. Как все у нас странно. В монархии монархистов только небольшая кучка»². Еще более безысходное письмо написал К.Н. Пасхалов 19 декабря 1915 года к Н.А. Маклакову: «После Нижегородского совещания чувствую себя совершенно разбитым. Меня охватило чувство глубокой, безотрадной безнадежности, отнимающей всякую охоту и возможность трудиться. Зачем? Когда наперед уверен, что из этого ничего не будет»³. Ни о какой организованной активизации правых в этот период не могло идти и речи.

Монархические съезды правых совпали с начавшимися 1 декабря 1915 года заседаниями группы центра Государственного совета в Маринском дворце под председательством барона В.В. Меллера-Закомельского. Всего на этих заседаниях присутствовало 25 человек из 59 членов списочного состава группы. На заседании 1 декабря 1915 года группа центра указала, что пункт декларации блока «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны» понимается ими отнюдь не как заявление, направленное к изменению порядка избрания и назначения высших сановников Российской империи⁴. Ряд членов группы центра по назначению даже открестились от парламентского блока, и «некоторые сановники зашли так далеко, что даже готовы были обвинить бюро своей группы в том, что оно самочинно, без уполномочия группы, присоединилось к блоку»⁵. Паника в группе центра была так велика, что левому крылу группы не удалось убедить большинство подождать приезда членов центра из провинции.

Обстановка острого политического кризиса, завершившегося 3 сентября 1915 года роспуском Государственной думы и Государственного совета, перешла в затяжную борьбу за голоса избирателей и подготовку общественного мнения к новым требованиям Прогрессивного блока уже в 1916 году. Осуществить главное из этих требований — «министерство доверия» — с ходу не удалось. Власть продемонстрировала, что обладает возможностями для маневра против патриотических лозунгов оппозиции. Но, продемонстрировав возможность к маневру, правительство и правые силы показали удивительную беспомощность в практической работе. Ни вернуть себе большинство, ни расколоть «полуживой» Прогрессивный блок в Государственной думе и «мертворожденную» его часть в Государственном совете в 1915 году правые не смогли, как, впрочем, не смогут сделать этого вплоть до Февральской революции 1917 года.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1038. Л. 2054.

² Там же. Л. 2051.

³ Там же. Д. 1040. Л. 2280.

⁴ РГИА. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁵ Биржевые ведомости. 1915. 3 декабря (утр. вып.).

КРУГ ПРОБЛЕМ, ОБСУЖДАВШИХСЯ ЧЛЕНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ НА ЗАСЕДАНИЯХ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПО УСТРОЙСТВУ БЕЖЕНЦЕВ (СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 1915 г.)¹

ЗЛАТИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры русской истории
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: zlatmariaal@herzen.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу деятельности Особого совещания по устройству беженцев в первые месяцы его работы (сентябрь — октябрь 1915 г.). Рассматривается круг проблем, поднятых на общем собрании Совещания, в обсуждении которых приняли участие члены Государственного совета и Государственной думы. Представители от Госсовета и Госдумы активно участвовали в прениях по вопросам, связанным как с организацией беженского дела, в частности, так и с общей ситуацией в стране, в целом. Наиболее острую дискуссию вызвали следующие темы: проблема принудительного выселения жителей из местностей, угрожаемых неприятелем, оказание помощи жертвам войны на Кавказе, разработка правил и норм выдачи продовольственного пайка, составление Наказа главноуполномоченным по устройству беженцев внутри Империи, вопрос об упорядочении передвижения беженцев по железным дорогам с последовавшим разбором общей сложной ситуации, сложившейся вокруг путей сообщения.

Ключевые слова: беженцы, выселенцы, Особое совещание по устройству беженцев, Государственная дума, Государственный совет, Первая мировая война.

Беженство, как добровольное, так и принудительного характера, из западных губерний Российской империи, попавших в зону театра военных действий, началось уже в первые недели Первой мировой войны. Как следствие, практически сразу же стали образовываться новые благотворительные общества, оказывающие помощь жертвам войны. Прежде всего, это были всероссийские или национальные общественные организации. В первый год войны государство занималось «беженским делом» на уровне

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00128 А «Становление и развитие государственных и общественных благотворительных организаций в Российской империи в период военных потрясений (XIX — нач. XX вв.)».

оказания содействия Комитету в.к. Татьяны Николаевны и ему подобным и выдачей субсидий общественным благотворительным учреждениям.

Ситуация изменилась к лету 1915 года. Политика массового выселения военными властями жителей театра военных действий и прифронтовой зоны, помноженная на усилившееся добровольное бегство населения в связи с «великим отступлением», создала лавину вынужденных мигрантов, хлынувших вглубь страны. Организация перемещения и распределения по территории Российской империи большого количества беженцев и выселенцев, обеспечение их хотя бы предметами первой необходимости в пути и на новых местах — все это требовало огромных затрат людских и финансовых ресурсов. И государство, спохватившись через год после начала войны, решило взять, насколько это было возможно, ситуацию под свой контроль.

Для упорядочения передвижения беженцев, облегчения тягот их устройства на новом месте 1 июля 1915 г. император по представлению правительства назначил двух членов Государственного совета по выборам главноуполномоченными по устройству беженцев Северо-Западного (С.И. Зубчанинов, правый центр¹) и Юго-Западного фронтов (кн. Н.П. Урусов, правая группа²). При МВД, чтобы скоординировать мероприятия губернских властей, в июле 1915 года был образован временный Отдел по устройству беженцев, возглавляемый гр. А.И. Тышкевичем.

И, наконец, чтобы разделить ношу ответственности за судьбу дела оказания помощи беженцам с общественными силами и представителями законодательных палат, государство пошло на создание Особого совещания по устройству беженцев. Таким образом, явление беженства было признано серьезной проблемой наравне с обороной, перевозками, продовольствием и топливом.

30 августа 1915 года законопроект «Положение об обеспечении нужд беженцев», до этого утвержденный Госсоветом и Госдумой, стал законом⁴. Ст. 9 данного Положения сообщала о создании нового учреждения — «Особого совещания по устройству беженцев как высшего государственного установления». И создавалось оно, согласно ст. 8, «для обсуждения и объединения всех мер по обеспечению нужд беженцев, а равно для общего наблюдения за целесообразным применением означенных мер», то есть в качестве совещательного и надзирающего учреждения, при этом вопросы на обсуждение Особого совещания мог вносить только председатель — министр внутренних дел или товарищи министра. Ст. 13 очерчивала круг вопросов, которые подлежало, точ-

¹ Бородин А.П. Зубчанинов Сергей Иванович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 101.

² Бородин А.П. Урусов Николай Петрович // Там же. С. 293.

³ См.: Об утверждении Наказа главноуполномоченным по устройству беженцев Северо-Западного и Юго-Западного фронтов // Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. Вып. 1. С. 7–8.

⁴ Положение об обеспечении нужд беженцев, 30 августа 1915 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Пг., 1915. Отд. 1. № 1842. С. 2423–2426.

нее, разрешалось обсуждать на Совещании. И ряд из них действительно был рассмотрен уже в первые месяцы деятельности нового учреждения. В состав Особого совещания, по ст. 10 Положения, в том числе, должно было войти по 7 членов от Госдумы и Госсовета и по 3 их заместителя.

Научных трудов, посвященных именно истории Особого совещания по устройству беженцев, не так много. Прежде всего, стоит упомянуть работы А.В. Ильина¹. Но, во-первых, в них слишком кратко и обзорно представлена деятельность Совещания. Во-вторых, об интересующем нас периоде (первые два месяца работы Особого совещания) говорится только пара общих фраз: рассматривались вопросы нормотворчества, кредитования и кадровые.

В статье А.Н. Курцева об этом периоде деятельности Особого совещания по устройству беженцев упоминается лишь применительно к решению проблемы регулярного «пайкового» довольствия из расчета 20 коп. на человека в день² (хотя, на самом деле, этот вопрос только начинают разрабатывать в Совещании в период с сентября по октябрь 1915 года).

В трудах, посвященных истории благотворительности и беженского движения времен Первой мировой войны³, Особое совещание если и затрагивается, то только по касательной, без какого-либо подробного освещения и анализа.

У автора статьи есть работы, посвященные деятельности Особого совещания по устройству беженцев, но они посвящены более позднему периоду — 1917 г.⁴

Между тем, раскрытие круга вопросов, поднятых и решенных или начатых решаться на заседаниях Особого совещания в первые месяцы ра-

¹ См.: Ильин А.В. Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 — февраль 1917 г.) // Известия высшей школы. Серия «Правоведение». 1991. № 5. С. 49–55; Ильин А.В. Особые совещания Российской империи: их место и роль в государственном механизме (1915–1917 гг.): Автореф. дис. ... к. юрид. н. Л., 1989.

² Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. М., 1999. № 9. С. 106.

³ См., напр.: Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России): Дис. ... д. ист. н. 07.00.02. Брянск, 2015; Златина М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны (июль 1914 — зима 1915/1916 гг.): Автореф. дис. ... к. ист. н. СПб., 2010; Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. М., 2005.

⁴ См.: Златина М.А. К вопросу об участии членов Госдумы и Госсовета в обсуждении в Особом совещании по устройству беженцев мер по привлечению беженцев к сельскохозяйственным работам (февраль–март 1917 г.) // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 1. С. 118–126; Златина М.А. Крут проблем, обсуждавшихся на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев в январе — марте 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2018. С. 43–50.

боты учреждения, позволяет выявить перечень проблем беженства, так и не решенных за первый год войны, а также определить основные направления деятельности Совещания и границы предоставленных ему полномочий.

Активное участие в обсуждении всех вопросов, выносимых на рассмотрение Особого совещания, начиная с первых заседаний учреждения, принимали члены Госсовета и Госдумы. Количество представителей законодательных палат превзошло нормативную квоту: к началу 1916 года на заседаниях появлялись 16 членов Государственного совета и 15 — Думы. Подобная ситуация сложилась в связи с тем, что многие из них выступали не только в роли депутатов законодательных палат, но и как представители той или иной организации, занимающейся помощью жертвам войны, и именно в таком статусе они входили в состав Совещания. Например, А.Б. Нейдгарт был и членом Госсовета (группа правого центра), и председателем Татьянинского комитета¹.

Госсовет 1 сентября 1915 года избрал десять представителей в Совещание по беженцам. Выбраны были: В.И. Карпачев (правая группа²), А.Ф. Кони (кружок внепартийного объединения³), А.И. Лыкошин (правая группа⁴), К.Г. Скирмунт (группа центра⁵), бар. А.О. Шиллинг (группа центра⁶), В.П. Энгельгардт (левая группа⁷) и кн. А.М. Эристов (группа правого центра⁸), в заместители — Ч.А. Карпинский (Польское коло⁹), Н.А. Мясоедов (правая группа¹⁰) и Я.Н. Офросимов (группа правого центра¹¹)¹².

Государственная дума затянула избрание своих представителей, надеясь этим отдалить роспуск на вакансии, а после того как Николай II подписал указ о перерыве в занятиях законодательных палат, депутаты Прогрессивного блока в знак протеста отказались производить выборы в последний день сессионной работы, 3 сентября 1915 года¹³. Тем не менее, глава МВД кн. Н.Б. Щербатов пригласил участвовать в Особом

¹ Куликов С.В. Нейдгарт (Нейдгарт) Алексей Борисович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 180–181.

² Бородин А.П. Карпачев Владимир Иванович // Там же. С. 112.

³ Куликов С.В. Кони Анатолий Федорович // Там же. С. 132.

⁴ Куликов С.В. Лыкошин Александр Иванович // Там же. С. 158.

⁵ Бородин А.П. Скирмунт Константин-Стефан-Феликс Генрихович // Там же. С. 249.

⁶ Бородин А.П. Шиллинг Альфред Оттонович // Там же. С. 322.

⁷ Бородин А.П. Энгельгардт Вадим Платонович // Там же. С. 334.

⁸ Бородин А.П. Эристов Андрей Михайлович // Там же. С. 335.

⁹ Бородин А.П., Постников Н.Д. Карпинский Чеслав Александрович // Там же. С. 112.

¹⁰ Куликов С.В. Мясоедов Николай Александрович // Там же. С. 172.

¹¹ Бородин А.П. Офросимов Яков Никандрович // Там же. С. 196.

¹² Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. Пг., 1915. Стб. 241–242.

¹³ Четвертая Государственная дума. Фракция народной свободы. «Военные» сессии. Пг., 1916. Ч. 1. С. 39.

совещании намеченных Думой кандидатов¹. Поскольку среди них отсутствовали представители некоторых фракций (список формировался по национальному принципу), он пополнил группу депутатами от правых. В итоге в состав Совещания вошли: кн. И.С. Васильчиков (земец-октябрист²), Я.Ю. Гольдман (прогрессист³), Н.Д. Крупенский (фракция центра⁴), М.И. Пападжанов (кадет⁵), Г.И. Свенцицкий (группа западных окраин⁶), Н.М. Фридман (кадет⁷), Н.И. Шидловский (земец-октябрист⁸), Я.С. Гарусевич (Польское коло⁹), М.Ю. Джафаров (мусульманская фракция¹⁰), Л.К. Дымша (Польское коло¹¹), М.М. Ичас (кадет¹²), Г.Г. Замысловский (правый¹³), Ф.И. Лошкейт (беспартийный¹⁴), С.Н. Алексеев (группа «балашевцев»¹⁵), И.П. Залит (прогрессист¹⁶)¹⁷.

Уже на первом заседании Особого совещания по устройству беженцев, состоявшемся 10 сентября 1915 года, председательствовавший министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов определил предполагаемый порядок взаимодействия нового учреждения с органами власти: «желание работать совместно с ведомствами»¹⁸.

Также кн. Н.Б. Щербатовым и выступавшими после него с отчетами о принятых мерах гр. А.И. Тышкевичем, кн. Н.П. Урусовым и С.И. Зубчаниновым были заявлены основные, по мнению представителей власти, проблемы, связанные с явлением беженства, которые должно было преодолеть. К ним были отнесены: стихийное массовое бегство населения из района военных действий, расселение вынужденных мигрантов и регулирование процесса их перемещения на новые места жительства,

¹ [Б/а] Беженцы. Особое совещание по устройству беженцев // Речь. 1915. 11 сентября.

² Николаев А.Б. Васильчиков Илларион Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 82.

³ Николаев А.Б. Гольдман (Гольдманис) Ян (Янис) Юрьевич // Там же. С. 136.

⁴ Николаев А.Б. Крупенский (Крупенский 2-й) Николай Дмитриевич // Там же. С. 300.

⁵ Николаев А.Б. Пападжанов Михаил Иванович // Там же. С. 441.

⁶ Николаев А.Б. Свенцицкий Генрих Ипполитович // Там же. С. 550.

⁷ Николаев А.Б. Фридман Нафтали Маркович // Там же. С. 652.

⁸ Николаев А.Б. Шидловский (Шидловский 2-й) Николай Илиодорович // Там же. С. 699.

⁹ Николаев А.Б., Постников Н.Д. Гарусевич Ян Семенович // Там же. С. 122.

¹⁰ Николаев А.Б., Усанова Д.М. Джафаров Мамед-Юсуф // Там же. С. 162.

¹¹ Николаев А.Б., Постников Н.Д. Дымша Любомир Клеофасович // Там же. С. 178.

¹² Николаев А.Б. Ичас Мартин Мартинович // Там же. С. 224.

¹³ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Замысловский Георгий Георгиевич // Там же. С. 202.

¹⁴ Николаев А.Б. Лошкейт Федор Иванович // Там же. С. 333.

¹⁵ Николаев А.Б. Алексеев Сергей Николаевич // Там же. С. 13.

¹⁶ Николаев А.Б. Залит (Залтис) Иван (Янис) Петрович // Там же. 201.

¹⁷ Справочная книжка. Учреждения и организации, оказывающие помощь беженцам. Пг., 1915. С. 17.

¹⁸ [Б/а] Беженцы. Особое совещание по устройству беженцев // Речь. 1915. 11 сентября.

организация трудоустройства беженцев и методы привлечения их к труду, квартирный вопрос, отсутствие планомерности и системности в работе учреждений, занимающихся вопросами беженцев, запаздывание в принятии коренных мер, что приводило к плохим результатам¹.

Выслушав докладчиков, члены Особого совещания, в том числе представители Госсовета — гр. А.А. Бобринский (правая группа²), А.Ф. Кони, А.И. Лыкошин, А.Б. Нейдгардт, и члены Госдумы — Г.И. Свенцицкий, Н.Д. Крупенский — подняли вопрос об отношении МВД и главноуполномоченных Северо-Западного и Юго-Западного фронтов к практикуемому в районе военных действий принудительному выселению жителей из местностей, угрожаемых неприятелем³.

В итоге была единогласно принята резолюция, согласно которой «поголовное принудительное выселение признается с государственной точки зрения мерой безусловно вредной. В тех случаях, когда это выселение по военным соображениям является необходимым, оно должно проводиться с особой осторожностью». Кроме того, А.Ф. Кони поднял вопрос об отношении к добровольному бегству населения. Но эту проблему решено было обсудить уже на следующих заседаниях Особого совещания⁴. К вопросу о принудительном и добровольном выселении из мест, угрожаемых неприятелем, вернулись на четвертом заседании от 22 сентября 1915 года⁵. Если по поводу принудительного выселения мнение было единогласным, то вопрос о добровольном бегстве вызвал споры. Прения начались по поводу 1-го пункта заключения Особого совещания, выражающего пожелание, чтобы гражданские власти объявили населению о том, что уход его из данной местности, если не последует распоряжение военных властей о принудительном выселении, может быть только добровольным. И бегство населения без достаточных оснований считать вредно сказывающимся на интересах государства, добровольное массовое оставление родной территории не вызывается интересами государственности⁶. Против данного пункта и за уход из местностей, занятых неприятелем, выступил депутат Госдумы Г.Г. Замысловский, заявивший, что «правительство не должно обращаться к населению с указанием, что оно может оставаться на местах и сдаваться в плен к неприятелю, чтобы либо быть повешенным, либо стать предателем»⁷. Единственным, кто поддержал данную позицию Замысловского, был варшавский губернатор П.П. Стремоухов. Напротив, за то, чтобы местное население оставалось на своих местах, высказались: из членов Госсовета А.Б. Нейдгардт (аргументы — массовое бегство ведет к развитию заразных болезней, нужде

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 1–2.

² Шилов Д.Н. Бобринский Алексей Александрович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 20.

³ Там же. ЛЛ. 2–2 об., 3 об., 4 об.

⁴ [Б/а] Беженцы. Особое совещание по устройству беженцев // Речь. 1915. 11 сентября; РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 4 об.–5.

⁵ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 14–20 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 15, 18.

⁷ Там же. ЛЛ. 15–15 об.

и разорению беженцев, вредно для военных целей, так как, перекрывая дороги, беженцы мешают военным передвижениям)¹, от лица депутатов Госдумы — Г.И. Свенцицкий (аргумент — бегство дает возможность немцам немедленно занять безлюдный край немецкими колонистами)², от имени государственных ведомств — представитель Минфина Д.И. Засядко (аргумент — при бегстве масса состоятельных людей разоряется и превращается в пролетариев)³. В итоге в ходе голосования была принята изначальная резолюция, ее поддержал и Стремоухов. При особом мнении остался только Г.Г. Замысловский. Таким образом, можно констатировать, что по данному, важнейшему для беженского дела вопросу мнение представителей правительства и обеих законодательных палат почти полностью совпало.

Впрочем, мечтам гражданских властей и общественных деятелей о том, чтобы схлынул поток вынужденных мигрантов, мешали сбыться скорее не добровольные беженцы, а военные власти. Почти на каждом заседании представители национальных организаций и депутаты Государственной думы, получавшие телеграммы с мест, передавали председателствующему товарищу министра внутренних дел Н.В. Плеве, благо теперь появилась возможность это делать напрямую, сообщения об очередном уже случившемся или готовящемся выселении людей по распоряжению военных властей. Например, на заседании от 3 октября 1915 года — о выселении из Черниговской губернии (Н.М. Фридман⁴) или 17 октября — об угрозе выселения из Витебской губернии⁵. В таких случаях Н.В. Плеве лишь передавал информацию в Совет министров для последующих разбирательств, иных способов повлиять на ситуацию у Особого совещания не было.

На первом заседании была озвучена депутатом Госдумы М.И. Пападжановым еще одна сквозная для первых месяцев работы Особого совещания тема: проблема скорейшей организации на Кавказе государственной помощи беженцам по образцу, принятому на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. Предложение было единогласно поддержано, и решено было выделить на дело помощи беженцам на Кавказе 500 тыс. руб.⁶. Впоследствии неоднократно, почти на каждом заседании, М.И. Пападжанов обращался как к проблеме финансирования дела оказания помощи беженцам на Кавказе, так и к критике учреждений, которые ведали этим вопросом в данном регионе⁷. Кроме того, именно ему принадлежала идея о составлении Наказа главноуполномоченному на Кавказе⁸, поддержанная депутатом Госдумы Г.И. Свенцицким и членом Госсовета кн. А.М. Эристовым.

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 16–16 об.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 17 об.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Там же. Л. 33 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 3 об.—4.

⁷ Там же. ЛЛ. 3, 14 об., 39 об.

⁸ Там же. Л. 39 об.

Поднятая в связи с вопросом об оказании содействия беженцам на Кавказе тема финансирования организаций, занимающихся помощью жертвам войны, стала еще одним предметом, обсуждавшимся на каждом заседании Особого совещания. Вопросы об утверждении или отклонении ходатайств об ассигновании средств на нужды беженцев рассматривались и в специально образованной для этого при Особом совещании Комиссии по распределению кредитов, и на общих собраниях Совещания¹. Так, например, на втором заседании, состоявшемся 14 сентября 1915 года, вновь вернулись к теме финансирования, на этот раз круг организаций, желающих получить денежную поддержку, стал гораздо шире, в основном это были различные польские благотворительные организации (Комитет губерний Царства Польского — 1.500.000 руб., Польское общество помощи жертвам войны — 1.500.000 руб. и т.п.), Литовский комитет — 400.000 руб., Латышский — 300.000 руб. и пр.². В итоге, за редким исключением, к теме утверждения запросов на ассигнование возвращались на каждом заседании Особого совещания³. Как правило, ходатайства утверждались единогласно. В качестве показательного примера обсуждения кредитов, в котором были задействованы и члены Госдумы, и члены Госсовета, можно привести заседание Особого совещания от 31 октября 1915 года. На нем думский депутат Г.Г. Замысловский и еще ряд членов Совещания лично просили поддержать (как правило, ходатайства просто озвучивали и утверждали, без лишних выступлений) отпуск средств епископу Гродненскому на нужды Софийского православного братства, которое помогает беженцам Гродненской губернии⁴. На этом же заседании был озвучен через кн. Н.П. Урусова, члена Госсовета и главноуполномоченного Юго-Западного фронта, запрос от Комитета Юго-Западного фронта ВЗС на 4.600.000 руб.⁵. И хотя представитель Минфина Д.И. Засядко просил сначала дать возможность изучить предполагаемую смету расходов и отчет об израсходованных ранее суммах, но кн. Урусов, депутат Думы М.И. Пападжанов, представитель Земгора в Особом совещании М.М. Федоров и В.Ф. Грабский (от польских благотворительных организаций) совместными усилиями смогли убедить Совещание удовлетворить ходатайство, передав средства через кн. Урусова⁶. Аналогичная ситуация произошла с ходатайством депутата Госдумы И.П. Залита, просившего 869.820 руб. на Центральный латышский комитет. Его поддержали члены Думы М.И. Пападжанов и Я.Ю. Гольдман, а также член Госсовета А.Б. Нейдгардт, и испрашиваемая сумма была выдана⁷. Таким образом, члены Госдумы, Госсовета и общественных организаций нередко объединяли усилия в борьбе с представителями

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

² Там же. Д. 3. ЛЛ. 2–2 об.

³ Там же. Д. 1. ЛЛ. 11, 17, 31–31 об., 33 об., 35–36.; Д. 3. ЛЛ. 1, 2–2 об., 21, 148.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 148 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. ЛЛ. 148 об.–149.

⁷ Там же. ЛЛ. 149 об.–150.

Министерства финансов в Особом совещании по устройству беженцев. Д.И. Засядко часто приходилось вести круговую оборону, и, как правило, он проигрывал в этом противостоянии.

Приняли участие члены Госсвета (но только в лице А.Ф. Кони, главным образом в дискуссию вступили представители национальных организаций и государственных ведомств) и в обсуждении вопроса об установлении правил и норм выдачи продовольственного пайка для безработных и нетрудоспособных беженцев, заявленного еще на первом, но рассмотренного только на втором заседании¹. Впрочем, решение по данному вопросу так и не было принято: постановили, что тема слишком сложная, и отправили ее на дополнительное изучение в Комиссию по распределению кредитов².

Гораздо больший отклик со стороны членов Госдумы и Госсвета нашли иные вопросы. Прежде всего, обсуждение проекта Наказа Главноуполномоченным по устройству беженцев внутри империи на заседании Особого совещания от 19 сентября 1915 года. Наибольшую активность в прениях из членов Госсвета проявили гр. А.А. Бобринский, как глава Комиссии, которая первой рассматривала проект, С.В. Зубчанинов, А.И. Лыкошин и А.Ф. Кони. Из депутатов Госдумы в полемику вступили Г.И. Свенцицкий и Г.Г. Замысловский. Больше всего споров вызвал вопрос об объеме прав главноуполномоченных (должны исполнять роль инспектора или руководителя) и о том, насколько эти полномочия внятно и качественно разъяснены в тексте проекта. Несмотря на то, что А.И. Лыкошин, А.Ф. Кони, Г.И. Свенцицкий и, отчасти, Г.Г. Замысловский обозначили слабые, требующие серьезной доработки положения Наказа, в итоге, за небольшой косметической корректировкой, решено было оставить почти все, как было изначально в проекте³. Даже нововведение: ввели право давать указания губернаторам, в окончательной версии, утвержденной МВД, исчезло⁴. Таким образом, Наказ главноуполномоченным по устройству беженцев внутри Империи был принят 29 сентября 1915 года, по сути дела в том же виде, за небольшим исключением, что и подавался в Комиссию А.А. Бобринского на рассмотрение.

В октябре 1915 года наиболее активно на заседаниях Особого совещания (за исключением проекта Правил о выдаче ссуд, который начали рассматривать в середине октября и продолжили в ноябре 1915 года, поэтому эта тема не затронута в данной статье) обсуждался вопрос об упорядочивании передвижения беженцев и их имущества по железным дорогам. Депутаты Госдумы Л.К. Дымша⁵ и Н.М. Фридман⁶ обвинили власти в беспричинном перемещении «туда-сюда» беженцев и очеред-

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 3 об.–4.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Д. 1. ЛЛ. 11 об.–12; Д. 3. ЛЛ. 12–13 об.

⁴ Наказ главноуполномоченным по устройству беженцев внутри империи, утвержденный 29 сентября 1915 года // Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. Вып. 2. С. 4–5.

⁵ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 34 об., 38 об.

⁶ Там же. Л. 36.

ных выселениях, что мешало организовывать помощь, а также в том, что нет подвоза к станциям и невозможно обеспечить подачу пищи к вагонам. Их мнение поддержал член Госсовета К.Г. Скимунт¹, отметивший отсутствие санитарного контроля, возможности у беженцев питаться в дороге, а главное — неимение определенного направления движения. Г.И. Свенцицкий² от лица Госдумы и члены Госсовета А.Б. Нейдгардт, А.И. Лыкошин, А.Ф. Кони³, обратившись к проблеме нехватки транспортных средств для перевозки беженцев, предлагали свои варианты выхода из транспортного кризиса (использовать для перемещения беженцев вагоны-теплушки, военные автомобили и строить временные железные дороги, подводящие к основной ветке дороги). В ход пошли заявления, что о проблеме с дорогами и транспортом надо было думать еще год назад, что из-за отсутствия согласия между военной и гражданской властью все дезорганизовано, и страна стоит накануне краха вагонного хозяйства. Таким образом, участвовавшие в прениях члены Госсовета и Госдумы, начав с насущных проблем организации перемещения беженцев и выселенцев, быстро перешли к вопросам более масштабного характера. Но в итоге лишь сошлись на том, что тема слишком сложная, и утвердили предложение члена Госдумы И.П. Залита о передаче вопроса об упорядочивании передвижения беженцев на изучение в специальную комиссию⁴.

Таким образом, уже в первые месяцы своей деятельности Особое совещание по устройству беженцев активно работало, стараясь обсудить и разрешить наиболее болезненные назревшие вопросы, связанные с беженским делом. Приняты резолюция о порицании насильственного выселения и добровольного бегства местных жителей из района военных действий, одобрение ходатайств об ассигновании средств различным общероссийским и национальным общественным организациям на нужды беженцев и выселенцев, организация помощи беженцам на Кавказе. Проблемы трудоустройства и поиск методов привлечения к труду беженцев и выселенцев, сложности с упорядочением процесса перемещения вынужденных мигрантов по железным и грунтовым дорогам вглубь страны и выработка Наказа главноуполномоченным по устройству беженцев внутри Империи — эти болевые точки беженского дела так и не удалось ликвидировать в течение первого года войны; свои варианты решения означенных проблем, после оживленных прений, в которых принимали участие и члены Госсовета, и члены Госдумы, предлагало Особое совещание. Но постановления, принимавшиеся на общем собрании Особого совещания по устройству беженцев, носили необязательный, рекомендательный характер, окончательное решение все равно оставалось за правительством.

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 38 об., 39 об.

² Там же. Л. 38 об.

³ Там же. ЛЛ. 32 об., 36 об., 38 об., 39.

⁴ Там же. Л. 39 об.

ВОПРОС О ПОЛОЖЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ В РОССИИ В КОМИССИИ ПО ВОЕННЫМ И МОРСКИМ ДЕЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

РАСКИН ДАВИД ИОСИФОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: d.raskin@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена истории рассмотрения вопроса о положении военнопленных германской и австро-венгерской армий в Комиссии по военным и морским делам Государственной думы в марте и ноябре 1916 г. Этот вопрос рассматривался в связи с проектом нового положения о военнопленных. В ходе обсуждения были представлены сведения о тяжелом положении пленных, антисанитарных условиях их содержания. Вопрос о содержании военнопленных и привлечении их к труду рассматривался комиссией не только с точки зрения государственной целесообразности, но и с точки зрения принципов гуманности. В этом совпадали как леволиберальная, так и умеренно правая часть членов комиссии.

Ключевые слова: Комиссия по военным и морским делам, Государственная дума, военнопленные, Россия, Германия, Австро-Венгрия, Первая мировая война.

История деятельности Комиссии по военным и морским делам Государственной думы уже привлекала внимание историков¹. Но даже в весьма обстоятельной диссертации А.А. Чиркова вопросу о положении военнопленных в России уделено всего около 1 страницы, причем автор в основном рассматривает историю проекта нового положения о военнопленных².

Вопрос о военнопленных в России стал предметом рассмотрения Комиссии по военным и морским делам в 1916 г. К этому времени вполне проявились как наступившее с началом войны общее полевание состава

¹ Чирков А.А. Военные комиссии в Государственной думе III и IV созывов // Вопросы истории. 2015. № 4. С. 89–108; его же. Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 1915. № 2. С. 38–44; Раскин Д.И. Комиссия по военным и морским делам Государственной думы в годы Первой мировой войны // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. СПб., 2015. Ч. 1. С. 24–30; Демин В.А. Комиссия по военным и морским делам // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 273.

² Чирков А.А. Думские комиссии по обороне: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.): Дис. ... к. ист. н. М., 2016. С. 227–228.

комиссии (председателем которой был избран кадет А.И. Шингарев), так и консолидация думского большинства вокруг Прогрессивного блока.

Заседания комиссии 15 и 20 марта 1916 г. были посвящены обсуждению поступившего в нее проекта нового положения о военнопленных. Необходимость такого положения обосновывалась тем, что действовавшее положение 1904 г. предусматривало лишь военнопленных Русско-японской войны. Рассматриваемое положение о военнопленных основывалось на постановлениях Гаагской конвенции 1907 г.¹

Докладчиком в комиссии по этому вопросу выступил Д.Н. Чихачев² (балашевец³). В прениях по докладу выступили В.А. Виноградов (кадет⁴), кн. И.С. Васильчиков (фракция центра⁵), П.Н. Милоков (кадет), М.Л. Киндяков (земец-октябрист⁶), А.М. Масленников (прогрессист⁷) и А.И. Шингарев (кадет⁸). При этом Д.Н. Чихачев находил желательными некоторые отступления от названных постановлений вследствие несоблюдения их воюющими с Россией державами. В.А. Виноградов, также отмечая необходимость соблюдения норм Гаагской конвенции всеми воюющими сторонами и принципа взаимности, настаивал на образовании «особого органа по заведованию военнопленными, который распределил бы по степени государственной важности все предстоящие работы и отправлял бы на них военнопленных в порядке постепенности»⁹. П.Н. Милоков, кн. И.С. Васильчиков и А.М. Масленников указывали на необходимость изменения отношения к пленным славянам¹⁰.

Объяснения давал представитель Военного ведомства генерал М.А. Беляев, указавший на неоднократные нарушения противником Гаагской конвенции, но признавший некоторые недостатки в условиях содержания пленных в России. Предложение В.А. Виноградова о создании особого органа по заведованию военнопленными он категорически отверг.

20 марта 1916 г. были также «осуждены вопросы: 1) о положении взятых из Галиции русскими властями заложников (В.В. Лашкевич, кадет¹¹), 2) об использовании добытых комиссией сенатора Кривцова данных об истязаниях русских пленных (Н.Л. Марков 1-й, группа центра¹²) и о карательных мерах против военнопленных, сдавшихся добровольно,

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. ЛЛ. 52–59 об.

² Там же. ЛЛ. 52–52 об.

³ Коцюбинский Д.А., Николаев А.Б. Чихачев (Чихачев 1-й) Дмитрий Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 684.

⁴ Николаев А.Б. Виноградов Владимир Александрович // Там же. С. 90.

⁵ Николаев А.Б. Васильчиков Илларион Сергеевич // Там же. С. 82–83.

⁶ Николаев А.Б. Киндяков Михаил Львович // Там же. С. 249.

⁷ Николаев А.Б. Масленников Александр Михайлович // Там же. С. 361.

⁸ Николаев А.Б. Шингарев Андрей Иванович // Там же. С. 702.

⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. ЛЛ. 53–58.

¹⁰ Там же. ЛЛ. 58–59.

¹¹ Николаев А.Б. Лашкевич Валериан Валерианович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 320.

¹² Николаев А.Б. Марков (Марков 1-й) Николай Львович // Там же. С. 359.

без употребления оружия (Б.А. Энгельгардт, земец-октябрист¹). По этим вопросам представитель военного ведомства полковник Н.Г. Мыслицкий пояснил, «во-первых, что означенные заложники состоят на учете в военном ведомстве, и что теперь обсуждается вопрос относительно обмена заложников России и Австрии, во-вторых, что командированные сестры посещали пленных в местах их постоянного пребывания, а данные комиссии сенатора Кривцова относятся к первому периоду взятия в плен, т.е. до отправления в концентрационные лагеря; в-третьих, что добровольно сдавшихся в плен предположено по окончании войны предать суду; пока же семьи таких лиц лишаются продовольственного пособия»².

Дискуссию вызвал имеющийся в проекте принцип реторсии, т.е. ответного ограничения прав военнопленных в ответ на несоблюдение норм конвенции противником. Против него возражал П.Н. Милюков, но остался в абсолютном меньшинстве.

В целом проект был принят (с отдельными поправками). Важнейшим было дополнение Д.Н. Чихачева (принятое в редакции А.И. Шингарева): «Исполнение настоящего положения основывается во всех его частях на применении принципа полной взаимности со стороны воюющих с Российской империей иностранных держав». Было принято также пожелание В.А. Степанова (кадет³): «Необходимо создание высшего единого учреждения по организации труда и распределения рабочей силы (в том числе и военнопленных) между различными отраслями промышленности, сельским хозяйством, железнодорожным строительством и другого рода работами государственного и общественного характера». В резолюции комиссии говорилось: «Независимо от сего комиссия признает нужным обратить внимание правительства на необходимость содержания военнопленных славян, выказавших чувства преданности по отношению к России, отдельно от других национальностей, под командой офицеров, на необходимость пользоваться при принятии мер к улучшению быта военнопленных содействием учрежденных за время войны национальных обществ оказания помощи последним, на увеличение платы за работы и возможность заключения военнопленными славянами договоров с частными предпринимателями, а также на разрешение им свободного передвижения, если они дадут честное слово не делать попыток к бегству»⁴.

Но особенного внимания заслуживает закрытое заседание комиссии, которое состоялось также 20 марта. На нем был заслушан доклад Н.А. Гладыша (кадет⁵). В этом докладе содержались вопиющие факты ужасающего положения в лагерях военнопленных. Говорилось об антисанитарных условиях содержания, эпидемиях, распространении цинги, непосильных и плохо организованных работах и т.д. Особенности упреки

¹ Николаев А.Б. Энгельгардт Борис Александрович // Там же. С. 716.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. ЛЛ. 63–68.

³ Николаев А.Б. Степанов Василий Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 589.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. ЛЛ. 66–67.

⁵ Николаев А.Б. Гладыш Николай Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 130.

заслужил командующий Казанским военным округом ген. А.Г. Сандецкий. Наиболее тяжелой была санитарная обстановка в Тозком лагере, в Уфе, на строительстве Мурманской железной дороги, вдоль Сибирской магистрали и даже в Петроградской губ. (под Павловском). На подобные факты указали члены комиссии Я.С. Гарусевич (Польское коло¹), М.Д. Калугин (прогрессист²), П.В. Герасимов (кадет³), В.И. Дзюбинский (трудолик⁴). Представители военного ведомства пытались дать объяснения, оправдывающие деятельность Главного военно-санитарного управления, но эти объяснения не были убедительными⁵.

Характерны выступления участников заседания. К.А. Тарасов (правый⁶) говорил: «Господа, какие здесь ужасные последствия открываются, я с таким негодованием выслушал, это прямо удручает разум человеческий. И вот как наше военно-санитарное ведомство к этому относилось. Должно быть, оно не имело никакого плана и до войны, и во время войны. Ужасно только слушать, я думаю, надо бы подготовиться, хотя бы к этому времени — скоро 2 года войны»⁷. Н.К. Волков (кадет⁸) заявил: «...все то, что мы сегодня слышали, не только ужасно, но это позорно. Ужасно это с той стороны, что это грозит государственной безопасности, грозит здоровью населения Империи, грозит безопасности нашей армии. Позорно это, потому что это происходит с военнопленными и не соответствует достоинству России. Как же мы можем упрекать германцев в скверном отношении к военнопленным, когда у нас возможны такие картины? Терпеть продолжение этих картин невозможно. Я считаю, что комиссия должна высказать настойчивое пожелание, что лица, виновные в этих безобразиях, должны быть преданы суду. Этого требует достоинство России»⁹. П.В. Герасимов подчеркнул: «Меня всего более смутило в объяснениях представителя Главного управления Генерального штаба указание на то, что ведомство только известную ответственность признает, ответственность ограниченную, и как бы мирится с тем началом растерянной ответственности, которая установлена неудачными правилами, которые, как жизнью же доказано, в самом своем зародыше представляют значительную опасность»¹⁰. К требованию предать суду виновных присоединился и Н.В. Савич (земец-октябрист¹¹).

¹ Николаев А.Б., Постников Н.Д. Гарусевич Ян Семенович // Там же. С. 122.

² Николаев А.Б. Калугин Михаил Дмитриевич // Там же. С. 230.

³ Голубева И.В., Николаев А.Б. Герасимов Петр Васильевич // Там же. С. 126.

⁴ Николаев А.Б. Дзюбинский Владимир Иванович // Там же. С. 163.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. ЛЛ. 81 об.–86 об., 88 об.–92.

⁶ Николаев А.Б. Тарасов Касьян Антонович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 605.

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. ЛЛ. 87 об.–88.

⁸ Николаев А.Б. Волков (Волков 2-й) Николай Константинович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 97.

⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 92 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 93.

¹¹ Николаев А.Б. Савич Никанор Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 544.

Относительно положения пленных славянского происхождения ярко высказался В.В. Шульгин: «Я не буду касаться вопроса во всей ширине, но все же мне бы хотелось тут огласить одно письмо, письмо чеха, офицера, которое крайне характерно именно с точки зрения тех людей, которые больше всего хотели работать на общее дело. Вот что он говорит: „Хотелось мне написать вам о нашем положении в плену, но вы, наверное, и сами об этом знаете; слова эти были слишком злобны. Мы ожидали братского приема, но нашли лед, непонимание и, что ужаснее, ненависть. Но мы не проклинаем. Мне придется весь день сегодня говорить моим землякам, объяснять действительные условия русской провинциальной жизни, сваливать все на несчастные обстоятельства, чтобы только спасти след той красивой и возвышенной идеи, ради которой билось все соколовство долгие годы и на которую наш народ пожертвовал миллионные деньги. Русские имеют теперь возможность без затруднения осуществлять эту идею, но они, к сожалению, уничтожают ее цвет“. Мне кажется, в кратких словах трудно лучше выразить то, что происходит; я думаю, что исход только один в отношении всех тех лиц, которые, стоя во главе этих десятков тысяч людей, оказались не только совершенно не понимающими общего значения дела, которое они делают, но и прямо самых элементарных человеческих обязанностей. Мне кажется, что не может быть относительно их другого решения, как расследование и предание их суду»¹.

Его слова подтверждал и П.В. Герасимов: «<...> на этих работах, кстати сказать, работах городского комитета по топливу, заняты преимущественно славяне, между прочим, довольно значительное количество украинцев, в частности, один из погибших или погибающих нотариусов, который там сделан дровосеком для использования городского общественного управления. Он сам про себя говорил, что по своему настроению в Австрии он был даже заподозрен как москвофил, но та встреча, которой он подвергся здесь, и те наблюдения, которые им были сделаны в смысле отношения нашего правительства к военнопленным, произвели целый переворот в его взглядах; он указывал на своих товарищей, ныне интеллигентных солдат, которые вернутся в Австрию или куда-нибудь в другое место совершенно с иными отношениями и иными чувствами, чем раньше, между тем как этот народ очень близок нашей стране. Я говорю это для того, чтобы характеризовать, до какой степени неразборчиво и, я бы сказал, безрассудно со всех точек зрения используются военнопленные как военная рабочая сила»².

Позицию членов комиссии резюмировал председатель А.И. Шингарев: «По существующим и здесь объявленным фактам и также по всем имеющимся сведениям в распоряжении военного ведомства об упущениях, злоупотреблениях, недогляде и небрежности власти должно быть произведено расследование и виновные должны быть привлечены к военному суду. Это первое пожелание, которое, по-видимому, всеми единодушно признается (голоса: просим). Второе: должен быть изменен

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 93 об.

² Там же. Л. 82.

самый порядок, при котором ни военная власть, ни военно-санитарное ведомство своевременно не имеют сведений с мест о начинающихся различных заболеваниях среди военнопленных; военное ведомство должно обсудить вопрос и предпринять определенную организацию надзора за военнопленными, при котором бы военно-санитарное ведомство и общая военная власть немедленно получали извещения о возникающих заразных заболеваниях... И, наконец, чтобы самые условия содержания военнопленных были такие, чтобы не было даже возможности развития заразных заболеваний на почве плохого питания, плохих санитарных условий жилья и т.д. Угодно, господа, такие пожелания принять (голоса: просим). Теперь, господа, я лично думаю, что наша стенограмма этого рода, содержащая довольно полный обмен мнений по данному вопросу, должна быть сообщена как непосредственно г. военному министру, так и в Ставку Верховного Главнокомандующего для того, чтобы там были осведомлены, что здесь представители с мест сообщили»¹.

Снова к вопросу о положении военнопленных Комиссия по военным и морским делам обратилась в связи со снабжением армии продовольствием и использованием труда военнопленных. Во время заседания 21 ноября 1916 г. комиссия отмечала, что регистрация и распределение производятся беспорядочно.

А.И. Шингарев отмечал: «...дело заведования военнопленными поставлено, по-видимому, чрезвычайно беспорядочно; создается впечатление, что им в полной мере никто не ведает и не занимается. Точной регистрации их в одном органе нет — она производится и в Красном Кресте, и в Генеральном штабе, отчасти и в штабах командующими военными округами, но везде как будто неполно и неточно. Этим объясняются и хаотичность, и все ненормальности в применении труда военнопленных... Сельское хозяйство теперь — более, чем когда либо — обслуживает не только интересы частных лиц, но всего государства; в переживаемое тяжелое для страны время оно стало столь же необходимо для поддержания военной мощи России, как и предприятия, работающие на оборону... Наступил момент, когда необходимо учесть и использовать весь трудоспособный элемент населения, для чего следует создать особый орган, который объединял бы заведование этим новым делом. Проект учреждения подобного органа правительству надлежит заблаговременно внести в Государственную думу».

Члены комиссии осудили создание добровольческих дружин из пленных югославов. Как заметил тот же А.И. Шингарев, «отправлять пленных сражаться против войск своих законных государей является мерой, противоречащей принципам международного права, за нарушение коих Россия и ее союзники упрекают враждебные государства»².

Объяснения давали генерал Н.М. Потапов и временно управляющий (на момент заседания) Министерством земледелия А.А. Риттих. Последний постарался дать обстоятельный ответ на упреки членов комис-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. ЛЛ. 94 об.-95.

² Там же. ЛЛ. 430-431.

сии, оправдывая действия своего ведомства. «Что касается зачисления пленных югославянской национальности в добровольческие дружины, — вынужден был признать он, — то тут, действительно, произошел ряд печальных недоразумений, явившихся следствием крайне неумелых и неудачных исполнений местными властями распоряжений высших властей»¹. Возможно, это выступление Риттиха было его дебютом (в новом качестве), в котором он продемонстрировал основные черты своих будущих выступлений перед Думой.

В целом в данном заседании (как и в других, непосредственно ему предшествующих и следующих за ним) основное внимание было уделено проблемам сельского хозяйства и снабжения армии.

Обсуждение вопроса о положении военнопленных в России еще раз продемонстрировало сближение представителей думских фракций, входивших в Прогрессивный блок на почве не только оппозиции к правительству, но и патриотизма и конструктивной работы во имя победы.

Необходимо отметить, что вопрос о содержании военнопленных и привлечении их к труду рассматривался комиссией не только с точки зрения государственной целесообразности, но и с точки зрения принципов гуманности. В этом совпадали как леволиберальная, так и умеренно (и даже не только умеренно) правая часть членов комиссии.

Не случайно в ответ на слова помощника начальника Главного военно-санитарного управления Максимовича «я здесь выслушал обвинения относительно военно-санитарного ведомства в том смысле, что оно как будто бы совершенно игнорирует свои обязанности и права. Я против этого глубоко протестую... Делайте расследования, производите их, мы готовы всегда встретить эти расследования и будем очень благодарны, когда станет видна справедливость, которая выше борьбы всяких политических партий» председатель Комиссии по военным и морским делам заявил: «Господа, я очень сожалею, что представитель военно-санитарного ведомства добавил последнюю фразу. В заседании комиссии, составленной из представителей всех политических партий, не было никакого разногласия по оценке имеющегося положения, и политические партии, я должен здесь заявить, ни при чем»². В этом А.И. Шингарев был совершенно прав.

История рассмотрения вопроса о военнопленных в Комиссии по военным и морским делам может служить дополнительной характеристикой российского парламентаризма в годы Первой мировой войны.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. ЛЛ. 431–438.

² Там же. ЛЛ. 95–96.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ТУРКЕСТАНА В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.¹

МАМАЕВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института экономики РАН,
Москва, Россия;

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: andreydx2006@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются законодательная деятельность IV Государственной думы и ход обсуждения в ней вопросов экономического развития Туркестана, чтобы выявить особенности политики центральной власти по отношению к этой окраине. Делается вывод, что Дума обращала серьезное внимание на эту проблематику, не ограничиваясь переселением и сельскохозяйственной сферой. Думское большинство выступало за хозяйственную и правовую интеграцию этой окраины и поддерживало переселение в Туркестан, при этом нужды метрополии были приоритетом над интересами коренного населения, отходившими на второй план.

Ключевые слова: Туркестан, Государственная дума, окраина, законодательство, экономика.

Туркестан, одна из последних территорий, присоединенных к Российской империи, в начале XX века рассматривался центром и местными русскими властями как «край будущего», нуждающийся в усилиях правительства для реализации потенциала. Однако представления о перспективах этой окраины разнились. После своего создания важную роль в обсуждении этих вопросов стала играть Государственная дума, где ведущей силой с 1907 г. являлись праволиберальные и либерально-консервативные круги, часто действовавшие совместно с правительством. Исследование ставит задачей изучить меры, предпринимаемые IV Государственной думой (1912–1917 гг.) для развития экономики Туркестана накануне революции 1917 г., определить, каким думцы видели будущее среднеазиатского региона, перспективы окраин и империи, выявить, насколько их решения соответствовали ситуации. Восстание 1916 г. показало степень накопившихся противоречий, и среди современных историков есть мнение, что отсчет эпохи гражданских войн в России стоит

¹ Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 «The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)».

начинать именно с этих событий. Интересно было бы проследить место Госдумы в политике центра в те годы.

Особенностью являлось отсутствие представительства от туркестанской окраины в Думе, поэтому в ней испытывали проблемы с экспертным знанием о реалиях Туркестана. Край до 1917 г. управлялся военным министерством и Положением 1886 г., которое признали устаревшим еще в самом начале XX в. Экономика региона интенсивно росла, но качество управления оставалось низким. Метрополия стала целенаправленно формулировать экономические задачи на окраинах лишь на самом закате империи¹. Важнейшими направлениями в экономике Туркестана были переселенческое движение, выращивание хлопка, орошение, развитие системы железных дорог. В 1910-е гг. правительство осознало необходимость комплексного экономического развития Туркестана в стратегических целях — его закрепления за Россией и использования его ресурсов в интересах метрополии, при участии Думы власти перенесли акцент с простого переселения на колонизацию региона.

Правые либералы в Думе отстаивали комплексную колонизацию края русскими переселенцами. В этом думцы следовали за Главным управлением землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) и в целом правительством. Идеологические основы экономической деятельности ГУЗиЗ в Туркестане подчеркнул в «Записке» 1912 г. его главноуправляющий А.В. Кривошеин, посетивший регион для изучения перспектив хлопководства. «Политическое преобладание в Туркестане русской народности должно быть закреплено и хозяйственной ее силой», — отмечал Кривошеин, указывая на «новую, пока еще почти нетронутую» задачу: «последовательного и упорного созидания нового русского Туркестана, который даст и весь нужный хлопок, и много других экономических и политических ценностей»². Выступивший в Государственной думе в декабре 1912 г. председатель Совета министров В.Н. Коковцов также указал на первостепенное значение для правительства переселенческого дела и использования естественных богатств окраин «в интересах русского народа», отметив законодательные инициативы власти по использованию вод в Туркестане и привлечению частной предприимчивости к разработке пустых казенных земель. Также Коковцов сообщал об изыскании способов более широкого развития оросительных работ в Туркестанском крае³.

Правительственный курс в Думе критиковали правые и левые политические силы. Если правый Н.Е. Марков (Марков 2-й) возмущался, что правительство не допускает русских крестьян в Туркестан «в угоду местным инородцам»⁴, то член думы от мусульманской фракции

¹ Центральная Азия в составе Российской империи. СПб., 2008. С. 132–133.

² Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб., 1912. С. 55, 80.

³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 271–272.

⁴ Там же. Стб. 395.

М.Ю. Джафаров назвал активизацию переселения способным «только вызвать озлобление местного населения» и призвал не стремиться «к усилению русского элемента на окраинах, а ... стремиться к усилению любви, симпатии и доверия к русскому элементу»¹. Кадеты и мусульмане указывали на ограниченность земельных ресурсов, выступали против внедрения в Средней Азии крупной земельной собственности и требовали первоочередного учета интересов коренного населения, к которому у правительства, по их мнению, было «пренебрежительное отношение»².

Умеренные либералы в Думе, как это отмечал октябрист, секретарь переселенческой комиссии М.И. Симонов, рассматривали укрепление прав собственности, развитие кредитной системы и внедрение рыночных отношений в сфере недвижимого имущества как важный элемент внедрения «нормального», общеимперского управления в Средней Азии, ее экономического развития и интеграции с Россией. Особенностью позиции умеренно либеральных думцев было внимание к развитию института земства, через который, по их мнению, могло идти развитие «культурной самостоятельности» переселенцев³. Также отмечалась необходимость координации деятельности всех ведомств, управлявших Туркестаном. Бюджетная комиссия IV Думы предлагала создать для согласования всех мероприятий особый постоянный орган — особый междуправительственный комитет при переселенческом управлении, а ответственным за исполнение задачи колонизации должно было быть, по мнению Симонова, все объединенное правительство. Это предложение приняла сельскохозяйственная комиссия, но оно не было воплощено в жизнь⁴.

Хлопковый вопрос и орошение

Высокие пошлины стимулировали быстрое распространение в Средней Азии хлопка, сильно потеснившего зерновые. Возможность дальнейшего расширения посевов зависела от развития орошения. Действия властей в этой сфере подвергались в Думе критике за недостаточность, бессистемность, неэффективность. Так, бюджетная комиссия Государственной думы отмечала высокую стоимость эксплуатации одного из крупнейших в Азии Романовского канала, открытого в 1913 г., причем расходы возлагались на переселенцев⁵. Выходом могли бы стать оросительные работы за счет частных лиц, но в таком случае требовалось наладить кредит. Октябристы в начале работы IV Думы внесли инициативу об организации долгосрочного мелиоративного кредита на сельскохозяйственные улучшения под залог недвижимости через создание

¹ Там же. Стб. 520.

² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 1721–1724, 1729.

³ Там же. Стб. 1681–1686, 1697–1698.

⁴ Там же. Стб. 1703–1704.

⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия 2. СПб., 1914. Ч. V. Стб. 73.

Государственного земельного банка¹, но до революции идея не получила развития. В марте 1914 г. сельскохозяйственная комиссия Государственной думы обсуждала проект ГУЗиЗ о выделении из казначейства средств на переустройство канала императора Николая I в Голодной степи, что предполагало увеличение площади орошаемой земли на 12 тыс. десятин — до 57 тыс. десятин. Проект с уменьшенной суммой был утвержден императором 28 июня 1914 г.²

Все более остро сказывалась неурегулированность правовых оснований пользования водой, так как водопользование определялось обычным правом коренного населения. Это создавало помехи мелиорации, частному предпринимательству в хлопководстве и развитию колонизации. Проект о пользовании водами был внесен в Думу в январе 1913 г., но обсуждение растянулось более чем на 3 года — его приняли только в июне 1916 г. Создавалась система органов распределения воды и регулирования ее использования — уездных и областных по водным делам присутствий с участием выборных от местного населения. Следующей инстанцией было Туркестанское водное управление, входившее в ведомство Главного управления землеустройства и земледелия по отделу земельных улучшений. Новые органы водного управления должны были объединить работу и поглотить действовавшие ранее разрозненные организации. Участники пользования водой должны были организовать Советы выборных для распределения воды и участия в расходах по содержанию и ремонту оросительных сооружений³. К началу революции 1917 г. проект еще находился на рассмотрении Государственного совета.

Проблемы переселения

В период работы IV Государственной думы правительство перенесло акцент в переселенческой политике. Если до этого его интересовало в первую очередь расширение масштабов переселения, то теперь акцентировалось внимание на «качестве» переселенцев, «насаждении более состоятельных и сильных хозяйств, нежели обычные крестьянские». Эту идею правительства поддержала думская переселенческая комиссия, председателем которой стал ранее служивший в переселенческом управлении и занимавшийся этим вопросом в МВД до 1903 г. К.Е. Сувчинский⁴. В комиссию из 33 членов вошли и бывшие чиновники, специ-

¹ Законодательное предположение № 67 // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. СПб., 1913. Вып. I. С. 1–3.

² Доклад № 843 // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. СПб., 1914. Вып. IX. С. 1–10; Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. V. Стб. 1185.

³ Доклад № 116 // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая, 1916 г. Пг., 1916. Вып. III. С. 1–54.

⁴ Николаев А.Б. Сувчинский Корнелий Ефтихеевич // Государственная дума Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 595.

алисты-аграрии: находившиеся при сенаторе К.К. Палене во время ревизии Туркестанского края И.С. Васильчиков¹ и Д.П. Капнист², агроном Н.К. Волков³, ученый-политэконом, специалист по земельному вопросу, бывший членом Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности А.С. Посников⁴, одним из 2 товарищей председателя стал ученый-агроном И.И. Капнист⁵, секретарем комиссии был о. А.Л. Трегубов⁶, работавший в ней в предыдущей Думе и совершивший поездку в Семиречье летом 1909 года для ознакомления с переселенческим делом.

«Первым законопроектом о колонизации Туркестанского края» был назван в Думе обсуждавшийся в июне 1913 г. проект ГУЗиЗ об отводе русским переселенцам в Голодной степи участков казенной орошенной земли. В ходе обсуждения правительство и думское большинство обозначили свой образ идеального переселенца. По проекту селиться на орошенные государством земли из Европейской России допускались лишь состоятельные русские крестьяне, имевшие в месте выхода имущество не менее чем в тысячу рублей, склонные к технологическим улучшениям; площадь участков должна была быть небольшой, чтобы ее можно было обработать усилиями семьи без найма работников; принимались меры, чтобы избежать имущественного расслоения; переселенцы должны были возместить траты на орошение и содержание оросительных систем⁷.

Переселенческая комиссия внесла ряд уточнений: к заселению приглашались не только крестьяне, но и все сословия, были обещаны агрономическая помощь и мелкий кредит. Финансовая комиссия внесла еще одну поправку: допускались лица «коренного русского происхождения православного исповедания»⁸. Этот принцип спровоцировал острую дискуссию, ушедшую в политику. Октябристы И.И. и Д.П. Капнисты поддерживали национальные и религиозные ограничения по экономическим мотивам — для защиты «горсти русских переселенцев». Правые акцентировали националистические мотивы такого курса, а кадеты выступили против ограничений⁹. В июне 1914 г. проект был утвержден императором с изменениями, предложенными думскими комиссиями, и небольшими уточнениями согласительной комиссии с Госсоветом¹⁰.

¹ Николаев А.В. Васильчиков Илларион Сергеевич // Там же. С. 82–83.

² Николаев А.В. Капнист (Капнист 2-й) Дмитрий Павлович // Там же. С. 234

³ Николаев А.В. Волков (Волков 2-й) Николай Константинович // Там же. С. 97.

⁴ Хайлова Н.Б. Посников Александр Сергеевич // Там же. С. 485.

⁵ Николаев А.В. Капнист (Капнист 1-й) Ипполит Ипполитович // Там же. С. 234.

⁶ Николаев А.В. Трегубов Александр Лаврентьевич // Там же. С. 618.

⁷ Доклад № 432 // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. СПб., 1913. Вып. IV. С. 1–7.

⁸ Доклад № 432 // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. СПб., 1913. Вып. IV. С. 1–11.

⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 2289–2311.

¹⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. V. С. 1399–1403.

Думское большинство подчиняло задачи экономического развития Туркестана концепции закрепления ведущей хозяйственной роли европейцев-христиан, их приоритетной поддержке государством. Сообразно этим изменениям в Госдуме признали правильным отказ от сословных ограничений при переселении. В мае 1916 г. был принят законопроект о предоставлении лицам всех сословий права переселения на казенные земли Азиатской России на общих с сельскими обывателями основаниях¹. В июне 1913 г. Дума приняла правила наделения землей Семиреченского казачьего войска, которые ставили целью защиту земельных прав казаков, якобы пострадавших из-за землеустройства киргизов. Казачество закреплялось в положении зажиточных землевладельцев — каждый казак наделялся 30 десятинами земли и еще 10 десятин отводилось в запас. Земельная комиссия Государственной думы прямо указала на необходимость первоочередного учета интересов не киргизов, а именно казаков. В Госдуме заявили, что отвод земель кочевникам «едва ли» можно было оправдать «настоятельной необходимостью». Закон в июле 1914 г. был подписан императором².

В деятельности и Думы, и правительства экономические интересы «туземцев» учитывались слабо. При разрушении их привычной жизни это создавало потенциальный конфликт, но думское большинство не замечало этого. На углубление противоречий указывали левые течения в Думе и мусульманская группа, об этом писала и правая пресса³.

Развитие транспортного сообщения

Железные дороги имели важнейшее значение для интеграции Туркестана в империю и развития его экономики. В этой связи IV Дума указывала правительству на важность единого плана железнодорожного строительства Азиатской России⁴. Дума поддержала инициативу организации перевозки скоропортящихся грузов из Туркестана в Петербург и Москву, а потом на zahraniчные рынки, главным образом мяса из Оренбургского района, рыбы из Аральского моря и фруктов из Средней Азии. В июне 1914 г. был принят проект оборудования холодильными устройствами линии Самарканд — Петербург⁵.

¹ Доклад № 435 // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. СПб., 1914. Вып. V. С. 1–3; Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия четвертая. Пг., 1916. Ч. III. Стб. 4633.

² Доклад № 422 // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. СПб., 1913. Вып. IV. С. 1–5; Переселение и землеустройство в Азиатской России: сб. законов и распоряжений. Пг., 1915. С. 283–284.

³ См., напр.: Глинка С. Жгучий вопрос // Земщина. 1913. 7 июня; Подвиги русского народа в Средней Азии // Русское знамя. 1913. 24 июля.

⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия четвертая. Пг., 1916. Ч. III. Стб. 4032–4033.

⁵ Доклад № 855 // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв IV. Сессия 2, 1913–1914 гг. СПб., 1914. Вып. X. С. 1–21.

Влияние войны

Война заставила задуматься над привлечением ранее неиспользованных ресурсов, в том числе на окраинах. Все больше критиковалось отсутствие воинской повинности у коренного населения Средней Азии. Хотя поводом к волнениям в Туркестане в 1916 г. стало высочайшее повеление о привлечении инородцев к работам в районе действующей армии в возрасте от 19 до 43 лет и его воплощение на практике, Дума в августе 1915 г. тоже выступала за привлечение «туземцев» к воинской повинности. При обсуждении бюджета на 1916 г. была принята формула перехода, в которой признавалось необходимым «скорейшее разрешение в законодательном порядке вопроса о привлечении к отбыванию воинской повинности инородцев»¹.

Причины восстания в Туркестане в 1916 г., которое вновь поставило во всей остроте вопрос будущего этой окраины, обсуждались в Думе в декабре 1916 г. после поездки в регион комиссии А.Ф. Керенского—М.Б. Тевкелева. Мусульманин М.Ю. Джафаров, прогрессист С.П. Мансырев и трудовик А.Ф. Керенский обошли стороной экономические аспекты причин восстания, но на них обратили внимание октябрист, граф Д.П. Капнист (2-й) и кадет М.С. Аджемов. По их мнению, события спровоцировало то, как велась русская колонизация края: «туземцев грабили» при отводе земель, что привело к обостренным отношениям с русскими поселенцами. Аджемов назвал в числе «грехов» Государственной думы отсутствие представительства от Туркестана, насильственное отобрание земли у киргизов, не считаясь с их хозяйственным бытом и условиями жизни, насильственное водворение поселенцев. Это, по его мнению, создало «костер», куда была брошена «головешка» в виде телеграммы о призыве. Как констатировал Капнист, в части Семиречья «уничтожена вся русская колонизация»².

Последняя Дума Империи обращала серьезное внимание на экономическое развитие Туркестана, как поддерживая и участвуя в подготовке законопроектов, так и указывая на желательные меры. Это внимание не ограничивалось переселением и сельскохозяйственной сферой, касаясь развития транспорта, городского хозяйства, замены обычаев правовой регламентацией. Решения Думы были нацелены на экономическую интеграцию Туркестана в Россию как аграрного региона и источника

¹ Котюкова Т.В. Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док-тов и мат-лов. М., 2016. С. 32, 38; Формулы перехода к очередным делам, принятые Государственной думой при обсуждении проекта государственной росписи доходов и расходов на 1916 г. // Государственная дума. Доклады бюджетной комиссии. Созыв IV. Сессия 4, 1915–1916 гг. Пг., 1916. Вып. III. С. 17.

² Стенографический отчет Государственной думы. Заседание 15 декабря 1916 г. // Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. док-тов. Ташкент, 1932. С. 151, 159–160.

сырья для промышленности. Также Туркестан рассматривался как важная территория, способная абсорбировать часть избыточного населения, приспособить его к выращиванию ценного хлопка и превратить в опору центра на окраине. Думское большинство и ГУЗиЗ согласованно поддерживали переселение в Туркестан, обустройство и благосостояние переселенцев являлись приоритетом над интересами коренного населения. Экономическая интеграция региона интересовала думское большинство не только сама по себе, но и для достижения геополитических целей: Туркестан объявлялся в будущем русским краем, переселенческой колонией, а правые прямо называли «инородцев» «вторым сортом», нуждающимся в обрусении. Пренебрежение экономическими интересами коренных жителей в условиях быстрого разрушения привычной среды их жизни способствовало созданию конфликтной ситуации, что игнорировало думское большинство. Поддерживаемая думцами идея привлечь «туземцев» к воинской повинности нарушала обязательства, данные им при присоединении региона к империи; коренное население опасалось потери земель. Туркестанское восстание нанесло мощный удар усилиям центра по экономическому развитию края и символизировало кризис имперской модели управления в России.

ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 1–10 АПРЕЛЯ 1917 ГОДА: ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории РГПУ,
член НМС при Центре истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена заседаниям Временного комитета Государственной думы, которые проходили в первую декаду апреля 1917 года. Анализируя историографию вопроса, автор приходит к выводу о том, что отечественные историки о них даже и не упоминали. Для создания хроники заседаний думского Комитета использовались в первую очередь делопроизводственные документы, отложившиеся в фонде 1278 РГИА. Впервые в отечественной историографии в статье указывается, что с 1 и по 10 апреля 1917 г. включительно состоялось 7 заседаний Временного комитета Государственной думы. Доказано, что думский Комитет и в первой декаде апреля 1917 года играл важную роль в функционировании механизма временной власти, назначая (утверждая) комиссаров в министерства, правительственные издания и благотворительные учреждения, избирая своих представителей в различные учреждения, создаваемые Временным правительством, направляя депутатов Государственной думы в действующую армию, в воинские части и на места для успокоения населения и войск. Временное правительство продолжало согласовывать с ВКГД вопросы как при назначении думцев комиссарами, так и при командировании их на места. При этом депутаты, как и раньше, приобретали двойные — думско-правительственные — полномочия.

Ключевые слова: заседания Временного комитета Государственной думы, комиссары ВКГД, М.В. Родзянко.

Заседания Временного комитета Государственной думы 1–10 апреля 1917 года советскими и современными исследователями не изучены. Не упоминают ни об одном из них В.В. Комин¹, Д.В. Ознобишин² и др. Традиция умолчания деятельности думского Комитета продолжилась и в современной историографии³. Естественно предположить, что ВКГД

¹ Комин В.В. Контрреволюционная деятельность Государственной думы после свержения самодержавия. Март — октябрь 1917 года // Ученые записки Калининского государственного педагогического института им. М.И. Калинина. Калинин, 1963. Т. 34. С. 205–306.

² Ознобишин Д.В. Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 292.

³ Коваленко Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (февраль — октябрь 1917 г.). М., 2000;

свои заседания 1–10 апреля 1917 г. проводил. Даная статья ставит своей целью восстановить хронику заседаний думского Комитета в первую декаду апреля 1917 года.

Источниковую базу исследования составляют преимущественно документы ВКГД, отложившиеся в фонде 1278 РГИА. Отметим, что журналов заседаний думского Комитета за 1–10 апреля 1917 г. не выявлено. Но они велись, и следы их есть в думском делопроизводстве. Так, управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка препроводил казначею думского Комитета «выписку из журнала заседаний Временного комитета» 1 апреля 1917 г., о чем сообщил в письме от 15 апреля 1917 г. за № 1109¹. В думском делопроизводстве сохранились отпуски командировочных и иных удостоверений, которые были выписаны депутатам IV Государственной думы. Но, как правило, в них дата заседаний ВКГД, на которых тот или иной депутат получил назначение (командировку), не указывается. Поэтому по отпускам удостоверений восстановить хронику заседаний ВКГД затруднительно. Иначе обстоит дело с перепиской, которая велась думским Комитетом с депутатами Думы и другими заинтересованными лицами и учреждениями. Так, на телеграммах и отношениях, поступавших в думский Комитет, встречаются пометки «доложено» с указанием даты и результатов их рассмотрения ВКГД. Это позволяет реконструировать как хронику заседаний думского Комитета, так и их повестки. Но и здесь встречаются трудности. Так, например, в думском делопроизводстве отложилось письмо министра-председателя Временного правительства кн. Г.Е. Львова от 3 апреля 1917 г. за № 602. В нем он информировал председателя Государственной думы М.В. Родзянко о предстоящем собрании офицерских депутатов и высказал мнение о весьма желательном присутствии на нем «представителя ВКГД». На письме кн. Г.Е. Львова стоит пометка: «Доложено 5.IV.1917. М.В. Родзянко[,] Ф.И. Родичева»². Казалось бы, что речь идет о заседании ВКГД, на котором было доложено письмо министра-председателя и произведены выборы представителей ВКГД. Но 5 апреля 1917 г. было воскресенье, и сомнительно, чтобы в этот день депутаты собрались для рассмотрения одного письма кн. Г.Е. Львова, т.к. других документов с этой датировкой и пометкой «доложено» нет. Можно уверенно предположить, что заседания ВКГД 5 апреля не проводилось, а вопрос, поставленный кн. Г.Е. Львовым, мог решить М.В. Родзянко по телефону в разговоре с сотрудником думской Канцелярии, дежурившим в этот воскресный день. Даты заседаний и изложение постановлений, принятых на них думским Комитетом, встречаются в уведомлениях, которые рассылались или за подписью председателя Государственной думы и ВКГД М.В. Родзянко и управляющего делами ВКГД, или только за подписью управляющего делами Временного коми-

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003; Кирьянов И.К. Государственная дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, политология. 2008. № 4/4. С. 82–88.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 58.

² Там же. Д. 7. Л. 203.

тета. В ряде случаев в этих документах дата заседаний ВКГД не указана. Периодическая печать о заседаниях ВКГД в изучаемый нами период ничего не сообщала. В исторических хрониках, изданных в 1920-х гг., каких-либо упоминаний о заседаниях думского Комитета 1–10 апреля 1917 года нет¹. Вместе с тем выявленные нами источники позволяют восстановить хронику заседаний Временного комитета Государственной думы в первую декаду апреля 1917 года.

1 апреля 1917 года заседание ВКГД проходило под руководством М.В. Родзянко. На нем были доложены и приняты к сведению телеграммы с мест от командированных думцев. Среди них четыре телеграммы С.А. Калинина, которые он подписал как «член Государственной думы»². В первой из них он сообщал, что на «Ижевском заводе командированная депутация удалила все недоразумения» и «завод работает полным ходом»; Калинин просил обеспечить завод «сырым материалом»³; во второй — передавал просьбу ряда организаций к Временному правительству «в интересах военного и продовольственного дела [в] возможно скорый срок окончить постройку [Московско-Казанской железной] дороги на протяжении Красная горка — Агрыз — Ижевск — Воткинский [завод]»⁴; в третьей телеграмме сообщал о решении собрания представителей от Исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Военно-технического комитета, Железнодорожного комитета и Комитета общественной безопасности Ижевского завода, что начальник Ижевских заводов генерал-майор Н.Д. Кудрявцев «должен быть оставлен на своем месте[,] но в интересах дела необходимо создать Комитет управления, в который вошли бы начальник заводов, высшие представители отдельных отраслей управления [и] представитель Совета рабочих[,] солдатских и крестьянских депутатов»⁵; в четвертой — излагал приветственную телеграмму 5 комитетов Ижевского завода в адрес Временного правительства⁶. Первая телеграмма была направлена в три адреса: военному министру А.И. Гучкову, председателю Совета министров кн. Г.Е. Львову и ВКГД, третья — ВКГД, а три других — председателю Совета министров кн. Г.Е. Львову и в копии — ВКГД.

Две телеграммы, доложенные думскому Комитету, поступили от М.А. Караулова. Обе телеграммы он подписал как «комиссар[,] член Думы». В первой из них он сообщал, что «закончив объезд Терской области[,] счастлив уведомить[,] что все население городов [и] селений <...> за-

¹ Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 160–180; Т. 2. С. 7–29; Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. Пг., 1924. Т. 1; Максаков В., Нелидов Н. Хроника революции. 1917 год. М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 29–31.

² Одна телеграмма, принятая в Петрограде 2 апреля 1917 г., которую ВКГД не рассматривал, подписана так: «Комиссар Калинин» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 53).

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 54.

⁴ Там же. Л. 55.

⁵ Там же. ЛЛ. 57–58.

⁶ Там же. ЛЛ. 59–60.

свидетельствовали преданност[ь] новому строю [и] доверие Временному правительству»¹. Во второй телеграмме писал, что восьмитысячный гарнизон Пятигорска, все организации и население Пятигорска и Кисловодска «просят передать совершенную преданность и доверие Временному правительству»². Телеграммы были отправлены в четыре адреса — председателю Государственной думы, Бюро печати Таврического дворца, Совету рабочих и солдатских депутатов, Союзу офицеров-республиканцев. ВКГД также принял к сведению телеграмму депутатов П.П. Гронского и И.П. Демидова, находившихся на Юго-Западном фронте, в которой они сообщали, что 30 марта «закончили объезд частей одного из корпусов». Депутаты писали, что «солдаты и офицеры просили передать Временному правительству свою готовность защищать его до последней капли крови»³. Комиссар Черноморской губернии депутат Государственной думы Н.Н. Николаев телеграфировал, что закончил объезд губернии, «явившийся сплошным триумфом». По словам комиссара, «войска [и] весь народ» «восторженно приветствуют Временное правительство», просят довести войну до победного конца⁴. Телеграммы Гронского, Демидова и Николаева адресованы председателю Государственной думы М.В. Родзянко.

На этом же заседании думский Комитет ознакомился с отчетом депутата Государственной думы Н.И. Родзевича от 31 марта 1917 г. о посещении им Морского Генерального штаба, где он имел беседу с начальником штаба капитаном 1-го ранга В.Е. Егорьевым. По словам Родзевича, Егорьев говорил о необходимости посещения депутатом Государственной думы 2-го экипажа Балтийского флота, в котором матросы 28 февраля убили командира Экипажа генерал-майор А.К. Гирса и его помощника полковника А.Л. Павлова. Родзевич вместе с двумя представителями Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов посетил Экипаж, где выступил с речью перед матросами и офицерами. Он приветствовал их от имени думского Комитета, «просил матросов и офицеров жить дружно и работать на славу дорогой родины». Родзевич сообщил, что для выяснения, кто из матросов и офицеров «считает своим долгом поддерживать новое Временное правительство», он попросил поднять руку — «по-видимому, все подняли руку, и протестующих не оказалось»⁵.

Кроме этого, ВКГД рассмотрел письмо заведующего Отделом сношения с войсками и населением ВКГД, в котором он просил командировать одного из депутатов Государственной думы «в Минск для направления в Уральскую казачью дивизию». Временный комитет постановил командировать депутата А.Г. Лелюхина⁶.

Не исключено, что 1 апреля думский Комитет назначил депутата С.В. Величко комиссаром по Дому призрения душевнобольных императора

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 61.

² Там же. Л. 63.

³ Там же. Л. 64.

⁴ Там же. Л. 65.

⁵ Там же. ЛЛ. 66–66 об.

⁶ Там же. Оп. 10. Д. 7. Л. 368.

Александра III, о чем уведомил в этот же день за № 780 Величко¹, за № 785 министра-председателя кн. Г.Е. Львова² и за № 786 попечителя Дома призрения душевнобольных³. Заметим, что даты заседания ВКГД, на котором Величко получил комиссарскую должность, в уведомлениях нет.

Думский Комитет занимался благотворительностью и финансовыми вопросами. Он, опираясь на решения, принятые Комиссией помощи жертвам революции, постановил выдать пособия: 1) вольноопределяющемуся 7-го Кавказского стрелкового полка М.И. Лошкину — 500 р.; 2) прапорщику запасного батальона гвардии Московского полка Г.М. Рудольфу — 500 р.; 3) прапорщику 86-й пешей Вологодской дружины М.К. Медведеву — 1000 р.; 4) старшему фейерверкеру 12-й полковой тяжелой артиллерийской бригады С.П. Колышко — 200 р.; 5) стенографистке-машинистке Л.А. Габерман — 150 р.; 6) возвратившемуся из политической ссылки Я.М. Свердлову — 400 р.; 7) возвратившемуся из политической ссылки И.И. Голощекину — 200 р. Кроме этого, ВКГД решил возвратить депутату Государственной думы Б.А. Энгельгардту 50 р., выданные им «в пособие» И.И. Пастору. Средства, выделенные Свердлову и Голощекину, должны быть взяты из сумм, «пожертвованных в пользу политических освобожденных», а остальные — из сумм, «пожертвованных для выдачи пособий пострадавшим в связи с революцией». Кроме этого, ВКГД постановил «имеющиеся в Казначействе деньги, пожертвованные Комитету политическим освобожденным», за исключением средств, выделенных Свердлову и Голощекину, «передать в Общество оказания помощи политическим освобожденным (Екатерининская, 1)». Он также постановил передавать в это общество все средства, которые могут быть пожертвованы ВК ВКГД для политических освобожденных. Об этом постановлении управляющий делами Временного комитета Я.В. Глинка уведомил казначея ВКГД Н.М. Панкеева 4 апреля за № 798⁴.

1 апреля ВКГД принял постановление о передаче в распоряжение Петроградского городского общественного управления пятьсот тысяч двести рублей, «пожертвованных на устройство питательных пунктов для населения и воинских чинов»⁵. 3 апреля за № 796 из ВКГД поступил запрос в Городскую думу о переводе средств. Городской голова Глебов 12 апреля за № 4246 обратился к председателю ВКГД М.В. Родзянко с просьбой направить их «по принадлежности в Петроградскую городскую управу»⁶. 15 апреля за № 1109 управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка просил казначея ВКГД перевести эту сумму в Петроградскую городскую управу⁷. Перевод денег проведен не был. «Речь» сооб-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 198, 199.

² Там же. Л. 201.

³ Там же. Л. 200.

⁴ Там же. Д. 17. Л. 38.

⁵ Там же. Д. 14. ЛЛ. 57–58.

⁶ Там же. Л. 57.

⁷ Там же. Л. 58.

шала, что 20 апреля ВКГД передал петроградскому городскому голове Ю.Н. Глебову «чек на 500 240 руб.»¹.

1 апреля думскому Комитету было доложено ходатайство члена Исполнительного комитета Совета воинских депутатов Полоцкого гарнизона подполковника Рустановича. В нем он просил ВКГД выделить субсидию для Исполкома в размере «хотя бы» 5000 р. на ведение пропаганды среди воинских частей воинской дисциплины, издание газеты, в которой бы проводилась идея демократической республики, и др.². ВКГД принял постановление ходатайство отклонить. ВКГД известил об этом Рустановича 3 апреля за № 788³.

3 апреля 1917 г. думский Комитет занимался финансово-хозяйственными вопросами. В частности, ВКГД обсудил вопрос о передаче Государственной думе церкви при Таврическом дворце, а также домов № 52 и № 54 по ул. Шпалерной. Известно, что М.В. Родзянко провел предварительные переговоры с комиссаром Временного правительства над бывшим Министерством императорского двора Ф.А. Головиным. Временный комитет признал эту передачу необходимой с тем, чтобы «все кредиты по содержанию притча, церкви и домов были перечислены из штата бывшего Министерства двора в штат Государственной думы». 26 апреля 1917 г. за № 1551 М.В. Родзянко обратился к Ф.А. Головину с просьбой «сделать распоряжение о передаче Государственной думе церкви и указанных домов с прилегающими к ним земельными участками, необходимыми для хозяйственных надобностей, а равно о перечислении соответствующих кредитов»⁴. Передача Государственной думе домов № 52 и № 54 по ул. Шпалерной не состоялась, т.к. «летом 1917 года Временное правительство распорядилось <...> произвести отчуждение их «для нужд Учредительного собрания»⁵.

На заседании думского Комитета 3 апреля было также принято постановление о возврате депутату Н.В. Некрасову 974 р. 60 к., уплаченных им «28 февраля за пищевые продукты для питательного пункта при Государственной думе». Причем деньги подлежало выдать члену ВКГД В.М. Вершинину. Соответствующее распоряжение было оформлено 4 апреля за № 891. Подписали его за председателя Временного комитета Думы член ВКГД И.И. Дмитрюков и управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка⁶.

4 апреля 1917 г. ВКГД на своем заседании, проходившем под председательством М.В. Родзянко, постановил «реорганизовать Военную комиссию»⁷. Кроме этого, он принял постановление: «просить комиссаров Временного комитета периодически доводить до его сведения о[б]

¹ Разные известия // Речь. 1917. 21 апреля.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. ЛЛ. 29–29 об.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же. Д. 9. Л. 121.

⁵ Гордеев П.Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 71.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 32.

⁷ Там же. Д. 19. Л. 78.

их деятельности в тех учреждениях, при которых они состоят комиссарами». 8 апреля за подписью управляющего делами думского Комитета Я. Глинки комиссарам при учреждениях были разсланы уведомления: В.П. Басакову за № 999, В.В. Милютину за № 1000, Е.П. Ковалевскому за № 1001, М.Л. Киндякову за № 1002, А.З. Танцову за № 1003, гр. Э.П. Беннигсену за № 1004, М.М. Ичасу за № 1005, Н.И. Антонову за № 1006, А.Г. Ратькову-Рожнову за № 1007, В.И. Алмазову за № 1008 и М.И. Гродзицкому за № 1009¹. Видимо, на этом же заседании решался вопрос о командировании депутатов Государственной думы на Юго-Западный фронт. ВКГД постановил командировать депутатов А.М. Масленникова и П.М. Шмякова. Масленникову было оформлено удостоверение от 4 апреля за № 888², содержащее фразу о содействии: «Всем учреждениям и лицам предлагается оказывать Масленникову необходимое содействие»³. Кстати, эта формулировка о содействии говорила, что Масленников, да и другие командированные думским Комитетом депутаты имели широкие властные полномочия. 5 апреля управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка отправил телеграмму Масленникову, в которой приглашал его «пожаловать [в] Думу шестого апреля утром [для] переговоров [с] членом Думы [П.В.] Герасимовым»⁴. В этот же день председатель Государственной думы М.В. Родзянко телеграфировал главнокомандующему Юго-Западным фронтом А.А. Брусилову, что «шестого апреля вечером выезжают [в] Луцк члены Государственной думы Масленников и Шмяков»⁵. Кстати, эта телеграмма заставляет предположить, что их командировка была инициирована Брусиловым.

6 апреля 1917 г. заседание думского Комитета, видимо, проходило под председательством С.И. Шидловского. Дело в том, что М.В. Родзянко в этот день выехал в Минск для участия в I-м съезде военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта⁶.

На этом заседании ВКГД были доложены телеграммы депутатов, командированных на места. Комиссар Тобольской губернии А.С. Суханов поздравил председателя и членов Государственной думы с «первой пасхой свободной России», а также сообщил, что «объехал шесть городов губернии», присутствовал на нескольких крестьянских съездах и произнес более 20 речей. Телеграмма адресована председателю Государственной думы⁷. Депутат И.Н. Туляков просил «принять меры к немедленному вывозу двух миллионов [пудов?] угля и кокса с Брянского рудника при станции Авдаково Северо-Донецкой [железной дороги]». Копии телеграммы ВКГД решил отправить в Министерство путей сообщения и Министерство торговли и промышленности. Телеграмма была адресована Временному

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 82–82 об.

² Там же. Оп. 10. Д. 28. Л. 44.

³ Там же. Д. 6. Л. 151.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 223.

⁵ Там же. Л. 222.

⁶ Съезд представителей армии Западного фронта // Петроградская газета. 1917. 7 апреля.

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 74.

правительству, в копии Совету рабочих и солдатских депутатов и думскому Комитету¹. Депутат В.А. Ржевский сообщал на имя председателя Государственной думы М.В. Родзянко, что остается в Москве, ожидая комиссию по расследованию беспорядков на Московско-Казанской железной дороге². И.А. Ахтямов телеграфировал 4 апреля из Уфы председателю Государственной думы: «В городе и губернии в населении и войсках полный порядок». По словам Ахтямова, он принял участие в организации нескольких собраний мусульманских организаций с делегатами окрестных деревень и солдатами гарнизона. Выступая на собраниях, Ахтямов призывал «всемерно поддерживать Временное правительство» и помогать армии³. А.И. Рыслев в срочной телеграмме на имя председателя Государственной думы сообщал, что массовое освобождение арестантов создает серьезные осложнения, и предлагал рецепт избавления от этих осложнений: «необходимо разрешит[ь] возвращение [освобожденных арестантов] на родину». Думский комитет решил обратиться по этому вопросу к министру юстиции, отправив ему копию телеграммы Рыслева⁴. Кроме этого, ВКГД была доложена телеграмма Н.Н. Щепкина, в которой он сообщал о своем назначении комиссаром Временного правительства по делам Туркестана и указал адреса для телеграмм и другой корреспонденции⁵.

6 апреля ВКГД также рассмотрел четыре телеграммы из Курской, Ярославской, Олонецкой и Волынской губерний, в которых содержались ходатайства о командировании депутатов Государственной думы «для организации власти и внесения успокоения среди населения». Изучив эти телеграммы, думский Комитет пришел к выводу, что население находится в растерянности, т.к. старые органы власти не действуют, а новые не созданы. Что касается ВКГД, то ему было затруднительно «посылать своих представителей в небольшие по размеру районы», т.к. состав депутатов Думы, которые могли бы выполнять эти обязанности, был ограничен. Кроме этого, по словам ВКГД, «значительная часть членов Государственной думы командирована на фронт действующей армии, где деятельность их представляется крайне необходимой». В связи с этим думский Комитет считал необходимым «скорейшее принятие со стороны Министерства внутренних дел мер к устройству на местах новых органов власти, могущих внести успокоение среди населения». Все это было изложено в письме на имя министра внутренних дел от 7 апреля за № 978. Письмо подписано за председателя Временного комитета С.И. Шидловским и управляющим делами Комитета Я.В. Глинкой⁶.

На этом же заседании ВКГД было доложено сообщение председателя Комиссии по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов депутата Государственной думы Ф.В. Черячукина от 30 марта

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 76.

² Там же. Л. 77.

³ Там же. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 80.

⁵ Там же. Оп. 10. Д. 7. Л. 226.

⁶ Там же. Л. 246.

за № 604. В нем он доводил до сведения Временного комитета, что «ввиду образования соответствующих органов Министерства юстиции» Комиссия 30 марта 1917 г. прекратила свою деятельность. Кроме этого, Черячукин писал, что Комиссия находит необходимым «удостоверить безукоризненность, внимательность и высокую сознательность несших караульную службу при Комиссии юнкеров Павловской школы прапорщиков инженерных войск, а также юнкеров Владимирского училища». Он просил Временный комитет «засвидетельствовать об этом перед начальниками названных училищ»¹. ВКГД постановил удовлетворить просьбу Черячукина, и 7 апреля соответствующие письма за № 979 и № 980 были оформлены ВКГД².

ВКГД рассмотрел просьбу комиссара Временного правительства над б. Министерством двора и уделов Ф.А. Головина от 4 апреля о сложении полномочий, данных ВКГД уполномоченному по б. Придворной конюшенной части и Гаражу б. его величества Ф.П. Купчинскому. Думский Комитет постановил «исполнить» просьбу комиссара³. 7 апреля 1917 г. за № 983 управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка сообщил Купчинскому, что ВКГД признал его «полномочия оконченными» и предложил возвратить выданные ему Временным комитетом Думы удостоверения⁴.

6 апреля ВКГД были доложены три обращения, поступившие во Временный комитет из Министерства внутренних дел, подписанные за министра внутренних дел товарищем министра. В первом из них от 4 апреля за № 7371 говорилось о том, что «из полученных с мест сведений усматривается необходимость в поездке кого-либо из членов Государственной думы в Бессарабскую губ[ернию]». Товарищ министра уточнял, что «волнения наблюдаются в г. Тирасполе». Думский Комитет постановил командировать в Бессарабскую губ. депутатов кн. С.П. Мансырева и от. Ф.Д. Филоненко⁵. В этот же день им были оформлены командировочные удостоверения за №№ 964 и 965 «на Румынский фронт и в Бессарабскую губернию для сношения с войсками и населением»⁶. Во втором письме от 4 апреля за № 7336 сообщалось о телеграмме Правления Богословского горнозаводского общества, в котором оно просило ВКГД командировать в Богословский округ «кого-либо из членов Государственной думы». В свою очередь, товарищ министра внутренних дел предлагал командировать в Богословский округ депутата Государственной думы В.А. Степанова, «хорошо знакомого с положением дела горнопромышленных районов Урала». Думский Комитет согласился с предложением, поступившим из МВД⁷. 7 апреля за № 984 С.И. Шидловский за председателя ВКГД уведомил министра внутренних дел, что со стороны думского Ко-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 9. Л. 51.

² Там же. ЛЛ. 52, 53.

³ Там же. Оп. 5. Д. 1348. Л. 68.

⁴ Там же. Л. 69.

⁵ Там же. Л. 207.

⁶ Там же. Д. 6. ЛЛ. 156, 157.

⁷ Там же. Д. 7. Л. 205.

митета «не встречается препятствий» к командировке Степанова. Вместе с тем ВКГД предупредил министра внутренних дел, что вопрос о командировке необходимо согласовать с министром торговли и промышленности, т.к. Степанов, «являясь комиссаром по означенному ведомству, исполняет обязанности товарища министра»¹. В третьем обращении от 5 апреля за № 7414 МВД просило уведомить, не встречается ли препятствий к назначению П.В. Герасимова на правах комиссара Временного правительства в «Сельский вестник» для того, чтобы возобновить его издание². Думский Комитет согласился с предложением о назначении Герасимова. 7 апреля за № 985 С.И. Шидловский за председателя ВКГД уведомил министра внутренних дел, что «со стороны Временного комитета Государственной думы не встречается препятствий» к назначению П.В. Герасимова «комиссаром для заведования изданием „Сельский вестник“»³.

6 апреля думский Комитет решал финансовые вопросы. В этот день он рассмотрел просьбу коменданта Таврического дворца о выдаче аванса в размере 7000 р. до составления проекта штатов «для удовлетворения жалованием» чинов Комендатуры и «на канцелярские расходы». Комендант обещал представить проект штатов со своими соображениями во Временный комитет «в течение ближайших трех дней». Он также сообщал, что «Комендантское управление в настоящее время обслуживается комендантом, его помощником, 2 адъютантами, 6 офицерами, несущими дежурство при Управлении, и 20 юнкерами»⁴. ВКГД постановил просить коменданта «представить списки служащих в Комендантском управлении, с указанием, с какого времени каждое лицо занимается в Управлении, и если оно состоит на службе в другом ведомстве, то в каком»⁵. Думскому Комитету было доложено письмом ВК ВКГД от 4 апреля за № 3244, в котором излагалась просьба начальника Военно-автомобильного отдела «указать, из каких складов требовать бензин, камеры, покрышки и из какого кредита»⁶. К письму прилагалось отношение начальника Военно-автомобильного отдела от 24 марта за № 2254⁷. ВКГД, изучив это отношение, постановил разъяснить, что «в распоряжении Комитета не имеется сумм, из которых могли бы быть произведены указанные расходы, и что Автомобильный отдел при Военной комиссии, ввиду сосредоточения всего автомобильного дела в объединенном транспортном отделе, по мнению Комитета, подлежит упразднению». Об этом постановлении управляющий делами Временного комитета Я.В. Глинка уведомил 7 апреля за № 982 Военную комиссию⁸.

На этом же заседании ВКГД было доложено и принято им к сведению сообщение казначея Временного комитета Н.М. Панкеева о принятии

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 239.

² Там же. Л. 210.

³ Там же. Л. 238.

⁴ Там же. Д. 14. Л. 35.

⁵ Там же. Л. 36.

⁶ Там же. Д. 19. Л. 13а.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 15.

на работу по счетной части Н.И. Немкова с жалованием 225 р. в месяц и Э.А. Иванова с жалованием 175 р. в месяц. Кроме этого, Панкеев, ссылаясь на то, что помещение, занимаемое Казначейской частью, «является совершенно неподходящим по своей незначительности», просил выделить для него более просторное помещение¹. Также был рассмотрен запрос казначея ВКГД Панкеева о финансировании ВК ВКГД. Панкеев спрашивал, как выдавать ей деньги: по представлении отчетов в израсходовании отпущенных Комиссии сумм или «каждый раз с особого разрешения Временного комитета Государственной думы»². 7 апреля за № 990 ВКГД уведомил своего казначея, чтобы «отпуск авансов Военной комиссии производился с разрешения в каждом отдельном случае Комитета по представлении отчетов в израсходовании ранее полученных сумм»³.

7 апреля 1917 г. Временный комитет рассмотрел просьбу В.И. Срезневского от 29 марта 1917 г. о назначении «особого комиссара для общего ознакомления с характером и ходом руководимого мной дела для установления связи с правительством». Срезневский 3 марта получил полномочия от комиссаров ВКГД Е.П. Ковалевского и М.М. Ичаса и 7 марта от министра народного просвещения А.А. Мануйлова «на продолжение дела допризывной подготовки и физического развития населения», которым он руководил с 1913 года в качестве помощника и заместителя главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи генерал-майора В.Н. Воейкова. Просьба была отклонена⁴. 9 апреля за № 1021 управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка уведомил Срезневского, что ВКГД «не признал возможным назначить особого комиссара для ознакомления с характером дела допризывной подготовки и физического развития, так как контингент членов Государственной думы <...> весьма ограничен». Кроме этого, по словам Глинка, «представляется необходимость в частых их командировках на места для сношения с частями войск и населением»⁵.

На своем заседании 7 апреля ВКГД фактически утвердил решение Комиссии помощи жертвам революции⁶, постановив выдать служащей Мариинского приюта для ампутированных и увечных воинов А.Н. Проскуриной «пособие на лечение в размере двухсот рублей из средств, жертвуемых на оказание помощи пострадавшим в связи с революцией». Об этом постановлении был уведомлен 8 апреля за № 1019 управляющим делами Временного комитета Я.В. Глинкой казначей ВКГД Н.М. Панкеев⁷.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 14. Л. 34.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Л. 39.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 230.

⁵ Там же. Л. 252.

⁶ 31 марта 1917 г. Комиссия помощи жертвам революции постановила «выдать пособие на лечение в 200 руб.» А.Н. Проскуриной (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 28).

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 39. Фамилия получателя написана в уведомлении с ошибкой — Проскурина вместо Проскурнина.

8 апреля 1917 г. заседанием Временного комитета руководил С.И. Шидловский. В этот день ВКГД занимался командированием депутатов на места и в воинские части. Он рассмотрел просьбу комиссара Временного правительства по Главному управлению коннозаводства депутата Думы С.Н. Родзянко, который сообщал о телеграммах, поступивших из Беловодских государственных конных заводов, «о создавшемся там серьезном положении на аграрной почве». С.Н. Родзянко просил командировать «двух делегатов от Государственной думы». ВКГД постановил направить на Беловодские конные заводы депутата Г.С. Унковского¹. Ему было выписано удостоверение за № 1018². Но в этот же день командировочное удостоверение за № 1018 «на Беловодские государственные заводы для сношения с населением и служащими на заводах» было оформлено и депутату Л.Г. Люцу. Удостоверение содержало формулировку о содействии: «Должностные лица и учреждения благоволят оказывать Люцу всяческое содействие»³. Совпадение номеров удостоверений Унковского и Люца, видимо, произошло по ошибке, и оба депутата были командированы на Беловодские заводы, как и просил комиссар С.Н. Родзянко. Предположительно, на этом же заседании ВКГД постановил командировать депутата М.С. Аджемова в Царское село для сношения с войсками. 8 апреля за № 1026 ему было оформлено командировочное удостоверение⁴. Думскому Комитету было доложено обращение с пометкой «срочно», подписанное за заведующего Отделом сношений с войсками и населением поручиком Гуковским⁵ от 7 апреля за № 601. В нем Гуковский информировал ВКГД, что делегаты с форта «Ино» «вторично приезжали просить о присылке депутата». Причиной просьб указывалась «усиленная пропаганда на форте большевиков». Временный комитет постановил командировать на форт «Ино» депутата Государственной думы А.З. Танцова⁶. В этот же день ВКГД выписал командировочные удостоверения на форт «Ино» депутатам И.В. Титову и А.А. Бубликову⁷. 8 апреля думскому Комитету была доложена телеграмма из Смоленска от полковника гр. А.А. Толя, командира 2-го гусарского Павлоградского полка, адресованная ротмистру В.Н. Короновскому, проживавшему на ул. Фурштатской, д. 11, кв. 24. Толь писал Короновскому: «Положение вещей знаете[.] Устройте безотлагательный проезд одного из депутатов Государственной думы для собеседования»⁸. Короновский с поручением справился. ВКГД принял решение командировать Н.О. Янушкевича для успокоения кавалерийских частей, расквартированных в Смоленске и занимающихся задержанием дезертиров.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 248.

² Там же. Д. 28. Л. 52.

³ Там же. Д. 6. Л. 162.

⁴ Там же. ЛЛ. 162, 166.

⁵ Заведующим Отделом сношений с войсками и населением ВКГД был депутат Государственной думы П.В. Герасимов.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 237.

⁷ Там же. Д. 6. Л. 161. Удостоверение Титова шло под № 1015.

⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 249.

9 апреля за № 1024 управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка уведомил Янушкевича об этой командировке¹.

Видимо, на этом же заседании Временный комитет Думы, наконец, завершил работу над формированием списка думских комиссаров в благотворительных учреждениях, начатую еще на своем заседании 27 марта. Конфликт, возникший в связи с недолжным обращением по этому вопросу к М.В. Родзянко, был ликвидирован². 8 апреля за № 992 С.И. Шидловский за председателя Временного комитета уведомил министра-председателя кн. Г.Е. Львова, что ВКГД назначены комиссарами по благотворительным учреждениям М.М. Ичас — по Алексеевскому главному комитету, М.Л. Киндяков — по комитету Марии Павловны по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых на родину, Е.П. Ковалевский — по благотворительным учреждениям, состоящим при б. Собственной с.и.в. канцелярии и по Царскосельскому ремесленному приюту³. В этот же день Киндяков⁴, Ичас⁵ и Ковалевский⁶ были уведомлены о назначениях, и им были оформлены комиссарские удостоверения: Ковалевскому за № 993, Киндякову за № 994, Ичасу за № 995⁷. Кроме этого, 8 апреля за № 1416 ВКГД сообщил депутату Н.Н. Тучкову о назначении его комиссаром по Дому призрения душевнобольных императора Александра III. Документ подписал за председателя ВКГД С.И. Шидловский⁸. Тучкову было выписано удостоверение за № 1016⁹. Тучков сменил прежнего комиссара Величко. Можно предположить, что вопрос о назначении Тучкова комиссаром был решен на заседании думского Комитета 8 апреля. Вместе с тем даты назначения комиссаров по благотворительным учреждениям на уведомлениях и удостоверениях нет!

8 апреля ВКГД было доложено уведомление министра-председателя Временного правительства кн. Г.Е. Львова о предстоящей реформе, по которой будет введена новая должность — комиссар над Управлением бывшего петроградского градоначальника, а должность петроградского общественного градоначальника будет упразднена. Кн. Львов сообщал об этом, т.к. на должность общественного градоначальника «еще до образования Временного правительства Временным комитетом Государственной думы был назначен профессор [В.А.] Юревич»¹⁰.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 247.

² К М.В. Родзянко обратился не министр-председатель кн. Г.Е. Львов, а управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков, что вызвало протест со стороны председателя ВКГД (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 271).

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 240.

⁴ Там же. Л. 241. 1 мая М.Л. Киндяков обратился во Временный комитет Государственной думы — отказался принять на себя обязанности комиссара по комитету Марии Павловны по снабжению одеждой нижних чинов (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 344).

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 242.

⁶ Там же. Л. 243.

⁷ Там же. Д. 6. ЛЛ. 158–160.

⁸ Там же. Д. 7. Л. 244.

⁹ Там же. Д. 28. Л. 51.

¹⁰ Там же. Д. 9. Л. 44.

Думский Комитет рассмотрел просьбу Министерства юстиции от 4 апреля за № 1416, подписанную за министра юстиции товарищем министра А.С. Зарудным и директором Второго департамента А.А. Демьяновым, выбрать двух своих представителей в состав Временного Высшего дисциплинарного суда. ВКГД избрал членами Временного Высшего дисциплинарного суда депутатов Н.Е. Пилипенко и Г.В. Гутопу, о чем 13 апреля было сообщено за № 1066 министру юстиции А.Ф. Керенскому, за № 1067 Гутопу и за № 1068 Пилипенко¹.

8 апреля ВКГД рассмотрел на своем заседании предложения по реформе счетной части, которые были изложены в записке казначея Временного комитета Н.М. Панкеева. Заметим, что реформа была инициирована Отделом сношений с войсками и населением². Думский Комитет постановил признать «желательным объединение счетоводства Отдела сношений с войсками и населением в Казначейской части», а также «разрешить казначею пригласить для занятий одного бухгалтера и пять счетоводов-конторщиков, ассигновав на вознаграждение этих лиц до 1200 руб. в месяц»³. Кстати, Панкеев вновь просил думский Комитет отвести для Казначейства более обширное помещение⁴, но ВКГД эту просьбу в своем постановлении игнорировал⁵.

10 апреля 1917 г. Временный комитет Думы, видимо, на этом заседании утвердил депутата М.М. Ичасу в звании комиссара Временного правительства по МНП. Соответствующее удостоверение было оформлено ему в этот же день за № 1047⁶. ВКГД занимался 10 апреля 1917 г. и финансовыми вопросами. Так, управляющий делами ВКГД М.П. Машков 11 апреля за № 2031 уведомил казначея ВКГД, что думский Комитет «в заседании 10 сего апреля постановил выдать коменданту Таврического дворца аванс в размере двухсот рублей»⁷. Других сведений об этом заседании ВКГД нет.

Таким образом, с 1 по 10 апреля 1917 года включительно состоялось 7 заседаний Временного комитета Государственной думы: 1, 3, 4, 6, 7, 8 и 10 апреля. Заседания 1, 3 и 4 апреля проходили под председательством М.В. Родзянко, а 6, 7, 8 и 10 апреля в связи с отъездом Родзянко в Минск заседаниями руководил С.И. Шидловский. Имеющиеся материалы не дают возможность реконструировать ход заседаний ВКГД. Можно лишь предположить, что сначала Временный комитет знакомился с телеграммами и письменными отчетами депутатов, командированных на места и на фронт. Затем, видимо, производились назначения

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 9. ЛЛ. 82–85.

² Там же. Д. 14. ЛЛ. 40–41.

³ Там же. Л. 42.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Там же. Л. 42.

⁶ Там же. Д. 6. Л. 167.

⁷ Там же. Д. 14. Л. 49.

думцев комиссарами и членами различных учреждений, а также принимались решения о командировках депутатов (15 случаев, 21 депутат, один из них — М.М. Ичас — получил две комиссарские должности, а двое — кн. С.П. Мансырева и от. Ф.Д. Филоненко — командировались и на фронт, и на места). Этот пункт повестки заседаний ВКГД формировался за счет просьб, которые поступали от Временного правительства (9 случаев), военных властей (2 случая), от Отдела сношений с войсками и населением ВКГД (2 случая), точно неизвестно (2 случая).

Несомненно, что думский Комитет и в первой декаде апреля 1917 года играл важную роль в функционировании механизма временной власти, назначая (утверждая) комиссаров в министерства (М.М. Ичас, МНП, 10 апреля), правительственные издания (П.В. Герасимов, «Сельский вестник», 6 апреля) и благотворительные учреждения (5 комиссаров, 5 благотворительных учреждений), избирая своих представителей в различные учреждения, создаваемые Временным правительством (Г.В. Гутоп, Н.Е. Пилипенко, Временный Высший дисциплинарный суд, 8 апреля), направляя депутатов Государственной думы в действующую армию (2 командировки, 4 депутата: А.М. Масленников и П.М. Шмяков, Юго-Западный фронт, 1 апреля; кн. С.П. Мансырев и от. Ф.Д. Филоненко, Румынский фронт, 6 апреля), в воинские части (4 командировки, 6 депутатов: А.Г. Лелюхин, Уральская казачья дивизия, Минск, 1 апреля; М.С. Аджемов, Царское село, 8 апреля; А.А. Бубликов, А.З. Танцов, И.В. Титов, форт «Ино», 8 апреля; Н.О. Янушкевич, кавалерийские части, Смоленск, 8 апреля) и на места для успокоения населения и войск (3 командировки, 5 депутатов: кн. С.П. Мансырев и от. Ф.Д. Филоненко, Бессарабская губ., 6 апреля; Л.Г. Люц и Г.С. Унковский, Беловодские конные заводы, 8 апреля; В.А. Степанов, Богословский округ, 6 апреля). Подчеркнем, что Временное правительство продолжало, как и в марте 1917 года, согласовывать с ВКГД вопросы как при назначении думцев комиссарами, так и при командировании их на места. При этом депутаты, как и раньше, приобретали двойные — думско-правительственные — полномочия.

Временный комитет Государственной думы в первой декаде апреля 1917 года занимался благотворительностью, опираясь на Комиссию помощи жертвам революции; решал финансово-хозяйственные вопросы, в том числе и предпринял шаги по переводу в подчинение Государственной думы церкви при Таврическом дворце и двух домов на Шпалерной улице; поставил вопрос о реорганизации Военной комиссии и провел реформу счетной части Казначейства.

ДОКЛАД АХМЕДА ЦАЛИКОВА НА 2-м ВСЕРОССИЙСКОМ МУСУЛЬМАНСКОМ СЪЕЗДЕ И РЕЧЬ В ПЕРВОМ ЗАСЕДАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ФРАКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ЦИУНЧУК РУСТЕМ АРКАДЬЕВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений,
мировой политики и дипломатии
Казанского федерального университета, Казань;
член НМС при Центре истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: rciunchuk@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются речь и доклад 1917–1918 гг., изложенные одним из видных деятелей мусульманской уммы России осетинном А. Цаликовым (А. Цалыккаты). Эти документы посвящены думской составляющей общественного сознания мусульман и истории мусульманской фракции в I–IV Государственной думе России и во Всероссийском Учредительном собрании. Доклад А. Цаликова на 2-м Всероссийском мусульманском съезде охарактеризован как фактологический очерк, но его значимость возрастает благодаря разбору А. Цаликовым донесения Архиепископа Андрея (в миру князя А. Ухтомского) в МВД. А. Цаликов дает источниковедческий комментарий, что напрямую связано с его деятельностью в качестве члена бюро мусульманской фракции IV Государственной думы.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, мусульманская фракция, Учредительное собрание.

Важной задачей современного изучения истории парламентаризма в России является привлечение новых документов и материалов. Среди них доклады 1917–1918 гг. одного из видных мусульманских деятелей начала XX века Ахмеда Цаликова: речь на 2-м Всероссийском мусульманском съезде (1917 г.) «Мусульманская фракция в Учредительном собрании» и доклад об образовании мусульманской фракции на 1-м заседании Всероссийского Учредительного собрания.

Ахмед Тембулатович Цаликов (Цалыккаты) родился в 1882 году в селе Начкау Терской области в мусульманской осетинской семье. В 1899 году окончил ставропольскую гимназию, в 1900 году поступил на юридический факультет Московского университета. Спустя год исключен за участие в студенческой сходке. Полгода провел в тюрьме.

Участвовал в революции 1905 г. на Кавказе. А. Цаликов принадлежал к меньшевистской фракции РСДРП. В 1907 году после окончания экстерном Московского университета служил помощником присяжного поверенного, был популярным публицистом. В канун 1917 г. он — помощник присяжного поверенного в Петрограде¹.

С 1912 года являлся членом бюро при мусульманской фракции IV Государственной думы, которую противники мусульманского движения называли «своего рода мусульманским министерством внутренних дел»².

Ахмед Цаликов участвовал в Первом мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 г., где ратовал за децентрализованную демократическую парламентскую республику и конституционное закрепления культурно-национальной автономии для мусульман³. Ахмед Цаликов выступал с докладом на Втором мусульманском съезде в Казани 21 июля — 2 августа 1917 года, где обобщил опыт мусульманских фракций в Государственной думе четырех созывов и наметил задачи мусульманской фракции в Учредительном собрании.

А. Цаликов проследил важнейшие этапы мусульманского движения, указывая, что в общественном сознании мусульман идеи единой фракции выражались «уже в форме политической в существовании мусульманских фракций во всех четырех Государственных думах»⁴.

Важной ступенью в политической консолидации мусульман Цаликов считал Первый Всероссийский мусульманский съезд в Нижнем Новгороде (август 1905 г.). За ним последовал Второй съезд в Петербурге (январь 1906 г.), проходивший в период выборов в I Государственную думу. В Первую Думу были избраны 36 мусульманских депутатов, но до роспуска Думы 8 июля 1906 г. успели доехать в столицу только 24 мусульманина-депутата. Цаликов выделил двоякую роль видного мусульманского деятеля А. Топчибашева, во-первых, как «главного руководителя мусульманских съездов»⁵, во-вторых, как главы мусульманской фракции в I Думе, проанализировал социально-профессиональный состав фракции — от уездного предводителя дворянства (Тевкелев), бывших офицеров (Сыртланов и Хан Эриванский), от золотопромышленника до учителей и крестьян. Конституирование фракции произошло с избранием председателем фракции А. Топчибашева и созданием бюро фракции. Цаликов считал важным присоединение к Выборгскому воззванию 9 членов мусульманской фракции (которые, однако, были отданы под суд и потеряли пассивное и активное избирательные права — Р.Ц.). Цаликовым было

¹ Исхаков С.М. Цаликов (Цалыкаты) Ахмед (Ахмет) Тембулакович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев, М., 1993. С. 336.

² Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. Речь на 2-м Всероссийском мусульманском съезде. Казань, 1917. С. 11.

³ Цаликов А. Мусульмане России и федерация // Речи, произнесенные на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 24–25.

⁴ Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. С. 15.

⁵ Там же.

отмечено, что на III съезде мусульман 16–21 августа 1906 г. «громадное большинство членов съезда оказалось на стороне течения, представленного думской фракцией»¹.

Цаликов указывал, что, начиная с поведения «мусульманской фракции в Первой Думе, совместная деятельность мусульман с кадетами» испортила «в глазах правительства ту репутацию сравнительной благонадежности, которой до сих пор пользовались русские мусульмане». Были закрыты «мусульманские газеты во многих местах, деятели подвергались преследованию»².

В истории втородумской мусульманской фракции Цаликов отмечал, во-первых, ее сравнительную многочисленность (по его подсчетам в нее входил 31 депутат), во-вторых, в ней все же состоялось представительство от Закаспийской области и Туркестана, в-третьих, думская «мусульманская фракция была значительно слабее, чем в первой Думе», так как «часть депутатов из Средней Азии не умели говорить по-русски», а в думской фракции произошел раскол: выделилась группа депутатов во главе с муллой Хади Атласовым, которые «образовали мусульманскую трудовую группу, действовавшую совместно с трудовиками». Ахмед Цаликов в своем докладе утверждал, что существование мусульманских фракций во всех четырех Думах «было тесно связано с общественно-политическим движением мусульман», поэтому он считал «своим долгом рассмотреть эти явления»³, особенно, деятельность и состав мусульманской фракции.

Важно отметить, что политику мусульманской фракции в I–IV Государственной думе сам Цаликов характеризует в двух форматах: историческом и в качестве императива образования мусульманской фракции в будущем Учредительном собрании. Этот подход базировался, во-первых, на факторах, «имеющихся в общественном бытии мусульман России» (курсив — А. Цаликова), для которого были характерны «слабая дифференцированность и отсутствие классовой борьбы и классового самосознания»⁴, а во-вторых, «на предпосылках к образованию единой фракции, имеющих в общественном сознании мусульман» (курсив — А. Цаликова), здесь они выражаются в форме политической, в существовании мусульманских фракций во всех четырех Государственных думах»⁵. Цаликов стремится к объективной оценке существования и деятельности мусульманских фракций: «Хороши или дурны были эти фракции, но они существовали, и факт их существования — явление, заслуживающее внимания для тех, кто хотел бы понять сущность развития политической мысли мусульман России». Он отмечает, что даже для стороннего наблюдателя история существования мусульманских фракций «весьма знаменательная история, не могущая быть вычеркнутой одним росчерком пера из политического сознания мусульман»⁶.

¹ Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 10, 13.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 10–11.

⁶ Там же. С. 11.

Сохранение мусульманских фракций в Третьей и Четвертой Думе А. Цаликов объясняет тем, «что идея мусульманской фракции удивительно живуча», хотя «закон 3-го июня [1907 г.] значительно уменьшил число мусульман-депутатов»: «Средняя Азия оказалась совсем лишенной представительства», и было урезано «... количество депутатов из губерний, где мусульмане составляют значительную часть населения». А. Цаликов подытоживал: «Эта живучесть — факт чрезвычайного общественного значения»¹.

Характерно, что среди депутатов-мусульман Третьей Думы продолжился отток, хотя и незначительный, части депутатов-мусульман в другие фракции: «депутат из Крыма полковник Муфти-заде оказался октябристом», а «Гайдаров из Закавказья — социал-демократом». А. Цаликов отмечает сохранение политической ориентации на совместные голосования депутатов-мусульман «чаще всего с кадетами» (кроме второй сессии, когда «они голосовали иногда с октябристами»). В Четвертую Думу были избраны шесть мусульман, при голосованиях и интерpellациях «шедших рука об руку с оппозицией левого центра Думы»².

Далее в докладе А. Цаликова расширяется исторический анализ исследования деятельности мусульманской фракции. Он обращается к важному документу по истории мусульманской фракции IV Государственной думы, исходящему от одного из иерархов Русской православной церкви. Цаликов пишет, что это «оценка существования мусульманской фракции — нашим врагом». Цаликов предпосылает разбору документа и его внешней критике заявление, что «в приведенном мною (А. Цаликовым — Р.Ц.) документе интересен факт оценки роли мусульманской фракции 4-й Государственной думы»³. Он указывает дату документа (20 февраля 1917 г., регистрационный номер № 89), его автора — архиепископа Уфимского и Мензелинского Андрея и адресата — директора Департамента духовных дел Министерства внутренних дел Н.П. Харламова. Цаликов обращает внимание участников Второго Всероссийского мусульманского съезда на то, что этот «документ почти последнего образца, кануна великой российской революции»⁴. Цаликов называет его «тайным доносом». Для современного прочтения этого документа следует указать, что его автор — в миру князь А.А. Ухтомский, с 1907 г. — Епископ Мамадышский, викарный епископ Казанской епархии по миссионерской работе и инородческим приходам⁵.

Обращаясь к членам Всероссийского мусульманского съезда, А. Цаликов детально анализирует документ, подготовленный иерархом Казанской, Уфимской (с 1913 г.) и Сухумской (с 1911 г.) епархий архиепископом Андреем, — заявление в Министерство внутренних дел, документ, показательный с двух сторон.

¹ Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. С. 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Андрей // Татарская энциклопедия. Казань, 2002. Т. 1. С. 151.

Во-первых, Цаликовым показано, как именно архиепископ Андрей «пресекает, доносит и предупреждает» власти о некоей антирусской роли думских мусульманских фракций.

Во-вторых, Цаликов подчеркивает, что для делегатов названного съезда «интересно только то, какое значение как объединяющий центр имела мусульманская фракция даже при своем самом жалком существовании, и какое значение она может иметь как политический фактор при иных более благоприятных условиях»¹, например Учредительном собрании.

В этих двух ракурсах Цаликов, заметим, работавший в бюро мусульманской фракции IV Государственной думы, докладывал в условиях подготовки к будущим выборам в Учредительное собрание в июле 1917 г. Он заявил, что делегаты съезда «великолепно знакомы с деятельностью фракции», поэтому его разбор заявления архиепископа Андрея, внутренняя критика документа выражаются в том, что комментарии Цаликова вставлены между абзацами (или внутри абзаца), и, во-вторых, замечания Цаликова даны либо одной критической фразой, а чаще ремарками из одного-двух слов, данных в скобках и обязательно с восклицательным знаком. Так во вводном предложении заявления архиепископа Андрея ключевым является тезис, констатирующий что «теперь всей мусульманской массой руководит мусульманская фракция Государственной думы». Цаликов приводит цитату из «тайного доноса» архиепископа Андрея, где он называет фракцию «министерством внутренних дел», которое «руководит жизнью грамотных мусульман и организует все русское мусульманство в одну компактную массу». По поводу этого суждения Цаликов иронично замечает: «Тут епископ несколько увлекся!». Далее архиепископ Андрей излагает свой второй тезис: «Вся мусульманская пресса служит этой фракции и преследует цели самого крайнего сепаратизма, почти ненависти ко всему русскому»².

Третьим тезисом архиепископ Андрей проинформировал адресата в МВД о том, что у него есть осведомитель — «мой сотрудник по Уфе некий (! — Р.Ц.) Р.П. Даулей³, следящий за мусульманской прессой». Архиепископ Андрей излагает его политический прогноз «по татарским газетам и их тону почти за год до киргизского восстания (Sic!)»⁴ — он его предсказал.

Далее архиепископ Андрей сожалеет, что он «не имел возможности его сведениями с кем-либо поделиться». Цаликов помещает здесь же ремарку «каково!»⁵. Заключает этот раздел пересказ архиепископом утверждения того же Даулея, «что вред, привнесенный генералом

¹ Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. С. 17.

² Там же. С. 15

³ Даулей Роман Петрович (1879–1953), из крестьянской кряшенской семьи, этнограф и миссионер. Окончил Казанскую духовную академию. В 1903–1913 секретарь Совета братства Святого Гурия. С октября 1917 по 1926 г. — директор татарско-кряшенской учительской семинарии. В 1933 г. арестован. С 1940 г. на пенсии.

⁴ Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. С. 15.

⁵ Там же.

Куропаткиным¹ в Средней Азии всему русскому делу, едва ли можно и учесть»: «генерал пригласил к себе в советники татар Тевкелева, Ах-тямова и многих других». «И тем самым внушил мысль среднеазиатским туземцам, что татары — их спасители от русских, что все надежды на лучшее будущее они должны возложить на татарскую фракцию Государственной думы»².

Здесь же Цаликов пометил саркастический оборот: «Далее епископ нашептывает: „Прошу ваше превосходительство обратить внимание на ... бюро при мусульманской фракции Государственной думы“. В этом бюро, — пишет архиепископ Андрей, — „имеются представители от всех наиболее видных центров мусульманства. На это бюро собираются средства среди мусульман, и очень большие; члены этого бюро совершают поездки по России, и недавно такой член бюро Максудов (из Казани) объехал всех киргиз, работающих в тылу на армию, и обучал их искусству подавать всякие петиции“»³. В своих комментариях к заявлению архиепископа Андрея А. Цаликов пишет, что в нем «крик обывателя, боящегося своей собственной тени, переплетается с хлестаковским полетом фантазии любителя-сыщика»⁴.

По прогнозу Цаликова, озвученному на Втором мусульманском съезде, «общее количество мусульманских депутатов в Учредительном собрании будет не менее 80–100»⁵. Его высокая политическая компетентность подтвердилась обобщенной нами статистикой избрания мусульманских депутатов Всероссийского Учредительного собрания. Было избрано в 19 избирательных округах 64 депутата-мусульманина. Эти подсчеты не включают те случаи, когда для избрания депутата из мусульман с учетом избирательной нормы на один мандат не хватало незначительного числа голосов (например, в Вятском округе не хватило ста голосов).

Сам Ахмед Цаликов был избран в Учредительное собрание в Симбирском избирательном округе по списку № 8 — Симбирское губернское Мусульманское Шуро. Мандат был выдан избирательной комиссией 16 декабря 1917 г. Он был также избран в Казанском избирательном округе, уступил мандат Муллауру Вахитову. Участвовал в заседании Учредительного собрания 5 января 1918 г., где от имени мусульманской социалистической фракции огласил декларацию, в которой отмечалось, что Советская власть, «принявшая энергичные меры к ликвидации и коренному переустройству страны на основах приближения к социалистическому строю, оказалась несостоятельной перед лицом колоссальных тех задач, которые были поставлены перед ней объективным ходом событий. С особой ясностью несостоятельность новой власти сказалась

¹ Куропаткин Алексей Николаевич, генерал от инфантерии, в 1898–1904 гг. — военный министр; с 22 июля 1916 г. по 6 июня 1917 г. военный губернатор Туркестана.

² Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. С. 15.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же. С. 19.

в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного признания за всеми населяющими ее народами права на территориальное и национально-культурное самоопределение». Совнарком «оказался бессильным обеспечить народам России свободное развитие и осуществление ими всей полноты национального творчества. Мало того, политика эта в ряде случаев становилась в решительное противоречие с лозунгами великой российской революции, несла народам России меч гражданской войны, зарево пожаров и потоки крови». Декларация требовала немедленно провозгласить права человека и немедленно претворить их в жизнь в Российской республике; провести глубокие социально-экономические преобразования с учетом национально-экономических, бытовых, этнографических и религиозных особенностей, «с особой силой сказывающихся... в местностях с преобладающим мусульманским населением»; уничтожить частную собственность на землю, передать ее без выкупа в руки всех трудящихся; ввести контроль над производством при участии трудящихся и органов государственного управления; не декларативно, а на деле признать Россию Федеральной Республикой уже образованных, а также образующихся вновь штатов, таких как «Поволжье», «Южный Урал», «Туркестанский», а также права всех народов России на формирование национальных воинских частей; признать всю полноту власти за Учредительным собранием¹.

А. Цаликов не принял Советскую власть. После того как Миллишуро был распущен по декрету Наркомнаца 22 мая 1918 г., он прибыл в Осетию. В 1918 г. возглавил Меджлис горских народов Кавказа в Тифлисе. В 1919 году стал членом Совета обороны Дагестана, созданного для борьбы с А.И. Деникиным. После падения Грузинской народной республики в феврале 1921 года эмигрировал в Польшу. Занимался общественно-политической и литературной деятельностью. Наиболее известная книга — «Брат на брата», посвященная революционной эпохе. Скончался в Варшаве 2 сентября 1928 года².

¹ А. Цаликов // Учредительное собрание. Стенографический отчет. Пг., 1918. С. 55, 56, 57.

² Цаликов А.Т. // Всероссийское Учредительное собрание. Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014. С. 486.

ОБЩЕСТВО. ПРАВИТЕЛЬСТВО. ПАРЛАМЕНТ (1906–1917)

ПРОЕКТЫ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В 1905 г.: НЕОСЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

НОВОСЕЛЬСКИЙ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,
преподаватель кафедры истории и теории исторической науки
факультета истории, политологии и права
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: novoselsky.rggu@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена общественно-политической деятельности «Кружка москвичей» в разгар революционного кризиса 1905 г. в России. Особое внимание уделяется запискам лидера «Кружка» Ф.Д. Самарина, содержащим критику популярных в среде высшей бюрократии и консервативных кругах проектов народного представительства, а также альтернативным предложениям реализации идеи представительства, разработанным участниками «Кружка». На основании проведенного исследования делается вывод о том, что власть, несмотря на существенные идеологические расхождения с «москвичами», прислушивалась к их мнению и стремилась сотрудничать с Самариным, заручиться его поддержкой в деле осуществления важнейших внутривластных реформ.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905 год, общественно-политическая мысль, «Кружок москвичей», Ф.Д. Самарин, русский консерватизм.

Проблема целесообразности созыва в России народного представительства и поиска наиболее подходящей для него формы являлась на фоне четко обозначившегося на рубеже 1904–1905 гг. революционного кризиса ключевой не только для власти, но и для общества. Представители общественности остро реагировали на известия о различных проектах народного представительства, о которых спорили в чиновничьих кругах Петербурга. Особенно громко звучали голоса московских общественных деятелей, причем это были не только голоса либерально настроенных земцев и депутатов городской думы в поддержку идеи представительства,

но и резкие возражения их противников. Многие из них составили ядро образованного на заре 1905 г. «Кружка москвичей», наиболее активный и плодотворный период деятельности которого, вопреки порой встречающемуся в историографии мнению¹, приходился на первый год Первой русской революции и был напрямую связан с реакцией его членов на перспективу учреждения в России народного представительства, которая в течение 1905 г. становилась все более реальной. Удостаивавшаяся в советской и современной отечественной историографии лишь фрагментарных упоминаний², общественно-политическая деятельность «Кружка москвичей» только недавно стала привлекать внимание исследователей³.

Участники «Кружка» в общем солидаризировались с членами крупнейшей правомонархической организации того времени («Русского собрания»), которые открыто приветствовали отклонение императором предложенного министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским проекта указа о привлечении выборных в Государственный совет⁴. Свою позицию «москвичи» отстаивали во внесенной в январе 1905 г. в московское дворянское депутатское собрание записке, копия которой была направлена председателю Комитета министров С.Ю. Витте⁵. В записке говорилось о том, что сама постановка вопроса о представительных учреждениях в разгар неудачно складывавшейся для России Русско-японской войны являлась несвоевременной и наносила урон и без того пошатнувшемуся международному престижу страны⁶. Представительный орган власти, по мнению авторов записки, никогда не приобрел бы в глазах народа авторитета, сопоставимого с монаршим. Да и отстаивать интересы самого народа ему бы оказалось не под силу: слишком велик был разрыв между «образованными классами», которые составили бы основу представительства, и «темной массой», на которую они традиционно смотрели свысока⁷. Члены «Кружка москвичей» не верили в способность общества, которое само испытывало глубокий кризис, оказать действенную помощь Николаю II в преодолении кризиса общегосударственного. Для этого, по их словам, требовалось политическое воспитание общества, которое заняло бы десятки лет. А значит сам по себе созыв народного представительства в одночасье не решит проблемы

¹ См., напр.: Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: В 2-х т. / Сост., авт. предисл., введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. Т. 1. С. 647.

² См.: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 123, 141, 170–171; Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 385.

³ См.: Соловьев К.А. «Кружок москвичей» // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 256–257.

⁴ См.: Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003. С. 35.

⁵ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 725.

⁶ ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 5. Л. 7 об.

⁷ Там же. ЛЛ. 8–8 об.

выхода страны из состояния «смуты», на чем настаивали сторонники представительных учреждений. Напротив, «смута» в России только усугубится, поскольку даже законосовещательное представительство, созыв которого, по утверждению московских неославянофилов, не противоречил принципу самодержавия, станет требовать расширения своих прав и будет неминуемо стремиться превратиться в представительство законодательное, способствуя, тем самым, радикализации общественных настроений¹. Поэтому рецепт выхода из кризиса виделся составителям записки не в созыве народного представительства, а, напротив, во всемерном противодействии политической агитации, которая, усиливая оппозицию между властью и обществом, затрундяла перспективу установления между ними конструктивного диалога².

Власть, однако, смотрела на дело иначе. Одним из ключевых пунктов правительственной программы, нашедшей отражение в проекте указа Николая II Комитету министров, являлась подготовка к созыву народного представительства на сословных началах³. Эта работа, как известно, была поручена созданному при Министерстве внутренних дел Особому совещанию во главе с А.Г. Булыгиным⁴.

Отношение «Кружка москвичей» к булыгинскому совещанию было весьма сдержанным. В составленной членами «Кружка» не позднее 8 марта 1905 г. записке об организации работы Совещания содержался призыв ни в коем случае не включать в его состав представителей каких бы то ни было общественных или сословных организаций. В противном случае Совещание само по себе явилось бы неким подобием народного представительства⁵. Но это отнюдь не значило, что Совещание должно было состоять лишь из одних чиновников. Представители общественности могли привлекаться к разработке проекта народного представительства самим правительством. При этом власти надлежало руководствоваться не их политическими взглядами или статусом организаций, которые они представляли, а исключительно компетентностью самих представителей. К подобной практике правительство прибегало и ранее (например, при учреждении в 1859 г. редакционных комиссий по крестьянскому вопросу и в ходе недавней работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности), и она, по мнению «москвичей», вполне доказала свою эффективность⁶.

На этот раз правительство прислушалось к голосу участников «Кружка москвичей», а председательствовавший в Совещании Булыгин даже сделал одному из его лидеров Ф.Д. Самарину предложение принять уча-

¹ ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 5. ЛЛ. 9–10.

² Там же. Л. 12.

³ РГИА. Ф. 727. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁴ См.: Демин В.А. «Булыгинская дума» // Россия в 1905–1907 гг.: Энциклопедия / [отв. ред. В.В. Журавлев]. М., 2016. С. 76.

⁵ ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 9. Л. 1 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 2, 6–6 об.

стие в его работе. Самарин поначалу деликатно отказывался от предложения министра. Свой отказ он мотивировал тем, что сам факт присутствия в составе Совещания человека, открыто высказывавшегося против созыва народного представительства, вызовет у его сторонников предубеждение против проекта, который будет в итоге выработан Совещанием (в то время как заручиться поддержкой тех общественных кругов, которые настойчиво требовали скорейшего учреждения представительства, было для Булыгина, как утверждал Самарин, особенно важно¹). В итоге Самарин все же был включен в состав Совещания и на первом же заседании открыто высказался против создания особого представительного органа. Предсказуемо не встретив у коллег сочувствия своим взглядам, в дальнейшем лидер «Кружка москвичей» участия в работе булыгинского Совещания не принимал².

Содержание Рескрипта Булыгину 18 февраля 1905 г. трактовалось участниками «Кружка» весьма своеобразно. Они не усматривали в Рескрипте указания императора на учреждение постоянно действующего органа народного представительства, справедливо отмечая, что сам термин «народное представительство» в тексте документа не значился. Правительство не нуждалось в нем еще и потому, что главная задача представительного учреждения — довести до сведения власти взгляды и предложения общества по усовершенствованию государственного порядка — была решена посредством Указа Николая II Правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г.³, согласно которому рассмотрение записок подобного содержания возлагалось на Совет министров.

Основной пафос записки, составленной участниками «Кружка» 11 апреля 1905 г., заключался в категорическом несогласии с опубликованными ранее требованиями губернских предводителей дворянства наделить депутатов будущей Государственной думы правом законодательной инициативы и подачи запросов министрам. Согласно доводам «москвичей», в самодержавном государстве участие народа в процессе законотворчества является не правом, а обязанностью народных представителей. Выборные, таким образом, не выражают мнение всего народа, а лишь выступают в качестве наиболее компетентных, по его мнению, исполнителей, делегируемых обществом для несения государственной службы по призыву царя⁴. Составители записки указывали и на то, что отнюдь не всякий конституционный строй (перспектива установления которого в России ими, разумеется, не только не приветство-

¹ ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 3. ЛЛ. 3–4.

² См.: [Крыжановский С.Е.] Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А.В. Лихоманов. СПб., 2009. С. 62–63.

³ ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 11. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 2.

валась, но и вызывала тревогу в консервативных кругах) предполагал требуемую либералами широту полномочий народных представителей¹.

В то же время деятельность «Кружка» отнюдь не ограничивалась критикой. 31 мая 1905 г. была напечатана записка «О способе осуществления предначертаний Высочайшего рескрипта 18 февраля сего года». Роль народных представителей в ней остроумно приравнивалась к роли присяжных заседателей в ходе судебного разбирательства, привлекаемых к исполнению *«государственной повинности»* (курсив мой. — С.Н.) в помощь профессиональным судьям², зачастую склонным подходить к разрешению дела слишком формально³. Поскольку Рескрипт Булыгину предполагал участие выборных «лишь в предварительных работах», возможность их включения в состав Государственного совета в качестве его постоянных членов или вовсе замены этого органа собранием народных представителей «москвичи» категорически отрицали⁴. По их мнению, в постоянном учреждении не было необходимости еще и потому, что наиболее деятельные выборные не захотели бы, полностью оторвавшись от своей профессиональной и личной жизни, посвятить все свое время законотворчеству⁵.

В качестве альтернативы учреждению постоянно действующего органа народного представительства участники «Кружка» предлагали весьма оригинальную конструкцию. Самарин и его сподвижники рекомендовали возобновить практику работы дворянских губернских комитетов эпохи Великих реформ, на рассмотрение которых направлялись бы теперь не только законопроекты, имевшие отношение к аграрному вопросу, но и прочие законодательные инициативы. Из состава губернских комитетов, в свою очередь, должны были избираться выборные для участия в работе Подготовительных комиссий Государственного совета для рассмотрения каждого законопроекта в отдельности. Срок заседания каждой комиссии (не более 4–6 недель) определялся текущей очередностью их работы, а заключения комиссий со всеми отдельными мнениями должны были предоставляться на рассмотрение императора наряду с мнением Государственного совета⁶. «Срок службы» выборных, согласно проекту, составлял три года. Уклониться от повторного избрания можно было лишь в том случае, если в течение этого срока депутат действительно вызывался в Петербург для исполнения своих обязанностей. При этом служба выборных государством не оплачивалась — «москвичи» остав-

¹ Так, в записке «Кружка москвичей» особо подчеркивалось, что прусская государственная модель отнюдь не подразумевала обязанности министров отвечать на депутатские запросы (ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 11. Л. 2 об.).

² Которых, по мысли авторов записки, вполне можно уподобить в данном случае представителям высшей бюрократии.

³ ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 11. Л. 28 об.

⁴ Там же. Л. 16 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. ЛЛ. 17 об.–18 об.

ляли на усмотрение сословных обществ возможность компенсации проезда депутатов в столицу и проживания в ней во время работы комиссий¹.

Важно отметить, что поскольку члены «Кружка» в итоге отдали предпочтение сословному принципу организации выборов, принять в них участие могли не только представители дворянства. К сословиям, чей облик, права и обязанности считались в достаточной мере определенными, «москвичи» относили также духовенство, купечество, коренное мещанство и крестьянство². Поскольку «булыгинская дума», как уже отмечалось выше, не являлась в глазах «москвичей» народным представительством, то участие в ее работе всех без исключения классов населения (в т.ч. не подпадающих под указанную сословную иерархию личных дворян и фабричных рабочих) не предполагалось³. Участие евреев в выборах исключалось авторами записки, т.к. они либо не принадлежали ни к какому сословию, либо их связь с тем или иным сословием была чисто номинальной⁴.

Проект «Кружка москвичей» (в особенности, предлагавшийся в нем сословный принцип формирования народного представительства), как уже отмечалось некоторыми исследователями, не вызвал сочувствия в среде высшей бюрократии⁵. В ответ на это «москвичи» обращаются 18 июня 1905 г. к власти с предостережением, настаивая на том, что отказ правительства опереться при производстве выборов в Государственную думу на верные (как казалось тогда участникам «Кружка») престолу социальные группы только усугубит нараставший политический кризис. «Еще более обострится положение, если в состав представительного собрания попадут, хотя бы в небольшом числе, люди, сочувствующие революционному движению. Тогда борьба будет перенесена в самое средоточие власти, и крайние элементы получают возможность тормозить весь ход государственных дел»⁶, — говорилось в новой записке «москвичей».

Но в вопросе о целесообразности учреждения в России народного представительства члены «Кружка» оппонировали не только правительству. Они также выступали против популярных в неославянофильских кругах Москвы и Петербурга проектов Земского собора, необходимость созыва которого (пусть и в качестве крайней меры) отстаивали, в частности, издатель «Нового времени» А.С. Суворин⁷, один из его ближайших сподвижников М.О. Меньшиков⁸, член бюро «Отечественного союза»

¹ ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 11. Л. 15 об.

² Там же. ЛЛ. 31–31 об.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ См.: Мальшиева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М., 2018. С. 82–83.

⁶ ГА РФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 83. Л. 3 об.

⁷ См.: Богданович А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. М., 2008. С. 256; Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913. С. 157.

⁸ См.: Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 69–71.

А.А. Киреев¹ и историк Д.И. Иловайский². И хотя в консервативных кругах и после подписания императором Манифеста 17 октября продолжали звучать призывы, не дожидаясь начала работы Государственной думы, созвать Земский собор для того, чтобы внести успокоение в стремительно набравшее обороты общественное движение³, эта идея, как и прежде, встречает противодействие среди самих правых.

16 ноября 1905 г. Самарин направил последовательному стороннику Земского собора С.Ф. Шарапову письмо, в котором подверг обстоятельной критике идею о необходимости его созыва. Несмотря на резко отрицательное отношение Самарина к Манифесту 17 октября, подписав который «царь уступил, дал полное удовлетворение бунтовщикам, признал главнейшее их домогательство»⁴, один из лидеров «Кружка москвичей» полагал, что возбуждение Земским собором вопроса об отмене Манифеста (на что возлагал надежды Шарапов) нанесет весьма ощутимый урон престижу самодержавия. Во-первых, в глазах общественного мнения подобная инициатива будет исходить не от Собора, а от императора, по приглашению которого он был бы созван. Отказ же высшей власти от того, что было ей самой даровано народу лишь месяц назад, общество несомненно воспримет в штыки. Во-вторых (и этот тезис являлся для Самарина ключевым), самодержавие в России было исторически предопределено. Следовательно, ни один законодательный акт, пусть и утвержденный самим царем, не мог поставить под сомнение вековые устои русской государственности, а значит никакой необходимости в отмене Манифеста 17 октября не было⁵. Наконец, само обсуждение Земским собором вопроса о государственном строе поставит его как минимум на одну доску с императором (а то и выше его), придаст Собору характер органа истинного народовластия — Учредительного собрания, нанеся тем самым «новый удар царской власти»⁶.

Самарин указывал Шарапову и на другие недостатки проектируемого последним Земского собора. Так, привлечение к его работе Государственного совета и Сената в полном составе, а также представителей

¹ См.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015. С. 52, 71–72, 76; А.А. Киреев. Дневник. 1905–1910 / сост. К.А. Соловьев. М., 2010. С. 52–53.

² РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. ЛЛ. 43–50 об.; *Омельяничук И.В.* Консервативный лагерь и идея воссоздания Земского собора в начале XX века // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 1. С. 225.

³ Так, например, требование созвать Земский собор в Москве звучит во всеподданнейшем адресе «Союза русских людей», поданном Николаю II 1 декабря 1905 г. См.: Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. С. 82.

⁴ Цит. по: *Соловьев К.А.* Самарин Федор Дмитриевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 450.

⁵ ОР РГБ. Ф. 265. К. 116. Д. 1. ЛЛ. 2 об.–3 об.

⁶ Там же. Л. 4.

церковной иерархии («Освященного собора») являлось бы, по мнению Самарина, не только технически трудным, но и политически недальновидным шагом. Симпатии отдельных сановников и ряда высокопоставленных священнослужителей идеям парламентаризма и конституционализма были консерваторам хорошо известны¹.

Любопытно, что исключение Шараповым рабочих из числа участников Собора Самарин полагал совершенно недопустимым, поскольку он (в отличие от «булыгинской думы») воплощал в его понимании идею истинного народного представительства². Поэтому, несмотря на скептическое отношение Самарина к Государственной думе, он призывал своего оппонента смириться с фактом ее скорого созыва и отказаться от умозрительной идеи восстановить «status quo ante 18 февраля 1905 г.»³ посредством Земского собора.

Однако необходимость считаться с правительственным курсом, который, пусть подчас декларативно, но все же выстраивался на основании положений Манифеста 17 октября, не могла заставить Самарина и его сподвижников этому курсу сочувствовать. Отсутствие в тексте Манифеста «оговорки относительно незыблемости основного закона империи» привело, по словам Самарина, к «введению в нашу государственную жизнь принципа, противоречащего политическому сознанию громадного большинства русского народа»⁴, и послужило истинной причиной отказа московского общественного деятеля занять в правительстве Витте должность Главноуправляющего землеустройством и земледелием⁵. В составленном 17 января 1906 г. в ответ на обращение «Русского собрания» по поводу Манифеста 17 октября отзыве «Кружка москвичей», под которым поставило свои подписи рекордное в подобных случаях число участников и сторонников «Кружка» — 24⁶, прямо говорилось о том, что не только народные представители, но и члены правительства в настоящий момент не должны были трудиться над разработкой Основных государственных законов. По мнению московских неославянофилов, главнейшая задача состояла в разработке «мер к восстановлению порядка и твердой власти, к устранению всякого рода хищений и неправд и к подъему его (народа. — С.Н.) материального благосостояния»⁷, но отнюдь не в подготовке почвы для перехода страны к конституционному строю. Именно в нем «москвичи» усматрива-

¹ ОР РГБ. Ф. 265. К. 116. Д. 1. ЛЛ. 11–11 об.

² Там же. ЛЛ. 10–10 об.

³ Там же. Л. 13 об.

⁴ Там же. К. 156. Д. 5. Л. 10.

⁵ Указанное Самариным в качестве основной причины отклонения предложения премьера «крайнее расстройство и ослабление зрения, давно уже вынудившее» его «почти совсем отказаться от общественной деятельности» выглядит не более чем отговоркой (ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 5. Л. 9 об.).

⁶ ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 17. Л. 8 об.

⁷ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. С. 118.

ли угрозу только начавшей восстанавливаться политической стабильности в России.

Возглавляемый Ф.Д. Самариным «Кружок москвичей» в 1905 г., несмотря на свою камерность и известную политическую периферийность, представлял собой весьма влиятельное общественно-политическое объединение. О том, что власть считалась с взглядами членов «Кружка», говорит хотя бы тот факт, что его лидеру дважды поступало предложение стать участником вначале временного (булыгинского совещания), а затем и постоянно действующего (Совета министров) органа власти, к компетенции которых относилась разработка ключевых мер в области внутренней политики страны. Но куда более симптоматичным выглядит последовавший на оба эти предложения отказ Самарина. «Кружок», лидером которого он выступал, провозглашая верность принципу неизбежности самодержавия, тем самым автоматически становился в разгар революционного кризиса 1905 г. в оппозицию власти. Тем примечательнее, что впоследствии, когда вызванный Первой русской революцией политический кризис будет преодолен, в правительственных кругах возобладает принцип, который ранее твердо отстаивался «москвичами», — дарованные верховной властью свободы и права граждан, насколько несвоевременными и потенциально опасными они бы не представлялись, не могут быть этой же властью отняты у населения страны. Со стремительно менявшимися в начале XX в. политическими реалиями в России приходилось считаться и власти, и обществу.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ НАЧАЛА XX В.: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

АРОНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории правовых учений

Юридического института

Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева, Орел, Россия;

e-mail: aronovdv@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются методологические аспекты изучения либеральной модели реформирования России на рубеже XIX–XX вв. В результате анализа корпуса источников, теоретических разработок либеральных юристов и политиков начала XX в., советской, зарубежной и современной российской историографии сделан вывод о наличии у отечественного либерализма как целостного социально-политического движения комплексной модели реформирования России. Методологической основой настоящего исследования выступает социологический позитивизм, избегающий таким образом ограниченность юридического позитивизма. Последний предполагает по преимуществу обращение к источникам, выражающим позицию официальных органов власти и сформировавшимся в ходе их деятельности.

Ключевые слова: российский либерализм, либеральная модель реформирования страны, либеральная юриспруденция, программатика либеральных партий России, социологический и юридический позитивизм (легизм).

Одной из специфических особенностей развития либерализма в России во второй половине XIX — начала XX в. стало его возникновение и становление в условиях социально-политического строя, который и по своей природе, и по видению власть предержащими направлений его эволюции входил в непримиримое противоречие с либеральным символом веры. Общий тренд власти, отрицающей необходимость сотрудничества с политически активной частью общества, стимулировал политику подавления общественно-политической активности, вытесняя либеральные настроения в полулегальную сферу общественного самовыражения. Известные отклонения, связанные с эпохой «Великих реформ», прежде всего земской и судебной, подтверждали это правило, в значительной мере стимулируя именно рост либеральных настроений в стране, рекрутируя молодежь в ряды будущих либеральных политиков.

Это обстоятельство, с одной стороны, объективно сужало социальную базу и легальные возможности распространения либеральных учений и либеральных настроений, перспективы учета общественного мнения, с другой — стимулировало появление в либеральной среде не частных, а масштабных проектов реформирования социально-политического строя страны.

В отечественной историографии идею о наличии у отечественного либерализма комплексной модели реформирования России выдвинул и обосно-

вал В.В. Шелохаев¹. Впоследствии эта исследовательская гипотеза получила развитие в целом ряде работ, исследовательское поле которых включало в себя ее частные проявления в различных сферах социального творчества, общественно-политической активности населения. В первую очередь это относится к научной, партийно-политической и законотворческой деятельности² как отдельных представителей российского либерализма, так и его общественных организаций, и прежде всего политических партий.

К основным этапам генезиса либеральной модели реформирования России, если перечислять их в хронологическом порядке, можно отнести следующие результаты либерального дискурса соответствующих исторических периодов:

- проекты материалов конституционного характера, генерируемые в период 60–70-х гг. XIX вв.³;

- «Записка о внутреннем состоянии России весной 1880 г.»⁴;

- либеральные проекты «Основного закона России» 1904–1905 гг. («Освобожденческий» («Парижский»); «Муромцевский»; «Московской городской Думы» («Герценштейновский»); «Харьковский»; «Екатеринославский»⁵);

- совокупность законотворческого материала, внесенного либеральными партиями в Государственную думу в парламентский период истории российского либерализма⁶.

Естественно, что мы не видим в начале XX в. ни документа, ни пункта в повестке дня какого-либо партийного мероприятия, в котором в каком бы то ни было виде упоминалась бы какая-либо концепция или нечто этому подобное. Данная практика характерна, скорее, для политических партий последней трети XX века, которым присуще качественное усложнение генерируемых партийным аппаратом нормоустанавливающих материалов. Не входя в дискуссию по теме, во многом относящейся к понятийному полю политологии, отметим, что существует общая тенденция понимания в качестве некоей протомодели преобразования страны такого традиционного и неизбежного для любой партии документа, как партийная програм-

¹ См.: Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

² См.: Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М., 2005.

³ См.: Петров Ф.А. Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений в России в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX века // Отечественная история. 1993. № 4. С. 32–47.

⁴ См.: Аронов Д.В. «Записка о политическом состоянии России весной 1880 года» С.А. Муромцева — прошлое и современность // «Время выбрало нас: Путь интеллектуала в политику». IV Муромцевские чтения. Сб. материалов научной конференции. 25–26 октября 2012 г. Орел, 2012. С. 274–283; его же. Власть и общество в России: поиск компромисса — утопия или реальность (С.А. Муромцев «Записка о политическом состоянии России весной 1880 года») // Современное общество и право. 2013. № 2 (11). С. 3–7.

⁵ См.: Аронов Д.В., Садков В.Г. Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели). Орел; М., 2005.

⁶ См.: Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М., 2005.

ма. Строго говоря, такой вариант теоретически возможен, однако на практике крайне маловероятен. Связано это с тем, что программа партии — это в некоем роде сухой остаток, причем изложенный в весьма лаконичной форме и имманентно подразумеваемый обязательным к исполнению, хотя в политико-правовой практике есть немало иных примеров.

В целом анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет говорить о наличии у отечественного либерализма начала XX в. комплексной модели реформирования России, находившей воплощение в научно-теоретической, партийно-политической и законотворческой деятельности политических организаций и их отдельных представителей. Значение данного компонента российского либерального мировоззрения в первую очередь состоит в том, что по ряду партийно-политических практик он выступал в качестве своего рода набора базовых принципов, некоей концепции, содержащей критерии к выбору содержания текущей политико-правовой практики, а также формам их воплощения в реальном политическом пространстве.

Главную роль, если проводить это ранжирование по критерию масштабности отражения либеральной модели в конкретном направлении политико-правовой практики, играло думское либеральное законотворчество. Его материалы (как, собственно, законодательной, так и законотворческой деятельности) позволяют практически в полной мере реконструировать либеральную модель реформирования социально-политической системы страны.

Значение изучения либеральной модели связано с тем, что поиск современным российским обществом новой идеологии вполне может развиваться с использованием опыта начала XX века, когда была предложена модель, которая в терминах современной геополитики может быть описана как ориентированная на выход из системного социально-политического кризиса с одновременным обеспечением стране темпов догоняющего развития в современном миропорядке.

Полагаем, что это состояние с неизбежностью обращает нас к попыткам реализации либеральной субмодели альтернативного развития России, имевшим место в начале XX века. В первую очередь речь идет о ее правовом компоненте, а именно сгенерированной российским либерализмом и представленном им к реализации в процессе парламентской работы широкомасштабном проекте реформирования правовой системы России.

В российской ментальности право традиционно воспринимается отнюдь не в качестве основы для выстраивания отношений в таких системах, как «гражданин—гражданин» и «гражданин—государство», считаясь, скорее, неким внешним по отношению к этим системам явлением, важным, но отнюдь не обязательным. В этой ситуации несколько наивной может показаться попытка предложить в качестве объединяющей россиян духовной составляющей современной общественной жизни правовую модель реформирования страны, разработанную в начале века. Однако внимательное постатейное изучение доставшегося нам правового наследия позволяет говорить о возможности обращения к нему как к вполне реальному средству объединения россиян для обеспечения стабильного общественного развития.

Есть все основания полагать, что в подавляющем большинстве случаев либеральным законопроектам начала века присущи такие значимые для придания им непреходящей ценности черты, как вписанность в действующее законодательство, постепенность реформ, структурно-логическая взаимосвязь на постатейном уровне, общая ориентация на бесконфликтный путь развития общества.

В этом контексте либеральную правовую модель можно понимать как целостный комплекс правовых явлений и процессов (позитивное право, правообразование, реализация права, правосознание), формирующийся в результате их взаимосвязи и взаимодействия и характеризующий степень их воздействия на показатель эффективности системы действующих социальных отношений. В рамках настоящей работы на уровне формирования исследовательского инструментария представляется возможным выделить следующие концепты: 1) определить стратегический и тактический уровни; 2) определить сущность либеральной правовой системы (роль российских либералов в истории страны — предатели, прагматики или мечтатели); 3) либеральное законотворческое наследие, подготовленное к внесению и внесенное в Думу; 4) деятельность думских комиссий; 5) межфракционная деятельность.

В соответствии с этим можно сформулировать определенную иерархию целей, постулируемых либеральной правовой моделью (таблица 1).

Таблица 1. *Иерархия целей либеральной правовой модели*

Стратегические	Тактические
Обеспечить поступательное развитие общества (экономический рост, социальный мир, внешнеполитическая экспансия)	Прекратить противостояния общества и государства в его крайних проявлениях
Обеспечить нормативное закрепление основных прав и свобод человека как исходного условия формирования субъекта гражданского общества	Расширить круг либерального электората
Сохранить единство государственной территории при расширении прав национальностей в форме культурно-национальной автономии в сочетании с жесткой вертикалью исполнительной власти	Участие либералов в реализации исполнительной власти на условиях, приемлемых для либеральных кругов
Обеспечить трансформационный переход России к государственному устройству, основанному на единстве (слиянии) трех ветвей власти с сохранением общего примата исполнительной власти, выступавшей главным орудием преобразований, программа которых определяется совместно с законодательной властью	Обеспечить организационно-идеологическое первенство либеральных политических сил в парламенте

Окончание таблицы 1

Использовать концепцию реформы правовой системы как базовый элемент формирования новой национальной идеи с учетом национальных особенностей, абсолютизации ненасильственных путей трансформации, замены сословно-корпоративных регуляторов общественных связей правовыми	Сформировать нормативную базу российского парламентаризма
	Сформировать реальные рычаги воздействия на исполнительную власть

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что в начале XX в. усилиями либеральной части российского общества была предпринята попытка создать основные теоретические предпосылки формулирования новой национальной духовности для общества, находящегося на стадии цивилизационного кризиса, который вполне подпадает под современное понимание консервативного варианта модернизации как по целям, так и в первую очередь по методам своего воплощения в политическую практику России. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что российские либералы полностью отдавали себе отчет в том, что общество, которому они предлагали свой вариант проведения комплексной социально-политической реформы, на протяжении своей предшествующей истории было маловосприимчиво к пониманию самоценности правовых институтов как необходимого условия общественного прогресса.

Иерархия стратегических целей предлагавшейся правовой реформы, смоделированная на основе изучения всей совокупности проектов нормативно-правовых актов, разработанных в рамках либеральной субмодели преобразования России, позволяет говорить о том, что она, во-первых, выступает в качестве главного средства реализации субмодели развития, во-вторых, нацелена на решение вопросов формирования социальной основы либеральной идеи в стране, в-третьих, обеспечивает права человека посредством их гарантии со стороны государства с активной реализацией воспитательной функции права как важного духовного фактора развития общества.

Еще одним базовым аспектом реализации либеральной модели реформирования социально-политического строя России выступал выбор методов ее реализации. Поскольку парадигмой избранной практики социальных преобразований выступала широкомасштабная реформа российского законодательства, наиболее эффективным способом ее реализации была признана деятельность органов представительной власти, непосредственно участвующих в законодательном процессе. Отсюда то внимание к прерогативам представительной власти, месту Думы в системе высших органов государственной власти, статусу депутата, думскому регламенту, которое мы видим, как в политической практике органов коллективного управления либеральных партий, так и в теоретических поисках либеральных правоведов. Наверное, квинтэссенцией

этого, в чем-то, возможно, избыточного внимания к регламентации статуса и деятельности органа представительной власти был «муромцевский» проект Основного закона, большую часть которого, по сути, составляют статьи, посвященные именно статусу парламента. При этом общее место представительной власти в системе государственного управления определяется в соответствующем разделе.

В итоге представляется возможным говорить о том, что основным выводом, сделанным авторами либеральной субмодели развития России начала XX века, было признание решающей роли государства в процессе реформирования общества, в том числе и в области формирования его новой духовной основы. С учетом данной методологической посылки возможность оформления новой отечественной духовности России (идеологии) с вписанными в нее правовыми элементами уже не представляется однозначно фантастичной.

Естественно, что одновременно ни одно общество, особенно сохранившее массу элементов сословного уклада, своего сословного прошлого, не могло воспринять новый элемент национальной ментальности, не имевший сколь-нибудь прочных корней в предшествующем историческом прошлом. Собственно, и национальная ментальность принадлежит к весьма инертным социальным сущностям. Однако важен уже и сам факт присутствия в социуме носителей идеологии, основанной на национальной ментальности в непосредственной взаимосвязи с доминированием права как регулятора взаимодействия его главных институтов. В этом случае именно широкомасштабная правовая реформа выступает в качестве главного средства преобразования общества. Носители этой идеологии, формы их политической организации, теоретические постулаты поступательно эволюционируют до стадии теоретического осмысления необходимости, а главное, возможности появления новой идеологеммы.

Таким образом, представляется вполне корректным говорить о либеральной модели преобразования России в начале XX века как о целостной и комплексной теоретической разработке, прошедшей те же стадии, что и российский либерализм. Это, соответственно, этап теоретических поисков базовых принципов ее построения, основных направлений целеполагания, затем отражение в той или иной мере в партийной программатике и, наконец, третий этап — практическое воплощение на парламентском этапе истории либерализма. От собственно партийных программ либеральную модель или модель в целом отличают меньшая степень формализации, отсутствие официальной формы и, вообще, отсутствие в качестве некоего единого текста или документа. Так, например, у либеральной модели преобразования России нет единого текста, ее отдельные элементы, разработанные с различной степенью полноты, могут быть восстановлены по совокупности ряда источников, а такой ее компонент, как методы реализации, по своей природе не имел некоей аналитически обобщающей формы и рекон-

струируется по совокупности решений, принимаемых в процессе деятельности коллегиальных органов партии.

В качестве определенного вывода также представляется возможным сделать акцент на том, что новая российская идеология, так или иначе, будет сгенерирована. Произойдет это в итоге постепенного партийно-политического синтеза результатов стихийных социальных процессов или же в результате ускорения, благодаря включению в этот процесс теоретической составляющей, носителями которой выступают научные и политические элиты, это не принципиально. Степень восприятия результатов власть предержащими также немаловажна, однако рано или поздно это произойдет. И определенной равнодействующей здесь может выступить именно облеченная в нормативно-правовую форму либеральная модель реформирования страны, сформированная в начале XX века. Соответственно, опыт российской правовой мысли имеет потенциал к тому, чтобы быть востребованным на современном этапе формирования нового варианта консервативной модернизации российского социума.

ОКТЯБРИЗМ. ПРОГРАММАТИКА VS ПРАГМАТИКА

СОЛОВЬЕВ КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН, Москва, Россия;
e-mail: kirillsol22@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена целевым установкам «Союза 17 октября», их трансформации в условиях думской деятельности. Отмечается, что важнейшая характеристика этой партии — значительное представительство в ней деятелей местного самоуправления. Это определяло повестку, формируемую «Союзом 17 октября», а, главное, его прагматизм, ориентированный на защиту корпоративных интересов. По отношению к ним политическая программа партии была вторична. Она позволила оформить единство разнородных сил, связанных общностью задач.

Ключевые слова: «Союз 17 октября», земство, Государственная дума.

Может показаться, что партийная группировка, сложившаяся в России к 1906 г., естественная и единственно возможная. Правые либералы объединились вокруг знамени 17 октября, левые оказались сторонниками конституционной демократии, правомонархисты сплотились в черносотенные союзы. Они высказывают, как «чертики из табакерки». Будто бы они в любой час были готовы заявить о себе, когда настанет момент выборов в Думу. Иначе трудно объяснить, как за считанные дни им удалось определиться с программой, снять противоречия, существующие в любом политическом объединении, и, соответственно, моментально включиться в политическую борьбу. Это становится более понятным, если иметь в виду период протопартийного строительства, который имел место во всех сегментах общественного движения. На первоначальном этапе его участники должны были едва ли не впервые высказать свои взгляды, услышать других, в чем-то с ними соглашаясь, а в чем-то противореча. Благодаря этому диалогу, происходила идеологическая дифференциация внутри общественного движения, а, главное, выработка консенсуса, вокруг которого впоследствии выстраивались все партийные проекты.

Эта беседа разворачивалась в старомодном кружке, который преимущественно объединял родственников и друзей, что накладывало свой несомненный отпечаток на такое объединение. В подобном «бытовом союзе» невообразима жесткая иерархия. Семейные связи выше идеологических предпочтений. Соответственно, в кружке не было идейной монолитности. Так, в кружок «Беседа» (1899–1905) входили будущие лидеры партии кадетов, «Союза 17 октября», Партии мирного обновления, Союза русских людей, Всероссийского национального союза¹. В «Союзе Освобождения» (1903/1904–1905) не последнюю роль играли представители социалистической интеллигенции (например, В.Я. Богучарский, В.В. Водовозов,

¹ Записки Д.И. Шаховского // РО ИРЛИ РАН. Ф. 332. Д. 651. Л. 25.

Е.Д. Кускова). В то же самое время в него входил и Н.Н. Львов, у которого, по собственному выражению, была «феодалная голова»¹.

Такого рода сложные комбинации были естественны для страны, где отсутствовала публичная политика, где у общественного деятеля не было даже шанса понять, где он — на правом или на левом фланге, так как ему не с кем было соотнести собственные представления о будущем России. В конце концов, благодаря протопартийным организациям, происходила политическая «притирка», складывался новый политический язык, основанный на недомолвках и недоговоренностях. Так, в «Беседе» не уточняли, что же предпочтительнее: Земский собор или парламент английского типа². Это обеспечивало существование альянса конституционалистов и славянофилов. Примерно в то же самое время в «Союзе Освобождения» умеренные либералы терпели социалистов, которые надеялись на скорые коренные социальные преобразования³.

Уже после Первой русской революции неоднократно ставился вопрос о случайности партийной группировки. Была надежда на реформирование всей партийной системы, а, следовательно, роспуск и партии кадетов, и «Союза 17 октября»⁴. Это сбылось лишь отчасти. Идеологический консенсус, сформировавшийся накануне 1905 г., фактически выдержал проверку времени. Партии, даже исчерпав повестку революционного времени, оставались более или менее устойчивыми объединениями. Прочен был фундамент, заложенный в самом начале XX в.

Программатика «Союза 17 Октября» отлаживалась в «Беседе». Ее члены многое недоговаривали. И все же на чем-то они сошлись: они признавали необходимость представительных учреждений, гарантий гражданских прав, широких полномочий земских органов⁵. При этом не решался вопрос о характере политического строя: кто-то его мог считать конституционным⁶, а кто-то — особым, русским,

¹ Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 137 (Про свои убеждения Н.Н. Львов дословно говорил так: «Que c'est l'invasion des idées liberales dans une tête feodale».)

² См.: Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. М., 2009.

³ Шаховской Д.И. «Союз освобождения» // Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 557, 584–585, 591.

⁴ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы, 1906–1916 гг. М., 2002. С. 251–253, 264–266.

⁵ Соловьев К.А. Указ. соч. С. 63–79.

⁶ Один из лидеров «Союза 17 Октября» В.М. Петрово-Соловово писал: «Как бы ни изошрялись защитники неограниченной царской власти, но им никогда не удастся отыскать ту формулу, посредством которой можно было бы примирить непримиримое. Истинное единение между монархом и народом может произойти только на почве политической свободы, из которой органически вытекают все остальные свободы: слова, печати, собраний, союзов, а также гражданская и уголовная ответственность высших и низших чиновников перед общим и для всех равным судом» (Петрово-Соловово В.М. «Союз 17 октября», его задачи и цели // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 122).

земским¹. А.И. Гучков предложил компромиссную формулу. По его мнению, целью октябристов было возвести «мост от прошлого русской жизни к лучезарному будущему. Мы хотели в будущее перенести по этому мосту то, что было истинно ценного в нашей истории. Перенести те святыни, которыми жили наши предки и благовея перед которыми они создали великое государство»². Иными словами, «Союз 17 октября» — партия исторической традиции и одновременно с тем институциональной политической реформы. Реализация такой программы была бы возможной лишь при условии тесного взаимодействия общества и власти, которая, повинувшись инстинкту самосохранения, осознала бы необходимость коренных преобразований. По словам А.И. Гучкова, «октябризм явился молчаливым, но торжественным договором между исторической властью и русским обществом, договором о лояльности, о взаимной лояльности. Манифест 17 октября был, казалось, актом доверия к народу со стороны верховной власти; октябризм явился ответом со стороны народа — ответом веры в верховную власть»³.

От этого консенсуса отталкивались и в «Союзе 17 октября»⁴, многие из его лидеров числилось среди «собеседников». Важнее, пожалуй, другое: «Беседа» — земское объединение. То же можно сказать и о партии октябристов. Более того, именно это и стоит, прежде всего, сказать об этом союзе.

Показательно, что в III Думе именно земцы и деятели городского самоуправления играли «первую скрипку». Таковых было 229 (47 %) депутатов из 485. В некоторых фракциях земское присутствие чувствовалось сильнее: среди прогрессистов деятели местного самоуправления составляли 52 %, среди правых октябристов — 55 %, среди октябристов — 75 %, среди независимых националистов — 88 %⁵. IV Дума обратилась в большое земское собрание. Земцы составляли более половины фракции кадетов (25 из 49), 47 % группы правых, 59 % прогрессистов, 60 % русской национальной фракции и 61 % националистов-прогрес-

¹ «Левое крыло нашего союза предпочитает называть новое государственное устройство России умеренной конституцией. Правое крыло видит в нем видоизмененное самодержавие в его дальнейшей эволюции. Одно несомненно для тех и других и для всякого: не ложны слова манифеста 20 февраля (1906 г. — К.С.), что „произошло великое преобразование в государственном строе нашего отечества“, — заявлял Д.А. Олсуфьев 21 марта 1906 г. на собрании местного отделения «Союза 17 октября» (Речь Д.А. Олсуфьева // ОПИ ГИМ. Ф.164. Оп. 1. Д. 54. Л. 32 об.).

² Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: В 2-х т. М., 2000. Т. 2. С. 378.

³ Там же. С. 428.

⁴ Неслучайно 10 членов ЦК «Союза 17 Октября» до образования партии входили в кружок «Беседа». (Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996. С. 746–755)

⁵ Демин В.А. Государственная дума и местное самоуправление // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2013. С. 163.

систов, 79 % правых беспартийных, 83 % членов фракции центра, 88 % земцев-октябристов и 92 % группы Союза 17 октября¹.

Думские октябристы только лишь подчеркивали свое «земское происхождение»². Они видели в этом залог делового настроя и профессионализма депутатского корпуса. «Враги Третьей Думы усердно повторяли: „Это не законодательное, а просто большое земское собрание“, — цитировал член фракции Е.П. Ковалевский. — В этом много правды, но я не вижу, чем такая правда может быть оскорбительна. Если Государственная дума является вместе с тем „земской“ Думой, то это лишь естественное развитие от частного к общему, переход от местного хозяйства к государственному. Расширение масштаба несравненно легче и удобнее, чем сопоставлять план совсем без масштаба или применительно к чужой у нас не употребляемой мерке»³. Однако земская работа учила не только хорошему. 13 июня 1908 г. один из лидеров октябристов и при этом сам видный земец Н.В. Савич констатировал: «Дума превратилась в земское собрание; партийная дисциплина рушилась, всяк сам за себя»⁴.

Столь бросающееся в глаза земское представительство в значительной мере объяснялось характером избирательной кампании. Голосовавшие по землевладельческой курии не спешили к урнам. В ходе выборов в III Думу абсентеизм приобретал поразительные масштабы. В Брянском уезде Орловской губернии на съезде мелких землевладельцев присутствовало 40 человек (вместо полагавшихся 3088)⁵. В Елецком уезде ситуация была лучше: из 4500 возможных избирателей явилось 1100. Карачаевский уезд скорее напоминал Брянский: вместо 1500 избирателей на съезде присутствовало 74⁶. Орловская губерния — не частный случай. В Симферопольском уезде Таврической губернии голосовало 88 землевладельцев из 4000⁷. В Курском уезде 43 — вместо 1200⁸. В Самарском уезде 770 — вместо 1584⁹. В Ковенском 41 — вместо 1740¹⁰. В Шавельском уезде Ковенской губернии 69 — вместо 1013¹¹. В Туль-

¹ Демин В.А. Государственная дума и местное самоуправление // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2013. С. 164.

² Brainerd M.C. The octobrists and the gentry, 1905–1907: leaders and followers? // The politics of rural Russia, 1905–1914. Bloomington; L., 1979. P. 86–88.

³ Ковалевский Е.П. Народное образование и церковное достояние в III Государственной думе. Речи, доклады и статьи Е.П. Ковалевского. СПб., 1912. Ч. 1. С. 55–56.

⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 108–109.

⁵ Донесения состоявшего в распоряжении председателя Совета министров чиновника Дмитриева-Мамонова о ходе выборов в Государственную думу // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 8. Л. 57.

⁶ Там же. Л. 58.

⁷ Там же. Л. 66.

⁸ Там же. Л. 76.

⁹ Там же. Л. 84.

¹⁰ Там же. Л. 109 об.

¹¹ Там же. Л. 111.

ском уезде — 150 вместо 750¹. В Харьковском уезде — 123 вместо 4223². В Тверском уезде — 236 вместо 1400³. Этот перечень можно продолжать. Речь идет об общероссийской тенденции, характерной для всех губерний. Причем во время избирательной кампании в IV Думу ситуация полностью повторится⁴.

Землевладелец не был самым активным избирателем. Обладая возможностью существенно влиять на состав Думы, он ей не спешил воспользоваться. Это делали самые активные помещики, которыми преимущественно были земцы. Их интересы представлял «Союз 17 октября». Это определяло повестку партии, которая в свою очередь формировала повестку Государственной думы. Программа «Союза 17 октября» оставалась в стороне. Это было знамя для левого крыла партии — малочисленного, хотя довольно влиятельного⁵. В Думе же октябристы предпочитали смотреться фракцией дела, а не слов.

На ее заседаниях неизменно апеллировали к интересам земств и городов. 11 февраля 1911 г. октябрист Н.Н. Опочинин объяснял однопартийцам: «Большинство из нас — земцы, только что возвратившиеся из земских собраний, и все мы знаем, насколько сочувственно относятся эти собрания к нашим заботам в области образования. Теперь представьте удивление всего земского люда, когда он прочтет в газетах отчет о том, что правые и левые баллотировали в Государственной думе за ассигнование 10 млн в пользу образования, а мы, октябристы, по указанию правительства — только за 8 млн и притом по своей собственной инициативе»⁶. Не все соглашались с Опочининым. Но даже оппоненты, доказывая противоположное, ссылались на точку зрения своих коллег по земским собраниям: «По отношению к мнению земств... я должен сказать, что и там преобладает взгляд о необходимости уступок правительству, по крайней мере, с нашей стороны. Я только что вернулся с земского собрания, где уже был известен возникший спор по поводу 10 млн, и там мне советовали не идти напролом, а брать, что можно и сколько можно»⁷.

¹ Донесения состоявшего в распоряжении председателя Совета министров чиновника Дмитриева-Мамонова о ходе выборов в Государственную думу // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 8. Л. 115 об.

² Там же. Л. 122 об.

³ Там же. Л. 142.

⁴ См.: Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 364.

⁵ В 1913 г. левые октябристы – С.И. Шидловский, Н.А. Хомяков, И.В. Годнев, Н.Н. Опочинин — настаивали, что «нет больше сил терпеть иго правого октябризма, пора перестать идти на поводу политики господ Шубинских и Скоропадских, пора снять чехлы и распустить октябристские знамена. Пора образовать самостоятельную политическую группу, не запятнанную политикой уступок и компромиссов, пора выступить с открытым забралом, чтобы не потерпеть нового постыдного поражения на будущих выборах» (Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 13).

⁶ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 18.

Не удивительно, что земцев заботили проблемы местного самоуправления, его организации, сферы компетенции. Они с готовностью взялись за редактирование столыпинских проектов земской реформы. Их долго обсуждали, но безуспешно. Государственный совет не принял законопроекты. Депутаты же рассчитывали, что их утверждение откроет новые перспективы для всей Земской России и для Думы, как ее части. «Из всех стоящих ныне на очереди реформ самой важной и неотложной я считаю реформу земского положения, — отмечал Савич в письме К.Э. Линдеману 5 июня 1913 г. — Только проведя в жизнь основы земской реформы, можно надеяться, что Государственная дума получит, наконец, силу и авторитет для осуществления необходимых стране реформ и правовых гарантий. Сейчас у Государственной думы нет прочных корней на местах в виде общественных учреждений и организаций, которые отражали бы собой истинные устремления и интересы тех классов населения, которые выдвигают и избирают депутатов»¹.

Земская и городская Россия яростно сопротивлялась фискальным намерениям правительства. Резкое неприятие вызвала идея повысить налоги на городскую недвижимость. Ставились палки в колеса попыткам преобразования поземельного налогообложения. Зная такой настрой депутатов, в Министерстве финансов даже не пробовали внести в Думу законопроект о передаче оценочного дела от земства правительственной администрации². Опасаясь подобных финансовых инициатив Министерства, октябристы по мере сил мобилизовывали земцев и деятелей городского самоуправления, проводя регулярные «смотры сил». Так, в Москве в феврале 1912 г. ими было созвано совещание представителей 11 городов. К.Э. Линдеман фактически руководил этим собранием. Он предложил А.И. Гучкову созвать подобный форум в Петербурге и Екатеринославе. Это был бы своего рода областной съезд, который способствовал бы объединению местных сил вокруг партии³.

В правительстве всегда приходилось иметь в виду земский характер Государственной думы. Подыгрывая депутатскому корпусу, следовало вносить в нее подходящие инициативы, касавшиеся проблем местной администрации и самоуправления, торговли и промышленности, образования. Таких было 133 законопроекта (т.е. около 22 % от общего числа)⁴.

Впрочем, среди деятелей местного самоуправления не было безусловного единства. Порой имела место конкуренция, а иногда даже вражда. Земская Россия нередко сталкивалась с городской, которая была уверена в безразличии земцев к проекту повышения налогов на городскую недвижимость. Среди депутатов ходили толки, что «земское» большинство

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 371–372.

² Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 99–105, 113–125.

³ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 222.

⁴ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. 1. Общие сведения. Приложение 5-е. С. 133–338.

не готово поддержать деятелей городского самоуправления¹. Те ревновали, подозревали правительство в покровительстве земцам за счет городских интересов².

В таком предположении была своя правда. Земцев было существенно больше. Они участвовали в работе многих фракций, тесно взаимодействовали друг с другом. Партийные разногласия отходили на второй план, когда решались земские вопросы. Все же работа в органах самоуправления приучала к прагматизму, готовности к диалогу, умению слышать друг друга. Все это сказывалось на деятельности думских комиссий, например, по реформе местного самоуправления. Князь А.Д. Голицын вспоминал, что «работа в этой комиссии шла под председательством Юрия Глебова в столь же дружном общении, как и в переселенческой. В нее вошли в подавляющем количестве земцы от правых и до трудовиков. Царивший в ней дух вполне соответствовал нашим обычным земским собраниям, где каждый отстаивал свою точку зрения в зависимости от своих взглядов, уважая в то же время чужое мнение и оспаривая его в приличной и выдержанной форме. Благодаря работе в этой комиссии у нас создался дружный кружок единомышленников, тесно сплоченный не только в пределах думских и фракционных работ, но и вне их»³. С этой точкой зрения вполне соглашались кадеты. На их партийной конференции 24 мая 1909 г. А.И. Шингарев отмечал поразительные результаты депутатских трудов: «По результатам своих работ эта комиссия является чуть ли не самой ценной из всех думских комиссий. В ней мы могли убедиться в том отрадном факте, что люди 3-го июня оказались воспитанными в земских традициях; несмотря на свою в общем политическую безграмотность, октябристы обнаруживают стремление проводить принципы самоуправления, пытаются оградить земство от бюрократической опеки»⁴. Октябрист А.Д. Голицын отвечал тем же: «Я должен удостоверить, что в комиссии земского самоуправления тот же Шингарев ничем не обнаруживал своей принадлежности к оппозиции ради оппозиции и принимал участие в общих прениях, выражая свое мнение так же точно, как это обычно имело место в заседаниях наших земских учреждений»⁵.

Солидарная работа имела целью существенное редактирование правительственного законопроекта, который должен был измениться и по форме, и по существу. По словам октябриста Ю.Н. Глебова, «отказавшись от руководящей идеи правительственного законопроекта, мы должны были выставить другую, соответствующую нашим взглядам.

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. СПб., 1914. Ч. 1. Стб. 1154.

² Переписка председателя Совета министров // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 27 об.

³ Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 295.

⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. М., 2000. Т. 2. С. 98.

⁵ Голицын А.Д. Указ. соч. С. 296.

Эта идея напрашивалась сама собою. Целью нашей работы было создать волостное земство, тесно связанное с уездным и в некоторых случаях им руководимое... свободное в распоряжениях своих от административной опеки»¹. Правительственные чиновники всячески сопротивлялись принятию депутатских поправок. Тем не менее, они прошли голосами, в т.ч. и октябристов (против голосовал лишь Д.А. Леонов)².

Бои разворачивались при обсуждении законопроекта судебной реформы. По словам председателя думской комиссии, октябриста Н.П. Шубинского, «работа шла огневая, и мало-помалу правительство пошло на крупнейшие уступки. Раньше была мысль создать из реформы местного суда только пристройку к окружным судам со всею неизбежной зависимостью от этого типа судов. А комиссия настояла на том, чтобы дать народу свой мировой суд, основанный на народной совести... С большой энергией отстояли и выборное начало. И была сделана только одна уступка правительству – председатель съезда назначается, а не избирается»³. При обсуждении правительственного законопроекта главным оппонентом депутатов оказался министр юстиции И.Г. Щегловитов. Он был недоволен многими положениями документа, который сам внес в Думу весной 1907 г. За полтора года его взгляды изменились. Депутаты не спешили последовать его примеру. В итоге они защищали законопроект от его же составителя⁴.

Результаты думской работы говорили сами за себя. В правительстве побаивались депутатских инициатив, видя в них опасность для собственных законопроектов. Их содержание в Таврическом дворце меняли без всякого стеснения. Столыпину приходилось регулярно встречаться с членами комиссии по местному самоуправлению, например, когда там обсуждался вопрос о волостном земстве. Эти совещания шли глубокой ночью. Одно из них открылось в 11 вечера и продолжалось до 3-х часов утра⁵. Ночные бдения не были бесполезными. Осенью 1910 г. «за чаем» у Столыпина лидеры думского большинства согласились проголосовать за законопроект о местном суде⁶.

Земские депутаты с особым трепетом относились к проблемам народного образования. Прекрасно это понимая, 19 ноября 1911 г. премьер-министр В.Н. Коковцов пригласил к себе депутатов. Он рассчитывал снизить расходы на просвещение. Только в этом случае он мог гарантировать прохождение законопроекта о всеобщем начальном образова-

¹ Партия «Союз 17 октября». Т. 2. С. 208.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. М., 2000. Т. 2. С. 128–129.

³ Административная реформа // ГА РФ. Ф. 102. IV д-во. 1908. Д. 119. Ч. 5. ЛЛ. 3–14.

⁴ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 60–61.

⁵ Партия «Союз 17 октября». С. 410.

⁶ Маклаков В.А. III сессия Государственной думы: Отчет депутата // Русская мысль. 1911. № 2. С. 102.

нии в Государственном совете¹. Депутаты никак не хотели соглашаться². И все же им пришлось идти на уступки. Они решились отказаться от намечавшихся прибавок учителям начальных школ³. Наконец, депутаты и премьер договорились выделить дополнительные средства церковным школам⁴. «Совещание кончилось, — рассказывал жене октябрист И.С. Ключев. — Хозяин попросил нас в столовую выпить по рюмочке, пока, сказал он, еще не прошел окончательно законопроект о борьбе с пьянством. Мы заняли места. Коковцов любезно угостил и, между прочим, предложил Алексеенко (председателю бюджетной комиссии Государственной думы — К.С.) яблоко. „Но оно слишком велико для вечернего заседания на сон грядущий“, — заметил тот. „В таком случае разделим его пополам, Михаил Мартынович [Алексеенко], и скушаем сообща“, — сказал он [Коковцов] с каким-то особенным ударением на слове „сообща“»⁵. Это было «яблоко перемирия», которое, правда, не долго продолжалось. Десять дней спустя депутаты пожалели о своей уступчивости⁶. Вновь пришлось искать компромисс. Коковцов согласился выделить еще 500 тыс. руб. на образование (до 9 млн)⁷.

Земская Дума — трудный переговорщик. Она не боялась рутины законотворчества, была готова к обсуждению правительственных инициатив. Вместе с тем у ее депутатов был свой взгляд на текущую политику. За ними стояли корпоративные, имущественные интересы, от которых они не собирались отказываться. Они пользовались авторитетом в родных губерниях. За ними стояли структуры органов местного самоуправления. В этом была и сильная, и слабая сторона октябризма. В идеологическом отношении его отличала рыхлость и излишняя пластичность. Зато он был готов к политической торговле.

Сила депутатов-земцев была в том, что они переводили взаимодействие народных избранников и правительственных чиновников в деловое русло. Как писал земский деятель и член фракции октябристов Н.А. Мельников, «сила земщины была в традициях, в привычном служении родной земле, в ощущении ее близости, ее дыхания, в понимании ее пути и нужд, которое вытекало из накопленного жизненного опыта ряда поколений, а не кабинетного разбора чужих образцов»⁸. Тем опаснее было игнорировать их позицию. Они представляли собой складывавшуюся политическую элиту, за ними стояли серьезные группы интересов, влиятельные на местах. Недооценивая их авторитет и значимость, правительство невольно ковало себе весьма деятельную оппозицию.

¹ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 62.

² Там же. ЛЛ. 63–69.

³ Там же. ЛЛ. 66–67.

⁴ Там же. ЛЛ. 68 об.

⁵ Там же. Л. 69.

⁶ Там же. Л. 79 об.

⁷ Там же. Л. 81.

⁸ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе // Российский архив. М., 2008. Вып. 17. С. 285.

П.А. СТОЛЫПИН И А. НИКОЛСОН: БЕСЕДЫ О РУССКОМ ПАРЛАМЕНТЕ (1906–1907 гг.)

ПОРТНЯГИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат исторических наук,
доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: n.portnyagina@spbu.ru

Аннотация: В июле 1906 г. премьер-министром Российской империи стал П.А. Столыпин, с которым посол Великобритании в России А. Николсон проработал несколько лет. Он довольно часто встречался с русским премьером и смог составить о нем аргументированное мнение. В 1906–1907 гг. значительная часть времени при личных встречах П.А. Столыпина и А. Николсона уходила на обсуждение проблем, связанных с работой парламента, выборами в парламент, взаимоотношениями парламента и правительства, созданием кадетского кабинета либо вхождением некоторых общественных деятелей в кабинет министров. Содержание этих бесед нашло отражение в аналитических записках, которые пересылал А. Николсон министру иностранных дел Великобритании Э. Грею и которые отложились в Британском национальном архиве. Анализ этого материала представляется нам крайне актуальным, поскольку он позволяет уточнить позицию П. А. Столыпина в борьбе за власть между правительством и либеральной общественностью в 1906–1907 гг. На основании этих источников можно сделать вывод о твердом намерении П.А. Столыпина работать с Думой второго созыва, для которой его правительство разработало обширную программу. Вместе с тем он скептически относился к возможности создания кадетского правительства, крайне негативно оценивал партию кадетов и ее лидеров. Британский посол, имевший либеральные взгляды, весьма высоко оценил политику П.А. Столыпина периода 1906–1907 гг., которую на родине последнего значительная часть образованного общества считала реакционной.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, А. Николсон, британский посол, парламент, Государственная дума, кадеты.

В период революции 1905–1907 гг. в политической жизни России появилась яркая фигура П.А. Столыпина. Он понимал, как важно не только быть хорошим администратором, но и уметь влиять на общественное мнение. В этом ему помогало ораторское мастерство. «В первый раз из министерской ложи на думскую трибуну поднялся министр, который не уступал в умении выражать свои мысли думским ораторам», — писала А. Тыркова¹. Премьер попытался переломить и негативное в от-

¹ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 316.

ношении царского режима и России в целом общественное мнение западноевропейских стран, воспринимающее Россию как «варварское, авторитарное государство, отрицающее все свободы для своих подданных и использующее наиболее жестокие методы подавления свободы слова и мысли»¹. Он давал интервью иностранным журналистам, объясняя политическую ситуацию в стране и программу правительственных реформ. Видимо, с этой же целью он довольно часто встречался с британским послом, у которого даже сложилось впечатление, что П.А. Столыпин не только «чувствителен к похвале или осуждению в зарубежной прессе», но и «придает гораздо большее значение тому, в каком свете его политика будет выглядеть за рубежом, чем мнению соотечественников»². Так или иначе, но П.А. Столыпина раздражала враждебность западной прессы к русскому правительству. Он жаловался Д.М. Уоллесу на то, что иностранная пресса «очень невежественна в отношении реального положения дел в России», что «старые стереотипные фразы модных либералов, произнесенные без какого-либо знания местных условий, одобренные выражениями враждебности к правительству», вряд ли могут быть полезны³. Материалы бесед П.А. Столыпина и британского посла А. Николсона периода первой русской революции отложились в Британском национальном архиве. Нам представляется крайне любопытным, особенно в свете возобновившихся в историографии дискуссий о возможности появления в России в 1906 г. ответственного перед Думой министерства⁴, посмотреть, как именно русский премьер характеризовал британцу проблемы становления парламента в России, а также как оценивал политику столыпинского кабинета британский посол.

Артур Николсон, новый посол Великобритании, прибыл в Петербург в мае 1906 г. По своим взглядам он был «британским либералом», и его симпатии были на стороне Думы и либеральных партий⁵. Его первый опыт общения с русскими чиновниками оказался негативным. Один из первых своих визитов А. Николсон нанес председателю Совета ми-

¹ *Nicolson H. Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy. L.: Constable & Co Ltd., 1937. P. 207.*

² *A. Nicolson to Edward Grey. 2 January 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/318. № 573. P. 10.*

³ *Report by Sir D.M. Wallace of a Conversation with Mr. Stolypine // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 27544. P. 1.*

⁴ *Куликов С.В. Николай II, Дмитрий Трепов и идея ответственного министерства. // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Межд. научн. конф. С.-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 111–127; Соловьев К.А. Кадеты и ответственное перед Думой правительство. 1906 год // Таврические чтения 2016. С. 128–138; Лукоянов И.В. О докладах С.В. Куликова и К.А. Соловьева // Таврические чтения 2016. С. 139–148.*

⁵ *Nicolson H. Sir Arthur Nicolson. P. 224.*

нистров И.Л. Горемыкину. В дневнике посол записал, что обнаружил этого «престарелого человека с заспанным лицом и пиккадилльскими бакенбардами» «возлежащим на диване, окруженным французскими романами». Британца потрясло, что премьер отзывался о Думе «с величайшим презрением» и уповал исключительно на правительство. «Я ушел с тяжелым сердцем. Русская бюрократия неисправима», — отметил А. Николсон¹.

Однако через определенное время посол пересмотрел свои взгляды в отношении русского парламента и либеральных партий. О кадетях он писал министру иностранных дел Великобритании Э. Грею уже в январе 1907 г.: «...они более доктринеры, чем практики... Они любят дискутировать по абстрактным политическим теориям, а не заниматься решением неотложных дел»². Младший сын британского посла, Гарольд Николсон, который был в то время сотрудником посольства и жил вместе с отцом в Петербурге, позже передал в своей книге оценку русской Думы, данную его отцом. По мнению А. Николсона, имперская Дума не проявила какой-либо разумности. Большинство ее депутатов были почти неграмотны, а интеллектуалы, которые возглавляли несколько партий, рассматривали Думу как трибуну для пропаганды, а не место конструктивной государственной работы, «они делали предложения и произносили речи, которые, как они сами знали, не могли быть на практике реализованы или вообще не соответствовали времени»³.

Большое влияние на формирование взглядов А. Николсона о России в этот период оказал Дональд Маккензи Уоллес, его личный друг, корреспондент газеты «Таймс», эксперт по России, приглашенный им в Петербург для консультаций⁴. Д.М. Уоллес считал, что «Россия может быть реформирована только постепенно и сверху»⁵. Вторым человеком, который оказал влияние на А. Николсона, был новый премьер-министр России П.А. Столыпин, с которым посол часто встречался и с которым у него сложились близкие отношения. 2 июля 1906 г. после своего первого визита к П.А. Столыпину, бывшему тогда еще только министром внутренних дел, британский посол отметил в дневнике, что министр произвел на него хорошее впечатление, прежде всего, спокойной манерой общения. Из состоявшегося разговора посол понял, что личным идеалом П.А. Столыпина была британская конституция. Однако по-

¹ Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 13 June 1906 // United Kingdom National Archives. PRO 30/81/13.

² A. Nicolson to Edward Grey. 9 January 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/320. № 2247. P. 1.

³ Nicolson H. Sir Arthur Nicolson. P. 220.

⁴ Ibid. P. 212.

⁵ Ibid. P. 224.

добную форму, по мнению министра, невозможно было сразу внедрить в России, в которой внезапные и стремительные изменения приведут только к разрушениям¹. В своем первом ежегодном докладе по российским делам за 1906 г. министру иностранных дел Великобритании Э. Грею А. Николсон характеризовал П.А. Столыпина как «честного, прямолинейного человека... с железными нервами», который «искренне желает в интересах своей страны провести реформы либерального характера»². Британскому послу импонировало, что П.А. Столыпин открыто обсуждает с ним многие вопросы, давая исчерпывающие и убедительные комментарии. Одной из самых обсуждаемых тем при их встречах, начиная с первой, были проблемы, связанные со становлением русского парламента.

Первый визит П.А. Столыпину, уже как главе правительства, А. Николсон нанес 24 июля³, в тот же день отправив короткое донесение Э. Грею. Их разговор касался исключительно парламента. Новый председатель Совета министров объяснил послу причины, по которым невозможно было продолжать работу парламента, и заявил, что намерен следовать либеральной линии одновременно с восстановлением порядка. П.А. Столыпин уверил А. Николсона в том, что не только он, но и император, настроенный созвать новую Думу в назначенный день, «решительно против реакционной программы». Кроме того, он сообщил послу о своем намерении «изменить кабинет в либеральном направлении», которое он осуществил бы раньше, если бы не выступление депутатов в Финляндии⁴.

Вопрос формирования кадетского кабинета, по просьбе посла, обсуждал с П.А. Столыпиным Д.М. Уоллес в доме премьера на Аптекарском острове 4 августа 1906 г. В тот же день Д.М. Уоллес написал текст доклада, который А. Николсон 6 августа переслал Э. Грею с припиской о том, что «весь доклад заслуживает внимательного прочтения», особенно детали переговоров «между Столыпиным и некоторыми независимыми депутатами Думы относительно реконструкции кабинета»⁵.

П.А. Столыпин объяснил Д.М. Уоллесу роспуск I Думы тем, что она во время своей работы дискредитировала власть и готовила мятеж, поэтому правление ускользало из его рук, как министра внутренних дел,

¹ Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 2 July 1906 // United Kingdom National Archives. PRO 30/81/13.

² A. Nicolson to Edward Grey. 2 January 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/318. № 573. P. 10.

³ Даты дипломатической переписки указываются по Григорианскому календарю.

⁴ A. Nicolson to Edward Grey. 24 July 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 25319. P. 1.

⁵ Report by Sir D.M. Wallace of a Conversation with Mr. Stolypine. P. 1.

он не мог отвечать за сохранение порядка¹. Подобное объяснение роспуска Думы П.А. Столыпин дал и А.И. Гучкову в июле 1906 г.² Премьер отметил, что именно он убедил Николая II «в необходимости роспуска Думы, хотя императору не очень нравилась эта идея»³. По его мнению, «тяжелой ошибкой предыдущего правительства», было отсутствие программы для I Думы, поэтому новое правительство усиленно работает над программой реформ, которую оно намерено предложить II Думе⁴.

Большая часть беседы была посвящена проблеме возможного формирования кадетского кабинета. П.А. Столыпин заявил Д.М. Уоллесу, что он всегда был категорически против этой идеи. Но поскольку императору некоторые персоны в его окружении советовали создать такой кабинет, то по требованию императора он согласился поговорить в частном порядке с некоторыми из членов этой партии, прежде всего с ее лидером П.Н. Милюковым. Эта беседа укрепила П.А. Столыпина в его неверии в кадетский кабинет. Ему не понравились не только личные качества лидера кадетов (чрезмерная амбициозность), но и те условия, которые кадеты выдвигали власти: принятие целиком кадетской программы и опубликование манифеста о введении нового порядка. П.А. Столыпин полагал, что подобные мероприятия приведут лишь к попытке свержения существующего строя революционерами и установлению социалистической республики. П.Н. Милюков заверил П.А. Столыпина, что кадеты не допустят такого развития событий, что в решающий момент «он будет готов перестрелять всех анархистов еще более широко, чем это делает Столыпин». Однако П.А. Столыпин усомнился в том, что подобные меры может осуществить человек, «придерживающийся гуманитарного либерализма в широком смысле этого слова»; уже в течение месяца после этого глава кадетского кабинета должен был бы уйти в отставку, «сопровождаемый потоком проклятий со стороны тех, кто им восхищался». Министр был убежден, что события будут развиваться совершенно по-другому: кадеты, пытаясь избежать затруднений, пойдут на уступки экстремистам, как они это делали в прошлом, и одной из этих уступок будет жертва династией. П.А. Столыпин передал этот разговор императору и убедил его в реальности подобной опасности. После этого разговора император согласился распустить Думу и назначил П.А. Столыпина премьер-министром⁵. Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, кому П.А. Столыпин передал суть разговора с П.Н. Милюковым, вспоминал,

¹ Report by Sir D.M. Wallace of a Conversation with Mr. Stolypine. P. 1.

² Соловьев К.А. Кадеты и ответственное перед Думой правительство. 1906 год. С. 133.

³ Report by Sir D.M. Wallace of a Conversation with M. Stolypine. P. 2.

⁴ Ibid. P. 3.

⁵ Ibid. P. 2.

что готовность последнего к широким репрессивным мерам навела П.А. Столыпина на мысль применить против революционеров чрезвычайные меры¹. П.Н. Милюков в своих воспоминаниях опустил высказывания о возможных репрессиях против революционных партий, упомянув лишь о своей ремарке, что «о поведении кадетов в правительстве не следует судить по их роли в оппозиции»².

Однако и после переговоров с кадетами император, по словам премьер-министра, не отказался от идеи сотрудничества некоторых из видных членов Думы с правительством с целью подготовки серии реформ для новой Думы и дал П.А. Столыпину инструкции по ведению новых переговоров. П.А. Столыпин сообщил Д.М. Уоллесу, что и эти переговоры зашли в тупик, поскольку на этот раз условия вхождения в правительство либеральных общественных деятелей (всеобщая амнистия и отмена смертной казни) оказались неприемлемыми для власти. По свидетельству П.А. Столыпина, император окончательно разочаровался в идее создания коалиционного кабинета после личной встречи с некоторыми из общественных деятелей. Он сказал П.А. Столыпину, что «они кажутся совершенно непрактичными»³. Д.М. Уоллес в докладе отметил, что, по его мнению, либералы опасаются войти в коалиционный кабинет, во-первых, из-за боязни осуждения в предательстве со стороны своих друзей, а, во-вторых, из-за ощущения скорого падения правительства, которое сделает для них невозможным всякое политическое будущее⁴.

Вскоре после взрыва на Аптекарском острове П.А. Столыпин пригласил к себе А. Николсона для ознакомления с содержанием готовящегося к опубликованию 24 августа правительственного сообщения. Результаты беседы с премьером посол изложил в трех донесениях Э. Грэю. П.А. Столыпин сообщил послу, что правительство готовится сохранять порядок и не даст себя терроризировать убийствами чиновников. Он познакомил посла с программой реформ, которую подготовило для Думы его правительство. А. Николсон писал Э. Грэю: «В целом, это большой и примечательный документ. Столыпин меня уверил, что он честно намеревается выполнить эту программу и желает, чтобы она была свободно обсуждаема на общественных собраниях и в прессе. Однако, я опасаясь, что оппозиционная пресса займет скептическую и критическую позицию»⁵.

В беседах с послом, начиная с октября 1906 г., П.А. Столыпин стал проявлять больше оптимизма в оценке политической ситуации в Рос-

¹ Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 2. С. 220–221.

² Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 1. С. 384.

³ Report by Sir D.M. Wallace of a Conversation with M. Stolypine. P. 2.

⁴ Ibid. P. 3.

⁵ A. Nicolson to Edward Grey. 7 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 30374.

сии¹. Он был уверен, что правительство в период предвыборной кампании во II Думу сумеет показать крестьянам, что император пойдет им навстречу². Премьер полагал, что II Дума будет «мозаичной» палатой³, но надеялся, что большинство мест смогут получить умеренные партии, октябристы и партия мирного обновления. В этом случае он рассчитывал на то, что новая Дума сможет изучать и обсуждать правительственную программу реформ, что позволит преодолеть «наиболее острую фазу» политического кризиса⁴. Вместе с тем П.А. Столыпин не питал иллюзий в отношении этих партий, считая их «апатичными, вялыми и, очевидно, неспособными пробудить в своих сторонниках жизнь и дух»⁵.

В период предвыборной кампании во II Думу А. Николсон и П.А. Столыпин часто говорили и о других политических партиях и их перспективах на выборах. О кадетях премьер всегда отзывался с неприязнью, как о партии, которая, возможно, лучше других организована, но «не имеет мужества или силы, чтобы реализовать свои доктрины на практике». Он предполагал, что кадеты потеряли престиж в стране и не смогут набрать много мест во II Думе⁶. Реакционные и революционные партии, с его точки зрения, достаточно активны и, возможно, смогут получить определенное количество мест в Думе. При этом, П.А. Столыпин совершенно определенно заявил послу, что если следующая Дума будет состоять из крайних партий, он без колебания ее распустит, так как знает, «что цели социал-демократов и социал-революционеров заключаются в свержении династии и утверждении социалистической республики. Их мало волнуют либеральные реформы и конституция»⁷. Он допускал и третий, и четвертый роспуск или «другие меры». В донесении А. Николсон заметил, что под «другими мерами» П.А. Столыпин, «вероятно, подразумевал приостановку конституции»⁸.

По мере общения с русским премьером А. Николсон приходил к выводу, что предлагаемые им реформы помогут справиться с политическим кризисом в России. Он писал Э. Грэю: «Я опасаясь, что многие консервативные и умеренные круги общества, хотя и желающие видеть Россию без беспорядков и анархии, все еще неспособны убедить сами

¹ A. Nicolson to Edward Grey. 22 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 36331. P.1.

² A. Nicolson to Edward Grey. 7 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 31315; A. Nicolson to Edward Grey. 22 October 1906. P. 1.

³ A. Nicolson to Edward Grey. 30 November 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 41275.

⁴ A. Nicolson to Edward Grey. 22 October 1906. P.1

⁵ Ibid. P. 2.

⁶ Ibid. P. 2.

⁷ A. Nicolson to Edward Grey. 7 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128 № 31315.

⁸ A. Nicolson to Edward Grey. 30 November 1906. P. 1.

себя, что они должны объединиться и поддерживать правительство в его усилиях выполнить задачу»¹. Британский посол даже не осудил введение военно-полевых судов, вызвавших бурную негативную реакцию в обществе, полагая, что это необходимая мера в деле борьбы с революцией: «Не думаю, что Столыпина можно порицать за те меры, которые он принял, он боролся с большим и всевозрастающим злом...»².

Таким образом, П.А. Столыпин довольно откровенно обсуждал с А. Николсоном многие проблемы внутренней политики России, выказывал твердое намерение работать с Думой второго созыва, для которой его правительство разработало обширную программу, но и готовность распустить ее, если она будет похожа на I Думу. Британский посол, имевший либеральные взгляды, весьма высоко оценил политику П.А. Столыпина периода 1906–1907 гг. Несомненно, положительное отношение А. Николсона к П.А. Столыпину было обусловлено основной задачей, стоящей тогда перед послом: подписанием англо-русского соглашения. Для успешного завершения этой миссии необходимы были умеренная Дума и преодоление революции. Реформы П.А. Столыпина, по мнению А. Николсона, могли бы не только справиться с революцией, но и создать предпосылки для успешного завершения переговоров по соглашению³. Несомненно и то, что А. Николсон попал под влияние обаяния личности П.А. Столыпина, о котором уже после его гибели в 1911 г. написал в своем дневнике: «Столыпин был великий человек. Он был, с моей точки зрения, наиболее значительной личностью в Европе»⁴.

¹ A. Nicolson to Edward Grey. 7 September 1906. P. 2.

² A. Nicolson to Edward Grey. 1 January 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/318 № 571.

³ Neilson K. «My Beloved Russians»: Sir Arthur Nicolson and Russia, 1906–1916 // The International History Review. Vol. 9, No. 4, 1987. P. 534.

⁴ Nicolson H. Sir Arthur Nicolson. C. 225.

МЕСТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И II ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
старший преподаватель кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Военной академии связи
имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: 63donetsk@mail.ru

Аннотация: Как известно, российские социалистические партии начала XX в. бойкотировали выборы в I Государственную думу. Однако в последующем, например, партия социалистов-революционеров (ПСР) изменила свое отношение к парламентаризму. Так, в 1907 г. эта партия приняла участие в выборах во II Думу. Как проходил этот процесс в российских регионах? Автор на примере деятельности организаций социалистов-революционеров (эсеров), действовавших в Среднем Поволжье, показывает особенности выборной кампании начала 1907 г. и ее результаты в одной из губерний региона — Симбирской. Так, в Симбирске организации «крайних левых» заключили предвыборное соглашение и выставили общий список кандидатов. Автор повествует о личностях депутатов Думы от Среднего Поволжья.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров (ПСР), II Государственная дума, выборы, Поволжье, эсеры, депутаты.

В период с середины 90-х гг. XIX в. до 1906 г. в России образовались первые политические партии или организации партийного типа в основном леворадикального толка. Наиболее активно отечественная партийная система формировалась в годы, предшествующие Первой русской революции, и особенно в ее ходе, в частности, в условиях «октябрьских свобод»¹. В 1906 г. в стране было более 50 партий, большая часть из которых функционировала в национальных районах огромной империи². Роль и значение этих партий в жизни страны значительно возросли после появления в политической системе России первого опыта национального парламентаризма — Государственной думы.

¹ Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. — 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 29–48.

² Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение // История СССР. 1990. № 4. С. 71–87. Исхаков С.М. Политические партии в российских революциях в начале XX века / Всероссийская научная конференция // Отечественная история. 2004. № 6. С. 199–203.

Одной из наиболее известных в эти годы стала партия социалистов-революционеров (эсеров)¹. Образовавшись на рубеже 1901–1902 гг., партия прошла сложный путь от разрозненных интеллигентских групп и кружков в России и за границей до самой массовой политической силы страны во время одного из наиболее драматичных периодов отечественной истории. В советское время при характеристике эсеров использовалось немало «идеологических штампов». Так, считалось, что «до первой российской революции эсеры, несмотря на все старания создать себе опору в крестьянской массе, были не более чем интеллигентской группой»². Другой стереотип выразил казанский историк А.А. Литвин, отмечая, что «известность партии на первых порах принесли террористические акты — убийства российских министров внутренних дел, губернаторов, шефов жандармов»³.

В то же время эсеры занимались не только террористической деятельностью. Так, по-прежнему является актуальной проблема отношения партии, находившейся в активной оппозиции к царизму, к Государственной думе. Следует отметить, что многие факты участия эсеров в выборной деятельности и работе российского парламента до сих пор продолжают оставаться недостаточно изученными. Например, на наш взгляд, слабо освещены личности депутатов, являвшихся членами ПСР. Длительное время отсутствие интереса историков к теме эсеров можно было объяснить «слабостью источниковой базы»⁴. Материалы многих исследований советских авторов несли на себе печать времени. В них, как мы считаем, имеется ряд серьезных ошибок и искажений фактографического характера⁵. В этом плане не являются исключением и эсеры в Среднем Поволжье. В советское время исследования непосредственно социалистов-революционеров в этом большом крае по идеологическим соображениям проводились довольно редко. В постсоветский период труды по истории эсеров постепенно стали более частыми⁶. Объективный анализ деятельности как ПСР, в целом, так и региональных и местных организаций, в частности, сегодня невозможен без учета работ Р.А. Городницкого, К.В. Гусева, К.Н. Морозова⁷.

¹ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; Маньков А.В., Минеева Е.К. Эсеры Среднего Поволжья в начале XX века // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 67–79.

² Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 76.

³ Литвин А.Л. В борьбе обрешь ты право свое. Судьба самой многочисленной партии России // Наука и жизнь. 1991. № 3. С. 21.

⁴ Непролетарские партии России. Урок истории. С. 16.

⁵ Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. Часть первая (1900 — июнь 1917 гг.). Калинин, 1970.

⁶ Панова В.И., Толочко Ф.Ш. Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Симбирский вестник. Ульяновск, 1996. Вып. III. С. 113–125.

⁷ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975; его же. Рыцари террора. М., 1992; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.

Наиболее репрезентативные исследования эсеровских организаций в Поволжье были проведены самарским ученым М.И. Леоновым. В связи с этим он отмечал, что «основной ареал эсеровских организаций в 1905–1907 гг. составляли губернии Поволжья...»¹.

С другой стороны, воссоздание целостной картины практики эсеров в регионе является сложной и, как мы считаем, до конца не выполненной исследовательской задачей. Так, много недостатков имеется в показе личностей депутатов от Среднего Поволжья. Образы этих людей сегодня практически забыты в обществе, а ведь именно они в какой-то степени в далеком 1907 г. стояли у истоков российского парламентаризма. В настоящее время существует много неясностей и неточностей в освещении результатов выборов в региональной научной литературе. Имеющиеся труды имеют склонность к явной или скрытой фальсификации фактов в интересах правящей партии². Так, в 1964 г. в одном из серьезных исторических исследований было указано, что «симбирские большевики отказались даже от временного блока с местными эсерами... В результате от губернии депутатами II Государственной думы были избраны лишь социал-демократы и трудовики...»³. Научная дискуссия на эту тему в наши дни практически не ведется. В нашей работе мы рассмотрим некоторые итоги выборов во II Государственную думу в губерниях Среднего Поволжья и на примере Симбирской губернии проанализируем личности некоторых избранных депутатов.

Каждая политическая партия имеет свою социальную базу. Доминировавший в советское время подход к анализу социально-классовой структуры российских партий до октября 1917 г. выразил один из пионеров исследования эсеров калининский историк В.В. Комин. В 1970-е гг., опираясь на работы В.И. Ленина, он отнес партию социалистов-революционеров наряду с партией «народных социалистов» (энесов) и группой «трудовиков» к группе партий «демократической буржуазии»⁴. Не вдаваясь в детали подобного анализа, отметим, что современные взгляды на социальную основу эсерства, пожалуй, носят иной характер. Несомненно, что основной частью эсеровского движения всегда являлось крестьянство. Поволжье было одним из оплотов социалистов-революционеров, так как регион считался аграрным краем⁵. Статистика показывает, что накануне революции абсолютное большинство населения Среднего Поволжья принад-

¹ Исхаков С.М. Политические партии в российских революциях в начале XX века / Всероссийская научная конференция // Отечественная история. 2004. № 6. С. 203.

² Бутаев М.А. Большевики Симбирской губернии в революции 1905–1907 гг. Ульяновск, 1956; Шмыгин И.П. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905–1907 гг. Ульяновск, 1962.

³ Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов, 1964. С. 132.

⁴ Комин В.В. Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в 1917 году. Учебное пособие для студентов. Калинин, 1970.

⁵ Леонов М.И. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 гг. Межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1985. С. 50–68.

лежало к крестьянскому сословию и проживало в сельской местности¹. Так, симбирские крестьяне накануне выборов во II Думу и в ходе ее работы активизировали «приговорное» движение². Однако уже в 1980-е гг. исследователи отмечали, что «опору эсеров составляли часть интеллигенции и те слои рабочих, которые разочаровались в меньшевизме...»³. Многие исследователи отмечают большую роль, которую играли в эсеровском движении региона учителя⁴.

Эсеры, как и другие социалистические партии, бойкотировали I Думу. Тактические проблемы ПСР на новом этапе развития обстоятельно рассмотрел II съезд крестьянских работников в финской Иматре (8–13 сентября 1906 г.)⁵. По предложению В.М. Чернова вопрос об участии в выборах во II Думу было рекомендовано вынести на общепартийный референдум⁶. К февралю 1907 г. ЦК ПСР получил резолюции 30 организаций. Против участия в избирательной кампании высказались всего две из них, одна из которых оказалась из Поволжья — чувашская⁷. В результате в предвыборной кампании во II Государственную Думу, которая, как отметил ульяновский историк В.Н. Кузнецов, представляла собой «крупнейшее политическое и общественное событие начала 1907 г.», эсеры решили участвовать⁸.

На II съезде ПСР, состоявшемся в феврале 1907 г., развернулась дискуссия по отношению ко II Думе. В ней принял участие и делегат от симбирских эсеров. Съезд поддержал тактику сохранения Думы⁹. Он сказал, что «мы не должны создавать преждевременного конфликта Думы с правительством, и каждый лишний день существования Думы послужит с большой пользой делу революции»¹⁰.

¹ Шмыгин И.П. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905–1907 гг. Ульяновск, 1962. С. 34.

² Моисеев Ю.М. «Приговорное» движение крестьян Симбирской губернии накануне Первой русской революции // Под сенью Клио: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 355-летию Симбирска-Ульяновска и 60-летию образования Ульяновской области / Под ред. Д.С. Точеного. Ульяновск, 2003. С. 37.

³ Непролетарские партии России. Урок истории. М., С. 76.

⁴ Куршева Г.А. Учительская интеллигенция в революции 1905–1907 гг: региональный аспект // Первая русская революция 1905–1907 гг.: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность. Мат-лы науч.-практич. конф. 14–16 ноября 2005 г. Ульяновск, 2005. С. 111–117.

⁵ Леонов М.И. Эсеры и II Дума // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 19.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Кузнецов В.Н. Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 — начале 1911 гг. Ульяновск, 2007. С. 41.

⁹ Моисеев Ю.М. Взгляды симбирских и самарских эсеров по вопросу о вооруженном восстании // Первая русская революция 1905–1907 гг.: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность. Ульяновск, 2005. С. 202.

¹⁰ Протоколы второго (экстренного) съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1907. С. 31–34.

Мы уже отмечали, что Поволжье было одним из центров эсеровского влияния¹. Так, профессор В.А. Юрченков при характеристике социальной истории Саранска писал: «По партийной принадлежности интеллигенция Саранска начала XX века была преимущественно эсеровской»².

В Среднем Поволжье к началу Первой русской революции уже существовали многочисленные комитеты и группы партии эсеров³. В феврале 1905 г. в Пензе состоялся первый областной съезд эсеров, где был создан Поволжский областной комитет, который летом 1905 г. был разгромлен полицией⁴. Однако к лету 1906 г. поволжским эсерам вновь удалось наладить организаторскую и пропагандистскую работу⁵. Во многих губерниях и уездах активно проводилась террористическая деятельность⁶.

Симбирская группа социалистов-революционеров возникла в декабре 1904 г. и организационно принадлежала к Поволжскому областному комитету, о чем было указано в одном из отчетов Симбирского Губернского жандармского управления (ГЖУ) в конце 1907 г.⁷. В 1905 г. был создан партийный комитет, а к осени в организации, по данным «патриарха поволжского корпуса историков партии эсеров» М.И. Леонова, было уже 593 члена⁸. До начала 1905 г. ею руководил учитель, уроженец Чебоксарского уезда Казанской губернии Тимофей Николаев (партийный псевдоним «Хури»), после его отъезда в Казань на учебу в институте до декабря 1905 г. — ветеринарный врач Константин Родионов, высланный в Симбирск из столицы⁹.

Революция неспешно добралась до тихого волжского города и на несколько лет разделила провинциальное губернское общество на ряд противоборствующих лагерей. В январе 1907 г. в Симбирской губернии развернулась предвыборная кампания по выборам в Думу. По мнению А.А. Литвина, «для Поволжья периода первой российской революции было характерно и такое явление, как сотрудничество левых сил, прежде всего в экстремальных условиях, необычных для той поры: подготовка вооруженного восстания, создание и деятельность Советов рабочих

¹ Минеева Е.К., Шайпак Л.А., Маньков А.В. Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Право и образование. 2015. № 7. С. 158–167; Маньков А.В. Средневолжские организации партии эсеров в ходе Первой русской революции: состав, численность и отношение к терроризму // Вестник Чувашиского университета. 2018. № 2. С. 105.

² Юрченков В.А. Люди и нравы // Саранск: В 2-х кн. Саранск, 1997. Кн. 1. С. 28.

³ Ерофеев Н.Д. К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне Первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. ст. М., 1989. С. 122–132; Маньков А.В. Средневолжские организации партии эсеров в ходе Первой русской революции. С. 105.

⁴ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 994. Л. 24.

⁵ Там же.

⁶ Маньков А.В., Минеева Е.К. Российский революционный терроризм // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 67–76.

⁷ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 772. Л. 98.

⁸ Леонов М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 118.

⁹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 378. Л. 58 об.

депутатов, боевых дружин и т.д. ...»¹. Например, в Самаре и Саратове такое сотрудничество имело место в Советах рабочих депутатов. Видимо, такой же «экстремальной ситуацией» были выборы в Думу.

Отличительной особенностью, как считает другой ульяновский историк К.А. Ефимов, выборной компании во II Думу стало стремление революционно-демократических и либеральных организаций создавать предвыборные блоки².

В предвыборные дни в Симбирске был создан предвыборный блок левых организаций, в который вошли: 1. Симбирский комитет ПСР. 2. Симбирская группа РСДРП. 3. Симбирская группа народно-социалистической партии.

Перед выборами ими была выпущена листовка, в которой, в частности, говорилось: «Граждане! Между симбирскими организациями крайне левых произошло предвыборное соглашение. Мы выставяем один общий список кандидатов»³. В него были включены: 1. Сельский врач Артемий Васильевич Воробьев. 2. Учитель Дмитрий Логгинович Зимин. 3. Купеческий сын Александр Африканович Кузнецов. 4. Доктор Иван Матвеевич Сахаров. 5. Рабочий-наборщик Василий Михайлович Сидоровичев.

Сами социал-демократами была выпущена прокламация по шаблону газеты «Пролетарий». В ней, в частности, говорилось: «Учредительное собрание — вот ближайшая цель социал-демократов»⁴.

Блок выпустил предвыборное воззвание, призывавшее подать голоса за своих кандидатов. Основными положениями программы блока, вытекающими из этого документа, можно считать следующие:

1. Беспощадная борьба с самодержавием. 2. Борьба за созыв Учредительного Собрания. 3. Отмена выкупных платежей. 4. Всеобщая свобода.

6 февраля 1907 г. симбирские жандармы сообщали товарищу министра внутренних дел, что на предвыборном собрании выборщиков, состоявшемся 4 февраля, отстраненный от должности учитель Зимин, выступая в зале городской Думы, говорил: «Государственная дума должна представить счет с процентами Высокому лицу за все хищения Его и его двора, и если счет не будет им оплачен сполна, то народ должен ответить кровавой баней — беспримерной в истории»⁵. По сути, эсер Зимин призывал народ к вооруженному восстанию.

Тогда же выступившие ораторы «указывали на необходимость организации для установления постоянной связи между уездами и Думой, для чего полагали образовать Комитеты — губернский, уездный и во-

¹ Литвин А.А. Меньшевики Поволжья в 1905–1907 гг. С. 216.

² Ефимов К.А. Тактика партийных организаций Поволжья на выборах во II Государственную думу // Первая русская революция 1905–1907 гг.: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность. Ульяновск, 2005. С. 254.

³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 89. Л. 46.

⁴ Прокламации Симбирской организации РСДРП 1904–1907 гг. (Сборник документов) / Сост. М. Бутаев, М. Кривов. [Ульяновск], 1951. С. 93.

⁵ ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 89. Л. 77.

лостной. Главная цель такой организации — лозунг для вооруженного восстания»¹.

В результате выборов голоса выборщиков распределились следующим образом: 1. Кузнецов — 2016. 2. Зимин — 1927. 3. Сахаров — 1910. 4. Сидоровичев — 1516. 5. Алимов — 1493. 6. Воробьев — 227.

В поволжских губерниях, по данным М.И. Леонова, было избрано 57 депутатов². Из них в эсеровской фракции в Думе оказалось 11 депутатов от Поволжья: 4 от Саратовской губернии, 3 от Самарской, 2 от Нижегородской, 1 от Симбирской и 1 от Астраханской³. В 1997 г. Леонов привел несколько другие данные по трем губерниям: Саратовской (5 депутатов) и Самарской (4 депутата), а также Казанской (3 депутата), о которой он не упоминал ранее. Тогда же он уточнил общее количество депутатов от Поволжья (50 человек), из них депутатов-эсеров, по подсчетам историка, оказалось 15⁴. По результатам четырех средневоложских губерний на выборах в Думу победу одержали трудовики (около 50 %), на втором месте оказались сторонники РСДРП (20 %), третье место досталось ПСР (13 %), и с небольшим отрывом от нее оказались кадеты (11%). Явное поражение потерпели октябристы, получив всего 2 депутатских мандата⁵.

В Симбирской губернии «левый блок» был осуществлен. Как отмечает ульяновский автор Ю.М. Моисеев, «отсюда кадеты не получили ни одного мандата во II Думу»⁶. Итогом всей избирательной кампании в масштабе Симбирской губернии явилось избрание 6 февраля 1907 г. шести левых кандидатов: двух трудовиков, двух социал-демократов, одного эсера и одного неопределенной социалистической ориентации⁷. Помимо представителей «левого блока» социал-демократа А.А. Кузнецова и эсера Д.Л. Зимины депутатами стали также социал-демократ крестьянин О.М. Сытин, бухгалтер из Сызрани социал-демократ М.С. Татарин, алатырский врач Л.В. Карташов (неопределенная социалистическая ориентация) и трудовик мулла А.А. Нежеметдинов.

Успех трудовиков в Среднем Поволжье, в определенной степени, был адекватен общероссийским результатам. Заметным депутатом в Трудовой группе Думы оказался уроженец Лаишевского уезда дворянин Казанской губернии Л.В. Карташов, по своим взглядам близкий к эсерам⁸. Отец Карташова был офицером и дворянином. Сам депутат в 1900 г. закончил ме-

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 89. Л. 77.

² Леонов М.И. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 гг. Межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1985. С. 67.

³ Там же.

⁴ Леонов М.И. Эсеры и II Дума. С. 25.

⁵ Ефимов К.А. Тактика партийных организаций Поволжья на выборах во II Государственную думу. С. 257.

⁶ Моисеев Ю.М. Эсеровские и социал-демократические организации в Среднем Поволжье в период Первой русской революции // Постигая прошлое и настоящее. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1993. Вып. 2. С. 47.

⁷ Кузнецов В.Н. Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 — начале 1917 гг. Ульяновск 2007. С. 49.

⁸ Леонов М.И. Эсеры и II Дума. С. 29.

дицинский факультет Казанского университета, служил заведующим Алатырской земской больницей, избирался гласным городской Думы. После разгона II Думы Карташов вернулся в Алатырь, а затем перебрался на Кавказ в Кутаисскую губернию. В советские годы Карташов являлся видным организатором здравоохранения в Абхазии, где и умер в 1963 г. С 1941 г. он был заслуженным врачом Абхазской АССР.

В то же время среди депутатов Думы оказалось немало эсеров (38 человек)¹. В парламенте был создан постоянный комитет думской группы ПСР в составе: Г.А. Горбунов, Н.С. Долгополов, Д.Л. Зимин, Ф.И. Ржехин, В.М. Стрелков². Некоторые из них пришли в парламент из Поволжья.

Одним из наиболее известных депутатов считался Д.Л. Зимин. Трагическая политическая и личная судьба этого человека сегодня представляет интерес исследователя.

Дмитрий Логгинович Зимин (1867–1937) по происхождению являлся крестьянином села Товалей Мамадышского уезда Казанской губернии. Выпускник Казанской учительской семинарии Зимин работал народным учителем в Казанской губернии, а затем до 1907 г. служил учителем и заведующим начальным училищем имени М.В. Лебедева в Симбирске.

6 февраля 1907 г. он был избран в Государственную думу II созыва от общего состава выборщиков Симбирского губернского избирательного собрания. В Думе Зимин вошел в группу социалистов-революционеров и стал членом ее постоянного комитета³. Зимин состоял членом думской комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов, участвовал в прениях по аграрному вопросу, также в Санкт-Петербурге занимался издательской деятельностью: он был редактором и издателем политической и литературной газеты «Благо народа». Известен первый его номер за 2 (15) марта 1907 г.

По возвращении Зимина из столицы в августе 1907 г. симбирские эсеры пригласили его «участвовать в работе партии»⁴. 26 октября 1907 г. в Симбирске в квартире Зимина была арестована «бабушка русской революции», один из руководителей российских эсеров Е.К. Брешко-Брешковская⁵. Видимо, это послужило причиной того, что 24 апреля 1908 г. Зимин был осужден на 1 год и 6 месяцев на основании ст. 129, 1, п. 5, 128, 17, 19, 60 и 53⁶. С ноября 1908 г. по 21 мая 1910 г. Зимин находился в Симбирской губернской тюрьме.

В 1917 г. Зимин на VIII конференции партии эсеров был избран членом ЦК ПСР. По данным В.Н. Кузнецова, в 1919 г. Зимин стал членом Совета и управляющим делами Добровольческой армии⁷.

¹ Леонов М.И. Эсеры и II Дума. С. 25.

² Там же. С. 26.

³ Леонов М.И. Эсеры и II Дума. С. 26.

⁴ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 994. Л. 10.

⁵ Там же. Д. 651. Л. 78.

⁶ Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1709. Л. 13.

⁷ Кузнецов В.Н. Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 — начале 1917 гг. С. 234.

Судьба Зимина в советский период сложилась очень драматично. 1 января 1936 г. он осужден тройкой при УНКВД по г. Владивостоку по обвинению в «контрреволюционной агитации» на 10 лет ИТЛ. В сентябре 1937 г. Зимин был привлечен по новому делу в Юргинском лагере НКВД и обвинен в «контрреволюционной деятельности» и «дискредитации Советской власти и вождей партии и правительства, распространении провокационных контрреволюционных слухов и агитации». 11 сентября 1937 г. в Юрге он был расстрелян.

Была ли связь между предвыборной кампанией и региональным эсеровским террором? Как указывал Д.Б. Павлов, «боевая работа партии вышла из-под контроля ЦК и стала достоянием широких партийных масс»¹. В отдельных случаях боевые дружины эсеров продолжали действовать вопреки решениям различных партийных инстанций².

Эсеры Поволжья, по оценке региональных исследователей, активно занимались террористической деятельностью³. В Пензе 25 января 1907 г. был убит местный губернатор С.В. Александровский⁴. Это было последнее крупное террористическое действие в регионе до выборов в Думу. После выборов во II Государственную думу «2-й (Экстренный) съезд партии (февраль 1907 г.) решил ослабить террор, так как эсеры стали „парламентской партией“»⁵.

В то же время 13 апреля 1907 г. в г. Карсуне Симбирской губернии смертельное ранение после покушения члена летучего боевого отряда Поволжской области получил уездный исправник В.В. Шемякин⁶. В 1907 г. в российских регионах, в частности, в Поволжье, повсеместно развились экспроприации казенных и личных денег, а также оружия⁷. Так, 27 марта 1907 г. в Симбирске местные эсеры провели успешную экспроприацию оружия у помещика Теплова⁸.

В Самаре, по мнению исследователей, «зимой и весной 1907 г. социалисты-революционеры вели усиленную организационную и техническую подготовку к восстанию»⁹.

¹ Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905–1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. ст. М., 1989. С. 149.

² Там же.

³ Карнишин В.Ю. Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза, 1996. С. 60.

⁴ Там же. С. 62–63.

⁵ Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в Первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. ст. М., 1989. С. 140.

⁶ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 336. Л. 9.

⁷ Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 28.

⁸ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 994. Л. 416 об.

⁹ Моисеев Ю.М. Взгляды симбирских и самарских эсеров по вопросу о вооруженном восстании // Первая русская революция 1905–1907 гг.: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность. Ульяновск, 2005. С. 204.

Как свидетельствует начальник Самарского ГЖУ в донесении Департаменту полиции от 26 февраля 1907 г.: местной организацией партии эсеров «... в настоящее время восстанавливаются как в городе, так и в уездах, преимущественно в Самарском и Бугурусланском, боевые дружины, которые предназначаются для совершения в ближайшем будущем крупных экспроприаций, выполнения террористических актов и выступления в случае вооруженного восстания»¹.

На одной из центральных улиц современного Ульяновска, носящей имя одного из первых отечественных диссидентов А.И. Радищева, находится 2-этажное кирпичное здание в стиле начала XX в. Это скромное здание в архитектурном стиле дореволюционной России сегодня обращает внимание, пожалуй, лишь тех, кто хорошо знаком с событиями революционной эпохи 1905–1907 гг. В те годы в этом доме на Мартыновой улице, так же, как и сейчас, находилось обычное учебное заведение — начальное училище имени М.В. Лебедева. В те уже далекие годы в нем работал член партии социалистов-революционеров Дмитрий Зимин: он заведовал училищем 2 года².

Таким образом, в годы Первой русской революции средневожские «левые» были склонны к сотрудничеству между собой. При выборах во II Думу в Симбирской губернии успешно действовал «левый блок». Одной из вошедших в него революционно-демократических политических организаций являлась партия эсеров. Выборы в Государственную Думу стали важной частью практики местных организаций этой партии в Среднем Поволжье. В Симбирской губернии в числе видных представителей эсеровского движения оказался народный учитель и заведующий ремесленным училищем имени Лебедева Д.Л. Зимин, ставший депутатом II Государственной Думы и одним из руководителей думской группы ПСР.

¹ ГА РФ. Ф. ДПО. 102. Оп. 237. Д. 180. Ч. 8. Л. 8 об.

² ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 89. Л. 52.

ПРАВЫЕ И ТРЕТЬЕИЮНЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

ОМЕЛЬЯНЧУК ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор
Владимирского государственного университета,
Владимир, Россия;
e-mail: omeliyanchuk@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль правых в роспуске II Государственной думы и последующем изменении избирательного закона. Подчеркивается, что монархические организации обеспечивали информационную атаку на представительный орган, позволившую в известной степени легитимизировать «третьеиюньский государственный переворот». Однако его политические результаты разочаровали правых: переворот не изменил характер народного представительства, но зато привел к окончательному разрыву монархических организаций с кабинетом П.А. Столыпина, сделавшим ставки на партии парламентского типа, и способствовал глубокому расколу крупнейшей партии правого лагеря — Союза русского народа, разделившегося на «дубровинцев» и «обновленцев».

Ключевые слова: правые партии, Государственная дума, правительство, П.А. Столыпин, «третьеиюньский государственный переворот», избирательный закон.

Разговор об изменении избирательного закона правые завели вскоре после роспуска первой Думы. 8 августа 1906 г. на общем собрании Русской монархической партии был принят «всеподданнейший адрес», в котором в частности говорилось: «Если же ты, Великий Государь, решил еще продолжать опыт с государственною Думою, то мы исполним твою волю и приложим все старания к достижению возможно лучших результатов на предстоящих выборах; но таких результатов мы ни в каком случае не достигнем, если выборы будут происходить на основании прежних избирательных законов...»¹. Третий всероссийский съезд Русских людей (Киев, 2–7 октября 1906 г.) постановил просить Государя «повелеть, дабы до назначения новых выборов в Государственную думу был издан новый выборный закон»². Но на съезде объединенного дворянства, где также раздавались голоса в пользу изменения избирательного закона, В.М. Пуришкевич заявил: «На последнем Киевском съезде был решен тот же вопрос, и мы поняли, что стучимся пока в закрытые двери»³. Дело в том, что правительство П.А. Столыпина выбрало другой путь: оно решило, не меняя избирательный закон, ограничиться широким использованием административного ресурса в ходе предстоящей избирательной кампании. Кандидат Главного Совета Союза русского народа (СРН) В.П. Соколов

¹ Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 181.

² Там же. С. 242.

³ Степанов С. Черная сотня. М., 2005. С. 180.

объяснил это так: П.А. Столыпин «как конституционалист» не мог менять избирательный закон без участия Думы, «а если бы и вздумал менять, «решившись на такой „антиконституционный акт“, то мог это сделать только в нашу [монархистов] сторону», что привело бы к победе правых, чего глава правительства отнюдь не желал, так как в его намерения входило лишь воспользоваться монархистами «как средством... против крайних левых и, по миновании надобности, раздавить нас», чтобы «провести конституцию»¹.

Действительно, к этому времени «фаворитом» главы правительства стал «Союз 17 октября», имевший принципиальные идеологические разногласия с правыми. Попытки П.А. Столыпина объединить эти две политические силы на выборах не увенчались успехом — и октябристы, и монархисты не были готовы поступиться своими доктринальными принципами для достижения победы, поэтому проправительственные силы и во второй думской кампании действовали разрозненно. Неудивительно, что, несмотря на активное использование П.А. Столыпиным административного ресурса (сенатские «разъяснения» законодательства, запрет избирательных собраний, исключение оппозиционных кандидатов в выборщики и т.д.²), результаты выборов оказались разочаровывающими и для правительства, и для правых. Получить лояльное большинство во Второй Думе не удалось — она оказалась еще более революционной, чем ее предшественница.

П.А. Столыпин полагал, что причиной неутешительных результатов выборов является неконструктивная позиция правых, не пожелавших пойти на уступки октябристам для создания коалиции. Монархисты же считали, что эта коалиция им была и не нужна. По их мнению, глава правительства хотел просто использовать правых для достижения собственных целей, а именно — введения в России «конституционализма». Однако, как писал В.П. Соколов, задуманная П.А. Столыпиным политическая комбинация по созданию в Думе «послушного его дирижерской палочке конституционно-бесцветного большинства», разбавленного «для пикантности прений» на правом крыле «обманутой им кучкой монархистов», а на левом — «20–30 учтывыми кадетиками», не удалась. По мнению В.П. Соколова, глава правительства не учел трех фактов: «наше [монархистов] неожиданное упорство и нежелание заключать блока» с октябристами, активное участие в избирательной кампании левых, бойкотировавших предыдущую Думу, и, наконец, «неверное представление о силах Союза 17 октября». Результат выборов, утверждал В.П. Соколов, «перевернул все расчеты Столыпина, и если раньше он нам просто не сочувствовал, то теперь у него явилось прямо чувство недоброжелательства»³.

¹ Соколов В.П. Страшная правда: обзор управления П.А. Столыпина. СПб., 1907. С. 12, 14.

² См. подробн., напр.: Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 121.

³ Соколов В.П. Указ. соч. С. 13–14, 15.

Как только правые убедились, что их успехи во второй думской кампании на этих выборах будут весьма скромными, они вновь заговорили о необходимости изменения избирательного закона. Монархисты вновь выдвинули опробованный в период легислатуры Первой Думы тезис о том, что действующая избирательная система не позволяет попасть в Думу истинным представителям русского народа. Уже 20 января (за месяц до открытия Думы) «Русское знамя» писало: «Все яснее становится, что избирательный закон должен быть изменен, потому что существующая у нас система рассчитана на то, чтобы в Думу попали те, кто лучше сумеют смошенничать на выборах»¹. 4 марта 1907 г. Муромский отдел СРН телеграммой призывал государя не верить членам Думы: «Люди эти чужие русскому народу... они враги Твои и наши, они потеряли совесть, продали и предали Веру, Тебя и Родину, словом, это выродки рода человеческого»². 9 марта 1907 г. Астраханская народно-монархическая партия телеграфировала самодержцу: «...не верь думцам, так как люди, едущие в Думу, не есть избранники всего народа, а есть лишь люди, подобранные комитетами разных партий при помощи обмана, подкупа и прочих злоупотреблений, неизбежных при нынешней системе выборов», а Ковровский отдел СРН утверждал, что в Думе заседают «в большинстве не истинные представители народа, а враждебные тебе и Русскому Народу»³.

Вскоре после начала работы II Думы В.М. Пуришкевич от имени Главного Совета СРН разослал местным отделам Союза секретный циркуляр, в котором предписывалось «как только появится знак креста в органе Союза „Русском знамени“... тотчас же начать обращаться настойчивыми телеграммами к государю императору и к председателю Совета министров Столыпину и в телеграммах настойчиво просить и даже требовать: а) немедленного роспуска Думы... и б) изменения, во что бы то ни стало, избирательного закона»⁴. 14 марта 1907 г. на первой странице «Русского знамени» в разделе «Деятельность СРН» посредине страницы большой черный крест, наконец, появился⁵ (впрочем, появлялся он и в последующих номерах в течение месяца), и в столицу хлынул настоящий поток телеграмм с требованием роспуска Думы и пересмотра избирательного законодательства, из-за несовершенства которого в состав представительного органа прошли лица, не имеющие ничего общего с русским народом. Искоростьский отдел СРН (Овручский уезд Волынской губернии) телеграфировал: «Самодержавный Государь! Вторая Дума с первых дней своего существования явно показала себя, что она не работоспособная и не русская, а революционная, стремящаяся к разрушению Русского

¹ Русское знамя. 1907. 20 января.

² Владимирский голос. 1907. 28 марта.

³ Русское знамя. 1907. 9 марта.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 1. С. 422.

⁵ Русское знамя. 1907. 14 марта.

Государства и свержению Твоего Престола. Она своим преступным поведением переполнила чашу терпения Русского Народа, а потому коленопреклоненно просим Тебя, Царь Батюшка, повели распустить эту крамольную Думу, ибо она недостойна своего великого назначения, а также повели изменить избирательный закон, допускающий инородцев в устройство нашей дорогой Родины»¹. Шуйский Союз русских православных людей в своей телеграмме обратился к императору в третьем лице: «Да повелит самодержец земли русской распустить вторую Думу... По старому закону не будет мира и процветания в исстрадавшейся Родине и покоя любвеобильному сердцу государеву»².

Все чаще подобные требования можно было услышать и на собраниях монархических организаций. Так, 28 марта 1907 г., выступая перед владимирскими союзниками, оратор из Москвы Я.Г. Буланов заявил, что члены Думы «не хотят и не могут заняться той серьезной необходимой работой, для которой они призваны царем и посланы народом», и «что Дума не захотела дать стране умиротворения, и политические убийства и грабежи растут день ото дня под провокационную шумиху Думы и революционной печати», а потому представительный орган этого созыва подлежит роспуску. При этом Я.Г. Буланов подчеркнул, «что монархисты протестуют не против Думы, раз она будет выразительницей народных русских нужд, а против обращения Думы в революционную трибуну, с которой раздаются открытые призывы к смуте и мятежу»³.

А вскоре эти требования переключиваются в программные документы правых партий. Так IV Всероссийский съезд Русских людей (Москва, 26 апреля — 1 мая 1907 г.) постановил: «Русскому народу необходимо не законодательное, а законосовещательное учреждение, состав коего пополнялся бы на системе сочетания выборов, жребия и Царского созыва», а нынешнюю «неработоспособную крамольную Государственную думу... для водворения порядка и безопасности в государстве необходимо распустить»⁴.

Более 200 телеграмм с требованием ходатайствовать перед императором о роспуске Думы было отправлено отделами СРН на имя П.А. Столыпина⁵. Однако глава правительства не спешил следовать советам монархистов. По мнению В.П. Соколова, П.А. Столыпин не распускает крамольную Думу, так как «отлично понимает, что распусти он Думу — он должен уйти и сам. Ибо всякому ясно, что министр, вопреки всему, утверждавший, что соберет работоспособную Думу, и собравший революционную, должен уйти»⁶. В дневнике генеральши А.В. Богданович от 21 марта 1907 г. записано: «Сегодня Пуришкевич хотя и не ругал Сто-

¹ Русское знамя. 1907. 22 марта.

² Русское знамя. 1907. 25 марта.

³ Владимирский голос. 1907. 30 марта.

⁴ Тверское Поволжье. 1907. 18 мая.

⁵ Русское знамя. 1907. 27 марта.

⁶ Соколов В.П. Указ. соч. С. 16.

лыпина, но чувствуется, что он им недоволен»¹. Однако правые несколько преувеличивали «конституционализм» П.А. Столыпина. Уже 20 апреля 1907 г. тот же В.М. Пуришкевич из беседы с главой правительства вынес убеждение, что глава правительства готов «разогнать Думу, но ждет это сделать, так как общественное мнение возбуждено Думой, но враждебно к ней еще не относится»². В.М. Пуришкевич со страниц правого харьковского журнала «Мирный труд» призывал к роспуску Думы едкими эпиграммами: «Но Дума вся сплошной скандал / А потому под думским кровом / Их до разгона сохранить / (Еще успеем посадить!)»³.

В начале мая 1907 г. правые депутаты Думы В.В. Шульгин, А.С. Вязигин, В.М. Пуришкевич и Г.Е. Рейн посетили П.А. Столыпина, перед которым был поставлен вопрос «о необходимости немедленного роспуска 2-й Государственной думы». По словам В.В. Шульгина, премьер-министр отреагировал короткой фразой: «Необходимо, чтобы прошло некоторое время, пока Дума догнiet на корню, тогда наступит удобный момент для ее роспуска», но заявил, что решение вопроса зависит от царя⁴.

На высочайшем приеме, состоявшемся также в начале мая, В.М. Пуришкевич обратился к самодержцу со следующими словами: «...мы все ждем не дождемся, когда окончится это позорище! Это собрание изменников и предателей, которые революционизируют страну... Это гнездо разбойников, засевшее в Таврическом дворце. Мы страстно ожидаем приказа вашего императорского величества о роспуске Думы...». Государь в ответ поблагодарил политика за «всегдашнюю преданность престолу и родине», но подчеркнул, что этот вопрос будет решать сам. Однако, когда член Думы от Полтавской губернии октябрист С.В. Лукашевич спросил, не подать ли ему в отставку с должности председателя земской управы, дабы сосредоточиться на думской работе, государь ответил: «Погодите подавать в отставку...». В эту минуту, пишет В.В. Шульгин, все присутствующие «поняли, что Дни Государственной думы сочтены»⁵.

Поэтому 19 мая 1907 г. нетерпеливый В.М. Пуришкевич, уже не стесняясь, критикует самого П.А. Столыпина за медлительность в вопросе роспуска Думы. «Всероссийский кабак — русская Государственная дума — только благодаря непростительной близорукости П.А. Столыпина продолжает свою работу...», — пишет он в «Русском знамени»⁶ (при этом следует помнить, что членом Второй Думы В.М. Пуришкевич стал на деньги П.А. Столыпина, выделившего правым 150 тыс. рублей на проведение избирательной кампании, большая часть которых, по утверждению Е.А. Полубояриновой, «пошла на проведение Пуриш-

¹ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 422.

² Там же. С. 425.

³ Пуришкевич В. Думские записки // Мирный труд. 1907. № 5. С. 1.

⁴ Тюремная одиссея Василия Шульгина: материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова. М., 2010. С. 154, 201.

⁵ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 503, 505.

⁶ Русское знамя. 1907. 19 мая.

кевича в члены Государственной думы по Кишиневу, это было желание самого Столыпина»¹). Однако глава правительства ожидал завершения работы товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского над новым избирательным законом. 29 мая было объявлено о принятии одного из его вариантов, схема которого в шутку была названа ее автором «бесстыжей». Для ускорения принятия нового закона, а стало быть и роспуска Думы, «Крыжановский с двумя чиновниками МВД и двумя переписчиками, выбиваясь из сил, работали два дня подряд, включая и ночные часы. 2 июня проект был готов»². Но уже 1-го июня 1907 г. П.А. Столыпин, не дожидаясь завершения работы переписчиков, с думской трибуны потребовал лишить членов социал-демократической фракции неприкосновенности, обвинив их в причастности к антигосударственному заговору. Сразу после этого слово взял В.М. Пуришкевич, предложивший немедленно предать обвиняемых военному суду и повесить «в 24 часа»³. Возможно, именно это провокационное выступление помешало Думе попытаться найти компромисс, и она отвергла ультиматум главы правительства, следствием чего стал очередной роспуск российского парламента, вошедший в историю под названием «третьеиюньский государственный переворот».

Роспуск «крамольной» Государственной думы правые встретили восторженно. «Свершилось событие великой важности. Вся Русская Россия с облегченным сердцем вздохнула, услышав радостную весть о разгоне волею Самодержавного Царя крамольной думы, замыслившей преступный заговор против Русского Государства и Царской Власти чуть не на глазах у русского правительства», — писало «Русское знамя»⁴. В Шуе «манифест о роспуске Думы... встречен русскими людьми с величайшей радостью. Однако слышно глухое шипение, как ядовитых змей, крамольников, которых манифест ошпарил как кипятком», — сообщал «Ивановский листок». Самодержцу по этому поводу была отправлена телеграмма: «Союз Русских православных людей в городе Шуе и Владимирской губернии, бьет тебе челом верноподданнически, за роспуск второй Государственной думы, которая, в большинстве своем, работала не на пользу, а на гибель нашей дорогой родине»⁵. В Житомире члены местного отдела СРН «ликовали», выслушав «в общем собрании манифест... о роспуске Второй Государственной думы», и, «бесконечно радуясь» государственной мудрости, «выражали надежду, что наконец-то Россия будет иметь Думу русскую»⁶.

¹ Союз русского народа по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929. С. 40.

² Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 346.

³ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика. М.; СПб., 2011. С. 66.

⁴ Русское знамя. 1907. 5 июня.

⁵ Ивановский листок. 1907. 9 июня.

⁶ Русское знамя. 1907. 13 июня.

Роль правых в осуществлении третьеиюньского переворота не стоит преуменьшать. Вряд ли будет справедливым утверждение о том, что идея роспуска Думы и изменения избирательного закона поселилась во властных коридорах исключительно по инициативе монархистов. Ведь еще в ноябре 1906 г. Николай II и П.А. Столыпин пришли к общему мнению, что придется пойти на реформу избирательного законодательства, если и Вторая Дума окажется неработоспособной¹. Более того, незадолго до начала работы последней император сообщил государственному контролеру П.Х. Шванебаху, что С.Е. Крыжановский уже готовит проект нового избирательного закона². Тем не менее, следует признать, что масштабная информационная атака правых на Думу в виде телеграмм, решений собраний отделов, постановлений съездов и т.п. обеспечила (в известной степени) легитимность ее роспуска, убедив самодержавие в наличии политической поддержки этого шага со стороны хотя бы части населения. Американский историк Д. Роусон не без оснований полагает, что Николай II решился на роспуск Думы только после того, как монархические организации уверили его во «всемирной» поддержке³.

Однако результаты третьеиюньского переворота не оправдали ожиданий правых. Уже 9 июня «Русское знамя» выразило недовольство новым избирательным законом, «изготовленным бюрократией без соответствия духу великого Манифеста 3-го июня», при котором «наша измученная Родина остается по-прежнему без надежных гарантий для защиты своего состояния, свободы и жизни от разлагающих влияний»⁴. Но самое главное — не оправдались надежды правых на изменение статуса представительного органа в «монархическом духе». А.А. Киреев писал по этому поводу: «Нам, монархистам-славянофилам, приходится пожалеть лишь о том, что правительство остановилось на полдороге, не решилось довершить переворот и возвратиться к *Думе совещательной*»⁵. Эту точку зрения разделяли многие монархисты (Л.А. Тихомиров, С.Ф. Шарапов, В.М. Пуришкевич, Г.Г. Замысловский и др.), считавшие, что новая Дума, оказавшись «смирной и приличной», своей работой будет способствовать утверждению принципа парламентаризма в Российском политическом пространстве⁶, что отнюдь не отвечало стратегическим интересам правых.

Еще одним негативным для правых итогом третьеиюньского переворота стал их разрыв с правительством П.А. Столыпина, получившим в Думе сразу две опоры в лице фракций октябристов и националистов.

¹ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 345.

² Там же.

³ Rawson Don C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P. 229.

⁴ Русское знамя. 1907. 9 июня.

⁵ Киреев А. Голос старого славянофила // Мирный труд. 1907. № 8–9. С. 249.

⁶ См.: Ромов Р.Б. На «совете нечестивых»: Государственная дума в оценках правых депутатов (1907–1912) // Консерватизм в России и мире: в 3-х ч. Воронеж, 2004. Ч. II. С. 105–107.

Крайне правые же, проведя в Третью Думу менее полусотни депутатов, вынуждены были в Думе играть роли второго плана. Соответственно изменилось и отношение к ним со стороны властей. С.Ю. Витте вспоминал: «Когда нужда в черносотенцах отпала (в Думе их заменили октябристы), брат Столыпина, публицист в „Новом времени“, сказал по адресу председателя СРН: „Мавр сделал свое дело“»¹. Приблизительно также выразился и сам А.И. Дубровин: «Союз возник в тот момент, когда в стране царила полная анархия, власти растерялись и спрятались, и Россия должна была погибнуть, но явился Союз, подавил революцию и спас Родину... тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твердую почву, начинают говорить нам: „Уходите, Союз был нам не нужен, мы и сами управимся“»².

СРН не признававший законодательный характер Государственной думы и активно выступавший против аграрной реформы П.А. Столыпина, к осени 1907 г. насчитывал более 400 тыс. членов и представлял собой внушительную силу. Существование такой многочисленной непримиримой оппозиции не устраивало П.А. Столыпина, поэтому ближайшей целью правительства стало реформирование СРН и превращение его умеренной части в партию парламентского типа, а крайне правой — в маргинальную политическую структуру, неспособную дестабилизировать режим «думской монархии». Результатом такой политики стал раскол СРН на оппозиционных «дубровинцев» и лояльных к власти «обновленцев» («марковцев»), противостояние между которыми существенно ослабило монархический лагерь накануне решающих сражений за самодержавие.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 138.

² Союз русского народа по материалам. С. 401.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА (ПО МАТЕРИАЛАМ «ПИСЕМ ВО ВЛАСТЬ»)

ГАВРОЕВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА,

ассистент кафедры русской истории
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: gavroevae@herzen.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу «писем во власть» периода Первой мировой войны в адрес Государственной думы. Несмотря на то, что после начала военных действий нарушились устоявшиеся формы работы парламента, М.В. Родзянко старался привлекать внимание правительства и общества к внутривластным проблемам, настаивая на важности полноценной законодательной деятельности Думы. Своеобразной реакцией общества на это были письма и телеграммы на имя М.В. Родзянко в период возобновления занятий Государственной думы. Граждане Российской империи обращались к думцам со словами восторга, восхищения, а иногда и со словами критики в отношении деятельности депутатов и думского председателя в военное время. Благодаря этим уникальным документам можно проследить то, какие требования выдвигали представители различных слоев российского общества к народным избранникам. Анализ «писем во власть» позволяет внести уточнения в существующие представления о деятельности, успехах и неудачах председателя и возглавляемой им Государственной думы в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: Государственная дума, депутаты, «письма во власть», Первая мировая война.

Одним из наиболее информативных источников для изучения проблемы взаимодействия власти и общества в начале XX века являются «письма во власть»¹. Эти документы уже давно используются исследователями для изучения различных аспектов истории российского общества (преимущественно советского периода!). Эти различные формы обращений во власть отражают колебания общественных настроений и изменения в массовом сознании по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики России. «Письма во власть» в целом

¹ «Письма во власть можно отнести к следующим видам (группам) источников: телеграммы, доклады, записки, указы, приговоры, постановления, резолюции, ходатайства — делопроизводственные документы; жалобы, заявления, петиции (прошения) — частно-публичные документы, а также собственно письма — источники личного происхождения (Виды источников определены по: Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцев М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 255–256).

в последние годы привлекли внимание специалистов при рассмотрении дореволюционного и советского обществ, их языковой культуры, а приветствие как языковой феномен изучается как культурологами, так и лингвистами¹.

Массовый характер писем позволяет исследователю сформировать широкую источниковую базу, попытаться как увидеть общую картину, так и проследить эволюцию представлений граждан о власти. Однако, изучая «письма во власть», не следует забывать о тех задачах, которые пытались решить граждане, обращаясь к власти предредающим. Обращения и приветствия дореволюционного периода вводятся в научный оборот не столь активно. На данный момент не выявлено ни одной работы, в которой бы содержался анализ «писем во власть» в отношении деятельности IV Государственной думы².

¹ См., напр.: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998; Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Отв. ред. С.В. Чешко, сост. и авт. предисл. С.С. Крюкова. М., 2001; Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002; *Тепцов Н.В.* В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям (1929–1933 годы). М., 2002; *Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е — 1950-е гг.). М., 2008; *ее же.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е — 1980-е гг.). М., 2010; Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты». Материалы по социальной истории провинции середины 1920-х годов / Сост. М.В. Каиль, О.В. Кобец; под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2011; Приветственные послания верховному правителю и верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 — ноябрь 1919 г. Сб. документов / Сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб., 2012.

² Исключение составляют работы А.Б. Николаева, где он рассматривает «письма во власть» периода Февральской революции, которые поступали на имя Временного комитета Государственной думы. См., напр.: *Николаев А.Б.* Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля — 3 марта 1917 г.: Дис. ... д. ист. н. СПб., 2005; *его же.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005; *его же.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 2. Также есть работы, в которых анализируются приговоры и указы крестьян, отправленные в Государственную думу I и II созывов: *Степанин В.А.* Указы крестьян Енисейской губернии в революции 1905–1907 гг. // Ученые записки Красноярского педагогического института. 1955. Т. IV. Вып. 1. С. 271–275; *Нильве А.И.* К методике изучения приговоров и указов крестьян, посланных во II Государственную думу // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 174–179; *ее же.* Приговоры и указы крестьян во II Государственную думу // История СССР, 1975. № 5. С. 99–111; *Кузнецов А.А.* Указы сибирских крестьян в I и II Государственные думы // Социально-экономические отношения и классовая борьба в дореволюционной деревне: межвуз. тематич. сб. Калинин, 1979. С. 83–92.

«Письма во власть» как массовый источник выступают своеобразной иллюстрацией жизни населения страны. В то же время это не означает, что такие свидетельства есть абсолютный, полный и единственный источник для изучения массового сознания, с помощью которого можно определить отношение жителей к власти. Письмо, по мнению исследователей, есть «отражение пестрой мозаики повседневности, а также базисных структур национальной психологии и культуры»¹. Как отмечают специалисты, «письма являются своего рода зеркалом менталитета общества»². Они в большей степени — источник повседневной жизни тех, кто обращался к власти, описывая свои проблемы, трудности, высказывая требования, пожелания и просьбы. В Петроград, в Таврический дворец, где размещалась Государственная дума, поступало большое количество телеграмм, обращений, приветствий, в которых полно слов благодарности и восхищения деятельностью народного представительства в годы Первой мировой войны. Точное, и даже примерное, их количество не установлено. Это телеграммы от общественных организаций и собраний, научных и культурно-просветительских обществ, торгово-промышленных объединений, от представителей разных профессиональных групп, сословий и народов, от частных лиц, встречаются также и анонимные послания³.

Изучение этого источника позволяет рассмотреть отношение населения Российской империи к различным мероприятиям власти, политической обстановке в стране, выяснить, что же хотели они от думцев, какие требования выдвигали. Обнаруженные в РГИА в фонде Государственной думы (1278) телеграммы и письма помогут раскрыть образ народного представительства в годы Первой мировой войны, выявить приписываемые ему характеристики, выяснять, поддерживали ли авторы «писем во власть» парламентариев, одобряли ли их действия. В данной статье мы остановимся на тех обращениях, которые поступили в адрес Государственной думы к открытию и возобновлению работ IV сессии (19 июля 1915 г. — 20 июня 1916 г., самая продолжительная сессия в годы Первой мировой войны). Всего выявлено 134 телеграмм, писем и прошений на имя народных избранников и их лидера⁴, 36 из которых были отправ-

¹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 гг. // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 95.

² Там же.

³ В Российском государственном историческом архиве в фонде Государственной думы (1278) «письма во власть» дореволюционного периода содержатся в описи 5 в разделе VII «Прошения, письма, телеграммы организаций, учреждений и частных лиц». Эти документы содержатся в 54 архивных делах (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1189–1242).

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1189, 1194, 1213, 1224, 1229. Также ряд приветствий был выявлен в «Справочном листке Государственной думы». В номере от 13 февраля 1916 г. были опубликованы телеграммы президента (председателя) французской Палаты депутатов П. Дешанеля, главноуполномоченного Всероссийского земского союза князя Г.Е. Львова, главноуполномоченного Всероссийского союза

лены к открытию четвертой сессии Думы, 98 — к возобновлению занятий 9 февраля 1916 г.

Одним из наиболее важных для анализа элементов письма является обращение к адресату. Все обращения и поздравления были адресованы председателю Государственной думы М.В. Родзянко (земец-октябрист¹), но в ряде случаев копии отправлялись и другим лицам. Две телеграммы были обращены к А.Н. Русанову (трудовик²)³, а в обращении Н.Н. Тихановича-Савицкого значилось 10 адресатов: председатель Государственной думы М.В. Родзянко, депутаты кадет П.Н. Милюков, П.Н. Балашев (националист, с авг. 1915 — во главе группы балашевцев⁴), Н.Е. Марков (правый⁵), председатель Совета министров Б.В. Штюрмер, член Государственного совета П.Н. Дурново (правый⁶), публицист «Нового времени» М.О. Меньшиков, редакции газет «Земщина», «Петроградские ведомости», «Русское знамя»⁷.

Попытаемся определить, какой образ Государственной думы создается в телеграммах и письмах граждан Российской империи. Стоит сразу оговориться, что выявленные нами «письма во власть» дают только положительную оценку деятельности Думы и ее председателя, так как именно думцы были способны спасти Россию⁸. Исключение составляет телеграмма председателя Астраханской монархической партии Н.Н. Тихановича-Савицкого, который высказывал неодобрение по поводу речей левых депутатов (включая октябристов), полагая, что последствием критики правительства со стороны думцев станут «всеобщее уныние, растерянность и смута»⁹.

По мнению граждан Российской империи, депутаты Государственной думы — «великие люди», «избранники русских сердец»¹⁰, «муже-

городов М.В. Челнокова, заместителя председателя Центрального военно-промышленного комитета А.И. Коновалова. В номере же № 47 (18 февраля 1916 г.) в разделе «Извещения» представлен список полученных М.В. Родзянко приветствий по поводу возобновления сессии Государственной думы, всего перечислено 20 телеграмм, но тексты самих обращений не приведены.

¹ Николаев А.Б. Родзянко Михаил Владимирович // Государственная дума России: Энциклопедия: в 2-х т. М.; Челябинск, 2013. Т. 1. С. 603.

² Николаев А.Б. Русанов Александр Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 535.

³ Телеграммы от гласных Хабаровской городской думы и Хабаровского отдела Сибирского общества (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1224. ЛЛ. 36, 44).

⁴ Николаев А.Б. Балашев (Балашов) Петр Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 35.

⁵ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Там же. С. 357.

⁶ Шилов Д.Н. Дурново Петр Николаевич // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 87.

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1213. Л. 11.

⁸ Там же. Д. 1189. ЛЛ. 31, 33.

⁹ Там же. Д. 1213. Л. 11.

¹⁰ Там же. Д. 1224. Л. 77.

ственные борцы за свободу»¹, а думский лидер — патриот², чья деятельность «оставит следы исторической важности»³, а его речь 19 июля 1915 г. является «настоящим голосом России»⁴, так как «только возвышенные мысли и чудесное сердце могли позволить ему [М.В. Родзянко] так выступить»⁵. А.И. Коновалов в своей телеграмме видел в Государственной думе «единственную организующую силу, способную в минуту грозной национальной опасности собрать вокруг себя всю энергию, всю силу народную»⁶, а председатель Новочеркасского военно-промышленного комитета полагал, что работа думцев — «могучее и единственное действенное средство, объединяющее всех любящих сынов отчизны»⁷.

На основе анализа поступивших телеграмм можно выделить ряд требований и надежд, которые высказывало население Российской империи: плодотворная и продолжительная работа Государственной думы⁸, разрешение трудностей в снабжении армии, чтобы довести войну до победы⁹, защита общественных организаций¹⁰, помощь в приостановке спекуляций с продуктами питания¹¹, усиление роли Государственной думы в разрешении внутривластных проблем¹², установление гражданских свобод, религиозного и национального равноправия¹³, политическая и религиозная амнистия¹⁴, введение земств на окраинах империи (Сибирь, Дальний Восток, Кавказ)¹⁵, секвестр немецких земель¹⁶, ответственность высших правительственных учреждений перед народными пред-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1224. Л. 158.

² Там же. Д. 1202. Л. 111.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 1224. Л. 9.

⁵ Там же. Телеграмма была отправлена журналистом В.М. Дорошевичем, который высказал сожаление о невозможности «приветствовать» в печати речь председателя Государственной думы.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1224. Л. 191. Телеграмма была подписана А.И. Коноваловым как заместителем председателя Центрального военно-промышленного комитета. На приветствии есть карандашная пометка: «Огласить».

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1224. Л. 128.

⁸ Там же. Д. 1189. ЛЛ. 30, 33; Д. 1202. ЛЛ. 282, 325; Д. 1224. ЛЛ. 5, 6, 12, 18, 19–20, 22, 31, 40.

⁹ Там же. Д. 1224. ЛЛ. 124, 128.

¹⁰ Там же. Д. 1189. ЛЛ. 30, 32; Д. 1194. Л. 246; Д. 1224. ЛЛ. 21, 24, 33, 118. А.А. Клопов в своем письме на имя М.В. Родзянко особо отмечал поддержку публики в стремлении думцев привлечь народ и общество для удовлетворения различных нужд армии (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1213. Л. 7).

¹¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1194. Л. 246.

¹² Там же. Д. 1224. ЛЛ. 29, 113, 158, 179.

¹³ Там же. Л. 33.

¹⁴ Там же. Д. 1202. Л. 283; Д. 1224. ЛЛ. 32, 209.

¹⁵ Там же. Д. 1224. ЛЛ. 4, 31, 33, 34, 35, 44, 107, 133, 145, 195, 208; Д. 1229. Л. 2.

¹⁶ Там же. Д. 1224. Л. 12.

ставителями¹, проведение кооперативного закона², городской и земской реформ³. Небезынтересным представляется требование единения правительства с народными избранниками⁴, а также создание ответственного министерства⁵.

Обращения жителей Российской империи — ценный и перспективный источник, содержащий самые разнообразные сведения по истории Государственной думы. В первую очередь, отметим тот факт, что население страны полностью поддерживало действия народного представительства, именно с ним была связана вера в победу над врагом. Тематика обращений к парламентариям как «сигналов» с мест была достаточно обширна: урегулирование вопросов обеспечения продуктами первой необходимости в военное время, реорганизация правительственного аппарата, расширение прав Государственной думы. С помощью таких источников, как «письма во власть», можно рассматривать образ Государственной думы, который создавался обычными гражданами Российской империи.

¹ Там же. Д. 1224. Л. 31.

² Там же. Д. 1189. Л. 24; Д. 1202. Л. 282; Д. 1224. ЛЛ. 10, 11, 48, 105, 107, 109, 123, 164; Д. 1229. ЛЛ. 1, 2, 3, 4, 5, 9, 10.

³ Там же. Д. 1224. ЛЛ. 31, 44, 113, 208.

⁴ Там же. ЛЛ. 135, 154, 170–171, 202.

⁵ Там же. ЛЛ. 113, 177, 209. В телеграммах говорилось о том, что это необходимо для реализации программы Прогрессивного блока.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ВОЕННЫМ МИНИСТРОМ В.А. СУХОМЛИНОВЫМ И ЛИДЕРОМ ОКтябристов А.И. ГУЧКОВЫМ (1909–1917 гг.)¹

ЕВДОКИМОВ АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры социально-гуманитарных наук

Приволжского исследовательского медицинского университета,

Нижний Новгород, Россия;

e-mail: artemius2014@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается конфликт между генералом В.А. Сухомлиновым и лидером октябристов А.И. Гучковым накануне и в годы Первой мировой войны. Целью статьи является выявление периодизации и причин данного конфликта в контексте политической борьбы внутри российской элиты в данный период. Основными причинами конфликта В.А. Сухомлинова и А.И. Гучкова являлись личная неприязнь, разница во взглядах на политическое устройство России, обоюдная неспособность пойти на компромисс, а также недооценка В.А. Сухомлиновым и частью элиты важности использования прессы как инструмента «информационной борьбы» со своими политическими противниками. Конфликт между военным министром В.А. Сухомлиновым и лидером октябристов А.И. Гучковым являлся ярким свидетельством раскола внутри элиты, который в тех исторических условиях привел к неизбежному крушению самодержавия в 1917 году.

Ключевые слова: В.А. Сухомлинов, А.И. Гучков, Первая мировая война, самодержавие, Временное правительство, конфликт, элита, информационная борьба.

Политическая история России начала XX века, несмотря на большое число исследований, до сих пор содержит недостаточно изученные сюжеты, одним из которых является конфликт между военным министром Российской империи генералом В.А. Сухомлиновым и лидером партии октябристов А.И. Гучковым. Противоборство двух видных представителей политической элиты дореволюционной России выходило за рамки личной неприязни. Актуальность обращения к данному историческому сюжету заключается в том, что на примере данного конфликта мы можем приблизиться к пониманию тех противоречий внутри элиты Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны, которые в итоге привели к падению монархии и Февральской революции 1917 года. Кроме того, привлечение ранее неизвестных источников (прежде всего, архивных материалов) позволяет нам не только выявить этапы и ход конфликта, но и понять логику действий В.А. Сухомлинова и А.И. Гучкова.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Россия накануне великих потрясений: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства», проект № 19–09–00252.

В историографии наиболее изученными оказались биографии и государственная деятельность А.И. Гучкова и В.А. Сухомлинова. Это, прежде всего, работы А.С. Сенина¹, Я.А. Седовой², В.И. Козодоя³ и Е.В. Бея⁴. На наш взгляд, наиболее близко к изучению конфликта между В.А. Сухомлиновым и А.И. Гучковым подошел А.А. Иванов в своей новейшей монографии «„Дело чести“: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917)»⁵. В нашем исследовании будет дана периодизация конфликта между лидером октябристов и военным министром, а также показаны его причины.

Первый этап конфликта длился с 1909 по 1912 годы. В этот период борьба между военным министром и лидером октябристов развернулась вокруг деятельности А.И. Гучкова в Государственной думе и его контактов с чинами Военного министерства, прежде всего с А.А. Поливановым.

Любопытно, что, несмотря на разные политические взгляды, В.А. Сухомлинов и А.И. Гучков одинаково негативно оценивали влияние великих князей на развитие государства. Военный министр писал о них так: «Главного условия для спасения России как военный министр создать я не мог: устранение влияния на управление государством членов царской фамилии... В характере большинства из них были признаки дегенерации, и у многих умственные способности настолько ограничены, что если бы им пришлось вести борьбу за существование как простым смертным, то они бы ее не выдержали»⁶.

Лидер октябристов выражал сходную с В.А. Сухомлиновым оценку деятельности великих князей: «Очень ярко сказалось хозяйничанье великих князей в морском ведомстве, но также и в военном ведомстве в смысле глубокого застоя, невозможности провести новую мысль и новых людей... У меня создалось твердое убеждение: если только не реорганизовать верхи военного ведомства, если не будет предоставлена военному министру полнота управления, свобода действия, зато и полная ответственность, то ничего не выйдет, и мы будем барахтаться в мелких реформах»⁷.

А.И. Гучков поначалу пытался найти общий язык с новым военным министром, раскрывшим ему план предстоящих реформ: «Изложение своей

¹ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.

² Седова Я.А. Великий магистр революции. М., 2006; *ее же*. А.И. Гучков — председатель Государственной думы III созыва // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 2. С. 73–81.

³ Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015.

⁴ Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов: жизнь и деятельность. М., 2016.

⁵ Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018.

⁶ Сухомлинов В.А. Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 213–214.

⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 52–53.

программы он закончил тем, что сказал, что, когда все меры будут проведены, тогда он подойдет к вопросу о личном составе, потому что он [не] удовлетворен личным составом и системой, которая практиковалась, но он тогда сказал, что это вопрос очень трудный, щекотливый и опасный, и у меня получилось впечатление — значит, у тебя ничего не выйдет»¹.

В ходе противоборства В.А. Сухомлинова с лидером октябристов генерал Поливанов действовал на стороне противника военного министра. 16 апреля 1909 г. А.А. Поливанов записал в своем дневнике: «Сухомлинов, вообще, имеет в виду пригласить к себе Гучкова, Крупенского и сказать им, чтобы в Думе поменьше говорили о военных недостатках, так как иначе иностранцы получают много ценных сведений из думских дебатов»². Опасения военного министра имели основания, так как В.Н. Коковцов еще в 1907 г. жаловался П.А. Столыпину, что депутаты оппозиционных фракций, присутствовавшие на закрытых заседаниях Государственной думы, сразу же передавали не подлежащую огласке информацию корреспондентам российских и иностранных газет³.

Генерал Сухомлинов по повелению царя демонстративно не посещал Государственную думу, что вызывало понятное раздражение у А.И. Гучкова. 17 декабря 1909 г. он спрашивал Поливанова, почему накануне «военный министр не воспользовался случаем выступить перед Государственной Думой в такой обстановке, где единогласное согласие было бы обеспечено»⁴.

В.А. Сухомлинов не желал идти на контакт с Государственной думой и отказывался принимать членов думской комиссии государственной обороны⁵. Кроме того, военный министр поставил под угрозу сотрудничество военных с депутатами. Ранее министерство внутренних дел и военное министерство практически не взаимодействовали, однако с 1910 года В.А. Сухомлинов потребовал принимать во внимание донесения секретной агентуры министерства внутренних дел об офицерах. Для их анализа и составления отчета по ним военным министром был приглашен полковник С.Н. Мясоедов⁶.

Вполне естественно, что из-за этого А.И. Гучков в 1910 году решил дать бой В.А. Сухомлинову во время обсуждения сметы военного министерства в Государственной думе. В феврале этого же года лидер октябристов обратился к генералу Поливанову с просьбой «изыскать что-нибудь, чтобы поставить военному министру на вид»⁷. Однако ничего существенного найти не удалось.

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 91.

² Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1906–1916 гг. М., 1924. С. 67–68.

³ Чирков А.А. Военные комиссии в Государственной думе III и IV созывов // Вопросы истории. 2015. № 4. С. 94.

⁴ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 90–91.

⁵ Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов: жизнь и деятельность. М., 2016. С. 162.

⁶ Хутарев-Гарнишевский В.В. Осиное гнездо провокации. Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой // Родина. 2010. № 10. С. 86.

⁷ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 95–96.

Первый этап конфликта закончился для военного министра успешно, так как ему удалось добиться отставки А.А. Поливанова. А у лидера октябристов не получилось дискредитировать В.А. Сухомлинова.

Второй этап конфликта прошел с 1912 по 1915 годы. Ключевым моментом на данном этапе стал скандал вокруг С.Н. Мясоедова и его дуэли с А.И. Гучковым. «Дело Мясоедова» неплохо изучено в историографии, поэтому имеет смысл сказать больше про то, каким образом действовал А.И. Гучков и к чему привела информационная атака на военного министра генерала Сухомлинова. В начале 1912 года деятельность А.А. Поливанова по инициативе военного министра должна была стать объектом расследования С.Н. Мясоедова (на генерала Поливанова поступил донос о том, что он сообщил государственные тайны австрийскому послу). В.А. Сухомлинов рассказал об этом А.А. Поливанову, что чрезвычайно обеспокоило последнего, так как он недавно по личным делам посещал Австро-Венгрию. Генерал Поливанов поделился своими переживаниями с А.И. Гучковым¹. Лидер октябристов, на наш взгляд, нанес по С.Н. Мясоедову и В.А. Сухомлинову упреждающий информационный удар, обвинив их, с одной стороны, в организации политического сыска в армии, а с другой — в том, что именно через них идет утечка секретных сведений к австрийцам.

А.И. Гучков был блестящим мастером PR-технологий². Он как никто другой из современных ему политиков умел создавать информационные поводы для популяризации своей персоны и дискредитации оппонентов. Кроме сенсационных речей с думской трибуны это, например, были вызовы противников на дуэль³.

Источниками информации для информационной атаки на С.Н. Мясоедова стали несколько человек. Подполковник В.С. Боткин, бывший адъютантом у военного министра, в разговоре с А.И. Гучковым сообщил ему об организации политического сыска в армии во главе с Мясоедовым. Как вспоминал лидер октябристов, «я подумал, что, если критики деятельности военного министра мы не добьемся, можно на скандале свернуть ему шею»⁴.

Затем А.И. Гучков в Киеве встретился с командующим Киевским военным округом Н.И. Ивановым, который сообщил ему об утечках информации из Петербурга в Вену, которые перехватываются русской контрразведкой и идут из ближайшего окружения военного министра. Причем генерал Иванов говорил, что не знает, был ли С.Н. Мясоедов передатчиком данных сведений. Лидер октябристов ловко использовал данную информацию в разговоре с В.Н. Коковцовым: «Я думаю опять: надо это использовать. Везу эти сведения к Коковцову. Я ему только не назвал Иванова. Просто

¹ Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 189–190.

² См. о PR-кампаниях, организованных А.И. Гучковым, подробн.: Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Некоторые обстоятельства отставки военного министра Сухомлинова // Вестник СПбГУ. Серия История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 481–496.

³ См. о дуэлях А.И. Гучкова подробн.: Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018. С. 420–477.

⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 94–95.

говору: „из достоверных источников“»¹. А министр финансов и одновременно председатель Совета министров сообщил А.И. Гучкову про Альтшиллера как «главу австрийского шпионажа в Петербурге»².

Далее лидер октябристов пришел к мысли, что «если можно было бы факел, головешку горящую в прессу [ткнуть], а затем в порядке прений можно было бы раскрыть [существо дела]»³. Для этой цели был использован редактор газеты «Вечернее время» Б.А. Суворин. Задумка А.И. Гучкова удалась, как он сам заметил, «эта бомба разорвалась» и «неожиданно произвела скандал»⁴.

По итогам этого этапа цель лидером октябристов была достигнута. В 1912 г. С.Н. Мясоедов был уволен, а через три года пришла очередь военного министра. Через несколько месяцев после казни полковника Мясоедова В.А. Сухомлинов потерял свой пост.

Третий этап конфликта длился с 1915 по 1917 годы. В августе 1915 г. начала работу комиссия под председательством инженер-генерала Н.П. Петрова, которая должна была разобраться в причинах недостаточного снабжения армии, приведшего к ее масштабному отступлению с мая по сентябрь 1915 г.⁵. С начала своей работы из-за влияния лидера октябристов на генерала Петрова комиссия стала исследовать не столько недостатки снабжения армии, сколько занялась поиском компромата на бывшего военного министра. 7 августа 1915 года А.И. Гучков написал письмо М.В. Алексееву, в котором говорил про обращение к нему председателя комиссии Н.П. Петрова «как направить работы к[омис]сии»⁶. А уже 15 августа в беседе с представителями печати инженер-генерал Петров сообщил о получении «весьма ценных материалов» от А.И. Гучкова и Н.В. Савича⁷.

В.А. Сухомлинов был крайне недоволен деятельностью лидера октябристов: «в то время как я, после письма государя совершенно успокоенный, не ожидал ничего дурного и петербургскими сплетнями вообще не интересовался, Варун-Секрет и Гучков, со своей стороны, обслуживавшие моего преемника Поливанова и князя Андроникова, систематично заражали атмосферу, из уст в уста нашептывая утверждение, будто бы я через мою жену получил громадные суммы денег и этим подкупом оплачен, и нахожусь в сговоре с противником, у которого состою главным шпионом»⁸.

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 95–96.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 97.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ См. о деятельности комиссии Н.П. Петрова подробн.: *Евдокимов А.В.* Деятельность комиссии генерала Петрова и арест В.А. Сухомлинова (1915–1916) // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 50. С. 168–189 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk_50._ijun_2015_g./iz_istorii_upravlenija/evdokimov.pdf

⁶ РГВИА. Ф. 55. Оп. 3. Д. 5. Л. 69.

⁷ Русское слово. 1915. 16 августа

⁸ *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 274–275.

Бывший военный министр в последующие месяцы все больше осознавал шаткость своего положения и пытался обратиться к Государю с целью показать пагубность деятельности А.И. Гучкова. Для этого В.А. Сухомлинов написал две записки, адресованные монарху, где генерал попытался объяснить причины своих конфликтов с рядом влиятельных лиц, включая лидера октябристов.

В первой записке В.А. Сухомлинов писал: «Генерал Поливанов в этой интриге вместе с Гучковым работает за кулисами в самый разгар войны, удовлетворяя свою личную жажду мести и содействуя Гучкову в его антидинастической кампании, им и его единомышленниками давно подготовляемой. Орудиями для этой борьбы искусно избраны и использованы в[еликий] кн[язь] Николай Николаевич, председатель Гос[ударственной] думы, Прогрессивный блок и соответствующие партии законодательных палат»¹.

А вторая записка имела заглавие «А.И. Гучков и военное ведомство». В ней бывший военный министр развил изложенный выше вывод по поводу деятельности лидера октябристов: «Съездив в Китай, Турцию и Португалию и изучив на месте способы и приемы переворотов в разных странах, а также бывшие у нас военные бунты во Владивостоке, Севастополе и Кронштадте и дождавшись такого благоприятного времени, как война, Гучков начал действовать. Под флагом Красного креста он направился в армию, где работал вместе со своим единомышленником генералом Поливановым. Решено было воспользоваться тем влиятельным положением, которое занял верховный главнокомандующий, по отношению ко всем делам страны. Его императорское высочество убедили, что Маклаков, Сухомлинов, Щегловитов и Саблер, как неудобные Государственной думе, должны быть убраны, ибо нужен сдвиг правительства влево на соединение с народом, через его представителей, только тогда верховный главнокомандующий может быть покоен, что в стране беспорядков не будет и за тыл ему опасаться не надо»².

Однако, по всей видимости, эти записки не убедили Николая II прекратить деятельность комиссии Н.П. Петрова. В апреле 1916 г. бывший военный министр был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, а с октября того же года переведен под домашний арест, где и встретил Февральскую революцию. Сразу после свержения самодержавия Сухомлинов был арестован и снова помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, также как и его супруга Е.В. Сухомлинова³. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, созданная 5 марта 1915 года, должна была расследовать «преступления» министров и других влиятельных лиц «старого режима»⁴.

¹ РГИА. Ф. 1363. Оп. 7. Д. 1937. Л. 8.

² Там же. Л. 62 об.

³ Славнитский Н.Р. Арест и заключение военного министра В.А. Сухомлинова // История в подробностях. 2014. № 6 (48). С. 38.

⁴ Лукьянов И.В. Наказанные без вины: Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства и ее подследственные // Власть, общество и реформы

«Дело Сухомлинова» во многом стало подарком для новой власти. В марте 1917 года А.И. Гучков ненадолго стал военным и морским министром. В это же время близкий к А.И. Гучкову журналист А.И. Ксюнин опубликовал в газете «Вечернее время» большую статью под названием «Мясоедовщина», где ярко описывались шпионский характер окружения генерала Сухомлинова и его связи с Мясоедовым и Альтшиллером¹.

Во время судебного процесса по «делу Сухомлинова» лидер октябристов выступил в качестве свидетеля. Его показания на суде являлись ценными, так как обозначили отсутствие реальных оснований для тех обвинений, которые предъявлялись полковнику Мясоедову и самому военному министру. На вопросы защиты В.А. Сухомлинова об источниках сведений о шпионах в окружении военного министра А.И. Гучков отвечал весьма неохотно и отказался назвать своего осведомителя в Киеве². Случай с Альтшиллером, якобы смотревшим бумаги на столе министра лидеру октябристов сообщал подполковник В.С. Боткин³, который был вызван в качестве свидетеля, но на суд не явился.

Кроме того, из показаний А.И. Гучкова выяснилось, что сведения о том, что В.А. Сухомлинов назначал бездарных людей, свидетелю сообщили «молодые полковники и подполковники, кружок офицеров, кот[орый] составлял историю Русско-японской войны»⁴. А источниками сведения об Альтшиллере для него стали «преимущественно члены Гос[ударственной] думы и друг[ие] общественные деятели», среди которых он упомянул П.Н. Крупенского и А.И. Савенко⁵, которые, как и В.С. Боткин, отсутствовали на суде.

Третий этап конфликта завершился для А.И. Гучкова победой, а для бывшего военного министра — поражением, от которого он до конца жизни так и не смог оправиться.

Проведенный анализ изучаемого вопроса показал, что причинами конфликта стали: 1) личная неприязнь; 2) различные взгляды на политическую систему России; 3) обоюдная неспособность пойти на компромисс; 4) недооценка В.А. Сухомлиновым и близкой к монарху части элиты важности противодействия информационным ударам своих противников. Конфликт между военным министром В.А. Сухомлиновым и лидером октябристов А.И. Гучковым являлся ярким свидетельством раскола внутри элиты, который в тех исторических условиях привел к неизбежному крушению самодержавия в 1917 году.

в России в XIX — начале XX в.: исследования, историография, источники. СПб., 2009. С. 226.

¹ Вечернее время. 1917. 8 и 9 марта.

² РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 144. Л. 3.

³ Там же. ЛЛ. 7–8.

⁴ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 144. Л. 21.

⁵ Там же. Л. 21 об.

ПРОЕКТ ДУМЫ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО: ЧИНОВНИКИ О V ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

МАЛЫШЕВА ОЛЬГА ГЕРАЛЬДОВНА,

доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории
Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: malysheva_o56@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются планы правящей элиты по подготовке к созыву пятой Государственной думы Российской империи с учетом предшествующего опыта; верховная и исполнительная власть по-прежнему пыталась держать под контролем выборы и влиять на формирование депутатского корпуса.

Ключевые слова: Государственная дума, исполнительная власть, правящая элита, избирательные кампании.

В середине 1916 г. по мере приближения окончания полномочий Государственной думы четвертого созыва в верхнем эшелоне власти нарастало напряженное ожидание: какой она будет, V Государственная дума, и как не допустить ее радикализации? Озабоченность представителей государственной элиты вполне понятна: ситуация в стране была сложная — шла Первая мировая война, которая, вопреки расчетам, сильно затянулась, ухудшалась экономическая ситуация, обусловленная войной, кроме того, вызревал и все больше давал о себе знать системный кризис в империи. В этой ситуации для власти особенно важно было не допустить формирования Государственной думы, действия которой усугубляли бы все эти проблемы.

За плечами представителей исполнительной власти к этому времени уже был опыт проведения четырех избирательных кампаний, результаты которых не во всем устраивали власть. Невзирая на использование различных административных методов и приемов, состав двух первых Дум был крайне оппозиционным, что стало причиной их досрочного роспуска, и даже изменение избирательного закона (3 июня 1907 г.) с целью создания искусственного перевеса в пользу дворянства не сильно изменило ситуацию.

Именно этим были продиктованы попытки чиновников высшего уровня не просто основательно подготовиться к выборам в V Государственную думу, но и спрогнозировать ее состав и в ходе избирательной кампании добиться осуществления задуманного. Эти амбициозные замыслы требовали серьезной подготовительной работы.

С этой целью уже 24 июня 1916 г. начали работу секретные заседания государственных чиновников высшего звена. Материалы этих совещаний с грифом «Совершенно доверительно» стали основой для написания статьи¹.

¹ ГА РФ. Царскосельская коллекция. Ф. 627. Оп. 2. Д. 16. ЛЛ. 2–5.

Полный состав участников этих совещаний нам неизвестен, но совершенно точно (об этом есть пометки на документах) в нем участвовали: Борис Владимирович Штюрмер, в то время председатель Совета министров и министр внутренних дел одновременно; Бобринский Алексей Александрович, член Государственного совета, сенатор, товарищ министра внутренних дел, одновременно председатель совета Русско-Английского банка; Гурлянд Илья Яковлевич, в недалеком прошлом правая рука П.А. Столыпина, ныне чиновник Министерства внутренних дел, одновременно редактор частной газеты «Родина», которая поддерживалась правительством. Как видим, в обсуждении этого стратегически важного вопроса как минимум участвовали представители власти, наделенные весьма внушительными административными полномочиями, представители бизнеса, и, как мы сегодня бы сказали, средств массовой информации. Такой расклад, несомненно, свидетельствует о серьезных настроениях и намерениях представителей правящей элиты в борьбе за состав будущей Думы.

В первую очередь участники совещания обсудили вопрос о том, «нужно допустить новые выборы в Государственную думу, или удобнее продлить полномочия нынешних избранников?». Показательно, что представители исполнительной власти без всякого смущения обсуждают вопрос о том, что делать с властью законодательной. По их мнению, «для правительства выгоднее осуществить выборы ныне же, во время войны, так как главная сила третьего элемента участвует в различных военных организациях...»¹.

При этом, понимая, что «нежелательные элементы» способны сорганизоваться перед выборами, они предлагали распространить слух о том, что правительство намерено продлить полномочия народных представителей. Одновременно правительство намеревалось «усиленно готовиться к предстоящим выборам». Главной задачей исполнительной власти в этой связи становилось противостояние, а если получится, то и дискредитация общественных организаций (Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, Земгора и др.), всерьез заявивших о себе в годы Первой мировой войны. Чиновники здраво полагали, что после окончания войны, «когда все крайние элементы будут снова свободны, новые выборы дали бы весьма левый состав Думы»².

На совещании, как в штабе подготовки к будущим выборам, всерьез обсуждался план действий. Прежде всего, по мнению чиновников, следовало провести ревизию общественных организаций. Авторы этой инициативы понимали, что реализация ее весьма затруднительна ввиду того, что эти организации разбросаны по всему государству, во-первых; во-вторых, «сосредоточием их деятельности является фронт..., куда вряд ли будут допущены ревизоры»³.

Несмотря на заранее прогнозируемый результат, который вряд ли мог быть ощутимым, «ибо такие злоупотребления, как, например, незаконное освобождение евреев от воинской повинности, практикуемое широ-

¹ ГА РФ. Царскосельская коллекция. Ф. 627. Оп. 2. Д. 16. Л. 4.

² Там же.

³ Там же.

кой рукой в учреждениях Союза Земств и Городов, вряд ли могут быть с достаточной документальностью установлены», ими предполагалось заручиться поддержкой верховной власти в плане оказания давления на эти организации.

Авторы плана подготовки к контрдействиям общественности накануне выборов. Важную роль в реализации их планов должна была сыграть правая печать. Представители исполнительной власти из опыта предыдущих избирательных кампаний понимали важность периодической печати в борьбе за российского избирателя. Надо сказать, что представители правых партий не вкладывали средства в партийную пропаганду, что существенно снижало их рейтинг на фоне кадетской и даже октябристской партии.

Основоположником практики отсекаания оппозиционных кандидатов в депутаты Думы еще на этапе выборов был П.А. Столыпин. Он понимал, что в условиях «думской монархии» будет невозможно использовать только запретительно-ограничительные меры. Следовало искать и осваивать парламентские методы борьбы за голоса избирателей с тем, чтобы добиться такого состава депутатского корпуса, который был бы способен сотрудничать с властью. При нем было выработано три направления пропагандистско-агитационной деятельности, которую и развернуло правительство в ходе предвыборной кампании еще во вторую Думу.

Во-первых, серьезное внимание было уделено изданию брошюрной литературы информационно-пропагандистского характера, в которой разъяснялась избирателям суть программных установок проправительственных партий и их политических противников. Основное внимание в этих брошюрах было сконцентрировано на дискредитации политических противников исполнительной власти, содержался компромат на лидеров оппозиции. Заметим, что порой этот, с позволения сказать, «компромат», был явной выдумкой и осуждался даже современниками.

Вторым направлением агитационно-пропагандистской работы стало оказание материальной помощи газетам правого толка, что означало, фактически, их субсидирование. В 1907 г. из особого кредита «на восполнение частным периодическим органам печати» были выданы субсидии таким периодическим изданиям правого толка, как «Голос Рязани», «Могилевский вестник», «Набат» (Симферополь), «Русский Север» (Вологда), «Среднеазиатская жизнь» (Ташкент), «Молдаванин» (Кишинев), «Севастопольская газета» и многим другим¹. Показательно, что, вручая через губернаторов или других лиц редакторам провинциальных изданий правого толка 2–3 тысячи рублей в месяц, от них не требовали никаких отчетов в расходовании этих средств. Вместе с тем правительство не питало особых иллюзий в отношении возможности ведения ими информационной войны против изданий либерального направления.

Позднее В.Н. Коковцов, сменивший Столыпина на посту премьер-министра, изучая вопрос целесообразности субсидирования местных периодиче-

¹ См.: Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997. С. 80.

ских изданий правой направленности, пришел к выводу, что «на подготовку выборов местная консервативная пресса, довольно щедро поддерживаемая правительством в отдельных губерниях», имела влияние, равное нулю, «ибо никто таких газет не читает»¹. Невзирая на это, практика «подпитки» угодных изданий существовала вплоть до падения самодержавия.

Третьим направлением стала попытка Столыпина придать газете «Россия» статус серьезного официального правительственного издания. Это свидетельствовало о понимании властью необходимости воздействия на умонастроения избирателей через авторитетный центральный печатный орган. Начинание на этом этапе осталось unrealized.

Несмотря на титанические усилия, предпринятые правительством и местной властью в лице губернаторов, существенно повлиять на партийный и персональный состав Государственной думы на этапе выборов не удалось. Однако это ничуть не остановило представителей правящей элиты при подготовке к выборам в пятую Государственную думу. Напротив, власть однозначно сделала ставку на финансовую поддержку правых по самому широкому спектру: от предвыборной агитации до издания печатной предвыборной литературы.

На совещании представителей высшей элиты обсуждались конкретные (заметим, немалые) суммы, которые следовало выделить на эти цели. В целом на предвыборную агитацию по представлению участников секретных совещаний «...средства будут распределяться товарищем министра по соглашению с начальником Главного управления по делам печати между правыми и националистами и, отчасти, правыми октябристами. Потребуется около 5 000 000 рублей, из коих два миллиона, и даже свыше, должно быть отпущено из казны, 2–3 миллиона может быть получено от банков. Полученные средства, по мнению высших чиновников, должны быть направлены на организацию предвыборной борьбы»². Удивление вызывает то обстоятельство, что в бюджете страны, изнуренной затянувшейся войной, планировалось выделять немалые суммы на поддержку правой печати.

Что касается средств, планируемых выделить на поддержку правой печати, предполагалось организовать издание памфлетной литературы (по примеру предыдущих кампаний, в том числе таких изданий, как «Правда о кадетях» и т.д.). Заметим, что один из участников этого совещания, Гурлянд, был организатором и автором такого рода памфлетов при П.А. Столыпине.

Сверх того, «организаторы будущих выборов» предлагали обратить внимание на «необходимость заготовления списков с отметкой о лицах, кои губернаторы не должны пропускать в следующую Думу». Напомним, что такая практика активно использовалась уже на выборах в IV Государственную думу.

По воспоминаниям В.И. Гурко, правительство при выборах в IV Государственную думу не ограничивалось поддержкой тех или иных пар-

¹ См.: *Кокцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 91.

² ГА РФ. Царскосельская коллекция. Ф. 627. Оп. 2. Д. 16. Л. 4.

тий, а еще всматривалось в выставляемых ими или поддерживаемых ими отдельных кандидатов. Тех из них, от кого могла последовать критика в адрес правительства, — старательно устраняло. Правительству, по его наблюдению, нужна была не государственно мыслящая, преданная существующему строю независимая палата, а послушная толпа клеветников. По его сведениям, властью в Петербурге был старательно рассмотрен список членов третьей Государственной думы, и тех из них, которые проявили наибольшую энергию и вместе с тем осмеливались порой высказывать свое неодобрение тем или иным принимаемым правительством мерам, правительство решило не допустить в четвертую Государственную думу. Такими лицами оказались лидер октябристов А.И. Гучков, год исполнявший обязанности председателя III Государственной думы, затем возглавлявший комиссию по обороне; кн. П.И. Шаховской, сменивший Гучкова на посту председателя этой комиссии; П.В. Каменский, поднявший в III Думе столь неприятный для правительства вопрос о сдаче в аренду заключающих в недрах каменноугольные залежи земель в Александро-Свирской церкви Екатеринославской губернии. Попал в этот список и сам В.И. Гурко¹.

При обсуждении вопросов о подготовке к выборам в V Думу затрагивался и вопрос о разработке нового положения о выборах, в котором, должна быть установлена «техника разделения выборщиков на курии». Сказанное не оставляет сомнения в том, что правящая элита, как и прежде, стремилась обеспечить необходимый для себя результат выборов в Думу до избирательной кампании. Особую заботу правительства, по их мнению, «должен составить вопрос о цензах для желательных кандидатов». «Очень важно, — отмечали члены совещания, — ныне же, безотлагательно, с соблюдением конечного срока озаботиться созданием имущественных цензов для тех лиц, присутствие которых в составе Думы признается правительством желательным». Вышесказанное явно свидетельствует о том, что выборы и, главное, их результаты планировалось запрограммировать и «сделать» еще до их проведения².

Помимо этого, участники этого совещания практически «распиливают» места в будущей Государственной думе пятого созыва. Они, в частности, утверждают, что «состав будущей Думы должен быть приблизительно следующим: 80 крестьян, до 50 мест для инородцев, для банков 50–70 мест (здесь под флагом отдельных банков пройдут и торгово-промышленные круги), остальные (около 300 мест) придутся на интеллигенцию.

Особая роль отводилась в этом плане православному духовенству. Идеологи предстоящей избирательной кампании серьезно надеялись на поддержку православного духовенства. При этом, духовенство должно быть использовано в качестве выборщиков. Для доведения числа священников до указанной нормы (80 человек) надлежит произвести

¹ См.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 620–621.

² См.: ГА РФ. Царскосельская коллекция. Ф. 627. Оп. 2. Д. 16. Л. 3.

на духовенство сильный напор как на избирателей и выйти за сим к соглашению относительно выборов»¹.

Надо сказать, что православное духовенство принимало активное участие в политической жизни страны в начале XX в. Представительство депутатов от Русской православной церкви неуклонно росло от Думы к Думе. Так, если переводумцами было только 6 священников, то в Думе четвертого созыва их было уже 46. И, как видим, в следующем созыве число их планировалось существенно увеличить. Это можно объяснить тем уровнем отношений, которые сложились к этому времени между светской и духовной властью.

Правительство, в ходе предыдущих выборов убедившееся в его «лояльности», использовало духовенство в качестве инструмента для «делания выборов». Выборщиков от священников либо объединяли в один съезд с мелкими землевладельцами, где их голоса существенно влияли на результаты голосования, либо собирали их отдельно и с их помощью проводили проправительственного кандидата или проваливали неугодного. Готовность духовенства услужить власти существенно подрывала шансы на победу левых сил и части октябристов, что вполне устраивало правящую элиту.

Власть весьма устраивало и то, что представители духовенства, помимо прочего, выступали в поддержку монархии и против раздражающего власть инородческого элемента. Протоиерей отец Дмитрий Успенский (Ковенская губерния), в частности, четко сформулировал требования к депутатам Государственной думы, среди которых были следующие: избранник должен быть «чисто русского происхождения»; он должен быть человеком, преданным святой православной вере, любящим царя и наше великое православное отечество; он должен быть совершенно независим материально от местных инородцев.

В результате возросшая сплоченность дворян-помещиков, пассивность мелких землевладельцев, возросшая избирательная активность православного духовенства и правительственные манипуляции превратили землевладельческую курию в дворянскую².

Для достижения желаемых результатов правящая элита предполагала использовать так называемый «административный ресурс». Власть даже не скрывала, что предстоящие выборы «должны вести губернаторы, которым на помощь было бы желательно привлечь непременно ... членов по земским и городским делам»³.

В качестве заключительной рекомендации было озвучено: «в видах объединения министров в деле организации выборов представляется желательным, чтобы при назначении новых выборов всем министрам в отдельности или всем вместе было с высоты престола внушено, что им

¹ ГА РФ. Царскосельская коллекция. Ф. 627. Оп. 2. Д. 16. Л. 5.

² См. подробн.: *Мальшиева О.Г.* Избирательная система и практика России в период думской монархии. 1905–1917. М., 2018. С. 218–219.

³ ГА РФ. Царскосельская коллекция. Ф. 627. Оп. 2. Д. 16. Л. 5.

надлежит быть заодно с председателем Совета министров, который имеет по сему предмету высочайшее указание»¹.

Подведем итог. К завершению сроков полномочий Государственной думы четвертого созыва правящая элита имела за плечами более чем десятилетний опыт сосуществования (порой переходящего в конфронтацию) с российским парламентом. Можно предположить, что опыт этот подсказывал исполнительной власти необходимость сделать все возможное для ослабления позиций потенциального оппонента. Иначе трудно объяснить то, что в условиях военного времени, нарастающего внутреннего кризиса представители правящей элиты «конструировали» управляемый состав V Государственной думы.

Планам этим не суждено было осуществиться. При этом не вызывает сомнений, что планы власти по подготовке к избирательной кампании в V Государственную думу свидетельствуют, с одной стороны, о так и не состоявшемся конструктивном диалоге и сотрудничестве исполнительной и законодательной власти на завершающем этапе существования Российской империи, с другой — о явном намерении исполнительной власти держать верховенство над властью законодательной, определяя всеми возможными способами будущий состав депутатского корпуса. Последующие события 1917 г. не оставили шансов на осуществление этих проектов.

¹ Там же.

Таврические чтения 2018

Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность

Международная научная конференция

Часть первая

Дизайн обложки и иллюстраций *Г.В. Метеличенко*
Компьютерная верстка ЦНИТ «Астерион»
Корректор *Е.С. Русанова*

ЦНИТ «Астерион».
Подписано к печати 04.12.19. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 23,44. Тираж 200 экз. Заказ № 184.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70
e-mail: asterion@asterion.ru <http://www.asterion.ru>
https://vk.com/asterion_izdatelstvo